

BAND 18

1986

**WIENER
SLAWISTISCHER
ALMANACH**

HERAUSGEBER

Aage A. Hansen-Löve
Tilman Reuther

REDAKTION

Literaturwissenschaft:

Aage A. Hansen-Löve

Sprachwissenschaft:

Tilman Reuther
Gerhard Neweklöwsky

EIGENTÜMER UND VERLEGER

Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien (Wien)

REDAKTIONSADRESSE

Institut für Slawistik der Universität Wien,
A-1010 Wien, Liebiggasse 5, Tel. (0222) 4300-2934

ERSCHEINUNGSWEISE

zweimal jährlich

DRUCK

Offsetschnelldruck Anton Riegelnik
A-1080 Wien, Piaristengasse 19

I N H A L T

AUFSÄTZE

A.FLAKER (Zagreb), Vjačeslav Ivanov, "Kočevniki krasoty"	5
J.FARYNO (Warszawa), "Buzina" Cvetaevoj	13
J.A.BARNSTEAD (Halifax, Canada), Mandel'stam and Kuzmin	47
W.KOSCHMAL (München), Mythos, Folklore und Theater der Avantgarde: A.I.Vvedenskijs "Elka u Ivanovyč"	83
F.B.POLJAKOV (Köln), Zamečanija k nekotorym russkim narodnym predstavlenijam ob ikone	107
R.MALER (Klagenfurt), O jeziku "Kandora" (1800) Atanasija Stojkoviča	115
I.NYOMÁRKAY (Budapest), Die ungarischen Vorbilder der kroatischen Spracherneuerung (Beiträge zum Wortschatz der Verwaltung und des Rechts)	233
B.A.PLOTNIKOV (Minsk), Meaning, Word Combination and Statistics	251

TEXTE UND MATERIALIEN

P.HESSE (Basel), Neue Cvetaeva-Handschriften der Basler Universitätsbibliothek	263
--	-----

Александар ФЛАКЕР (Загреб)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ, "КОЧЕВНИКИ КРАСОТЫ"

Кочевники красоты - эки, художници.

(Пламенници)

Вам - пращуров деревња
И кладбищ теснота!
Нам - вольные кочевья
Судила красота.

Вседневная измена,
Вседневный новый стан:
Безвыходного плена
Блуждающий обман.

О, верьте далее чуду
И сказке всех завес,
Всех весен изумруд,
Всей широте небес!

Художники, пасите
Грез ваших табуны;
Минуя, всколосите -
И киньте - целины!

И с вашего раздоля
Низриньтесь вихрем орд
На нивы подневоля,
Где раб упрягом горд.

Топчи их рай, Аттила,-
И новью пустоты
Взойдут твои светила,
Твоих степей цветы!

[1904]

Текст Вячеслава Иванова "Кочевники красоты" принадлежит к разряду стихотворных текстов, рефлектирующих тему искусства. Тему стихотворения определяет его заглавие, причем эпитафия сразу же приводит сравнение, на котором построена метафора заглавия. Однако текст, на который ссылается автор - это не общеизвестный литературный текст, и только из примечаний к стихотворению читатель узнает, что эпитафия заимствована из текста домашнего обихода: неопубликованного романа Л.Д. Зиньковой-Аннибал. Заглавие цитированного в эпитафии текста своей поэтичностью и с пропуском имени автора "Пламенников" представляет таким образом неотъемлемую часть структуры текста, несколько не

нарушая его словесный состав.

Тема метафорического заглавия, разгаданного в эпитафье, развивается на протяжении всех шести строф, причем уже непосредственное обращение к художникам в эпитафье создает тот семантический жест, на котором строится весь текст. Если в эпитафье кто-то из "Пламенников" обращается к художникам, то в самом авторском тексте позицию обращающегося перенимает лирический субъект стихотворения, но не только дающий им метафорическое наименование, а охватывающий все безмерное пространство их деятельности и повелевающий художникам. Из шести строф четыре строятся на глаголах в повелительном наклонении: *верьте, насите, всколосите, низриньтесь, топчи*, причем эта императивность относится к художникам как кочевникам, и в последней строфе - к персонификации несокрушимой силы кочевников - Аттиле, разумеется, Аттиле будущего. Ведь только в этой, заключительной строфе повелительное наклонение сменяет будущее время (*возойдут*) и лирический субъект, уже возвышенный над миром, принимает на себя роль пророка, повелевающего разрушение и предсказующего (эстетическое) возобновление - все по принципу "исторического чадородия" присущего ивановской категории "пророчествования"¹.

Вячеслав Иванов в "Кочевниках красоты" не возобновляет модель программного стихотворения, созданную равным русским символизмом. В его тексте нет обращения к индивидуальному адресату, как в брясовском тексте обращенном "Юному поэту" (1896), нет также внушения новых эстетических запретов (у Брюсова: "не живи настоящим", "никому не сочувствуй"), понятного из ситуации оттапливания от злободневности и этической аксиологии русского реализма.

"Кочевники красоты" зарождаются в обстановке уже символизмом завоеванных эстетических и эстетизирующих позиции и в программной назидательности не нуждаются. Лирический субъект обращается к коллективному адресату и провозглашает принцип вольного движения искусства, предсказывая а не прописывая его будущее, причем структура "Кочевников красоты" выделяется среди других ивановских текстов, рефлектирующих тему искусства, отсутствием частых ссылок на древние мифы и меньшей густотой символики, затрудняющей восприятие текста. Развивая тему, заданную

заглавием и эпиграфом, Иванов пользуется относительно простым кольцевым построением текста. Первая строфа определяет тему и строится на четкой оппозиции двух миров: мира художников и, ближе не определяемых, не-художников. Вторая и третья строфы развивают тему красоты, и определяют основное содержание понятия. Четвертая и пятая строфы строятся всецело на сравнении художники-кочевники, и исходя из этого сравнения, развивают метафорический ряд, посвященный динамическому началу искусства, причем в пятой строфе повелительность и динамика постигают свой климакс и находят полное выражение в метафорическом ступке и затрудненном державинском консонантизме и односложности последнего стиха. Стих *Где раб упрягом горд* привлекает кроме того внимание нестандартным словом *упряг*, и почти катахретической "гордостью" раба *упрягом* - в его *подневольи*. После этого семантического и звукового ступка может наступить распряжение: Иванов замыкает кольцо призывным обращением к носителю кочевности, окончательным опровержением нехудожественного мира и "пророчествованием" всепобеждающей силы искусства, при чем снова надо обратить внимание на катахресе подобное метафорическое сочетание *новь пустоты*, из которой уже может взойти символический свет и красочность художественного мира.

Определение красоты во второй и третьей строфах только метафорой *нового стана* связано с темой кочевья. Красота в понимании Иванова и в этом тексте - понятие, лежащее вне сферы познаваемой и ощущаемой действительности, это - *блуждающий обман*, это - (мистических в словаре символизма) *далее чудо*, это - *сказка всех завес*, отделяющих реальное от "реальнейшего" пространства (ср. "Снилось мне: сखозит завеса / Меж землей и лицом небес". "Beethoveniana", 1904), это - явление всепоглащающее в отношении к пространству и времени (*вседневная измена, вседневный новый стан, всеж весен изумруд, вся широта небес*), при чем ее символами в конкретном, материальном мире являются прозрачные кристаллы *изумруда* (см. "цвет лугов весны" - изумруд в "Рокотах лирных" цикла "Прозрачность"), а в последней строфе - традиционный эстетический знак *цветов*. Лексика, символами определяющая понятие красоты, не появляется в строфах, развивающих заглавием заданную метафору, если не считать метафорическое сочетание *грез*

ваших табуны, деконкретизирующее снова весь метафорический ряд, связанный с понятием кочевников, и дополняющее *грезами* семантический ряд *обман - чудо - сказка - грезы*, восходящий к общей установке символизма на другую, трансцендирующую все "земное" - эстетическую действительность. Надо также подчеркнуть, что абстрактно-символические определения красоты не связывают тему стихотворения с каким-либо определенным видом искусства, так что понятие "художников", именно так - во множественном числе - подразумевает любую эстетическую деятельность, выводящую воспринимającego в мир обмана, чудес, сказок и грез, и открывающую ему безмерные пространства, не совпадающие с евклидовскими понятиями - обозначенные в тексте "Кочевников" неоднократно Ивановым применяемым знаком *раздолья*, в русском языке традиционным определением открытого, вольного пространства.

Этому - эстетическому миру противопоставлен уже в сжатых символических формулировках первой строфы мир, обозначенный *пращуров деревьями* и *кладбищ теснотой*, в пятой строфе у рифма особенно выделяет оппозицию *раздолья - подкеголья*, и уже в заключительной строфе в сущности разгадывается сперва таинственный символ *пращуров деревья* как *их рай*, т.е. 'не наш рай', не рай искусства и красоты. В таком "раю" могут расти *пращуров деревья*, отвергаемые подвластными красоте вольного пространства.

"Кочевникам красоты" предшествует стихотворение *Нарцисс. Помпейская бронза*, которое в сущности не субституирует произведение изобразительного искусства, а дает новое толкование мифа, исходящее из некоторых хотя бы положений, высказанных молодым Андре Жидом в его *Le Traité du Narcisse* (1891)². Именно по-этому позволяем себе в связи с ивановским отвержением *их райа*, вместе с *пращуров деревьями*, привести высказывания Жиде. В понимании французского писателя рай - это замкнутое пространство: "Le Paradis n'était pas grand; parfaite, chaque forme ne s'y épanouissait qu'une fois; un jardin les contenait toutes"; оно неподвижное: "Tout demeurait immobile, car rien ne souhaitait d'être mieux"; это пространство, в котором символы невозможны: "où chaque chose était ce qu'elle paraissait; où prouver était inutile", "où la rose était rose", именно так, как несколько лет спустя, сопротивляясь поэтике символизма, потребуют акмеисты.³ В центре этого

пространства стоит Адам, которому не дано видеть себя самого, и только, ломая ветку "логарифмического дерева Игдрасиль", приводит наш *працур* это замкнутое в своем совершенстве пространство в движение:

"Un geste, un petit geste, pour savoir, - une dissonance, que diable! -Eh! va donc! un peu d'imprévu". (A. Gide, *Romans, Récits et Soties. Oeuvres lyriques, Pléiade, Paris 1966, pp. 5-6*).

К уничтожению такого недвижимого и совершенного рая призывает лирический субъект шестой строфы: "Топчи их рай, Аттила, -"!

"Тесноте" не только кладбищ, но и рая противостоит с первой строфы метафора *вольных кочевий*, вольного перехода из одного пространства в другое, *широты, раздолья, вишня*, и именно эти понятия связывают семантический ряд "искусства" с рядом "кочевности". Искусство в концепции Иванова - это вольное движение, обладающее освобождающей силой, равной стихии, что особенно подчеркивается в пятой строфе, в которой движение искусства обозначено стремительным движением сверху вниз (*низриньтесь... на нивы*), освобождающим человека от принятого им рабского состояния. Для Иванова-мыслителя "нисхождение - возврат и благовестие победы" и "поглощение частного общим".⁴ Однако, для последнего удара нужна в ивановской концепции движения индивидуальная воля, и вследствие такой концепции у коллективных художников-кочевников должен появиться вождь. Имя его, разумеется, Атиллы!

В связи с появлением имени вождя гуннов, надо заметить, что кочевники до появления этого имени признаками варварства не обладают. Напротив, весь семантический ряд, связанный с земледелием (*всколосите... целины, нивы, новь*) даже как будто дает их деятельности признаки стремительного, но в сущности культивируемого движения - творчества. Конотацию варварства вызывают только две первые строки последней строфы, но тут же надо учесть, что читатель, читающий текст после 1905 г. воспринимает призыв Атиллы на фоне цитаты из "Кочевников красоты", ставшей эпиграфом к получившему более широкое распространение Брюсовскому тексту "Грядущие гунны". Брюсовский текст можно считать встречным по отношению к тексту Вячеслава Иванова. Лексический ряд, относящийся к кочевникам у Брюсова родственен ивановскому, но у него *орда* становится "тяжелой", *становия* - "темными", а кочевники-

гунны превращаются уже в "невольников воли". Появляется у Брюсова и ивановское *всколосите*, но в сочетании с "веселым полем / На месте тронного зала". Разумеется, брясовские гунны - это уже не символ движения искусства, а наступающего варварства, несущего "грозу разрушений". Однако, брясовская перекодировка "кочевой" метафоры стала парадигматической - после гуннов появились скифы, появилась и стенная бурлюковская и хлебниковская Гилея - призыв к варваризации искусств перенял авангард.

В сравнении художники-кочевники заложено не только понимание искусства, как вольной и освобождающей от "тесноты" и "рабства" силы, но и постоянной перемены в самом процессе художественной деятельности. Ведь *Красота* у Иванова, это -

"Вседневная измена,
Вседневный новый стан,"

причем книжное слово *вседневный* не может принять в словарном толковании, как "ежедневный, обычный"⁵, и читаем его в значении 'постоянного', 'всегда присущего' - имманентного красоте качества измены самой себе, перемены, низвержения, вращения на месте "их рая" - *ее* светил, *ее* цветов.

Метафорой Вячеслава Иванова воспользовался позже Шкловский, когда, исходя из своего понимания литературного процесса, как постоянной смены одних форм другими, объяснял появление ремизовской прозы. Приводим выдержку из текста *Зоо или письма не о любви* (1924):

"Сам Ремизов тоже Алексей Михайлович. Говорил он мне раз:

- Не могу я больше начать роман: 'Иван Иванович сидел за столом' [...]

Как корова съедает траву, так съедаются литературные темы, вынашиваются и истираются приемы.

Писатель не может быть землепашцем: он кочевник и со своим стадом и женой переходит на новую траву. Наше обезьянье великое войско живет, как киплинговская кошка на крышах - 'сама по себе' [...]

Обезьянье войско не ночует там, где обедало, и не пьет утреннего чая там, где спало. Оно всегда без квартир." (В. Шкловский, *Жили-были*, Москва 1964, стр. 141).

Кочевники же превращаются у Шкловского в "обезьянье войско", так как речь идет о Ремизове и им придуманным "обезьяньим орденом" и "обезьяньим народом" писателей и художников, которым

Шкловский придает значение "дезертиров от жизни".

Высказывание Ремизова, приведенное Шкловским, о том, что прозаик не может больше начать роман с предложения "Иван Иванович сидел за столом" равноценно высказыванию Поля Валери, на которое в том же году, в своем *Манифесте сюрреализма* (1924) сослался Андре Бретон, отмечая, что французский символист "à propos des romans, m'assurait qu'en ce qui concerne, il se refuserait toujours à écrire: *La marquise sortit à cinq heures.*" (A. Breton, *Manifestes du surréalisme*, Paris 1963, p. 15)

А ведь *Трактат о Нарциссе* Андре Жид, на который мы сослались, толкуя понятие *рая* у Вячеслава Иванова, восходит к разговорам молодого символиста с Полем Валери на легендарной надгробной доске дочери Юнга (Ср. *Вам...кладбищ теснота*) в Монпелье,⁶ при чем надо отметить, что Андре Жид позже оттолкнулся от символизма и "перекочевал" на "становия" нового типа европейского романа.

Если же речь идет о Поле Валери, то Бретон сопровождает его высказывание, относящееся к невозможности задержать традиционную форму романа, своим кратким замечанием:

"Mais a-t-il tenu parole?"

И это лаконическое замечание, в сущности опровергающее с позиции авангарда поэтику Поля Валери, можем отнести и к поэтике Вячеслава Иванова. Идея, постоянной сменяемости в искусстве, принятая Шкловским, как идея, на которой строилась поэтика русского и европейского авангарда, заложенная в семантической основе самого заглавия "Кочевники красоты", не стала движущей силой поэтики Вячеслава Иванова. В тексте стихотворения эта идея постоянного движения в *мире искусства* (этим понятием пользуемся отнюдь не случайно!) в сущности в большой степени снималась знаками эстетической деятельности: *чудесами, сказками, изумрудами, небесами, светилами, цветами* - отчасти декоративными, отчасти символическими и мифотворческими. За ними стояла память о прошлом, а не видение будущего. Или, как это сказано о Нарциссе в концовке *Трактата* Андре Жид:

"Grave et religieux il reprend sa calme attitude; il demeure [...] et, penché sur l'apparence du Monde, sent vaguement en lui, résorbées, les générations humaines qui passent."
(op. cit., p. 11)

Повелитель эстетического движения сам остался в плену своего понимания красоты, хотя выход уже намечен в нисходящем движении и диссонантном звучании стиха

Где раб упрягом горд

предвещающего уже в 1904 году поэтику будущего - мандельштамовского, пастернаковского, хлебниковского и цветаевского авангарда, причем первых двух поэтов с Ивановым будет роднить память о прошлом, а Хлебникова - идея варваризации искусства. Повелителю же движения не было дано стать осуществителем своей идеи. По-этому, вслед за Бретоном, с позиции русской поэзии десятых годов можно спросить:

Mais a-t-il tenu parole?

П р и м е ч а н и я

1. Ср. Вяч. ИВАНОВ, *По звездам*, СПб. 1909, стр. 191. - О "перспективе, которая удаляется в будущее" у Иванова ср. И.П. СМЕРНОВ, *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*, Москва 1977, стр. 60.
2. То, что в примечаниях к текстам Вяч. Иванова в издании малой серии "Библиотеки поэта" ссылка на *Трактат о Нарциссе* попала в комментарий к "Кочевникам красоты", хотя она явно относится к заглавию "Нарцисса", надо отнести к небрежности редактора! Ср. Вяч. ИВАНОВ, *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1978, стр. 466.
3. "У акмеистов роза стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще". (С. Городецкий в журнале *Аполлон* 1913, I стр. 48.)
4. *По звездам*, стр. 26, 32. - О "смысловом наполнении абстрактной пространственной оппозиции верх/низ" в стихах Иванова, ср. И.П. СМЕРНОВ, *ук. соч.*, стр. 65.
5. Ср. *Толковый словарь русского языка*, т. I, под ред. Д.Н. Ушакова, Москва 1935, стр. 401.
6. Ср. комментарии к цитированному в тексте издании прозы Жюль, стр. 1457-1458.

Jerzy FARYNO (Warszawa)

"БУЗИНА" ЦВЕТАЕВОЙ

Первое, что бросается в глаза при чтении "Бузины", — это естественная ("натуральная") последовательность на событийном (фабульном) уровне, получившая здесь вид временной последовательности 'созревания бузины'. Забегая вперед, скажем, что такая натуралистичность последовательности в очень малой степени свойственна Цветаевой, и что она, не будучи нарушенной, стала тут носителем иной последовательности, т.е. подверглась переосмыслению по совсем другому — семантическому — принципу. Совпадение в плане выражения обеих этих последовательностей исключительно удобно для показа некоторых особенностей исконно цветаевской поэтической системы.

Второе — это явственный мемориально-ностальгический характер данного стихотворения. Обычно Цветаева пользуется настоящим временем, и как бы ее мир ни изменялся, любое новое состояние мира передается как актуальное, т.е. не отодвигается ни в прошлое ("до этого", "прежде", "раньше" и т.п.) ни в будущее ("после чего-то"). В данном же случае трижды появляется временной указатель "А потом" (стихи 7 и 25-26), вводящий временную перспективу вспять, некое знание о том, что произошло позже, "потом". Но это и не рассказ о происшедшем. Весь текст насыщен формами настоящего времени (краткие формы прилагательных "зелена", "черна", "пуст", наречие "красно", причастие "Рассыпающаяся", повелительные формы "Не звени! Не звени!", причастия "разведены", "казнена, казнена!", существительное "вкус"). В результате наличная в "потом" 'временнo-числительность' и явное в указанных формах настоящего времени 'актуализирование' объединяются в одно целое как 'знание' обо всей последовательности (парадигме) и актуальное переживание отдельных ее звеньев, т.е. состояний "бузины". Иначе говоря, здесь имеет место чисто мнемонический акт: повторное воссоздание событий с их повторным переживанием. И это и есть мемориальный характер стихотворения (скрытый под видом "кори" в стихах 10 и 12, а затем выведенный эксплицитно в финальных стихах 33-36: "Детской жажды", "по сей день — ночью...", "всосанного"). Но, равно как и натуралистическая последовательность, память (локализация событий в прошлом) не свойственны Цветаевой.¹ Поэтому второй — подлинно Цветаевский сюжет "Бузины" — борьба с памятью, бессилие по отношению к памяти, непреодолимость ностальгии.²

Хотя основным мотивом стихотворения является именно бузина, она как таковая в нем отсутствует - "бузина" здесь, так сказать, и не растение и не пейзажный компонент: некий слабый намек на этот статус "бузины" появляется лишь в конце текста, в стихах 28-30. В основном же корпусе стихотворения ей сообщается не столько статус объекта, сколько статус сущности объекта как средоточия некоего глубинного смысла. Показательно при этом, что в стихах 32-36 бузина являет собой нерасчленимый комплекс 'древослово', семантика которого 'ягода-детская жажда-яд' со статусом конституирующего начала личности Я: "Бузина" как "яд - всосанный очьми..." здесь явно воспроизводит формулу фразеологизма "Всасывать (впитывать) с молоком (матери)". Но чтобы раскрыть содержание этих - на первый взгляд парадоксальных - эквиваленций, необходим более детальный разбор стихотворения. Напомним его текст (воспроизводится по: Цветаева 1983, с. 185; он датирован так: 11 сентября 1931 г. - 21 мая 1935г.):

1. Бузина цельный сад залила!
2. Бузина зелена, зелена!
3. Зеленее, чем плесень на чае.
4. Зелена - значит, лето в начале!
5. Синева - до скончания дней!
6. Бузина моих глаз зеленой!
7. А потом - через ночь - костром
8. Растопчинским! - в очах красно
9. От бузиновой пузырячатой трели.
10. Красней коря на собственном теле
11. По всем порам твоим, лаворь,
12. Рассыпающаяся корь
- 13а Бузины...
- 13б Не звени! Не звени!
14. Что за краски разведены
15. В мелкой ягоде, слаще яда!
16. Кумача, сургуча и ада -
17. Смесь, коралловых мелких бус -
18. Влеск, запекшейся крови - вкус!
19. Бузина казнена, казнена!
20. Бузина - цельный сад залила
21. Кровью юных и кровью чистых,
22. Кровью веточек огнекистых -
23. Веселейшей из всех кровей:
24. Кровью сердца - твоей - моей...
25. А потом - водопад зерна,
26. А потом - бузина черна,
27. С чем-то сливовым, с чем-то липким.
28. Над калиткой, стонавшей скрипкой
29. Возле дома, который пуст, -
30. Одинокий бузиновый куст.

31. Новоселы моей страны!
32. Из-за ягоды бузины,
33. Детской жажды моей багровой,
34. Из-за древа и из-за слова:
35. Бузина (по сей день - ночьюми...),
36. Яда - всосанного очьми...

В первой строфе бузина никак не детализирована. Она дана как сплошная единственно сущая, занимающая собой весь универсум, стихия зеленого. Можно в ней, однако, вычленить некие отличительные признаки. Один из них - выход за собственные пределы и экспансивность, вытеснение собой всего остального: "цельный сад залила!" (1), усиленное соседними "плесень" и "чан" (3), которые в "залила" активизируют представление о 'выплеснувшейся (бузине)'. Второй - интенсивность и исключительность ее 'зелености': она "Зеленее, чем плесень на чане" (3) и "моих глаз зеленей!" (6), т.е. 'зеленее всего зеленого'. Этим самым форма существования бузины, ее сущность - 'быть зеленее зеленого', быть сущностью 'зеленого'. Тем не менее 'бытие зеленой' - не столько визуальный, цветовой, аспект. "бузины", сколько ее состояние.

Учитывая распространенную традиционную символику зеленого, данное состояние позволительно понимать как предельно интенсивное выражение земной жизни, как надежду и как полную уравновешенность между материальным и духовным. Это почти эксплицитно высказано в словах: "Зелена - значит, лето в начале! Синева - до скончания дней!", где 'начало лета' предполагает начало полноценной невозмутимой жизни,³ а "Синева - до скончания дней!" - вводит безоблачную перспективу бесконфликтного бытия, особенно в плане душевной или интеллектуальной невозмутимости (иначе: духовного покоя). Смысл 'устойчивости-стабильности' и 'покоя' поддерживается еще сравнением "Зеленее, чем плесень на чане" (3), которое вводит представление о 'замкнутом водохранилище' и о 'стоячей воде'.⁴ Смысл 'духовного' начала присутствует в упоминаниях "сада" (1), "чана" (3) и "глаз" (6).⁵ При этом демонстративный звуковой повтор "НА ЧАНЕ", "в НАЧАЛЕ!", "зНАЧИТ", "сконЧАния" характер 'вместилища-хранилища' сообщает и 'зелени "бузины"', а поскольку "Бузина [...] Зеленее, чем плесень на чане" (1-3), то подразумевается, что ее роль как 'хранилища' существеннее такой же роли "чана". С другой стороны, откровенный параллелизм покоящихся на сравнении стихов 3 и 6 ("Зеленее, чем плесень на чане" - "Бузина моих глаз зеленей!") вводит отношение эквиваленции между 'зацветшей водой' и 'зелеными

глазами' "Я", отражающими духовную сущность этого "Я".⁶ В результате оказывается, что 'зелень "бузины"' интенсивнее и превосходнее 'духовности' "Я" и является своеобразным ее 'вместителем'.

"Залила" (1), вместо более естественного "заросла", "заняла" и т.п., вводит в "бузину" признак акватичности, поддержанный затем еще раз упоминанием о "чане" (3), который может читаться как садовый водоем, особенно в виду наличия в первом стихе слова "сад". Акватичность имеет здесь несколько мотивировок. Одна из них восходит, по всей вероятности к звуковой перекличке между словом "бузина" и словом 'бузовать', которое, в частности, означает и 'буינו расти' (о дереве), и 'подниматься, затоплять' (о воде).⁷ Но это второстепенная мотивация, кстати, смягченная здесь выражением "плесень на чане" (3), благодаря чему активность и интенсивность предпосылаются исключительно бузине. Вторая мотивация акватичности идет от более общей системы Цветаевских эквиваленций, по которой "Твердое тело есть мертвое тело" ("Поэма воздуха" в: Цветаева 1983, с. 281) и переход к подлинно активным ('жизненным') формам бытия сопровождается переходом в текучее состояние.⁸ "Залила" и было бы в этом контексте таким требуемым цветаевской системой показателем интенсивности 'жизненного начала'. Тем более, что в этой строфе речь идет не о бузине как растении, а о 'бузине-сверхзелености'. Третья - это подразумеваемая эквиваленция между "бузиной" и "Я". Цветаевское "Я", как правило, - носитель семантики имени "Марина"='морская',⁹ а более широко - носитель акватического начала вообще. Если учесть ближайший контекст данного стихотворения, т.е. творчество Цветаевой 30-х годов, то не сложно заметить, что теперь чаще чем в предыдущие периоды цветаевское "Я" соотносит себя с другим своим двойником - с "кустом", "садом" и определенными их вариантами, которые соответствуют 'духовному призванию', 'долгу', 'земной миссии' или 'судьбе' этого "Я".¹⁰ В этом свете стих "Бузина цельный сад залила!" мог бы читаться как совмещение сущности бузины и душевной сущности "Я". Тогда и заключительный стих строфы - "Бузина моих глаз зеленей!" (6) надлежало бы читать как усиление сущности "Я", крайнюю ее интенсификацию, вывод "Я" на предел бытия, после чего можно ожидать уже только качественного скачка, перехода в иное состояние. Тем не менее это не все.

Если в первых трех стихах "бузина" возведена в ранг чистой, абсолютной зелени и этим самым доведена до своего предела, то очередной шаг уже невозможен без радикальной качественной трансформации: эта зелень должна либо подменить собой весь универсум, стать 'вечностью', либо же каким-нибудь образом 'разрядится' и претерпеть метаморфозу. В разбираемой строфе имеет место, пожалуй, только первое, но с переводом 'зелени' с уровня плана выражения (т.е. предметного: "бузина" как растение, "сад", "плесень на чане", цветообозначение в 2-3) на уровень плана содержания, т.е. выявления семантики 'зелени'. Здесь, со стиха 4, 'зелень' теряет уже характер цветообозначения и получает статус носителя смысла (4: "Зелена - значит"), который формулируется как "лето (в начале)" и "Синева (- до окончания дней)". Будучи смыслом "бузины"- 'зелени' "лето" и "Синева" эквивалентны. Разница между ними заключается лишь в том, что "Синева" - очередной дериват "лета", очередной и высший (или более глубокий) смысл смысла "бузины"- 'зелени', т.е. "лета". Согласно Цветаевской парадигме экспликаций эту последовательность можно было бы записать так:

Зелена - (значит): лето (которое значит): синева.

Правда, обычная у Цветаевой система двоеточий¹¹ здесь отсутствует, но в ней и нет необходимости, поскольку нужная граница задана тут выражением "(лето) в начале", предполагающем продолжение "лета", а предпосланное "Синева" "до окончания дней" и есть тем подразумевавшимся продолжением. "До окончания дней" означает и бесконечность и некую границу, некую самую крайнюю черту 'универсума'. Совместно с делимитатором "в начале" упоминание о "окончании дней" вводит, однако, признак замкнутости данного универсума. Это универсум, так сказать, земного бытия. Иначе говоря, если в плане выражения предел "бузины" - максимальная зелень, то в плане содержания ее предел - земное времячисление или 'жизнь во времени' (5: "Синева - до окончания дней!", где, в силу возвышенного стиля, "дни" звучат как библейские "времена", "века", т.е. срок, положенный "миру сему", после которого "времени уже не будет" - *Откровение* 10: 6).

Отведенная "синева" роль смысла (значения) и в собственной цветаевской системе и в общекультурной системе цветосимволики объясняется соотносительностью синего (и голубого) с духовным и интеллектуальным началом. Совсем поэтому не случайно 'зелень',

уже объясненная как "Синева", возобновляется в стихе 6 и сопоставляется с цветом глаз "Я": "Зелена - значит, [...] Синева [...] Бузина моих глаз зеленой!". Теперь 'зеленость' соотносится не столько с цветом (ср. в стихе 3: "Зеленее, чем плесень на чаше"), сколько с показателем внутренней, духовной сущности "Я" (см. примечание 6).

В цветаевской системе употребления цветообозначений разные оттенки синего знаменуют степень отрешенности от бытовой суеты и устремленности ввысь, за пределы "мира сего". Иначе говоря, это сфера одухотворяющегося тварного мира и распространяется она вплоть до тверди небесной, за которой начинается сфера нетварного, сфера чистого духа. Поэтому "бузина", истолкованная в этой строфе как "синева", получает статус одухотворяющейся формы жизни или одухотворяющейся материальности. Но это всего лишь "начало" пути к истинному духовному бытию, первая его стадия (ср., в частности, различие между более темной "синевою" в стихе 5 и упоминанием более светлой "лазори" в стихе 11), что и отражено в виде двойного лимитирующего обрамления: сначала рамками "'в начале" - "до скончания дней" = "до пределов мира сего, т.е. мира тварного"', а затем включенностью "бузины" - "синева" все-таки вовнутрь 'зелености': "Зелена [...] Синева [...] зеленой!".¹²

Согласно логике цветаевской поэтической системы, теперь естественно ожидать следующего сюжета: выхода в запредельное, в мир "после всего", но не непосредственного, а через смерть и через постепенное истончение материального (плотского) начала до окончательного его исчезновения.

Такие Цветаевские перевоплощения или точнее метаморфозы-развоплощения не механичны, а органичны: все очередные стадии (состояния) не привносятся извне (не сочиняются), а являются результатом доведенных до кульминационной, критической точки предшествующих состояний и получают вид резких качественных скачков. Само собой разумеется, что "натуралистическая" эволюция созревания бузины для такого сюжета мало пригодна. Кстати, у Цветаевой она образует иной сюжет - сюжет косного механического превращения из одной материальной формы в еще более косную другую, семантизированный как 'чреватый смертью рост' (ср. хотя бы стихотворение "Наяда"). Поэтому в частности, естественное созревание бузины оформлено здесь в виде внезапных цветовых скачков. Как правило, цветообозначение подразумевает у Цветаевой не окраску,

не колорит, а внутреннее состояние объекта, его внутреннюю динамику, и являет собой как бы доведенную до предела и выведенную наружу сущность данного объекта в данной его стадии на шкале "материальное - духовное". В этом смысле цветаевский цвет символичен - не будучи окраской, он все-таки не теряет присущей ему семантики.

Зелень и синева в системе Цветаевой родственны друг другу по наличию в них признака повстороннего материального (тварного) начала, разница же между ними - это разница по степени этой материальности: зеленый 'более материален', а синий 'менее материален'. "Синева" на этой шкале - самый удаленный и самый слабый вариант 'зелени' как материального. С точки зрения разработанной живописью систематики цветов, зеленый - цвет производный, возникающий из погашения контраста и противоположный динамики желтого и синего. Непосредственно желтый в "Бузине" не назван, но не будет неуместно усматривать подразумеваемое его наличие в упоминании "лета" (4). Тогда весьма значимым становится умолчание Цветаевой желтого и эксплицитное поименование синего (5) как выражение устремленности "Я" к полюсу 'духовное'. Тем более, что сам по себе зеленый предполагает абсолютное равновесие, покой, стабильность (пассивность), бесстрастность и даже безразличие (см.: RZEPINSKA 1983, S. 542-545; KANDINSKY 1954). Неподвижность зеленого передана здесь мотивом "плесень на чане" (3) и замыкающими - лимитирующими - рамками "в начале" - "до скончания дней!" (4-5). Изъятие потенциального желтого и локализация "Синевы" внутри упоминаний зеленого сообщают "Синеве" признак устремленности вглубь, в трансцендентное, и этим самым создают возможность смысла 'самоуглубления', проникновения в собственную духовность.

Материальность всегда сопряжена у Цветаевой с представлением о смерти. Чем более нечто материально, тем менее оно духовно и тем сильнее в нем начало смерти. И наоборот, чем менее нечто материально, тем более оно духовно и тем слабее его подвластность смерти. Заметим, однако, что в данном случае представление о жизни и смерти имеет противоположный бытовым представлениям характер: земное воплощение в телесные, материальные формы жизни воспринимается как узилище (смерть) для духовного начала, тогда как развоплощение, высвобождение из материальных земных форм жизни разценивается как приближение к истинной, духовной жизни, как обретение полноты бытия и самотождества. Физическая жизнь есть в

той или иной степени смерть, физическая же смерть являет собой выход в Жизнь. С этой точки зрения гармоническое равновесие обоих начал в 'зелености' "бузины" мнимое - это всего лишь временная гармония (о чем свидетельствуют все те же рамки темпорального характера: "лето в начале" - "до скончания дней!"), ограничивающая форма бытия (упоминание "плесени" в 3, мотив которой получит позже вид "кори" в 10-12 и "яда" в 15, 36; замкнутость "чана" в 3 и соответствующее ей обрамление "Синевы" упоминаниями 'зеленого' в 4-6).

Во всех системах общекультурного цветосимволизма зеленый истолковывается как промежуточный, иногда нейтральный, т.е. объединяющий в себе и примиряющий противоположные начала, и семантизируется как состояние умиротворения, равновесия, как цвет стабильной земной жизни. Но, будучи промежуточным, он читается как переходной от неорганической, неодушевленной формы жизни к форме органической, одушевленной, и ситуируется между черным и красным, с одной стороны, а с другой - между одушевленной жизнью и распадом, деструкцией, смертью (см. статью "Colour", in: *Circuit* 1981, 53).

В данном отношении цветаевский переход от зеленого к красному (в стихах 7-24) - не автоматический список с природы, а закономерность, причем закономерность как общекультурного цветового кода, так и собственно цветаевской поэтической системы: красный оказывается и цветовым и смысловым следствием зеленого.

Подчеркнутая внезапность перехода от зеленого к красному (7: "А потом - через ночь - костром") тем разительнее, что это, как мы узнаем, переход закономерный, системный, а не сюжетная редукция предметного уровня 'созревания бузины'. Это значит, что данная внезапность призвана выражать тут нечто иное. Ее смысл, несомненно, раскрывают слова "через ночь", "костром Ростопчинским" и "в очах краснѹ".

Доведенная до своего кульминационного момента 'зеленость' ('зеленее зеленого') уже закончила свою эволюцию, теперь возможен лишь только переход в иное качество, иначе - перевоплощение или метаморфоза. "Ночь" у Цветаевой не имеет характера бытового временного континуума, это у нее не часть суток, а, как правило, особое, обладающее трансформирующими свойствами время, - это время именно пере- или развоплощений, меня статуса, перехода в иное качество, а очередной день - не день, аналогичный предыду-

цему, не очередная бытовая часть суток, а внебытовое время, требующее от попавшего в него иного состояния, так сказать, инобытия. У Цветаевой это иное состояние обычно сопряжено с переходом ее "я" (или объекта) на некий очередной более глубокий уровень собственного естества, с углублением в себя, в собственную духовность, и по крайней мере с частичным развоплощением, т.е. освобождением от более поверхностного своего телесного облика.¹³

В "Бузине" этот шаг реализован при помощи переименования "глаз" на "очи", которое не только повышает их ценностно-семиотический ранг, но и меняет их онтологический статус с внешнего визуального на внутреннее, постигаемое духовно, и с атрибута на сущность.

"В очах краснó" - выражает состояние как бы временного помрачения, отключения от реальности и погружения в себя, вовнутрь, что в итоге оборачивается выходом в потусторонность, в запредельность (ср., например, стихотворения "Заочность" или "Письмо").

"костер Ростовчинский", отсылая к преданию о поджоге графом Ростовчиным занятой Наполеоном Москвы (см. комментарий в: ЦВЕТАЕВА 1983, 488) активизирует устойчивый у Цветаевой мотив самосожжения на костре, выражающий иступленную гибельную страсть, т.е. страсть смерти как освобождения от земных уз и выхода в потустороннее измерение чистого духа.

Подспудно присутствующий в "костре" (7) мотив губительной страсти уже более явственен в "пузырчатой трели" (9), а затем в словах "слаще яда!" (15), "вкус!" (18) и, наконец, в финальном упоминании "Детской жадны" (33), которое в свою очередь, заставляет видеть связь и с "корью" (10-12) как с атрибутом именно 'детского'. Определение "трели" "пузырчатой" в контексте "кори"- 'сыпи' активизирует связь с представлением о 'лекарственном пузырьке', содержанием которого окажется несколько позже некая 'адская' "смесь"-"яд" (15-17).

В пределах разбираемой строфы "трель" эквивалентна "кори": "в очах краснó От бузиновой пузырьчатой трели. [...] Красней кори [...] Рассыпающаяся корь Бузины..." (8-13а). В "трель", таким образом, вписывается признак болезненного воспалительного состояния, как 'жар, горячку' (особенно в виду наличия "костра") и как 'озноб, дрожь'. В пределах цветаевской системы "трель" соотносится с любовной страстью (ср. стихотворение "Приметы"), а "корь" - с уязвимостью материального начала (ср. в "Минуте" - ЦВЕТАЕВА 1983, 92: "Так лги ж, так льсти же Другим, десятирчиной

кори Подверженным еще, из дел Не выросшим. Кто ты, чтоб море Разменивать? Водораздел души живой? О, мель! О, мелочь!". Поэтому переименование "бузиной пузырьчатой трели" на "корь Бузины" ставит "бузину" в положение уязвляющего и уязвляемого начала, а "Я" - в положение 'не высвободившейся' от 'болезни бузиной' или - шире - от связей с 'миром сим'. Если учесть, что "корь" - болезнь преимущественно детская, то данную "бузину"- "корь" следовало бы понимать как самую глубокую, впитанную с детства (ср. стихи 33-36, где речь о "детской жажде" и о "яде", "всосанном очьми" = 'душой') связь "Я" с окружающим миром и этим самым как непреодолимость собственного естества.

"Бузина" подобна "кори", но она отнюдь не обычная корь и поражает не телесный организм, а духовную сущность. Как прежде 'зеленость', так теперь 'краснота' и "корь" возведены в ранг абсолютных, крайне интенсивных: "Красней кори на собственном теле [...] корь Бузины", и, кроме того, - в иной онтологический статус: "бузина"- "корь" - далеко не телесный недуг, она - сущностный двойник обычной "кори". Определяемая как "Рассыпающаяся" (12) и ассоциируемая с 'сыпью' она сохраняет свою активность и свою злокачественность как "корь", но одновременно уподобляется и более растрavляющим и сильнее уязвляющим цветаевским "ржавчине" и "соли" ср.: "Ржавь, живая соль" в "Приметах" по отношению к любовной страсти и "Жестоки у ножных костяшек Кольца, в кость проникает ржа!" в "Не возьмешь мою душу живу...", где "ржа" соотнесена с 'узами жизни сей'). Локализация же "кори" "По всем порам твоим, лазорь" (11) распространяет действие "бузины"- "кори" и на "лазорь", т.е. на духовное начало "Я". В данном случае особо показателен параллелизм между "телом" и "лазорью". С одной стороны, он конституируется одинаковым их 'заболеванием корью', с другой - приписанными "лазори", наподобие тела, "порами". Вне текста данный параллелизм мотивируется представлением о душе как нематериальном теле духа (ср. также фразеологизм "Всеми порами души"), а в системе Цветаевой частым противопоставлением "души" и "духа" как 'более материального' - 'менее материальному' (ср. в "Позме Воздуха" именование тела "каменным мешком" души, а души - "газовым мешком" духа). Если обе строфы рассматривать как постепенное отчуждение от "Я" всего чувственного, материального, то легко заметить, что аналогичный сюжет объемлет также и "бузину": из внешней ("плесень на чане" - 3) она становится 'внутренней', все глубже проникающей в сущность "Я" и все прочнее сковывающей духовное начало этого "Я".

Как и в случае 'зелености', так же и здесь достигшая своего предела 'краснота-корь' не может уже дальше эволюировать. Она может теперь лишь претерпеть очередную метаморфозу в качественно иное состояние. Как уже говорилось по отношению к 'зелености', идеал этого иного состояния - распад и смерть, выход на ту сторону бытия. Этот переходной этап решен у Цветаевой в виде страстного, воспаленного болезненного состояния, в виде острого заболевания "корью-бузиной", истинно губительный характер которой будет выявлен лишь в третьей строфе (14-18) с упоминаемым там "адом" и "ядом" (15-16).

'Краснота', бывшая "пузырчатой" и "рассыпающейся" (9, 12) трансформируется теперь в "смесь"- 'раствор': "Что за краски разведены!" (14). При этом примечательно, что цвет как таковой тут уже не именуется, упоминаются только его носители: "кумач", "сургуч" (16), "коралловые бусы" (17), "запекшаяся кровь" (18), но они переведены со зрительного ряда в ряд 'вкусовой' (15: "слаще яда"; 18: "крови - вкус!"). В этом варианте они, несомненно, являются реализацией своей сущности 'соблазна-искушения', 'пагубной материальности'. Буквальное же эксплицирование смысла 'искуса' как "вкуса" (18) вводит очередной уровень тождества "бузины" и "я", более глубинный и более нерасторжимый чем предыдущие (наиболее внешний в 6: "Бузина моих глаз зеленей!" и гораздо теснее связанный с сущностью "я" в 8, 10-13а: "в очах красно", "Красней кори на собственном теле По всем порам твоим, лазорь, Рассыпающаяся корь Бузины..."). Этот уровень предполагает 'поглощение ("бузины") вовнутрь' и этим самым 'приобщение к поглощаемому' и 'отождествление' с ним, которое означает обычно у Цветаевой погружение ее "я" в небытие, полное растворение в мировом потоке сущностей.¹⁴

"Кумач", "сургуч", "коралловые бусы" продолжают мотив красного цвета, но тем не менее они попадают сюда уже не только ради цвета.

"Кумач" - материя, ткань, но в цветаевской системе (см., например, поэму-сказку "Царь-Девница") это ткань чувственного начала, мира смерти и даже буквально подземного мира, мира преисподней (в частности, в народной традиции, соблюдаемой и Цветаевой, кумач - ткань траурная и погребальная, с одной стороны, а с другой, - кумач как цвет - цвет лешего; см.: FARYNO 1985, 117-120, 294-297).

"Сургуч" - смолистое вещество, часто используемое для печатей. Как 'смола' он активизирует здесь признак 'личности' и связь с "адам", с преисподней. Как 'печать' - он носитель признака 'связанности' и одновременно атрибут загробного царства, причастности к миру смерти (об этом мотиве у Цветаевой см. в: FARYNO 1985, 120, 142, 240). Последовательность "Кумача, сургуча и ада - Смесь" (16-17) построена, таким образом, по принципу градации и все более явственной экспликации одного и того же смысла: приобщения к потустороннему, к миру преисподней (погребальная пелена - печать-закрытость -> преисподняя-"ад").

Наличие в этом ряду "коралловых мелких бус" (17) мотивируется двояко. По общекультурной европейской символике кораллы соотносятся с подводным царством (а это, кстати, соответствовало бы акватическому мотиву в первой строфе, о чем шла речь уже выше, с одной стороны, а с другой - акватическому значению цветаевского "Я"=Марины) или с его эквивалентом-подземным царством смерти (тогда кораллы считаются корнями мирового дерева; см. статью: "Coral", in: *Cirlot* 1981, 62). "Бусы в этом отношении повторяют смысл "кораллов". В народных европейских мифологиях они заменяют собой связанность, причастность к царству мертвых. У Цветаевой это значение "бус" сохраняется исключительно устойчиво (см. хотя бы "Ханский полон", "Ручьи", "Царь-Девница", "Поэму конца"), но самое примечательное то, что оно часто сопровождается связью с акватическими мотивами, и в частности - с дождем, ливнем (ср. в "Поэме Воздуха" - ЦВЕТАЕВА 1983, 282: "Пагодо-музыкой Бусин и бамбука, - Пагодо-завесой Плещь! Все или б и или бы... Для чего Гермесу - Крыльца? Плавнички бы - Пловче! Да ведь ливня Льет! Ирида! Ирис! Не твоим ли ливнем Шемахинским или ж Кашемирским..."), знаменующим, как правило, переход к иному состоянию (на ту сторону бытия) (ср. в приведенной выдержке из "Поэмы Воздуха" упоминание водителя душ - психопома - Гермеса, а в "Бузине" мотив "водопада" в стихе 25). И тем не менее указанные смыслы еще не мотивируют перехода к "крови" и "казни".

В некоторой мере мотив крови предполагается мотивом зелени, так как зеленый цвет считается посредником между неодушевленным миром минералов и одушевленным миром органической жизни; в том числе и крови. Но все-таки для этого нужна некая вспомогательная аргументация, тем более, что упоминание крови чрезмерно удалено от мотива 'зелености', да к тому еще опосредствовано мотивами

'красноты', "кори" и 'смертного искуса'. Нужное мотивирующее звено содержится в переименовании "коралловых мелких бус - Блеск" на "запекшейся крови - вкус" (17-18). Вероятнее всего, базисом этого переименования является античная греческая легенда о том, что кораллы возникли 'выросли' из капель крови Горгоны-Медузы (так, в частности, может объясниться и "Блеск" - как отсылка к мифу о том, что Персей обезглавил спящую Горгону-Медузу глядя на ее отражение в своем медном щите; не исключено, что этот образ подсознательно воссоздан в виде оксюморона "слаще яда", т.е. привлекательности губительного, и в виде скопления родственных по значению материальных проявлений - "мелкая ягода", "яд", "ку-мач", "сургуч", "коралловые мелкие бусы", "запекшаяся кровь": Горгона, наряду со многими другими существами хтонического характера, является символом бесконечных возможностей своих перевоплощений и форм).

В контексте упоминаний о "яде" и "вкусе" (15, 18), которые недвусмысленно ассоциируются с 'отравлением' или даже 'самоотравлением', переход к мотиву "казни" (19: "Бузина казнена, казнена!") вместо более 'естественного' мотива 'наказания' и к мотиву "крови" (лескикализованному 6 раз в стихах 18-24), к тому еще 'проливающейся' (20-21: "Бузина - целый сад залила Кровью") объясним в пределах данного текста только с учетом подспудной отсылки к мифу об обезглавлении Горгоны, а в пределах цветаевской поэтической системы - как переход к фазе декапитации. Эта фаза на шкале метаморфоз цветаевского "Я" знаменует отсечение всего чувственного, пресекновение любых земных уз и выход в область чистой мысли (ср., например, "Так плыли: голова и лира..." или еще более эксплицитные слова в "Поэме Воздуха" - ЦВЕТАЕВА 1983, 285: "И так отсечь: Полная оторванность Темени от плеч - Сброшенных! [...] Полное и точное чувство головы С крыльями. [...] Ввысь! Не в царство душ - В полное владычество Лба."); ср.: ГАСПАРОВ 1982, 139; FARVNO 1985, 347-351).

Мотив 'головы' в "Бузине" никак не эксплицирован, хотя его возможность здесь отнюдь не исключается. Дело, однако, в том, что сюжетом стихотворения являются не столько метаморфозы "Я", сколько преодоление этим "Я" собственной сущности и попытка освобождения от нее. Легко заметить, что подобно предыдущим строфам, где имелись две 'зелености' (2, 6: "Бузина зелена, зелена!

[...] Бузина моих глаз зеленей!"), две "кори" (10, 12-13а: "Красней кори на собственном теле [...] корь Бузины..."), две 'красноты' (8, 10, 12-13а: "в очах красно [...] Красней кори [...] корь Бузины...") и два "яда" (подразумеваемый 'яд' "красок" "в мелкой ягоде" превышающий своим соблазном - "слаще яда!" - яд-отраву в стихах 14-15), здесь имеются две "крови": "запекшаяся" (18) и 'заливающая сад' (20-24). Один из этих 'двойников' имеет, так сказать, октологический статус поскостронней реальности, статус объекта (или, иначе, осуществляет референтное значение введенных в текст именованных), другой же соотносится с потусторонней реальностью, с реальностью иного, сущностного, ранга, и имеет статус идеального бытия. Слова "запекшейся крови - вкус!" (18) включают "кровь" в один ряд с "ядом", "кумачом", "сургучом", "коралловыми бусами" и сообщают ей характер субстанции, хотя и иерархически более 'истонченной', чем те.¹⁵ "Кровь" стихов 21-24 являет собой уже не субстанцию, а сущность, средоточие 'духовности' (21: "Кровью княж и кровью чистых"), 'истинной жизни', родственной 'логосовому началу' во всем сущем (22: "Кровью веточек огнекистых", где "кровь" соотносена с 'огнем' в "веточках" и этим самым родственна огню библейского горящего куста - ср. Исход 3: 2-4),¹⁶ 'воссоединяющей любви-агапе' (23-24: "Веселейшей из всех кровей: Кровью сердца - твоей - моей...", где снова "кровь" возведена в очередную наивысшую ипостась, в, так сказать, 'кровь кровей': "Веселейшей из всех кровей" с абсолютизирующим "Веселейшей"). Эта "кровь" не плотская, не физиологическая, она по своему статусу сближается с ветхозаветным пониманием крови как полученного от Бога и принадлежащего Богу дара жизни (живой души, духа - см. статьи "Кровь" и "Жизнь" в: СЛОВАРЬ... 1974, кол. 360-365, 509-512). Такое прочтение "крови" подтверждается и на другом уровне, особенно на уровне последовательности 'глаза - тело - "крови - вкус" - "Кровью сердца"' построенной по принципу 'увнутрения' или 'приближения' к сущности "я", 'проникания' в эту сущность. Параллельно этой последовательности имеется в тексте и ее 'двойник': "'чан" - "синева" - "лазорь" - "ягода"- "яд" - "кровь"', построенная по тому же принципу 'проникновения' в "я", но на этот раз извне и на этот раз по принципу 'усиления материальности': от 'цвета' по 'субстанциональности' (если в стихе 14 определенный цвет назван уже общим "Что за краски разведены" и только косвенно присутствует в перечисляемых предметах,

то со стиха 18 цвет уже и не подразумевается - он переведен во 'вкусовые ощущения', а затем в именовании крови и ментальных состояний).

Но самое показательное другое. То, что "казнена" не "я", а "бузина" (19: "Бузина казнена, казнена!"), что 'заливающая сад' "кровь" равным образом "кровь" "бузины" и "кровь" "я" и что и та и другая - "Кровь сердца" (24). Раньше мы уже говорили, что "бузина" здесь - двойник "я", теперь этой двойничестве снимается и превращается в тождество: "бузина" оказывается не внешним соответствием "я", а духовной сущностью "я". Отторжение "бузины" от "я" губительно для обеих, на что указывает переименование местоимения "твоей" на местоимение "моей" (слова "твоей - моей" здесь следует читать как 'твоей, т.е. моей', особенно в виду отчетливого неравенства в 6: "Бузина моих глаз зеленей", и в 10-13а: "Красней кори на собственном теле По всем порам твоим, лазорь, Рассыпающаяся корь Бузины..." и в 15-18: "В мелкой ягоде, [...] запекшейся крови - вкус!", где в переводе на местоимения было бы 'в твоей ягоде [...] твоей крови - вкус!', хотя последнее и не исключает возможности местоимения 'моей': 'в твоей ягоде [...] моей крови - вкус!'). Тем не менее сохранение обеих местоименных форм значимо. Оно соотносится с границей между посясторонним и потусторонним мирами. До этой черты, согласно цветаевской поэтике, невозможно было бы сказать "Веселейшей", так как этот термин предполагает слияние сущностей, 'помнящих' еще свою предваряющую разъединенность, за этой чертой невозможно было бы сказать, в свою очередь "твоей - моей", поскольку там, в 'запредельности' у Цветаевой даже слов таких нет (ср. в "Не здесь, где связано..." из цикла "Сугробы": Не здесь, где связано, А там, где велено. [...] Где вся расплескана Измена дней. Где даже слово нет: - Тебе - моей..." - ЦВЕТАЕВА 1982, 161-162). Момент слияния сущностей или точка, в которой они переходят в единство, - это одновременно преодоление цветаевским субъектом привязанностей к миру сему, преодоление всякой материальности, иначе - не только смерть физическая, но и смерть 'души'. И так, видимо, и объясняется здесь, подспудный мотив "казни"-'декапитации' с одной стороны, а с другой - изливания "крови"-'души'. Так объясняется также и последняя фаза сюжета "Бузины" в стихах 25-30. "Казнь" "бузины" оборачивается казнью самого "я" и завершается уходом в небытие. Вместо свободного воспарения ввысь (как это имеет

место, например, в "Царь-Девиге", "Переулочках" или в "Поэме Воздуха") здесь речь о погружении вниз (подобно, например, финалу цикла "Бессонница"): "А потом - водопад зерна" (25).

Финальный "водопад" подготовлен уже оговаривавшимся акватическим мотивом (1: "цельный сад залила!", 3: "плесень на чане"; отчасти 9: "От бузинной пупырчатой трели", 14-15: "краски разведены [...] слаще яда!", подспудно в 17 под видом "коралловых мелких бус", и в 20-21: "Бузина - цельный сад залила Кровью"). Легко заметить, что 'вода' здесь постепенно трансформируется в губительный 'яд', т.е. в носителя начала 'смерти', а затем в "кровь" "Я" как средоточия 'живой души' этого "Я". Присутствующий в "водопаде" признак 'движения вниз' подготовлен в свою очередь упоминанием "ада", "кораллов" (16-17) и мотивом заливающей сад крови (19-24). Всю эту эволюцию замыкает "зерно" (25), на фабульном уровне мотивированное 'созреванием бузины'. Но эта его мотивация второстепенна, тем более, что она не объясняет сочетания "зерна" с "водопадом".

'Вода' в "водопаде", хотя она и продолжает акватический мотив первой строфы (1: "залила", 3: "плесень на чане"), вода иного ранга: она следует после пролитой крови и является, с одной стороны, трансформацией "крови", а с другой - соотносится с очередной ступенью бытия, с очередной сферой. В итоге это 'вода', так сказать, 'потусторонняя', которая в системе Цветаевой соотносится со всерастворяющей мировой стихией и знаменующей собой небытие (ср. хотя бы заключительное стихотворение цикла "Бессонница"). Для цветаевского субъекта эта 'вода' означает также отождествление "Я" со своей сущностью (фигурально выражаясь, "Марины" со смыслом латинского "marina"='морская', 'акватичная'), но одновременно и потерю персональной обособленности (как на уровне психофизическом, так и на уровне вычлененности из общего мирового потока сущностей - logos). Поэтому с бытовой (земной) точки зрения она губительна, носительница смерти, с трансцендентной же - она одно из самых желательных состояний цветаевского субъекта.

"Зерно" в цветаевской системе губительно иначе (ср. в "Поэме Горы" - ЦВЕТАЕВА 1983, 162: "Персефона, зерном загубленная! Губ упорствующий багрец"; или в "Царь-Давиге" - там же, 62: - именованние Мачехи, царицы преисподней, "зернышко": "Виноградника в соку, Здравствуй, зернышко! [...] Вся от пяточек до бус - Во как - нравишься! Да коль я не подавлюсь, Ты - подавишься!").

Если 'вода' губительна для 'телесно-чувственного начала' с 'душой' (как 'телом духа') включительно и желательна для 'духа', то 'зерно', наоборот, губительно для 'духа', оно навязывает ему ограничивающие 'телесно-чувственные' формы и этим самым лишает его свободы, иначе говоря, "зерно" чревато 'смертью для духа'.

При таком прочтении мотивов 'воды' и 'зерна' у Цветаевой сочетание "водопад зерна" имеет двойкий смысл. Для "Я" (поскольку "водопад зерна" - очередное состояние "крови сердца" - "твоей - моей...") это желательное превращение в акватический поток, отключение ото всего земного (самый исходный носитель материальности 'зерно' - уже не "зерно", а "водопад"). Для "бузины" же "водопад зерна" - потеря 'духовности' ("зерно" как "водопад") и неизбежность своей материальной сущности ("водопад" читаемый как 'обилие', а "зерно" - как 'зерно') и подверженность механическому (биологическому) распаду-смерти, выраженному тут в виде 'почернения' (26: "А потом - бузина черна") и 'гниения' (27: "С чем-то сливовым, с чем-то липким").

Предлагаемое толкование подсказывается еще и тем, что в данной строфе речь уже только об одной "бузине" и нет никаких признаков присутствия "Я" (в отличие от предыдущих строф, где "Я" получало свое выражение под видом "моих глаз" в 6, "кори на собственном теле" в 10, субъекта стихов 13, местоимения "моей" в 24). Исчезновение "Я" следует понимать именно как 'выход' "Я" в запредельное, а общий - 'панорамирующий' - вид на 'дом с бузиным кустом' как признак 'внеаходимости' этого "Я" или просто как некое эпическое всевидение. Кроме того, существенно, что 'исчезновение' "Я" озаменовано метаморфозой "бузины"-'сущности' в реальный пейзажный "куст"; быв стихией, быв неким состоянием мира и "Я", "бузина" стала теперь обыденным растением. Этот факт значит и еще нечто. До сих пор мы подчеркивали факт, что "бузина" постепенно овладевает сущностью "Я" и с нею сливается, принося этим самым 'гибель' "Я". Теперь же следует еще добавить, что в равной степени "Я" стало сущностью "бузины", отчего исчезновение этого "Я" лишило прежнего статуса и "бузину".

Упоминание "дома, который пуст" (29) не имеет в виду 'постройки' или даже 'дома без жильцов'. Цветаевский 'дом' обычно двойник цветаевского "Я" (а в "Бузине" он и двойник "бузины"). 'Дом пуст' - это 'дом без "Я"' или еще однозначнее - это "'Я" без "Я"', т.е. "Я" покинувшее свою земную ипостась (ср. в напи-

санном в то же время, как и окончательный вариант "Бузины", т.е. весной 1935 года, стихотворении "Дом" - ЦВЕТАЕВА 1983а, 186: "С тем особенным взглядом Дуи [...] Из которого души Во все очи глядят - Во все окна! [...] За старым Мне и жизнь и жилья Заменившим каштаном - Есть окно и мое").

'Дом пуст' предваряется упоминанием "калитки" "стонавшей скрипкой", которое однозначно знаменует 'уход'. В пределах текста появление "калитки" оправдывается мотивом 'сада' (1, 20) и отчасти 'чана', так как "чаном" в некоторых областных говорах называют не только водоем, но и ворота с навесом. Упоминание о "скрипке" производно как от подразумеваемого 'скрипа калитки', так и от наличного в тексте мотива 'трели' (9) и 'звонка' (13). В пределах же цветаевской системы "калитка" и "скрипка" в определенном смысле эквивалентны. "Калитка" знаменует собой 'разлуку' на границе инобытия, т.е. на границе выживания "Я" в потусторонность (ср. в стихотворении "А сугробы подаются" из цикла "Сугробы" - ЦВЕТАЕВА 1982, 168-169: "Ах, в раззор, в раздор, в разводство Широки - воротцы! Прошай, снег, зимы сиротской Даровая роскошь! [...] Не гляди, что слезы льются: Вода + может статься! Раз сугробы подаются - Пора расставаться!"). "Скрипка", как разновидность музыки (или пения, голоса) тоже соотносится у Цветаевой с промежуточной сферой между миром посюсторонним и миром потусторонним и восходит к наиболее древним представлениям о музыке как 'лестнице', соединяющей земное с небесным, но, как правило, сохраняет свою связь с 'земным' или даже 'подземным'. (Ср. хотя бы роль "гуслей в "Царь-Девице"; "Так плыли: голова и лира..."; цикл "Ручьи"; стихотворение "Есть счастливы и счастливы...", где эта идея выражена эксплицитно: "Если б Орфей не сошел в Анд Сам, а послал бы голос Свой, только голос послал во тьму, Сам у порога лишним Встав, - Эвридика бы по нему Как по канату вышла..." - ЦВЕТАЕВА 1983а, 184). В "Бузине" это заметно по последовательности "трель" - 'звон' в 13 - 'стон "скрипки"' в 28, сначала уводящей или 'соблазняющей' "Я" в 'ад'-'смерть' (16), а затем остающейся в пределах 'земного' или 'у преддверия' небытия: "Над калиткой, стонавшей скрипкой" (28). При этом "трель", так сказать, 'телесная', 'звон' - 'искус смертью',¹⁷ а 'скрипка' соотносится с 'душой'. Существенно, кроме того, что 'скрипка' определена здесь "стонавшей" (28). На цветаевской шкале звуков 'стон' (наряду с плачем, криком, воплем, причи-

таниями и т.п. выражениями эмоционального напряжения) соотносится со сферой 'души', а этим самым еще со сферой привязанности к земному бытию и все еще носит признак 'тварного' (ему противостоит 'звук' непронизосимый и неслышимый, уводящий в 'нетварное', как, например, "гуд" в "Поэме Воздуха"; некоторые наблюдения по этому поводу см. в: ЕЛЬНИЦКАЯ 1985, 146).

В результате стихи 28-30 сплошь построены на эквивалентах и семантически тавтологичны: "калитка, стонавшая скрипкой", "дом", "Одинокий бузиновый куст" - весь этот локус знаменует собой покинутую сущность "Я" 'душу' этого "Я" на пороге 'небытия', на пороге 'затварного' (ср. аналогический финал в "Переулочках", где Ведунья отрекается от захваченного ею в себя Героя - оставляет его "на привязи" ревушего именно пред 'нетварным', а сама окончательно растворяется по ту сторону).

Стихи 26-37 ("А потом - бузина черна, С чем-то сливовым, с чем-то липким.") требуют в этом контексте еще одного прочтения. Следующие друг за другом "А потом", "А потом" (25-26) естественно воспринимаются как соответствие ускорения процесса умирания-разложения. Показательно при этом, что вместо прежних отчетливо осмысляемых и именуемых проявлений "бузины" ("трель", "корь", "кумач", "сургуч", "кралловые бусы", "кровь" "юных", "чистых", "веточек огнекистых", "сердца" и др.) здесь появляются неопределенные местоимения "С чем-то [...] с чем-то". Такая неопределенность может быть истолкована как частое у Цветаевой табуирование названия смерти по имени. Но если помнить, что смерть как выбывание из мира сего получает у Цветаевой характер желательного момента (ср. выше столкновение "казни" и определения 'хлынувшей' "крови" как "*Веселейшей* из всех кровей"), то не сложно догадаться, что табуирование и неопределенность соотносятся в данном случае с иным пониманием смерти - 'смерти духа', т.е. всего того, что грозит 'духу' несвободой, связью с хотя бы малейшими проявлениями тварности и причастности к миру земных форм бытия. С данной точки зрения особого внимания заслуживают цветообозначения "черна" (26), 'сливовый' (27) и определение 'липкий' (27).

"Черный", без сомнения, выводится из прежнего исходного 'зеленого' как промежуточного звена между неорганическим миром (черный цвет) и миром жизни (красный и кровь). Однако, согласно цветаевской последовательности, этот 'черный' вторичен, так как он появляется не перед 'зеленым', а на конце шкалы, уже после

'красного' и 'крови'- 'воды'. Вторичность указывает на его высший онтологический статус. И не исключено, что он произведен (или родственен) прежде упоминаемой "синеве" (5) как предельное ее потемнение, сгущение, на что дополнительно указывала бы примесь 'сливового': "бузина черна, С чем-то сливовым" (26-27).

В контексте насыщенности всего стихотворения цветообозначениями 'сливовый' тоже может рассматриваться как цветообозначение и пониматься как результат смешения 'синего с красным' или 'синего с черным и красным'. Небезынтересно еще отметить, что в культурной цветосимволике отмечается также и определенная связь зеленого как со смертью, так и с черно-синим или фиолетовым, т.е. черно-сине-красным (см. статью: "Colour", in: *Cérolot* 1981, 53-54). Иначе говоря, 'зеленый' эволюционирует в "Бузину" к своему пределу 'сливовому' и являет собой 'смесь' 'страсти-жизни' ('красный'), 'смерти' ('черный') и 'духовного начала' ('синий'), т.е. 'смесь', которую позволительно понимать как эквивалент Цветаевской 'души'.

Более того, 'сливовый' ('фиолетовый' или точнее 'красно-сине-черный') по той же общекультурной цветосимволике знаменует собой память и ностальгию, так как он происходит от синего, означающего приверженность, преданность, и красного, означающего страсть, жертвенность и т.д. При таком прочтении оказывается, что 'липкость' как переименование 'сливового' определяет эту 'сливовость-память-ностальгию' как нечто 'связывающее, ограничивающее, придерживающее' и 'трудно отрываемое', что в системе Цветаевой всегда рассматривается как признак 'несвободы (смерти) духа'.

Приступая к разбору "Бузины", мы уже отмечали ее мемориально-ностальгический характер. Теперь этот аспект стихотворения кажется очевидным. Доскажем только, что его можно читать двояко. С одной стороны, как рассказ о том, как "бузина" завладела "Я" и отождествилась с сущностью этого "Я". С другой, как рассказ о том, как будучи 'сущностью-памятью' "Я", эта "бузина" неотъемлема от "Я" и заново, уже как 'память', овладевает и 'растравливает', 'губит' это "Я", т.е. удерживает цветаевское "Я" в "мире сем". Завершающий стихотворение "Одинокий бузинный куст" (30) носит здесь тот же характер, что и "куст" с стихотворения "Тоска по родине! Давно...": он единственный проявитель наиболее глубокого самоотчуждения "Я" (лишеного каких-либо отличительных,

идентифицирующих "признаков" и какого-либо "Родимого пятна") и единственно он является 'домом' или 'родиной' (а еще точнее: душой) цветаевского "Я".

Стихи 31-36 отчеркнуты специальной Цветаевской чертой от основного стихотворения и могут читаться как соответствие 'эпилога'. В отличие от остального текста они крайне неоднозначны и позволяют несколько разных интерпретаций.

Одна из возможных интерпретаций такова, что здесь имеет место мена точки зрения и мена статуса говорящего субъекта: субъект отождествляется с реальной Мариной Цветаевой, точка зрения перенесена в современность написания стихотворения, т.е. в Париж начала тридцатых годов, а адресат - "Новоселы моей страны!" (31) - поколение, заселившее исконную родину "Я". Тогда весь текст может восприниматься как метафора личной и исторической судьбы Цветаевой и России, с одной стороны, а с другой - как выражение самой глубокой ностальгии (упоминание "Детской жадности" в 33, слова в скобках "по сей день - ночью" в 35, где скобки призваны придать этим словам статус наиболее интимного, наиболее личного признания ('вздоха души')); параллель "бузины"="Яда - всосанного очьми..." и легко воссоздаваемого понятия сущности человека как 'впитанного с молоком матери' в 36).

Стих 31 ("Новоселы моей страны!") вводит еще и другой круг ассоциаций (ср. примечание 10). 'Моей страной' неоднократно именуется у Цветаевой "тот свет". Так, например, в стихотворении "Новогоднее" (ЦВЕТАЕВА 1983, 273-277) смерть Рильке передается как 'переселение' на новое место: "С Новым годом - светом - краем - кровом! Первое письмо тебе на новом [...] месте звучном, месте звучном" и далее: "С незастроеннейшей из окраин - С новым местом, Райнер, светом, Райнер! С доказуемости мысом крайним - С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!". Более того: "тот свет" в "Новогоднем" имеет характер и 'родины' "Я": "Связь кровная у нас с тем светом: На Руси бывал - тот свет на этом Зрел", "тот свет, Наш" и "Из всего того один лишь свет тот Наш был, как мы сами только отсвет Нас, - взамен всего сего - весь тот свет!". Этот контекст позволяет поэтому видеть в возгласе "Новоселы моей страны!" аналог возгласа "Гермес - свои!" прибывающего "в царство душ" "Я" в "Поэме Воздуха" (ЦВЕТАЕВА 1983, 285), а весь сюжет "Бузины" - как погружение "Я" в собственную смерть (ср. еще в "Новогоднем": "Свидимся - не знаю, но - споемся. С мне-самой неведомой землей - С целым морем, Райнер, с целой мною!").

И третья возможность. "Страна", как это видно хотя бы и из приведенных выше выдержек из "Новогоднего", понимается Цветаевой как ее поэтический мир. На своем наивысшем уровне этот мир не предполагал наличия в нем каких-либо земных форм. Теперь же, особенно в тридцатые годы, этот цветаевский мир начинает обретать черты тождества "Я" с миром, некогда конституирующим это "Я". В таком случае под "новоселами" "моей страны" позволительно понимать вторгающиеся в высший поэтический мир Цветаевой такие 'реалии' как "бузина" ("древо" и "слово"), "дом", "куст".

Примечания

Текст доклада, прочитанного в Университете в Szeged (8.05.1986) и в Университете в Budapest (12.05.1986).

1. "Память", а точнее - "памятование", вводит несколько нежелательных Цветаевой аспектов:

- Удваивает мир, членит его, с одной стороны, на объект и ментальный образ, а с другой - на прошлое и настоящее;

- "Прошлое" она удерживает в "настоящем" (или иногда "настоящее" отодвигает в "прошлое");

- Продлевает вспоминающего (помнящего) вспять, до прежнего "памятного" момента и этим самым прехлождает некую тождественность "Я" нынешнего "Я" давнему, т.е. сохраняет континуальность этого "Я" (см. FARINO 1985b).

Первый, навязываемый "памятью", аспект Цветаевой чужд по той причине, что постулируемый мир - мир его собственных сущностей, а не "образами" ментального порядка, или внешними чувственно воспринимаемыми (материальными) проявлениями данного мира. Если внешнее (материально-чувственное) не преодолено, все еще сохраняется разрыв, зияние, "сквозь" между "Я" и сущностью мира и этим самым их взаимочувственность и взаимонетожественность.

Удерживающееся памятью "прошлое" в "настоящем" сохраняет связь с чувственным, т.е. с еще не "сущностью", и мелеет проникновению в сущность мира и слиянию с ней.

Продлевание себя вспять лишает цветаевское "Я" возможности освободиться от поверхностного и обрести самотождество, т.е. стать чистой - не деформированной никаким планом выражения - сущностью. Каждое очередное состояние цветаевского "Я" (и мира) - это состояние все более идеальное и все менее материальное. Поэтому на сюжетном уровне каждое такое "новое" состояние занимает позицию "исходного", требующего освобождения от актуальной ипостаси, преодоления актуальной (хотя уже и значительно истонченной материальности-чувственности). На уровне речевых средств каждое очередное состояние вводится не наречиями типа "потом", "после", а наречиями типа "теперь", "нынче" и т.п., которые призваны не столько 'продолжать' сюжет или текст, сколько 'отсекать' предваряющие состояния (в этом смысле цветаевские тексты не аддитивны и не куммулятивны, они стремятся к форме "не-текста"; они не конституируют некое высказывание, наоборот, устремлены к нулевому текстовому выражению, тождественному постигаемому чистому смыслу). Ср.,

Например, последовательность временных указателей в цикле "Бессонница": "Обвела мне глаза кольцом Теневым - бессонница" → "Из дома сонного иду - прочь" → "После бессонной ночи слабее тело" → "Нынче я гость небесный" → "Сегодня ночью я одна в ночи" → "Вот опять окно" → "Бессонница! Друг мой! Опять твою руку Я протянутым кубком Встречаю" (ЦВЕТАЕВА 1965, 85-92). Аналогичным образом строится у Цветаевой не только составленные из разных стихотворений циклы, но и поэмы - см. хотя бы: "Стенька Разин", "Переулочки", "Поэма Горы", "Поэма Конца", "Поэма Воздуха" и др.

2. Как уже говорилось в примечании 1., "память" в цветаевской системе соотносится с представлением о связывающем, ограничивающем, об узничестве духа в земных формах бытия. Отсюда желательное состояние цветаевского "Я" - 'забытие', 'беспмятность', которые гарантируют 'отрешенность' и 'отключенность' от всего земного (ср. в "Переулочках" - ЦВЕТАЕВА 1982, II, 178 - 'стирание' наиболее глубокой памяти героя Ведуньей: "Чтоб и спросишь Не сказал сынок: К маменьке, К маменьке! [...] Волеваньяце, Дорогая быть - С памяти! С памяти!", которое следует после предварительного отключения чувств зрения и слуха). Но тем не менее мотив "памяти" (хотя бы и в отрицаемом варианте) не характерен для Цветаевой. Поэтому тем более значимым становится его частое появление (то в эксплицитном, то в имплицитном виде) в ее стихотворениях 30-х годов, в том числе и в "Бузине". Своей основной семантики он, конечно, не меняет и теперь, однако сам факт его частотности говорит о переходе Цветаевой на автобиографизм и на стирание граней между "Я" текста и реальным "Я" Марины Цветаевой (в "Бузине" красноречивее всего свидетельствует об этом последняя строфа - стихи 31-36, которую можно читать как выход из лирического измерения в историко-биографическую реальность автора). Заметное бессилие "Я" по отношению к "памяти" позволяет читать здесь и как кризис поэтической цветаевской системы, как трагедию несостоявшегося (неосуществившегося) программного лирического "Я", т.е. не совпавшего с "Я" реальным и не ставшего единственным "Я" Цветаевой.
3. Ср. толкование зеленого цвета в систематике Кандинского (KANDINSKY 1954, 61-76; RZEPINSKA 1983, 544-545). Возникая в результате двух динамичных цветов - желтого и голубого (синего), - зеленый уравнивает противоположность движения тех и приводит к состоянию покоя, становясь неподвижностью. Этим своим свойством зеленый вызывает чувство пассивности и "самодовольства", устойчивости, отсутствия страстей. Зеленый - по Кандинскому - господствующий цвет лета, времени года, когда природа, преодолев бурные порывы весны, погружается в бесстрастное и невозмутимое самодовольство.
4. Ср. мотив "тихого пруда" в "Имя твое - птица в руке..." (из цикла "Стихи к Блоку" - ЦВЕТАЕВА 1980, I, 227) или 'замщенности' - "тины" в "Удар, заглушенный годами забвенья..." (из цикла "Надгробие" - ЦВЕТАЕВА 1983, III, 183), которые моделируют у Цветаевой 'поверхностность-видимость покоя' и предполагают подспудную 'глубинную, сущностную' динамику. В "Бузине" эта двойственность более эксплицитна: наличие "плесени", пока потенциально, вписывает в "зелень" и "чан" некий признак 'злоскаченного' или, по крайней мере, признак 'ложного покоя', 'не-истинной полноты бытия'.

5. В контексте, написанного в первой половине 30-х годов "дом" в стихе 29 соответствует "саду" и является душевным двойником "Я" - ср. в стихотворении "Дом" (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 159-160):

Из-под нахмуренных бровей
Дом - будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: - Здравствуй, я!

[...]

Из-под нахмуренных бровей -
О зелень юности моей!
Та - риз моих, та - бус моих,
Та - глаз моих, та - слез моих...

[...]

Скрывающийся среди лип.
Девический дагерротип
Души моей...

Контекст стихотворения "Сад" (там же, 178 и вариант на 485) расширяет понятие 'сад' до понятия 'первозданного божественного локуса' и состояния, сравнимого с самим Богом:

Скажи: довольно муки - на
Сад - одинокий, как сама.
Но около и Сам не стань!
Сад, одинокий, как Я Сам.

И в варианте:

Как в первый час -
Чтоб был он пуст:
Без взгляду глаз,
Без выагу уст,

Чтоб ливнем мок,
листвою горел...
Без следу ног,
Без следу - тел...

[...]

На старость лет моих пошли,
Бог, - и на молодость души!

Если в "Бузине" читать "сад" аналогично - как желательное состояние "Я" и как точку устремления этого "Я", - то тогда "бузина" должна пониматься как преграда, помеха в осуществлении этой цели (ср. 1.: "Бузина цельный сад залила!" и затем 20-21: "Бузина - цельный сад залила Кровью юных и кровью чистых"). Об этом может свидетельствовать еще и факт, что в финале "сад" уже не упоминается, он уступает место 'реалистическому', так сказать, топографическому локусу "Возле дома" (29) и 'ботаническому' "кусту" (30).

6. Цвет глаз в цветаевской поэтической системе занимает особое место и требует внимательного изучения (эта тема в настоящее время разрабатывается Л.Вл.Зубовой, часть наблюдений которой мне известны по нашей переписке по этому поводу). Для Цветаевой характерно то, что отмечаемый ею цвет глаз играет роль не идентифицирующей портретной детали, а, если можно так выразиться, 'нравоуказателя' и непосредственно соотносится со степенью 'духовности' данного персонажа. С тем, что в случае цветаевского "Я" ему приписывается зеленый цвет глаз (впреки цвету глаз самой Цветаевой, с одной стороны, и, с другой, -

цвету глаз лирических предков лирического цветаевского "Я"; ср. в стихотворении "Какой-нибудь предок мой был - скрипач..." - ЦВЕТАЕВА 1980, I, 192: "Еще мне думается, что - трус Был мой желтоглазый предок"), который соотносится с представлением об опасном 'колдовском соблазне'. В данном отношении чрезвычайно показательное стихотворение "Глазами ведьмы зачарованной..." (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 231), где "Я" - лишенное колдовских сил ведьмы и получившее 'христианскую' "душу" - дано словом "голубооком":

[...]

С тех пор как мне душа дарована,
Я стала тихая и безответная.

Забывла, речною чайкою
Всю ночь стонала под лядскими окнами.
Я в белом чепчике теперь - хозяйкою
Хожу степенною, голубокою.

И даже кольца стали тусклые,
Рука на слонце - как мертвец спеленутый.
Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит, -
А в солонице соль лежит нетронута...

и где 'потускнение колец' значит 'ослабление связей с миром земным', а 'нетронутая соль' и 'непроглатываемый хлеб' отсылают к символике 'поста' и отречения от 'плотского' (от 'соблазнения [другого собой]' и от 'соблазняемости [другим]')

7. Кроме того "бузовать" значит еще: 'жадно пить, тянуть, глушить', что, возможно, отражено в стихе 36: "Яда - всосанного очьми..."; 'сечь, наказывать', что отражено, в свою очередь, в стихе 19: "Бузина казнена, казнена!". См. статью "Бузовать" в: ДАЛЬ 1978, I, 137.
8. Так в "Поэме Воздуха" очередная фаза выхода в потустороннее обозначена и "липким воздухом" (ЦВЕТАЕВА 1983, IV, 281-282):
Солнцепричастная, больше не мурусь.
Дух: не дышу уж!
Твердое тело есть мертвое тело:
Оттяготела.
Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже - реже - реже...
Баловливых рыбок
Скользь - форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!
[...]
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашемирским...
9. Эта эквиваленция сформировалась у Цветаевой с ее первых поэтических опытов и в том же виде (обогащаясь вариантами и смысловыми оттенками) сохранилась на протяжении всего творческого пути. С. стихотворение "Душа и имя" из сборника 1912 года "Волшебный фонарь" (ЦВЕТАЕВА 1980, I, 122):

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забуть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями маящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

С перспективы 1912 года здесь прежде всего опознается романтический мотив чуждости "я" в светской суете (ср. Лермонтовское "Как часто, пестрою толпою окружен..." или А.К.Толстого "Среди шумного бала, случайно..."), но в контексте написанного Цветаевой после 1912 тут на первое место выдвигается теологический мотив и традиция Лермонтовского "Ангела" ("По небу полуночи ангел летел...", т.е. мотив воссоединения "я" с собственной сущностью (см.: FARYNO 1985a, 235-238, 397-403).

10. См. примечание 5. И еще стихотворение "Куст" (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 176-177):

Что нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, [...]
[...]
А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б - тогда бы не цвел
Мне прямо в развернутую душу,
Что только кустом не пуста:
Оком моих всех захолюстий!

Особой место "куста" в Цветаевской системе более определенно эксплицируется в "Ударило в виноградник..." (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 189-190), где виноградный куст "Их туч с золотым обрезом" "весь световым железом пронизан - пробит - пронзен", а "каждый листок - Господня Величия - транспарант", т.е. уподоблен библейскому горящему кусту, из которого глас Господний воззвал к Моисею и определил его миссию (*Исход* 3: 1-10). Но это не факультативный сюжет, а глубокий структурный мотив цветаевской поэтики. Дело в том, что как в случае имени "Марина" Цветаева не только этимологизирует его, а возводит в ранг сущности своего лирического "Я", так в случае дня рождения прочитывает день Иоанна Богослова как основную миссию если не самое себя, то по крайней мере своего лирического "Я". Ср. стихотворение "Красною кистью..." из цикла "Стихи о Москве" (ЦВЕТАЕВА 1980, I, 219):

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньше
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

В этом контексте было бы, например, странным, если бы мотивы дерева, куста, лиственные были связаны у Цветаевой с понятием Бога, с мотивом слова и поэтического творчества. В данном отношении "бузина" - эквивалент не только "куста", но, и, например, "рябины". Ср. в стихотворении "Дом" (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 160):

[...] От улицы вдали
Я за стихами кончу дни -
Как за ветвями бузины.

В контексте последнего стихотворения, написанного за несколько дней до "Бузины" (оно помечено датой "6 сентября 1931г.", а "Бузина" - датой "11 сентября 1931г. - 21 мая 1935г."), и другого стихотворения "Дом" (с датой "весна 1935г."), где имеются следующие строки (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 186):

Лопушиный, ромашный
Дом - так мало домашний!

[...]
Из которого души
Во все очи глядят -
В все окна! [...]

[...]
[...] За старым
Мне и жизнь и жильё
Заменившим каштаном -
Есть окно и мое.

предлог "из-за" в стихах 32, 34 ("Из-за ягоди бузины, [...], из-за древа и из-за слова: Бузина") может читаться и со значением 'из запредельного, заживленного', локализованного - как сущность - в 'пространстве душ', т.е. 'под' или 'за' 'древом-словом' "бузина".

Показательно, что как раз этот смысл дешифрируется Ахматовой в ее "Комаровских набросках" (написанных 19-20 ноября 1961 года) как 'Цветаева':

[...]
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов переключка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это - письмо от Марины.

Причем, ставя рядом с эпиграфами из Мандельштама и Пастернака также и эпиграф "О, Муза Плача..." из открывающего цветаевский цикл 1916 года "Стихи к Ахматовой" (ЦВЕТАЕВА 1980, I, 232-237), Ахматова отождествляет себя с наиболее ранним пророческим цветаевским наименованием "Муза плача", а Цветаеву - с наиболее поздним и наиболее трагическим цветаевским двойником: с "бузиной".

11. Детальнее о функции двоекочий у Цветаевой см.: РЕВЗИНА 1981а.
12. Эту композиционную включенность 'синевы' вовнутрь обрамляющей 'зелености' позволительно толковать как признак потенциального присутствия 'синевы' в "бузине", еще не осуществившейся т.е. еще не высвобожденной из 'уз' жизни (вегетативности).
13. В одних случаях это может быть буквальным истончением плоти, как, например, в цикле "Бессонница": "После бессонной ночи слабее тело, Милым становится и не своим, - ничьим, [...] И улыбаешься людям, как серафим. [...] Нежно светлеют губы, и тень золоче Возле запавших глаз." → "Ныче я гость небесный. В стране твоей.", которому сопутствует отрешение от тех или иных уровней чувственности и отключение ото всяких контактов и связей с внешним (бытовым) миром (см. более подробный разбор "Бессонницы" в: FARYNO 1978). В других же это получает вид перевоплощений, метаморфоз, выстраивающихся по шкале от некоего полноценного физического облика до нематериального состояния и исчезновения, превращения в "сквозь" (таковы, например, метаморфозы Магдалины в триптихе "Магдалина" или Ведуны в поэме "Переулочки" - их разбор см. в: FARYNO 1985а).
14. Подчеркнем особо, что Цветаевское 'поглощение' означает не только отождествление 'поглащаемого с поглащающим', но одновременно и обратное отождествление - 'поглащающего с поглащаемым'. Это происходит от того, что 'поглощение' есть проникновение в сущность 'поглащаемого', проникновение, которое возможно только в случае метаморфозы 'поглащающего' до своей сущности, на уровне сущностей дифференцированности между обоими 'партнерами' полностью устраняется. Так, в цикле "Стихи к Блоку" (ЦВЕТАЕВА 1980, I, 227-228 и след.), в открывающем его стихотворении "Имя твое - птица в руке..." лирическое "я" поглащает в себя произносимое "имя" и постепенно овладевает его сущностью. Одновременно меняет свой статус и "Я", обретая состояние собственной сущности. В очередном стихотворении - "Нежный призрак..." - имеет место уже 'встреча' обеих сущностей на уровне 'запредельного': "Нежный призрак, Рыцарь без укорызы, [...] Голубоглазый Меня сглазил Снеговой певец, Снежный лебедь Мне под ноги перья стелет, [...] Так по перьям, Иду к двери, За которой - смерть."
15. Цветаевский мир дискретен и недискретен одновременно. Дискретность соотносится прежде всего с механическими, косными, лишеными внутреннего движения-метаморфоз формами бытового уровня мира. Недискретность же соотносится с формами устремленными к своей сущности, с формами, которые преодолевают свою материальность-оформленность путем внутренней динамики, внутренних усилий, направленных на преобразование материальности в, так сказать, энергетический поток. Недискретность в данном случае проявляется в виде шкалы "более материальный и этим самым менее сущностный - менее материальный и этим самым более сущностный", т.е. каждое очередное состояние отлично от предыдущего по признаку повышенной духовности, а от предстоящего - по признаку меньшей духовности (большей материальности). В рамках одного состояния образуется собственная шкала: от пассивного обладания признаком до наиболее интенсивного обладания признаком с пределом 'абсолютизированный признак', который является одновременно и критической точкой данного состояния, требующей 'метаморфозы', перехода в иной онтологичес-

кий статус. Вот в этих критических точках и наблюдается второй тип дискретности, разких скачков, "отсечений". В "Бузине" это явление наблюдается во внутренней континуальной интенсификации (градации) 'зелености', 'красности', 'губительного "яда"' и 'крови', с одной стороны, а, с другой, - резкой дискретности между отдельными стадиями (что отражено также и в композиционном принципе стихотворения).

16. См. примечания 5 и 10. Ср. еще в варианте стихотворения "Сад":

Когда в первый час -
Чтоб был он пуст
[...]
Чтоб *ливнем* мок,
Листвой горел...

или в "Красною кистью":

Красною кистью
Рябина зажглась.

Ряд существенных наблюдений в связи с местом мотива деревьев у Цветаевой содержится в: РЕВЗИНА 1981b и 1982.

17. Ср., например, градацию звуков в "Бессоннице" от 'клича', 'свиста', 'роката яркой колотушки' и 'крика разлук и встреч' до 'беззвучного знона=соблазна смертью':

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно-
Звенящей ночи.

- Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь -
Веду...

[...]

Прельстись!
Испей!
От всех страстей -
Устой,
От всех вестей -
Покой.

[...]

Глотни:
- Не будь! -

[...]

Мир без вести пропал. В нигде -
Затопленные берега...

и в варианте стихов 13а-18 (ЦВЕТАЕВА 1983, III, 488):
Бузины...

Не звени! Не звени!
Без того уж раздражены
Губы зовом твоим напрасным.
Как не жаждать тебя всечасно
Из всех ягод земных - о яд! -
Та, которую не едят!

Л и т е р а т у р а

- БАХИЛИНА, Наталья Б. 1975. *История цветообозначений в русском языке*, Москва.
- CIRLOT, Juan Eduardo, 1981. *A Dictionary of Symbols*, Second Edition. Translated from the Spanish by Jack Sage. Foreword by Herbert Read. Philosophical Library, New York.
- ЦВЕТАЕВА, Марина И., *Стихотворения и поэмы в пяти томах*, Russica Publishers, Inc., 1980 Том I, New York. 1982. Том II, New York. 1983. Том III, New York. 1983 Том IV, New York. *Избранные произведения*, Москва-Ленинград, 1965.
- ДАЛЬ, Владимир И., 1978. *Толковый словарь живого великорусского языка*, Том I, Москва. 1980. *Толковый словарь живого великорусского языка*, Том IV, Москва.
- ЕЛ'НИСКАЈА, Svetlana I., "Мотив 'отрешение' в поэтическом мире Цветаевой", in: *Wiener Slavistischer Almanach*, Band 15, 1985, Wien.
- FARYNO, Jerzy, "Вессонница' Марины Цветаевой (Опыт анализа цикла)", в: *Зборник за Славистику*, XV, 1978, Нови Сад. 1985а. "Мифологизм и теологизм Цветаевой ("Магдалина" - "Царь Девница" - "Переулочки)", в: *Wiener Slavistischer Almanach*, Sonderband 18, Wien. 1985б. "Я помню (чужое мгновение...)" и "Я (слово...) позабыл", в: *Wiener Slavistischer Almanach*, Band 16, 1985, Wien.
- ГАСПАРОВ, Михаил, Д. "Поэма Воздуха' Марины Цветаевой, Опыт интерпретации", в: *Труды по знаковым системам*, XV, Типология культуры, Взаимное воздействие культур, Тарту, 1982.
- KANDINSKY, Wassily, 1954. *Du spirituel dans l'art*, Paris. (*Über das Geistige in der Kunst*, München 1912).
- РЕЗВИНА, Ольга Г., "Знаки препинания в поэтическом языке: Двоячные в поэзии М.Цветаевой", в: "Marina Cvetaeva. Studien und Materialien", in: *Wiener Slavistischer Almanach*, Sonderband 3, Wien. 1981б. "Структура поэтического текста как доминирующий фактор в раскрытии его семантики", в: "Marina Cvetaeva. Studien und Materialien", in: *Wiener Slavistischer Almanach*, Sonderband 3, Wien. 1982. "Тема деревьев в поэзии М.Цветаевой", в: *Труды по знаковым системам*, XV, Типология культуры, Взаимное воздействие культур, Тарту.
- RZEPINSKA, Maria, 1983. *Historia koloru w dziejach malarstwa europejskiego*, Wydanie nowe uzupelnione, Krakow.
- СЛОВАРЬ..., 1974. *Словарь библейского богословия*, Под редакцией Ксавье Леон-Дюфура и др., Перевод со второго французского издания, Bruxelles.
- ЗУБОВА, Людмила Вл., 1985. *Цвет глаз в поэзии Марины Цветаевой*, (в печати).

БУЗИНА

Текст из белой тетради
(рукопись 1938г.)

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена!
Зеленее, чем плесень на чане.
Зелена - значит лето в начале!
Синева - до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом - через ночь - костром
Ростопчинским! - в очах красно
От бузиной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины...

(Варианты)

1.

...Не звени! не звени!
Без того уж раздражены
Звери | в поле и птицы | в доме!
Птицы | дети |
Ничего в тебе нету - кроме
Красноты, веселящей глаз!
Красноты веселящий газ!

Бузина казнена, казнена!
Бузина - цельный сад залила!
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых:
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца - твоей - моей...

А потом - водопад зерна,
А потом - бузина черна,
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой стонавшей скрипкой
Возле дома который пуст -
Одинокий бузиновый куст.

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды бузины
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день - ночью...)
Яда, всосанного очьми...

2.

..Не звени! не звени!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде, слаще яда!
Кумача, сюргуча и ада
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови - вкус!

Эта строфа выделена
позднейшими отчерками (другими
чернилами)

Бузина багрова, багрова!
Бузина - цельный
В лапы!
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной...
Я бы болезнь - бузиной
Назвала..

Вчеркнуто карандашом
(Лакуни - самоцензура)

Мёдон, 11го сентября 1931 г.
(дописано в Ваучес (руина) 21го мая 1935 г. - полугодие с гибели
В.П.Г.)

Потом в тетради - "Ненужен твой стих" - 14 сентября 1931 г.

Потом - два следующие отрывки (не датированные):

Тише, тише, тише, век мой громкий!
За меня потоки - и потомки.

(NB! Эпиграф ко всей мне)

...Таруса. Кусты. Хлысты.
Хлысты подались в кусты
Бузинные. Куст, хрусти!
Хлысты украли холсты.

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит лето в начале,
Синева - до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом - через ночь - костром
Растопчинским, - в очах красно
От бузиной пузырчатой трели
Красной кори на собственном теле,
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины - до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада
Смесь, коралловых мелких бус
Влеск, запекашейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
Бузина - цельный сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых, -
Веселейшей из всех кровей:
Кровью лета - твоей - моей.

А потом - водопад зерна,
А потом - бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким...
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.

*Бузина, без дома, без ума
Я от бус твоих, бузина!

Это - полный текст 1935 г.
из черновой тетради МЦ.
В беловую тетрадь она переписала
шестистрочный вариант,
который и публикуется с 1961 г.
В 1940 г., составляя книгу
своих избранных стихотворений,
МЦ внесла "Бузину" в список
с пометой "обкарнанная" = 30 стр.
Т.к. текст этой книги сохранился
не полностью, можно только пред-
полагать, имела ли МЦ в виду
снятие последней строфы бело-
вого варианта ("Новоселья моей
страны!"), или же считала сам
шестистрочный вариант "обкарнан-
ным" (вероятнее все же первое
предположение). - В.К.

*Перед этой строфой в рукописи
авторская ремарка: "NB! Куда?
Или вовсе не нужно?"

Степь - хунхузу, Кавказ - грузину,
Мне - мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды-бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина - (по сей день - ночью...)
Яда, всосанного очьми...

Бузина багровая, багрова!
Бузина - цельный край забрала
В лапы: детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь - бузиной
Назвала...

*(Тексты стихотворения "Бузина" из белой и черной тетрадей
Цветаевой предоставлены в распоряжение автору этой статьи Е.В.
Коркиной)*

John A. BARNSTEAD (Dalhousie University, Halifax, Canada)

MANDEL'STAM AND KUZMIN

While Kuzmin's influence on Mandel'stam's earliest published poetry has occasionally been noted, although not analyzed, Mandel'stam's continuing affinities with Kuzmin in later years have never been systematically traced out.¹ Due perhaps to Kuzmin's increasingly negative remarks about Acmeism during the 1920s,² perhaps to Axmatova's sharp rejection of crucial principles of Kuzminian poetics on behalf of all Acmeists,³ the relationship between the two men has been largely neglected. Mandel'stam's Kuzmin criticism, however, serves as vehicle to a rich tenor of associations with the poetry of both authors. Because he came to make analysis of form into content and meaning into form,⁴ how he framed such critical reaction reveals as much about his literary attitudes as the reaction itself. Shared concern with the role of the name in poetry, gradual elimination of thematic differentiation between prose and poetry,⁵ and incorporation of verbal structures from the later into the former are major elements in this largely one-sided textual dialogue. After reaching a climax, in 1922, when Kuzmin gave the title *Tristia* to Mandel'stam's second collection of verse without consulting him, it becomes for Mandel'stam an intermittent process of purgation, in which imagery associated with a concept of mechanical time he found distasteful is used as if to neutralize continuing allusions to Kuzmin. When viewed against this background, some Mandel'stam poems exhibit an otherwise imperceptible metaliterary level, a constituent of what V. N. Toporov, following Umberto Eco, has termed an

"open text", which through complex references to other writing frees itself from finite interpretation.⁶ To a much lesser extent, certain allusions to Mandel'stam function analogously in Kuzmin texts.⁷ Such attenuation is only natural, since Kuzmin was the elder, established poet, only somewhat artificially cast as mentor to the Acmeists.

The interaction between the two men is in no sense central to the work of either, but this very marginality betokens its significance in Mandel'stam, for whom periphery was to become nucleus: "Uničtožajte rukopis', no soxranjajte to, čto vy načertali sboku, ot skuki, ot neumen'ja i kak by vo sne".⁸ Although both authors recognized the potential transcendency of subordinate elements in art, it was Mandel'stam who made "soprjaženie slovesnogo materiala po vtorostepennym priznakam"⁹ a key principle of his poetic semantics. By tracing his use of the principle to establish characteristic imagery configurations in his Kuzmin criticism, it is possible to move beyond a search for shared themes or motifs in his other work to an examination of their function within its complex system of signification.

Kuzmin and Mandel'stam may have met originally at one of Fedor Sologub's evenings, or perhaps at a Wednesday gathering in Vjačeslav Ivanov's Tower. It is almost certain that Kuzmin was present at Mandel'stam's "literary baptism" on 16 May 1909 when Mandel'stam read some of his poems at an Akademija meeting in the Tower, for at that time Kuzmin was one of its permanent residents.¹⁰ By 5 September 1909 Mandel'stam was close enough to Kuzmin's nephew, Sergej Auslender, to ask him to request Ivanov to arrange a room for him in Saint Petersburg.¹¹ Autumn of that year saw the composition of Kuzmin's *profession de foi* "O prekrasnoj jasnosti", echoes of which may be heard in Mandel'stam's 1910 essay on François Villon.¹² Sergej Makovskij has recorded that with the founding of *Apollon* Mandel'stam, Gumilev, and Kuzmin all became close friends.¹³ Kuzmin's diary notes a meeting of the three in Carskoe selo on 2 April 1911, and an evening of poetry reading together at Ivanov's two days later; such occasions

must have been fairly frequent.¹⁴ Kuzmin participated with Mandel'stam in the controversies in the Akademija which led to the founding of the "Cex poëtov", but it is clear that he disagreed from the start with Gumilev's theorizing, and as soon as Acmeism became a "school" (a concept he had warned against in a review of Gluck's *Orfeo ed Euridice*) he bowed out.¹⁵

Kuzmin's dislike of schools was reflected in his initial published characterization of Mandel'stam in his preface to Anna Akmatova's first book of poems *Večer*. Although in it he grouped Mandel'stam with those members of the youngest generation of poets striving towards subtle, brittle, or fragile poetry, he nonetheless viewed each of them as an individual, carefully defining Mandel'stam's distinguishing trait as "neobyknovenno izoščrennyj analiz naročito-pričudlivyx pereživanij", in contrast to Il'ja Ėrenburg's mere description of objects conventionally held to be delicate, or Marina Cvetaeva's ironic descriptions of an intimate, somewhat demonstratively pedestrian life.¹⁶

The similarity of Mandel'stam's early poetry to Kuzmin's is not, however, confined to their common ambience of the fragile and the particular, with earth the centre of beauty. Poems such as no.6 "Na bledno-goluboj ěmali" or no.7 "Est' celomudrennye čary", while sharing Kuzminian concern with 'otročennye uzory', 'tonen'kie setki' and 'xrupkost'', represent only the most obvious level of affinity. More subtly, in no.28 "Ja vzdraživaju ot xoloda", the reference to the ball resonates with its numerous occurrences in Kuzmin, where it is constantly associated with the revelation or realization of love.¹⁷ Here the Kuzminian subtexts reinforce the function of the image as polemicizing with symbolism through concretization of the ethereal.¹⁸ But for Mandel'stam the momentary concern with precise but fleeting physical sensations or fragile, ephemeral objects so characteristic of Kuzmin's *Seti* is not sufficient. From the beginning of his career he required the function of memory as well:

Puskaj mgnovenija stekaet mut' -
Uzora milogo ne začerknut'. [No. 8, 11. 11-12]

This necessity is reflected in Mandel'stān's earliest discussion of Kuzmin's poetry, contained in a review of *Al'manax mus* presumably written in 1916, but unpublished until 1969. In it Mandel'stān expressed reservations about Kuzmin's approach to poetry, despite an apparently enthusiastic overall reception for his work:

Plenitelen [jasnyj] klassicizm Kuzmina. Sladostno čitat' živuščego sredi nas klassičeskogo poēta, čuvstvovat' getevskoe slijanie "formy" i "soderžanija", [osjazaja samuju ličnost' poēta, ego "ja", kak čistuju formu] ubeždat'sja, čto duša naša ne substancija, sdelannaja iz metafizičeskoj vaty, a legkaja i nežnaja Psixėja. Stixi Kuzmina ne tol'ko zapominajutsja otlično, no kak by pripominajutsja (vpečatlenie pripominanija pri pervom že čtenii), vyplyvaja iz zabvenija (klassicizm);

Naverno, tak že xolodny

V raju drug k drugu serafimy.

Odnako klarizm Kuzmina imeet svoju opasnuju storonu. Kažetsja, čto takoj xorošej pogođy, kakaja slučaetsja osobenno v ego poslednix stixax, i voobščē ne byvaet.¹⁹

Mandel'stān's praise for Kuzmin's Goethean blend of form and content is actually an ironic response to Kuzmin's own completely opposite views, expressed in a paper delivered at the "Brođjačaja sobaka" two years earlier, when Kuzmin issued a "prizyv k prostote formy, iskrennosti i složnosti soderžanija, k differenziacii ix do poslednix predelov."²⁰

The magnificent weather emblematic here of Kuzmin's poetry later forms a subtext for the following passage from "Razgovor o Dante":

Tut ja ponjal, čto kamen' kak by dnevnik pogođy, kak by meteorologičeskij sgustok. Kamen' - ne čto inoe, kak sama pogođa, vyključennaja iz atmosferičeskogo i uprjatannaja v funkcional'noe prostranstvo. Dlja togo, čtoby čto ponjat', nado sebe predstavit', čto vse geologičeskie izmenenija i samye sdvigi vpolne razložimy na elementy pogođy. V štom smysle meteorologija pervičnee mineralogii, ob'emlet ee, omyvaet, odrevlivaet i osmyslivaet.²¹

Beyond its direct meanings, 'kamen'' in this passage makes reference to Mandel'stān's first book of poems. When read as literary commentary against the background of the 1916 review of *Al'manax mus*, the labelling of stone as the diary of

weather obliquely characterizes Mandel'stam's early poetry as the imposition of sequentiality and memory upon the poetics of Kuzmin. In speaking about the precedence of meteorology over mineralogy, Mandel'stam indirectly acknowledges Kuzmin as a legitimate predecessor; the striking use of the verb 'odrevlivaet' is tied on this metaliterary level with Mandel'stam's 1923 characterization of Kuzmin's poetry as the "preždevremennaja starčeskaja ulybka ruskoj liriki."²²

Marina Cvetaeva recorded the tremendous impact which Kuzmin's reading of the poem quoted from in Mandel'stam's review had on her, and since Mandel'stam was also present at the time, perhaps he experienced a similar response.²³ However, his attraction to the particular lines he cited may be more easily understood in the context of his own use of the word 'serafimy' in his poetry.²⁴ In "Ajja-Sofija" they sound a death-knell:

I serafimov gulkoje rydan'e
Ne pokorobit temnyx pozolot. [No. 38, 11. 19-20]

In a poem about Poe from the same year, the 'serafim' image represents the essentially irrational, which can reduce Mandel'stam's beloved word to noise:

Značen'e - sueta, i slovo - tol'ko šum,
Kogda fonetika - služanka serafima. [No. 40, 11. 7-8]

This is its meaning later as well, in the 1920 poem "Ja v xorovod tenej...":

Ja v xorovod tenej, toptavšix nežnyj lyg,
S pevučim imenom vmešalsja,
No vse rastajalo, i tol'ko slabyj zvuk
V tumannoj pamjati ostalsja.

Snáčala dumal ja, čto imja - serafim,
I tela legkogo dičilsja,
Nemnogo dnej prošlo, i ja smešalsja s nim
I v miloj teni rastvorilsja. [No. 123, 11. 1-8]

The fifth line of this poem suggests that a change has taken place in Mandel'stam's conception of 'imja', that he feels he was mistaken in considering it identifiable with 'serafim'. This would suggest that it was Mandel'stam's struggle with the concept of the name which may have made the lines he quoted from Kuzmin's collection *Vožatyj* so memorable for him. Although tempted by Kuzmin's evocation of a love which has

passed beyond the need for physical expression, Mandel'stam ultimately rejects this solution to the problem of 'imja' in "Ja v xorovod tenej...". For Kuzmin the name disguises the essence:

Bledny vse imena, i stary vse nazvan'ja, -
Ljubov' že každyj raz nova.²⁵

Zabyto imja zdes' i otčestvo,
Liš' serdca ne zabyta bol'.²⁶

In his short stories "Antrakt v ovrage" and "Sekret o. Ger-vasija" changes of place-names are viewed as irrelevant to the basic nature of the locality.²⁷ Throughout his work, Kuzmin uses chains of personal names related by the principle of *soprjaženie po vtorostepennym priznakam* to connect the various avatars of his archetypal characters.²⁸ In contrast, for Mandel'stam the name, like the word, *is* the essence, its loss or alteration is cause for lament:

Nam ostaetsja tol'ko imja -
Čudesnyj zvuk, na dolgij srok.
Primi ž ladonjami moimi
Peresypaemyj pesok. [No. 90, 11. 29-33]

Triždy blažen, kto vvedet v pesn' imja;
[No. 136, 1. 37]

Ne zabyvaj menja, kazni menja,
No daj mne imja, daj mne imja:
Mne budet legče s nim - pojmi menja,
V beremnoj glubokoj sini. [No. 139, 11. 6-7]

A characteristic feature of the ominous "them" in poem no.328 is their namelessness:

Net imeni u nix. Vojdi v ix xrjašč,
I budeš' ty naslednikom ix knjažestv.
[No. 328, 11. 6-7]

The relationship between Mandel'stam and Kuzmin in the concept of 'imja' is most directly evidenced by Mandel'stam's poems no.66 and no.71:

Pust' imena cvetuščix gorodov
Laskajut slux značitel'nost'ju brennoj.
Ne gorod Rim živet sredi vekov,
A mesto čeloveka vo vselennoj. [No. 66, 11. 1-4]

A golub' ne boitsja groma,
Kotorym cerkov' govorit;
V apostol'skom sozvuč'i: Roma!
On tol'ko serdce veselit.

Ja povtorjaju što imja
Pod večnym kupolom nebes,
Xot' govorivšij mne o Rime
V svjaščennom sumrake isčez! [No. 71, ll. 5-12]

These poems are a polemic response to the following passage from the conclusion of Kuzmin's 1909 novel *Nešnyj Iosif*:

I potom [...] Iosif podošel k oknu i [...] stal tverdit' "Roma, Roma" poka zvuki ne utratili dlja nego značen'ja i čto-to vtilos' v dušu ogromnoe, kak nebo ili kupol cerkvi [...]²⁹

For Kuzmin repetition eliminates earthly meaning and reveals a nameless essence; for Mandel'stam meaning is concentrated in the repetition, and it is ultimately the original speaker that disappears.

* * *

The early post-revolutionary period saw Mandel'stam and Kuzmin sharing an interest in the theories of rhythmic movement propounded by Emile Jacques-Dalcroze. Both men participated in the studios of rhythmic movement in Petrograd, and at the beginning of the 1920s even took part in a masquerade organized by them.³⁰ Kuzmin had used eurhythmics as a motif in his 1914 novel *Plavažušče putešestvujušče*, while Mandel'stam employed it as the governing metaphor of his 1920 article "Gosudarstvo i ritm".³¹ This article contains yet another reminiscence of Kuzmin's early work: compare Mandel'stam's "Nad nami varvarskoe nebo, i vse-taki my èlliny"³² with Štrup's famous assertion in Kuzmin's first novel *Kryl'ja*: "My - èlliny, ljubovniki prekrasnogo, vakxanty grjađuščež žizni".³³ Such concern for origins and general characterizations marks not only Mandel'stam's prescriptions for the masses but also his discussions of major writers in the early 1920s.

In his 1922 essay "Pis'mo o russkoj počzii", Mandel'stam concisely formulates the fundamental movement of Kuzmin's work:

Kuzmin prišel ot volžskix beregov s raskol'nič'imi pesnjami, ital'janskoj komediej rodnogo domašnego Rima i vsej staroj evropejskoj kul'turoj, poskul'ku ona stala muzykoj - ot koncerta v palacco Pitti Džordžone do poslednix poem Debjussi.³⁴

On the surface this characterization seems to consign Kuzmin

to the outmoded symbolist definition of poetry as born from the spirit of music, but Mandel'stam's choice of illustrations generates more subtle levels of meaning. The reference to Giorgione's "Concert" is actually to a painting of Titian at the Pitti Palace, while Debussy's music is famed for its attempt to transmit a picture in sound.³⁵ Thus Mandel'stam discerned in Kuzmin a transition from aural to visual imagery. Kuzmin himself used this movement from 'glas' to 'glaz' as an organizing principle in his 1922 cycle "Stixi ob iskusstve", and was to employ it again in ordering the critical essays in his 1924 collection *Uslovnosti*, which proceeds from operetta to drama to poetry to painting.

The reference to Debussy, the only one in all of Mandel'stam's critical prose, may have been prompted by Kuzmin's 1915 poem "K Debjussi" in *Vožatyj*.³⁶ Several images from this poem had appeared in Mandel'stam's poem no.108 "Sestry - tjažest' i nežnost'".

How does the Kuzminian layer of association function within Mandel'stam's poetry? A preliminary answer to this question may be found by examining poem no.108:

Sestry - tjažest' i nežnost' - odinakovy vaši primety.
Međunicy i osy tjaželuju rozu sosut.
Čelovek umiraet, pesok ostyvaet sogretyj,
I včerašnee solnce na černyx nosilkax nesut.

Ax, tjaželye soty i nežnye seti,
Legče kamen' podnjat', čem imja tvoe povtorit'!
U menja ostaetsja odna zabota na svete:
Zolotaja zabota, kak vremeni bremja izbyt'.

Slovno tamnuju vodu ja p'ju pomutivšijsja vozdux.
Vremja vspaxano plugom, i roza zemleju byla.
V međlennom vodovorote tjaželye nežnye rozy,
Rozy tjažest' i nežnost' v dvojnye venki zaplela.

D. M. Segal has explicated the internal semantics of this poem in some detail, touching also on some of Mandel'stam's direct explanations of its imagery.³⁷ Here I would like to consider it from the point of view of the semantic fields it generates through imagery drawn from Kuzmin's poetry or otherwise associated with him.

Earlier critics have occasionally been drawn intuitively to this poem as a paradigm for Mandel'stam and Kuzmin. In

1923 Konstantin Močul'skij made reference to it by entitling a joint review of *Tristia* and *Paraboly* "Tjažest' i legkost'",³⁸ Later Georgij Ivanov used it to characterize the shortsightedness of Kuzmin's critics:

"Sestry, tjažest' i nežnost' - odinakovy vaši primety..." Sestry "prekrasnaja jasnost'" i "opasnaja legkost'" - vaši primety tože odinakovy, dlja nevnimatel'nyx, dlja neželajuščix byt' vnimatel'nymi glaz...³⁹

The 'opasnaja legkost'' that Ivanov mentions echoes, albeit by chance, the 'opasnaja storona klarizma' pointed out in Mandel'stam's first Kuzmin review.

The image of sisters in the poem's first line, in addition to its obvious associations with Mandel'stam's poems on Raxil' and Lija, recalls a correspondence between Mandel'stam's and Kuzmin's prose.⁴⁰ In "Putešestvie v Armeniju" Mandel'stam writes: "Razluka - mladšaja sestra smerti".⁴¹ Kuzmin uses an analogous construction in his introduction to *Čudesnaja žizn' Iosifa Bal'zamo, grafa Kalioastro*: "Vooobraženie - mladšaja sestra jasnovidenija".⁴² These are the only examples of this formula in the two men's writing. In Mandel'stamian terms, then, Lija, the elder sister, is to be identified with clairvoyance and death, while Raxil' is associated with parting and imagination. These pairings are operative as semantic fields in a number of Mandel'stam's poems, notably "Tristia" itself.⁴³

G. A. Levinton connects the wasp imagery of the second line of the poem with Kuzmin's line "nado mnoju v'jutsja osy" from a 1912 poem in *Glinjanye golubki*:⁴⁴

Nado mnoju v'jutsja osy...
Tjažki, tjažki stali kosy...
Golova tjažela!
Obošla ja vse otkosy, -
Veterka ne našla...
Ne našla.

Rasplastalas' v nebe ptica
Len' v dolinu mne spustit'sja,
Gde protok ruček.
Kto že dast' vody napit'sja?
Milyj brat, on dalek...
On dalek.

Ne pridet, ne sjadet rjadom.
Vse guljaet on po grjadam,
I odna ja, odna.
Solnce, vstalo ty nad sadom,
Dušu p'eš' vsju do dna...
Vsju do dna.

Solnce dvinetsja k zakatu...
Ja pojdu navstreču k bratu,
Tak znakom štot put'!
Operšisja na lopatu,
On prižmet k serdču grud',
K serdču grud',

Milyj bratec moj, kogda že
Otdoxnu ot skučnoj prjaži
Snow dokučnyx moix?
I na oblačnom na krjaže
Vstanet tix naš ženix,
Naš ženix?⁴⁵

The line cited by Levinton is only one of many remarkable correspondences between the two poems. Kuzmin combines images of heaviness with wasps; the sun, as in Mandel'stam's poem, belongs to the past. Thirst for air and water permeates both poems, and both are meditations on time. But what for Kuzmin is all concentrated anticipation, in Mandel'stam is transformed into the slow whirl of integration. The persona in Kuzmin's poem is tired of the yarn of her boring dreams; Mandel'stam seems to be answering her in "Tristia" with the line

I ja ljublju obyknoven'e prjaži: [No. 104, 1. 17].

The pairing of 'soty' and 'seti' in line 5 of no.108, while independently motivated by parallelism with the semantic and sound correspondences set up between 'tjažest'' and 'nežnost'' in line 1, also has a metaliterary function. *Soty* was the title of Anna Radlova's first collection of poetry, while *Seti* was Kuzmin's first book of verse. Mandel'stam thus links the poems of the sister of his brother's wife with those of her literary sponsor.⁴⁶ The implied identification of Radlova with heaviness and bees contrasts with Akmatova's oblique presence in the poem through her association with wasps.⁴⁷ The rivalry between the "two Annas", which intensified during the early 1920s, was to be reflected in the literary interaction between Mandel'stam and Kuzmin. Although

Kuzmin was Radlova's ardent supporter, Mandel'stam would persistently associate him with Axmatova, with whom Kuzmin's relations had soured. Kuzmin in turn would be equally persistent in pairing Mandel'stam with Radlova, whose poetry Mandel'stam considered to be full of dubious solemnity.

It is in the light of the metaliterary presence of Kuzmin in the second stanza of no.108 that Mandel'stam's alterations to line 6 should be viewed. The change from the original reading: "Legče kamen' podnjat', čem vymolvit' slovo - ljubit'," to its final form as cited above indicates renewed concern with 'imja', a theme Mandel'stam repeatedly associated with Kuzmin.

Clarification of the referent of 'tvoe' in line 6 and of 'zapplela' in line 12 is provided by a second Kuzminian subtext to the poem:

K Debjussi

Kakaja novaja ljubov' i nežnost'
Prinesena s serebrjanyx vysot!
Lazurnaja, svjataja bezmjatežnost',
Nebesnyx pčel međvjanyj, legkij sot!

Fontan Verlena, lunnaja poljana
I alost' žertvennyx otkrytyx roz,
A v nežnyx, preryvajuščixsja piano
Zvenit polet klassičeskix strekoz.

Pust' govorit nam o siamskix devax,
Dalekix stran plenjaet krasota, -
V razdroblennyx, čut' zyblemyx napevax
Slyšna tvoja, o Mocart, prostota.

I legkaja, vostoržennaja Muza,
Gotovja nežno lepestki venca,
Starinnogo privetstvuet francuza
I nebyvaloј nežnosti tvorca!⁴⁸

It is ultimately the Muse, then, whose name is so difficult to repeat, and who weaves the double wreaths of roses. Kuzmin's poem provides the missing semantic link between 'tjažest'' and 'nežnost'' through its association of 'nežnost'' with 'legkost''.⁴⁹ Mandel'stam's use of the epithet 'tjaželye' with 'soty' can be seen as a polemical response to line 4 of "K Debjussi".

The layer of Kuzmin references in no.108 thus has a complex part to play in the poem's structure of significa-

tion. It serves both as contrasting ground and supplementary figure, creating tension on the one hand but resolving it on the other. The association of the themes of nets and time made here continue those established in no.103 "Sumarki s'vo-body", while anticipating those to be created in such poems as "V raskosyj blesk zerkal zabrosiv seti" from Kuzmin's *Paraboly*.⁵⁰ The allusions to Kuzmin operate on this deep level of the poem as well as on the more superficial one of metaliterary polemic.

No.108 was included in Mandel'stam's second book of poems, published in 1922. According to his wife, this volume was compiled from a haphazard collection of drafts taken abroad by the publisher.⁵¹ Mandel'stam had nothing to do with the ordering of the poems and did not even choose the title: *Tristia* was named by Kuzmin, then one of the editors at the Petropolis publishing house, without consulting the author. Mandel'stam's reaction was to rename the next edition *Vtoraja kniga*, restoring the title "Tristia" only in 1928, for the second section of *Stizotvorenija*. *Vtoraja kniga* was thus more than a colourless appellation, for it was a powerful application of time, in that aspect which for Mandel'stam was its most negative attribute: pure sequentiality.⁵² His use of such negative temporally-based imagery to efface Kuzmin's intrusion into his work initiated an association which would be employed to great effect in his post-1922 criticism, as well as in "Egipetskaja marka" and (as we have seen) in "Razgovor o Dante".

In late summer, 1922, perhaps in connection with the publication of *Tristia*, the Mandel'stams paid a visit to Petrograd,⁵³ where Mandel'stam was invited by the Radlovs to take part in the founding of a new literary group.⁵⁴ Nadežda Mandel'stam gives a jaundiced picture of Kuzmin's role in this encounter:

Tam sobralis' Kuzmin s Jurkunom i, kažetsja, s Olen'koj Arbeninoj, xudožnik Lebedev, muž vtoroj sestry - Sarry Darmolatovoj ili Sarry Lebedevoj, buduščego skul'ptora, i ešče neskol'ko čelovek, i ja opjat' uslyšala, kak Mandel'stama zamanivajut v ob"edinenie ili sojuz - na etot raz sinteza

vsex iskusstv - poëzii, teatra, živopisi... Sergej Radlov, režisser, s polnoj otkrovennost'ju ob"jasnil Mandel'stamu, što vse lučšee v iskusstve sobrano za ego čajnym stolom. [...] Inja Mandel'stama neobxodimo dlja ukreplenija xudožestvennoj cennosti sojuza, on že polučit podderžku grupy vo vsex smyslax i vo vsex otnošenijax... Kuzmin molčal, xitрил i el byčki, lučšie po tomu vremeni konservy. [...] Na etot raz Mandel'stam vel sebja gorazdo priličnee, čem u Efrosa; on prosto myčal i delal vid, što ničego ne ponimaet. Nakonec Radlovy, oba - i muž i žena - zadali vopros naprjamik: soglasen li Mandel'stam pozabyt' ustarevšij i smešnoj akmeizm i prisoeдинit'sja k nim, aktivnym dejateljam sovremenogo iskusstva, čtoby dejstvovat' soobšča i soglasovanno. Mandel'stam skazal, što poprežnemu sčitaaet sebja akmeistom, a esli eto kažetsja komu-nibud' smešnym, to ničego ne podelaeš'... Vse družno nabrosilis' na akmeistov, a Kuzmin prodolžal pomalkivat' i liš' izredka vstavljal slovo, čtoby poxvalit' stixi Radlovoj. U menja sozдалos' oščuščenie, što on-to i javljaetsja dušoj etoj zavaruxi, no vtajne izdevaetsja nad vsemi, v častnosti nad Radlovoj. Skoree vsego emu bylo naplevat' na čto by to ni bylo, no iz družeskoj svjazi s Sergeem Radlovym on umel izvlekat' pol'zu, a dlja etogo polagalos' xvalit' Annu Radlovu.⁵⁵

Mandel'stam's reaction to the Radlov's proposal was not, however, so negative as to prevent his participation in the short-lived journal *Abraksas*, edited by Kuzmin and Radlova. Two poems, no.130 "Kak rastet xlebov opara" and no.133 "Veter nam utešen'e prines", appeared in its second issue. Kuzmin's evaluation of *Tristia* was published there as well, in his article "Pis'mo v Pekin":

Posylaju Vam tri knigi Anny Radlovoj i "Tristia" O. Mandel'stama. Vy uvidite ogromnyj put', kotoryj prošla Radlova s pervyx svoix šagov do poslednego sbornika, gde pered nami podlinnyj i zamečatel'nyj poët s bol'šim poletom i gorizontami, v strokax kotorogo trepaščet i b'etsja sovremenost' (ne v "pajkovom" smysle) i nastojaščee čelovečeskoe serdce. Evoljuciju i bol'šoj pafos (kakoj-to ledjanoj) Vy zametite v prekrasnoj knige Mandel'stama.

Here Kuzmin moderates his apparent appreciation of Mandel'stam by placing him second in a pair with Anna Radlova, whose poetry Mandel'stam disliked. Even the final sentence of praise, added almost as an afterthought to the encomium of Radlova, seems rather ambivalent: the adjective 'ledjanoj'

is another of the images of coldness which the two men constantly employed in their reactions to each other.

The *Tristia* episode, combined with the unpleasant impression left by the Radlov circle during Mandel'stam's visit in the latter part of 1922, may have taken its toll on Mandel'stam, for by January, 1923, he had revised his opinion of Kuzmin's work. If before his praise had been tempered with ironic misapplication of Kuzminian imagery, now he was openly condescending:

U rossijskogo simvolizma byli svoi Virgilii i Ovidii, u nego že byli i svoi Katully, ne stol' po vozrastu, skol' po tipu tvorčestva. Zdes' sleduet upomjanut' o Kuzmine i Xodaseviče. Eto tipičnye mladšie poëty so vsej svojstvennoj mladšim poëtam čistotoj i prelest'ju zvuka. Dlja Kuzmina staršaja linija mirovoj literatury kak budto voobšče ne suščestvuet. On ves' zamešan na pristrastii k nej i na kanonizaciji mladšej linii, ne vyše komedii Gol'doni i ljubovnyx pesenok Sumarokova. V svoix stixax on dovol'no udačno kul'tiviroval soznatel'nuju nebrežnost' i meško-vatost' reči, ispeščrennoj gallicizmami i polonizmami. Zažigajas' ot mladšej poëzii Zapada, kotja by Mjusse - "Novyj Rolla", on daet čitatelju illjuziju soveršenno iskusstvennoj i preždevremennoj drjaxlosti russkoj poëtičeskoj reči. Poëzija Kuzmina preždevremennaja starčeskaja ulybka russkoj liriki. 57

However, even here Mandel'stam's criticism is moderated by the associations its last sentence has with his own lyric poetry. The epithet "starčeskaja ulybka" links Kuzmin to Axmatova via a 1915 quatrain Mandel'stam had devoted to her:

Čerty lica iskaženy
Kakoj-to starčeskoj ulybkoj.
Uželi i gitane gibkoj
Vse muki Danta suždeny?

In neither instance is the phrase to be interpreted negatively. Facial distortion, especially when associated with old age, is for Mandel'stam a necessary attribute of poetry, a point he emphasizes in "Razgovor o Dante":

Velikolepen stixotvornyj golod ital'janskix stari-kov [...] Usta rabotajut, ulybka dvižet stix, umno i veselo alejut guby, jazyk doverčivo prižimaetsja k nebu.

Vnutrennij obraz stixa nerazlučim s besčislennoj smenoj vyraženij, mel'kajuščix na lice govorjaščego i volnujuščegosja skazitelja.

Iskusstvo reči imenno iskažet naše lico, vzryvaet ego pokoj, narušet ego masku... 58

By identifying Kuzmin's poetry with the expression of a mouth, Mandel'stam implicitly recognizes him as a genuine poet, since moving lips are for him the source of poetry.

This same complex of imagery is further developed in the poem no.138 "Jazyk bulyžnika mne golubja ponjatnej", also written in 1923. In it Mandel'stam continues to draw on Kuzmin's third collection of verse, *Glinjanye golubki*, which, as G. A. Levinton has pointed out, serves as a major source of Kuzminian subtexts in Mandel'stam's poetry; it contains the poem "Novyj Rolla" referred to in the review cited above.⁵⁹ The first line of no.138 thus has a metaliterary component: Mandel'stam is indicating that his own system of poetics, associated with stone, remains preferable to him over that of Kuzmin.

Mandel'stam continued to connect Kuzmin with Axmatova when he published a scathing criticism of both the following month in *Russkoe iskusstvo*:

Voistinu russkie simvolisty byli stolpnikami stilja:
na vsex vmeste ne bol'she pjatisot slov - slovar'
polinezijca. No što po krajnej mere byli askety,
podvižniki. Oni stojali na kolodax. Axmatova že
stoiť na parketine - što uže parketnoe stolpni-
čestvo. Kuzmin posypaet parket travkoj, što by bylo
poxože na lug (Nezdešnie večera).⁶⁰

The imagery used here is drawn from Kuzmin's 1914 poem "Rascveli na zontikax rozy" in *Nezdešnie večera*:

I s mostika vsja dolina -
Korolevski-sel'skij parket.⁶¹

Other lines in the poem provide a motivation for the connection established between Kuzmin and Axmatova in this review:

V takoj den' stixov ot prozy
My, pravo, ne razberem.⁶²

These lines suggest that for Mandel'stam Kuzmin shared with Axmatova an origin in prose which was posited in "Pis'mo o russkoj poëzii":

Genezis Axmatovoj ves' ležit v russkoj proze, a ne
v poëzii. Svoju poëtičeskiju formu, ostruju i svoe-
obraznuju, ona razvivala s ogljadkoj na psihologi-
českiju prozu.⁶³

What is the difference between poetry and prose? A writer's direct or implied answers to this question may be used

to locate him on what Mandel'stam in "Razgovor o Dante" called the globe embraced by Tjutčev's ocean". Initially Mandel'stam found himself in the hemisphere of the explicit:

Raznica meždu literaturoj i poëziej sledujuščaja: literator vseгда obraščætsja k konkretnomu slušatelju, živomu predstavitelju èpoxi. Daže esli on proročestvuet, on imeet v vidu sovremennika buduščego. Soderžanie literatora perelivaetsja v sovremennika na osnovanii fizičeskogo zakona o neravnyx urovnjax. Sledovatel'no literator objazan byt' "vyše", "prevosxođnee" obščestva. Poučenie - nerv literatury. Poëtomu dlja literatora neobxodim p'edestal. Drugoe delo poëzija. Poët svjazan tol'ko s providencial'nym sobesednikom. Byt' vyše svoej èpoxi, lučše svoego obščestva dlja nego ne objazatel'no.⁶⁴

If for early Mandel'stam the hallmark of his Verlainesque opposition of 'literatura' to 'poëzija' was its orientation toward the contemporary, for Kuzmin this was a primary feature of any genuine work of art:

Skol'ko raz my govorili s vami o tom, što vsjakoe podlinnoe proizvedenie iskusstva po samomu suščestvu svoemu, často mimo voli xudožnika, ne možet ne byt' sovremennejšim, inogda zagljadyvajučaja v buduščee, no už nikak ne otstavaja ot žizni.⁶⁵

Thus in Mandel'stamian terms 'literatura' subsumes all art for Kuzmin.⁶⁶

Curiously enough, Kuzmin's most explicit considerations of the difference between prose and poetry are to be found in poetry rather than in prose: for him the critical function of 'avtometaopisanie', the metaliterary organ, was located in verse. This is true even of his earliest work, where poetry constantly serves as a key to the interpretation of his prose. The 1904 poem "Xariki iz Miletj" is subsequently absorbed into the prose of "Povest' ob Elevskippe, rasskazannaja im samim" to form a crucial embedded commentary on it.⁶⁷ The poem cycle "Prervannaja povest'" is a subjective complement to the enigmatic *povest'* "Kartonnjy domik".⁶⁸ Inserted poetry generates temporal ambiguity in works as diverse as "Ten' Fillidy" and "Pis'ma devitsy Klary Val'mon".⁶⁹ It is no wonder, then, that Kuzmin was able to write in his weather-saturated poem:

V takoj den' stixov ot prozy
My, pravo, ne razberem.⁷⁰

However, it is clear from another poem in *Nesdešnie večera*, the famous "Fuzij v bljuđečke", that for him prose was the general background against which poetry shone forth:

No vetka neožidannoj mimozy,
Rassekši nebesa, legla na nix, -
Tak na stranicax filozofskoj prozy,
Porozu zablestit' vljublennyj stix.⁷¹

For early Mandel'stam the distinction between poetry and prose was to be found in the mentality of the author: he prefers to write of the 'literator' and the 'poët'; even when he mentions prose by itself, it is treated almost as a living organism - "nerv literatury". Kuzmin is his antipode. Here the emphasis is on the object (whether poetry or prose) in the mind of the perceiver.

Mandel'stam's strict dichotomy between the two modes, so characteristic of his early Acmeist stance, was modified over the decade separating "O sobesednike" from his first major work of literary prose, *Šum vremeni*. Jane Gary Harris, pursuing a thesis advanced by Ju. Levin and others, has pointed out that "as Mandel'stam matured, the bonds between his poetry and prose gradually tightened. Not only did the themes of his essays influence his poems, but by 1923, the major turning point in his life and literary career, the verbal fabric of his poetry found expression in his literary prose."⁷² The beginning of this process may be placed in 1921 with "Slovo i kul'tura", which includes a compendium of Kuzminesque imagery, and is the first Mandel'stam essay to make extensive use of autocitation.⁷³ Curiously, just as Mandel'stam was adopting this integration of poetry and prose, so characteristic of Kuzmin, he was engaged in freeing himself from another specifically Kuzminian trait: stylization. As Ju. Levin notes, "načinaja s 1921 g. uže net ne tend stilizacii, "Ja - što ja, jav' - što jav'".⁷⁴ Both processes are associated with increased criticism of Kuzmin himself, a deepening ambivalence marked by the re-christening of *Tristia* as *Vtoraja kniga*. It is reflected as well in changes Mandel'stam made to his article "Vypad" when preparing it for publi-

cation in book form:

O, čudoviščajna neblagodarnost': [Kuzminu],
Majakovskomu, Klebnikovu, Aseevu, Vjačeslavu
Ivanovu, Sologubu, Akmatovoj, Pasternaku,
Gumilevu, [Xodaseviču] - už na što oni ne
poxoži drug na druga, iz raznoj gliny. Ved'
što vse rusckie poëty ne na včera, ne na
segodnjy, a navsegda.⁷⁵

In *O poëzii* the names of Kuzmin and Xodasevič are omitted. It seems unlikely that the censorship was to blame, for if that were the case Gumilev would surely have been left out as well.⁷⁶ Rather, Mandel'stam is here simply eliminating both representatives of the "mladšaja linija" which he had discussed in "Burja i natisk" from his list of poets deserving gratitude. Such minor figures, in particular Kuzmin as a representative of detested mechanical time, were by this time unworthy of inclusion in an organically integrated literary eternity.

"Egipetskaja marka", the only significant creative work Mandel'stam produced during the 1925-30 period of poetic silence, incorporates a distinct layer of reference to Kuzmin in the associative chains it uses to produce its kaleidoscopic treatment of time, art, and point of view.⁷⁷ The central Kuzmin allusion mediates between Mandel'stam and Gogol'. This is the episode of the stolen watch. Its connection with Gogol's "Šinel'" is made relatively explicit by the phrase "ne to on ukral časy, ne to u nego ukrali",⁷⁸ which is patterned on the popular saying, "Tam u nego što-to s šuboju, ne znaju, to li on ukral, to li u nego ukrali." The substitution of the watch for the coat, one component of the pervasive Gogol' references in "Egipetskaja marka", is a device analogous to one in Kuzmin. He had used the substitution as the basis of his 1910 *povest'* "Kapitanskije časy", a parody of Gogol' combining elements of both "Šinel'" and "Nos".⁷⁹ Mandel'stam not only reinforces the literary parallel between Parnok and Akakij Akakievič by applying this device, but also links Kuzmin with an image of mechanical time which Mandel'stam found repugnant. The link is further strengthened by Mandel'stam's Spinoza-like Jewish clockmaker, who is connected through paronomasia

to Kuzmin's Jewish clockmaker *Limozius*, a character in the 1906 short story "Iz pisem devicy Klary Val'mon k Rozalii Tjutel'majer".⁸⁰

A second set of Kuzmin associations is generated in the context of Mandel'stam's discussions of Kuzmin in his critical prose. It is initiated by recurrence of the 'serafim' image from Mandel'stam's first Kuzmin review. In "Egipetskaja marka" this image is attached to the six laundresses of chapter three:

Navrav v rot vody èti lukavye serafimy pryskali eju
na zefirovyj i batistovyj vzdor.⁸¹

The laundresses are subsequently associated with the transition from aural to visual so characteristic of Kuzmin's meta-literary poetry. Mandel'stam goes so far as to repeat the image of Titian's "Concert at the Pitti Palace" which he had used to convey this aspect of Kuzmin in his 1922 essay "Pis'mo o russkoj poèzii"; he also incorporates an abbot, echoing Kuzmin's nickname in the early days of Vjačeslav Ivanov's Tower:

A ja by rozdal devuškam vmesto utjugov skripki
Stradivarija, legkie, kak skvorešni, i dal by
im po dlinnomu svitku rukopisnyx not. Pjaca v
oblakax para sojdet za sutanu dirižirujuščego
abbata. Šest' kruglyx rtov raskrojutsja ne dyr-
kami bublikov s Peterburgskoj storony, a udiv-
lennymi kružočkami "Koncerta v Palacco Pitti".⁸²

The transition from the aural to the visual is also signalled by the appearance of the deaf-mutes in "Egipetskaja marka":

V èto vremja proxodili čerez ploščad' gluxonemye:
oni sučili rukami bystruju prjažu. Oni razgovari-
vali. Staršij upravljaj čelnokom. Emu pomogali.
To i delo podbegal so storony mal'čik, tak rastopy-
riv pal'cy, slovno prosil snjat' s nix zapletennuju
diagonaljami nitku, čtoby spletenie ne povredilos'.
Na nix na vsex - ix bylo četvero - polagalos',
očevidno, pjat' motkov. Odin motok byl lišnim. Oni
govorili na jazyke lastoček i poprošaek, i nepre-
ryvno zametyvaja krupnymi stežkami vozdux, šili iz
nego rubašku.

Starosta v gneve pereputal vsju prjažu.

Gluxonemye isčezli v arke Glavnogo Štaba, pro-
dolžaja sučit' svoju prjažu, no uže gorazdo spo-
kojnee, slovno zasylali v raznye storony počtovyx
golubej.⁸³

The deaf-mutes recall Kuzmin's recurring figure of a mute boy, one embodiment of the *važatyj*, his male muse.⁸⁴ Mandel'stam reinforces their connection with Kuzmin by associating them with the image of "prjaža" which he had used in no.104: "Tristia" to polemicize with Kuzmin's poem 'Nado mnoju v'jutsja osy', as well as by comparing their movements to a dispatch of messenger pigeons, yet another reference to Kuzmin's *Glinjanye golubki*.

The major references to Kuzmin in "Egipetskaja marka" have, then, a common function.⁸⁵ They reinforce its metaliterary component by focussing attention on the polyvalent nature of literary allusion, the theme of visualization of sound and, more generally, concretization of the abstract. It is not so surprising that Mandel'stam would choose Kuzmin for this peripheral (and therefore, in the context of the poetics of "Egipetskaja marka", central?) role, if only because of Kuzmin's own constant use of Egyptian themes in both poetry and prose. Perhaps it is no accident that the relationship between Čarskij and the improviser (at least on the plane of artistic techniques) in Puškin's "Egipetskie noči", an inevitable literary association, could serve as a model for that between Mandel'stam and Kuzmin. An even better archetype is provided by another of Puškin's works. If, as Nadežda Mandel'stam once suggested, Mandel'stam could see himself as a Salieri, he was certainly a most Mozartian one, and one could ask for no more Salierian Mozart than Kuzmin.

Kuzmin died in Leningrad on 1 March 1936. It is not known when, if ever, Mandel'stam learned of his death, but perhaps his poem no.327 might be taken as an epitaph to their relationship:

Kogda ščegol v vozdušnoju sdober
Vdrug zatrjasetsja, serdcevit,
Učenyj plaščik perčit zloba,
A čepčik černym krasovit.

Kleveščet žerdočka i planka,
Kleveščet kletka sotnej spic -
I vse na svete naiznanku,
I est' lesnaja Salamanka
Dlja neposlušnyx umnyx ptic!

The last line recalls the end of the title poem in *Glinjanye*

golubki, Kuzmin's third book of verse, to which Mandel'stam so often alluded when making reference to him:

I pokazalos' mne bezdušnym
Tainstvennoe remeslo,
I prizračnymi stali pticy,
I načala duša tomit'sja,
Čtob serdce dar svoj prineslo,⁸⁶
Živym golubkam, no poslušnym.

NOTES

Mandel'stam's poetry is cited by poem number and line, according to Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij* (New York: Interlanguage Literary Associates, 1967-71; Paris: YMCA Press, 1981).

1. For Kuzmin's influence on early Mandel'stam see V. Žir-munskij, "M. A. Kuzmin", *Birževye vedomosti*, No. 15197 (11 November 1916): "Soznatel'no ili bessoznatel'no na ego (Kuzmin's) stixax vospitalis' sovremennaja poëtičes-kaja molodež', daže takie značitel'nye imena, kak Anna Axmatova i O. Mandel'stam." Cf. also Aleksandr Dymšic, "Poëzija Osipa Mandel'stama", in Osip Mandel'stam, *Sti-xotvorenija* (Leningrad: Sovetskij pisatel', 1974), p. 15; Gregory Freidin, "The Whisper of History and the Noise of Time in the Writings of Osip Mandel'shtam", *The Russian Review*, vol. 31 (October, 1978), p. 425; John E. Malmstad, "Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times" in Mixail Kuzmin, *Gesammelte Gedichte* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977), vol. III, p. 141. Several important connections between Mandel'stam and Kuzmin in later years are pointed out in G. A. Levinton, "Na kamennyx otrogax Pierii' Mandel'stama: Materialy k analizu", *Russian Literature* vol. 5, no. 2 (April, 1977), pp. 125, 151 n. 13, 154 n. 37; vol. 5, no. 3 (July, 1977), pp. 217-218. Omry Ronen, *An Approach to Mandel'stam*, (Jerusalem: Magnes Press, 1983), contains several interesting observations on textual interactions between Mandel'stam and Kuzmin; see pp. xvii, n. 16; 17, n. 1; 34, n. 20; 62, n. 3; 81, n. 23. I. V. Koreckaja suggests that Mandel'stam's article "Petr Čadaev" can be viewed as a response to the general Slavophile-nationalistic outlook expressed in Kuzmin's review of Xomjakov, "Analogija ili provi-denija" in her chapter on *Apollon* in B. A. Bjalik (ed.), *Russkaja literatura i žurnalistika načala XX veka 1905-1917. Buržuazno-liberalnye i modernistskie izdanija*, (Moscow: Nauka, 1984), p. 254.
2. E.g. Mixail Kuzmin, "Parnassskie zarosli", *Zavtra* No. 1 (1922), p. 116: "Takaja že neorganičeskaja, a vydumannaja i nasil'stvennaja škola, kak akmeizm s samogo roždenija

lezla po švam, soedinjaja ne soedinimyx Gumileva, Axmatovu, Mandel'stama i Zenkeviča"; Mikail Kuzmin, "Češuja v nevide", *Strelec* No. 3 (1922), p. 100: "Akmeizm tak tup i nelep, što etot miraž skoro projdet."

3. In a conversation with Lidija Čukovskaja on 8 August 1940 Axmatova made her position clear: "On [Kuzmin] ni v odnom punkte ne sovpadal s nami; ne skodimsja my i v samom glavnom - v voprose o stilizacii. My soveršenno ee otvergali, a Kuzmin ves' stilizovannyj. (Lidija Čukovskaja, *Zapiski ob Anna Axmatovoi* (Paris: YMCA Press, 1976), vol. 1, p. 149). This total rejection of stylization was not in fact shared by other Acmeists, who accepted it as long as it was sufficiently subtle. Cf. Sergej Gorodeckij's comment on Pasternak: "Praktičeskoe primenenie puškinskoi ejdologii po metodam, blizkim rannemu akmeizmu, lučše vsex udalos' Pasternaku. Prédel'nuju voploščennost' obraza emu udalos' uvjazat' s edva zametnoju stilizaciej pod praktičizm puškinskoi reči." (*Styk* Moscow, 1925), pp. 17-18). Mandel'stam adopted the same stance indirectly in a characterization of Agnivev: "Étot Kuzmin na saxarine s margarinovym starym Peterburgom, gde stilizacija ne prjačetsja v uglax zub, a pret iz každoj stročki, kak lošadinoe dyšlo" (Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij* (Paris: YMCA Press, 1981), vol. 4, p. 98).
4. Ju. I. Levin, D. M. Segal, R. D. Timenčik, V. N. Toporov, T. V. Civ'jan, "Russkaja semantičeskaja poëtika kak potencial'naja kul'turnaja paradigma", *Russian Literature* 7/8 (1974), p. 52.
5. Jane Gary Harris, "Introduction: The Impulse and the Text" in Osip Mandel'stam, *The Complete Critical Prose and Letters* (Ann Arbor: Ardis, 1979), pp. 3-4.
6. V. N. Toporov, *Axmatova i Blok* (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981), pp. 7-8.
7. A rare reminiscence of Mandel'stam is found in the second poem of the cycle "Viđen'ja" from Kuzmin's 1918 collection *Vošatyj*. Its opening lines

*Seraja reet ptica
Strannoju mečty doc'*

recall the opening quatrain of no.21:

*Skudnyj luč xolodnoj meroju
Seet svet v syrom lesu.
Ja pečal', kak pticu seruju
V serdce medlenno nesu.*

Kuzmin's poem combines imagery from this poem and no.20, treating the same theme. The motif of coldness which is used by both poets to characterize their reactions to each other in their criticism is found in all three poems. Another example of Kuzmin's relatively infrequent allusions to Mandel'stam is found in the 1922 poem "Lesenka",

Paraboly, p. 112: "V pustynjax rajskix tot ne odinok", a reversal of Mandel'stam's "V temnice mira ty ne odinok" from his poem "Dano mne telo..." [No. 8] first pointed out in Vladimir Markov, "O poëzii Mixaila Kuzmina", *Gesammelte Gedichte*, vol. 3, p. 365.

8. Osip Mandel'stam, "Egipetskaja marka", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 41.
9. As defined in D. M. Segal, "O nekotoryx aspektax smyslovoj struktury 'Grifel'noj ody' O. Ė. Mandel'stama", *Russian Literature* vol. 2 (1972), p. 52. This shared principle was noted early on by antagonistic critics, e.g. Georgij Gorbačev, *Očerki sovremennoj russkoj literatury* (Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1925) [2nd edition] p. 29:

Kak by ni mily poroj kazalis' rosijskim intelligentam [...] čudesno-sdelannye stilizacii Kuz'mina [sic] ili umnejšaja igra Mandel'stama v sdvigi vremen i mest, v izyskannejše i namerenno izlomannye metry, vse èto - tvorčestvo kakogo-to vtorigo, otražen'nogo porjadka. Zdes' ne sobstvennye slova i obrazy Mandel'stama i Kuz'mina rađujut i volnujut, a vyzvaemye ix napominanijami smutnye vospominanja o tvorčestve prošlyx vekov.
10. See A. Morozov, "Mandel'stam v zapisjax dnevnika S. P. Kablukova", *Vestnik russkogo student'skogo xristianskogo dvizenija* No. 129 (Autumn 1979), p. 136.
11. Vjačeslav Ivanov, *Sobranie sočinenij* (Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974) vol. 2, p. 801.
12. Clarence Brown, *Mandelstam* (Cambridge: Cambridge UP, 1973), p. 184 points out the similarities, but is mistaken in considering Mandel'stam's essay an *anticipation* of "O prekrasnoj jasnosti". John Malmstad, "Mixail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times", *Gesammelte Gedichte* (Munich: Wilhelm Funk Verlag, 1977) vol. 3, p. 135 correctly indicates that Kuzmin's article was read to a meeting of the "Akademija" in late 1909, before the writing of "François Villon" in 1910, and certainly long before its publication in 1913.
13. Sergej Makovskij, *Portrety sovremennikov* (New York: Izdatel'stvo im. Čexova, 1955), p. 381.
14. A. Morozov, p. 142. See also K. N. Suvorova, "Pis'ma M. A. Kuzmina k Bloku i otryvki iz dnevnika M. A. Kuzmina", *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovanie. Literaturnoe nasledstvo* (Moscow: Nauka, 1981), vol. 92, kn. 2, p. 162.

15. Cf. A. Morozov, p. 145: "Prisutstvovavšij na sobranii M. A. Kuzmin zapisal togda v dnevnike: 'Gorodeckij i Gummi (Gumiley) govorili teoriji ne ves'ma vnjatnye'." The significance of the Orpheus myth for Kuzmin is discussed in John A. Barnstead, "Meshes and Mirrors: Two Metapoems by Mixail Kuzmin", *Alexander Lipson Memorial Festschrift* (in press). For its use in Mandel'stam see Steven Broyde, *Osip Mandel'stam and His Age* (Cambridge: Harvard UP, 1975), pp. 83-86. John E. Malmstad, "A Note on Mandel'stam's 'V Peterburge my sojdemsja snova'", *Russian Literature*, vol. 5, no. 2 (April, 1977), pp. 197-198 n. 3, suggests that Mandel'stam's enthusiasm for Gluck's opera was reinforced by Kuzmin's article, "Orfej i Evridika Kavalera Gluka", *Apollon* no. 10 (1911), pp. 15-19. This speculation is further supported by Mandel'stam's use of the epithet 'golubka' with Eurydice: the word is associated in his poetry with Kuzmin's third collection of verse, *Glinjanye golubki* - cf. G. A. Levinson, *op. cit.*, p. 218.
16. Mixail Kuzmin, preface to Anna Akmatova, *Večer* (Saint Petersburg: Cex poëtov, 1912), pp. 9-10.
17. Cf. Mixail Kuzmin, *Gesammelte Gedichte* (Munich, 1977), vol. 3, p. 665; in addition to the occurrences noted there, the ball image is used in the short stories "Mačexa iz Skarperil" (1976) and "Ten' Pillidy" (1907), in *Devstvennyj Viktor* (Petrograd: M. I. Semenov, 1918), pp. 79-94, 171-184.
18. On the polemics with Tjutčev and with Symbolism in this poem see Jan M. Meijer, "The Early Mandel'stam and Symbolism", *Russian Literature* vol. VII (1979), p. 529; also his "A Case of Quoting", *Slavia* vol. XLV, no. 2 (1976), pp. 187-191. Other early Mandel'stam poems with possible Kuzmin references include no. 74 "Abbat" ("Abbat" was Kuzmin's nickname in the circle of Vjačeslav Ivanov's Tower; Kuzmin had been deeply interested in Catholicism and may even have converted to it for a time), no. 9 "Nevyrazimaja pečal'", no. 63 "'Moroženno!' Solnce. Vozdušnyj biskvit." (compare ll. 7-8: "Prinjat' blagosklonno ot buložnyx gracij/ V zatejlivoj čašečke xrupkiju sned'..." with Kuzmin's famous "Gde slog najdu, čtob opisat' progulku/ Šabli vo l'du, podžarennuju buiku", *Seti* (Moscow, 1908), p. 15), no 51 "Tennis" (ball imagery; cf. also Kuzmin's enigmatic Englishmen Larion Štrup from *Kryl'ja* and Andrej Ivanovic Stok from *Plavajuščie putešestvujuščie* in light of ll. 13-16 of Mandel'stam's poem).
19. Osip Mandel'stam, "O sovremennoj poëzii (K vyxodu 'Almanax muz')", *Den' poëzii* (Moscow: Sovetskij pisatel', 1981), pp. 195-196. This publication of the review includes cancelled passages omitted in both Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, pp. 27-30, and N. Xardžiev, "Vosstanovlennyj Mandel'stam", *Russian Literature*

no. 7/8 (1974), pp. 19-22. Square brackets enclose material crossed out by Mandel'stān. Both omissions seem significant: the elimination of 'jasnyj' indicates that Mandel'stān had already sensed that Kuzmin's vaunted clarity and simplicity were deceptive, anticipating by several years Konstantin Močul'skij's similar assessment in "Klassicizm v sovremennoj russkoj poëzii", *Sovremennye zapiski* no. 11 (1922), p. 371:

My ničego ne znaem o genezise i putjax kuzminskoj poëzii; kritika otmečala ogromnuju složnost', skryvajuščujsja pod étoj obmančivoj prostotoj, no niko ešče ne pytal'sja osvetit' ee.

The elision of comments on Kuzmin's personality as pure form suggests that Mandel'stān may have had second thoughts about its complexity as well.

The Kuzmin's lines Mandel'stān quotes are from the poem "Sredi nočnyx i dolgix bdenij...", *Al'manax mus* pp. 87-88, ll. 23-24, reprinted in *Vožatyj* (Saint Petersburg: "Prometej", 1918), pp. 39-40.

The remarks on weather in the review, in addition to responding to Kuzmin's poem "Vse dni u Boga xoroši...", which was published in *Al'manax mus*, pp. 85-86 and subsequently in *Vožatyj* (Saint Petersburg: "Prometej", 1918), pp. 47-48, may also be an oblique criticism of the famous lines

Vedat nas pri ljuboj pogođe
Ljubov' - naš vernyj rulevoj.

from "Fustitsja by po belu svetu..." *Glinjnye požubki* (Saint Petersburg: M. I. Semenov, 1914) pp. 75-76, ll. 27-28.

One wonders if Kuzmin were ever shown this review for two of its more striking components, the image of the soul as metaphysical cotton wool and the verbal form 'vyplyvaja' occur in a poetic diptych in "Stixi ob iskusstve", *Paraboly* (Berlin: Petropolis, 1923), pp. 14, 15.

20. Mixail Kuzmin, "Kak ja čital doklad v 'Brodjačej sobake'", *Sinij žurnal*, no. 18 (1914), p. 6.
21. Osip Mandel'stān, "Razgovor o Dante", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 409.
22. Osip Mandel'stān, "Burja i natisk", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 345.
23. Marina Cvetaeva, "Nezdešnij večer", *Izbrannaja prosa v dvax tomax 1917 - 1937*, (New York: Russica, 1979), vol. 2, pp. 137-138. Kuzmin's readings often elicited a powerful reaction. Mandel'stān was almost certainly present at the meeting of the "Cex poëtov" described by Vasilij Gippius in *Žizn'* no. 5 (June, 1918), p. 12:

Ves' krug čital každyj raz, čitali po očeredi, posle každygo čtenija - stixi obsužдали', kak po suščestvu, tak i v častnostjax. [...] No kak-to posle stixov Kuzmina - redkogo gostja cexa - vdrug okazalos', što govorit' nikomu ne xočetsja; liričeskaja sila stixov byla nastol'ko ubeditel'na, što prežnie rassudočnye razbory pokazalis' presnyimi, govorit' o stixax Kuzmina značilo by vino pazbavljat' vodoj.

(Cited according to R. D. Timenčik, "Zametki ob akmeizme", *Russian Literature* 7/8 (1974), p. 32).

24. On Gumilev's use of this image in his poetry see R. Timenčik, "Xram premudrosti Boga: Stixotvorenije Anny Axmatovoj 'Široko raspaxnuty vorota...'", *Slavica Hierosolymitana* vol. V-VI (1981), p. 302, n. 18.
25. Mixail Kuzmin, "Bledny vse imena, i stary vse nazvan'ja, -", *Osennie ozera* (Moscow: Skorpion, 1912), p. 37, ll. 1-2.
26. Mixail Kuzmin, "Nad vxodom angely so svitkami", *Osennie ozera* (Moscow: Skorpion, 1912), p. 90, ll. 11-12.
27. Mixail Kuzmin, "Antrakt v ovrage", *Antrakt v ovrage*, (Petrograd: M. I. Semenov, 1916), p. 53; "Sekret o. Gervasija", *Antrakt v ovrage* (Petrograd: M. I. Semenov, 1916), p. 26; on forgetting the name to attain the essence cf. also Mixail Kuzmin, *Tisij straž* (Petrograd: M. I. Semenov, 1916), p. 116.
28. E.g., Kuzmin uses an entire series of men named Andrej Ivanovič, all conscientious purveyors of excellent advice: Andrej Ivanovič Nalimov in "Kartonnyj domik" (1907), Andrej Ivanovič Fonvizin in *Nešnyj Iosif* (1909), Andrej Ivanovič Tolstoj in "Mečtateli" (1912), and finally Andrej Ivanovič Stok in *Plavajuššie putešestvujuššie* (1915). As V. N. Toporov and others, have pointed out, usually the surnames are altered according to some common semantic factor; thus Nalimov was originally modelled on the painter Konstantin Somov (common factor: 'fish'), Fonvizin becomes Tolstoj (common factor: 'writer'), Tolstoj becomes Stok ('tolstyj' translated into English as 'stocky'). *Obломov* is a likely source of the first name and patronymic, along with Somov's father. Such intertextual correspondences often clarify enigmatic scenes in Kuzmin.
29. Mixail Kuzmin, *Nešnyj Iosif, Vtoraja kniga rasskazov* (Moscow: Skorpion, 1910), p. 385. Vjačeslav Ivanov, "O proze M. Kuzmina", *Apollon* no. 7 (1-10), p. 48, was particularly impressed by this passage, so perhaps Mandel'stam's polemic wth it is best viewed as part of his general purge of late symbolist elements from his work, which was taking place at this time.
30. Osip Mandel'stam, *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-

- Language Literary Associates, 1969), vol. 3, pp. 363, 365.
31. Mixail Kuzmin, *Plavajuščiie putešestvujuščiie* (Saint Petersburg: M. I. Semenov, 1914), pp. 58-59, 187, 266-7; Osip Mandel'stam, "Gosudarstvo i ritm", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, pp. 123-127.
  32. Osip Mandel'stam, "Gosudarstvo i ritm", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 125.
  33. Mixail Kuzmin, *Kryl'ja* (Moscow: Skorpcion, 1906), p. 37.
  34. Osip Mandel'stam, "Pis'mo o russkoj poézii", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 34.
  35. The mistake about Titian's painting is pointed out in Osip Mandel'stam, *The Complete Critical Prose and Letters* (Ann Arbor: Ardis, 1979), p. 632. The relevant point here is that it is a visual representation of a musical event.
  36. Mixail Kuzmin, "K Debjussi", *Vožatyj* (Saint Petersburg: Prometej, 1918), p. 33.
  37. D. M. Segal, "Mikrosemantika odnogo stixotvorenija", in Roman Jakobson, C. H. van Schooneveld, Dean S. Worth, eds., *Slavic Poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky* (The Hague: Mouton, 1973), pp. 395-405.
  38. Konstantin Močul'skij, "Tjažest' i legkost'", *Zveno* no. 42 (19 November 1923). I am grateful to Dr. Tatiana Goricheva, Paris, for her generous help in obtaining this rare item for me. Omry Ronen (see note 1) points out several ties between *Paraboly* and *Tristia*.
  39. Georgij Ivanov, *Peterburgskie zimy* (New York: Izdatel'stvo im. Čexova, 1952), p. 136.
  40. Kiril Taranovsky has pointed out Dante as the intermediary between the Biblical story of Raxil' and Lija, and Mandel'stam's poetry. A comparison of Dantean imagery in Mandel'stam and Kuzmin would require a monograph. However, one may note that Kuzmin in *Kryl'ja* cites the end of canto 28 of *Purgatorio*, referring to Matilda, who in Dante parallels Lija as Beatrice parallels Raxil'. It is interesting to note that Kuzmin's references to Dante are confined to *Inferno* and *Purgatorio*; his obsession with the journey as an act of purification keeps him from giving full consideration to its final goal. This may be contrasted to Mandel'stam's complex anti-*Divine Comedy*, on which consult Marina Glazova, "Mandel'stam and Dante: The Poet's Universe and His Place in It" (to appear in *Studies in Soviet Thought*).

41. Osip Mandel'stam, "Putešestvie v Armeniju", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 148, (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 153. Cf. also vol. 2, p. 183 (čertvertaja proza): "...narkom zemli armjanskoj, štoj mladšej sestry zemli iudejskoj".
42. Mixail Kuzmin, *Čudesnaja žizn' Iosifa Bal'zamo, grafa Kažlostro* (Petrograd: Stranstvujuščij Ėntuziast, 1918/19), p. 9.
43. Cf. the last line of no. 104 "Tristia": "A im dano gadaja umeret". There are other ties between "Tristia" and Kuzmin's poetry: the phrase "Snuet čelnók" occurs in line 4 of "Sud'ba, ty vediš': Splju bez snov..." *Glinjanye golubki* (Saint Petersburg: M. I. Semenov 1914), p. 58.
44. G. A. Levinton, "'Na kamennyx otrogax Pierii' Mandel'stama: Materialy k analizu", *Russian Literature* vol. 5, no. 3 (July, 1977), p. 217.
45. Mixail Kuzmin, "Nado mnoju v'jutsja osy", *Glinjanye golubki* (Saint Petersburg: M. I. Semenov, 1914), pp. 94-95.
46. On Mandel'stam's attitude towards Radlova see Nadežda Mandel'stam, *Vtoraja kniga* (Paris: YMCA Press, 1972), pp. 139, 140, 251, 510-512; also Osip Mandel'stam, "Literaturnaja Moskva", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), p. 327. On Kuzmin's role as Radlova's sponsor see John E. Malmstad, "Mixail Kuzmin: A Chorinle of His Life and Times", in Mixail Kuzmin, *Gesammelte Gedichte* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977), vol. 3, pp. 262-263. Mandel'stam was certainly aware of Radlova's work by the time no. 108 was being written; shortly afterwards, he participated with Radlova and Kuzmin in a poetry reading at the Union of Poets in Petrograd (October, 1920).
47. The association of Axmatova with wasps in Mandel'stam is traced out in R. D. Timenčik, "Zametki ob akmeizme", *Russian Literature* 7/8 (1974), pp. 40-42; Kuzmin's use of it is noted too: p. 42, n. 65. Both Mandel'stam and Kuzmin repeatedly associate Axmatova with Phaedra and with Egyptian/Gypsy imagery: see R. D. Timenčik, V. N. Toporov, T. V. Civi'jan, "Axmatova i Kuzmin", *Russian Literature* vol. 6, no. 3 (July, 1978), pp. 233-235.
48. Mixail Kuzmin, "K Debjussi", *Vožatyj* (Saint Petersburg: Prometej, 1918), p. 33.
49. Mandel'stam first paired 'tjažest' and 'nežnost' in No. 18 "V ogromnom omute prozračno i temno..." (1910). In Kuzmin the pairing recurs in the opening of part II of his 1916 novel *Tixij Straš*: "Tonkie, jarkie, ostrye kraski, kolodnaja nežnost' i soznanie, čto pod štoju prizračnoju prelest'ju - tjaželaja spjaščaja zemlja!" (p. 112). For Kuz-

min the pairing is associated with a line from Vielé Griffin which he cites in the 1912 *povešt'* Pokojnica v dome" and his 1916 critique of the painter Konstantin Somov:

Qu'il est donc lourd tout cet amour léger!

50. The use of nets in both Mandel'stam and Kuzmin is connected with the merger and/or inversion of sea and sky imagery. In addition to the cited works, cf. Mandel'stam's poem no. 385 "Gončarami velik ostrov sinij -", ll. 10, 19; for Kuzmin examples are too numerous to note, but cf. "Lodka v nebe", *Nedešnie večera* (Saint Petersburg: Petropolis, 1921), pp. 13-31; "Fuzij v bljudečke", *Nedešnie večera* (Saint Petersburg, 1921), p. 35; "Iz zapisok Tivurtija Penclja", *Dom Iskusstv* no. 1 (1920), p. 15. For both men the image of flying fish or fish/birds harks back to a Gogolian *topos*: see Andrej Belyj, *Masterstvo Gogolja* (Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudožestvennoj literatury, 1934), p. 43.
51. Nadežda Mandel'stam, *Vospominanija* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1970), p. 200.
52. This despite Clarence Brown, *Mandelstam* (Cambridge: Cambridge UP, 1973), p. 219. One must also question Jennifer Baines, *Mandelstam. The Later Poetry* (Cambridge: Cambridge UP, 1976), p. xiii, claiming that Mandel'stam was uninterested in titles. If this were so, he would not have bothered to alter the one Kuzmin had provided. Brown (p. 99) states that the owner of Petropolis, Blox, asked Kuzmin to pick out a title, but N. I. Xardziev, in Osip Mandel'stam, *Stizotvorenija* (Leningrad: Sovetskij pisatel', 1974), p. 251, suggests that Mandel'stam had actually given Petropolis the title *Novyj kamen'*, which was then changed at Kuzmin's instigation; if that was the case, Mandel'stam must have felt Kuzmin's interference even more deeply. On Mandel'stam's opposition to the concept of mechanical time see Nadežda Mandel'stam, *Vospominanija* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1970), pp. 265-267; also Jennifer Baines, *Mandelstam. The Later Poetry* (Cambridge: Cambridge UP, 1976), p. 53.
53. The main reason for the journey was the death of Radlova's sister, who was married to Mandel'stam's brother. See Nadežda Mandel'stam, *Vtoraja kniga* (Paris: YMCA Press, 1972), p. 139.
54. This movement was ultimately formed under the banner of "Emocionalizm". The best available discussion of this short-lived but extremely interesting group (responsible for the journal *Abraksas* and the miscellany *Časy*) is George Cheron, *The Drama of Mixail Kuzmin* unpublished UCLA dissertation, 1982), pp. 217-218, 280-282, nn. 66-72.
55. Nadežda Mandel'stam, *Vtoraja kniga* (Paris: YMCA Press, 1972), pp. 139-140.

56. Mixail Kuzmin, "Pis'mo v Pekin", *Ustovnosti* (Petrograd: Petropolis, 1923), p. 166. Kuzmin's title may contain ironic reference to the opening sentence of Mandel'stam's essay "Literaturnaja Moskva", published in *Rossija* no. 2: Moskva - Pekin; zdes' toržestvo materika, dux Sredinnogo carstva, zdes' tjaželye kanaty železnodorožnyx putej splelis' v tugoju uzul, zdes' materik Evrazii prazdnuet svoj večnye imeniny.
- Kuzmin had published in *Rossija*: the poem "Serdce" ("Serym tjanutsja teni roem"), with its echoes of Mandel'stam's no. 123 "Ja v xorovod tenej...", appeared in the first (August, 1922) issue, along with Mandel'stam's essay "Barsuč'ja nora".
57. Osip Mandel'stam, "Burja i natisk", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 345. The reference to Catullus is not as negative as it seems in isolation: cf. its use in "Slovo i kul'tura", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 224.
58. Osip Mandel'stam, "Razgovor o Dante", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 365.
59. G. A. Levinton, "'Na kamennyx otrogax Pierii' Mandel'stama: Materialy k analizu", *Russian Literature* vol. 5, no. 3 (July, 1977), pp. 217-218.
60. Osip Mandel'stam, "Zametki o poézii", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 262.
61. Mixail Kuzmin, "Rascveli na zontikax rozy...", *Nezdešnie večera* (Saint Petersburg: Petropolis, 1921), p. 38, 11. 7-8.
62. Ibid., 11. 3-4.
63. Osip Mandel'stam, "Pis'mo o russkoj poézii", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 34. On the origin of Kuzmin's poetry in prose see Vladimir Markov, "Poézija Mixaila Kuzmina" in Mixail Kuzmin, *Gesammelte Gedichte* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977), vol. 3, p. 330. There may be an oblique connection of Kuzmin with prose via the 'kuznečik' image in "Literaturnaja Moskva. Roždenie fabuly":
- Esli prislušat'sja k proza v êpoxu procvetanija fol'klora to uslyšiš' kak by gustoj zvon ščepivšixsja v vozduxe *kuznečikov* - takov obščij zvuk sovremennoj russkoj prozy, i ne xočetsja raznimat' ètogo zvona, ne vydumannogo nikakim *časovščikom*, slagajuščegosja iz nesmetnoj t'my *krylyšskujuščix* trav i ver.

The 'kuznečik' image is connected to Kuzmin both through paronomasia and through its folkloric association with the saints Kuz'ma and Dem'jan, whom Kuzmin employed in his *povest'* a clef "Kartonnij domik" to disguise himself: 'Kuzmin' is transformed into 'Dem'janov'. On the 'kuznečik' image in Mandel'stam see Kiril Taranovsky, *Essays on Mandel'stam* (Cambridge: Harvard UP, 1976), pp. 68-82; also G. A. Levinton, "'Na kamennyx otrogax Pierii' Mandel'stama: Materialy k analizu", *Russian Literature* vol. 5, no. 2 (April, 1977), pp. 127, 142. Note also the association of 'kuznečik' with the word's loss of memory characteristic of Kuzmin in Mandel'stam's line "sredi kuznečikov bespamjatstvuuet slovo". The association of the clockmaker theme with Kuzmin is discussed below. The 'trav' recalls Mandel'stam's characterization of Kuzmin in "Zametki o poézii"; the epithet 'krylyškujuščix' might possibly evoke a distant echo of Kuzmin's *Kryž'ja*, in addition to its reference to Xlebnikov (kindly pointed out to me by Vladimir Markov and R. D. B. Thomson).

64. Osip Mandel'stam, "O sobesednike", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, pp. 237-238.
65. Mixail Kuzmin, "Pis'mo v Pekin", *Uslovnosti* (Saint Petersburg: Petropolis, 1923), p. 162.
66. This although Kuzmin could use 'literatura' in its deprecating sense as well; cf. "Krylatyj gost", gerbarii i êkzameny", *Uslovnosti* (Saint Petersburg: Petropolis, 1923), p. 173:

My podxodim k osnovnomu istoku vsjakogo iskusstva, čisto ženskemu načalu Sibillinstva, Del'fijskoj devyproročicy, večun'i. Što načalo potom podvergaetsja vlijaniju drugix duxovnyx našix sil - volii, temperamenta, porывa ili harmonizacii, no jadro neobxodimoe - takovo. Bez nego - vsjakoe masterstvo - prostaja pobrjakuška i "literatura".
67. See Mixail Kuzmin, *Gesammelte Gedichte* (Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977), vol. 3, pp. 708-709; also Neil Granocien, *Mixail Kuzmin: An Aesthete's Prose* (unpublished UCLA dissertation, 1981), p. 288-295.
68. Mixail Kuzmin, "Kartonnij domik", *Belye noži* (Saint Petersburg: M. I. Semenov, 1907), pp. 112-151; ;Prervannaja povest'", *Belye noži*, pp. 210-219.
69. Mixail Kuzmin, "Ten' Fillidy", *Zolotoe runo* no. 7-9 (1907), pp. 83-87; "Iz pisem devicy Klary Val'mon k Rozalii Tjutel'majer", *Zolotoe runo* no. 1 (1907), pp. 37-38.
70. Mixail Kuzmin, "Rascveli na zontikax rozy...", *Nezdešnie večera* (Saint Petersburg: Petropolis, 1921), p. 38, 11. 3-4.

71. Mixail Kuzmin, "Fuzij v bljudečke", *Naučeskie vešera* (Saint Petersburg: Petropolis, 1921), p. 35, 11: 13-16.
72. Jane Gary Harris, "Introduction: The Impulse and the Text", in Osip Mandel'stam, *The Complete Critical Prose and Letters* (Ann Arbor: Ardis, 1979), p. 4. The relationship between Axmatova's and Mandel'stam's treatment of the prose/poetry distinction is discussed in Ju. I. Levin, D. M. Segal, R. D. Timenčik, V. N. Toporov, T. V. Civ'jan, "Russkaja semantičeskaja poëtika kak potencial'naja kul'turnaja paradigma", *Russian Literature* 7/8 (1974), pp. 47-82, and especially pp. 53-63 (sections 5-9).
73. Osip Mandel'stam, "Slovo i kul'tura", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), pp. 222-227. Cf. its repeated 'travka' imagery, its citation of Puskhin's net lines, its citation of Catullus (in light of Mandel'stam's association of Kuzmin with Catullus in "Burja i natišk"), autocitation of nos. 103, 104, 108, the phrase 'Slovo Psixexa' (in light of Mandel'stam's review of *Al'manax mus*), and, finally, the concluding sentence: "Klassičeskaja poëzija - poëzija revoljucija", in light of his remarks on Kuzmin's classicism.
74. Ju. Levin, "Zametki o poëzii O. Mandel'stama tridcatyx godov, I", *Slava Hierosolymitana* vol. 3 (1978), p. 111. This dividing point is noted as well by Nadežda Mandel'stam, *Vtoraja kniga* (Paris: YMCA Press, 1972), pp. 48, 342; also her *Mozart and Salieri* (Ann Arbor: Ardis, 1973), pp. 60-62ff.
75. Osip Mandel'stam, "Vypad", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 228.
76. This despite Gleb Struve, *O četyrex poëtax. Blok, Sologub, Gumilev, Mandel'stam* (London: Overseas Publication Exchange, 1981) p. 180, who states that "pri perepečatke ètoj stat'ii v knige v 1928 g. iz ètogo spiska vypali imena M. A. Kuzmina i V. F. Xodaseviča, - edva li po vine samogo Mandel'stama". B. S. Kuzin noted a similar omission in his account of conversations with Mandel'stam: "Trudno mne takže predpolažit', što dlja bol'sogo poëta mogut kak by ne suščestvovat' takie sovremenniki, kak M. A. Kuzmin, po krajnej mere pozdnij, ili Xodasevič." His explanation is especially pertinent here. "Mne kažetsja, čto na ličnyx otnošenijax meždu pisateljami skazyvaetsja neizbežnaja, po-vidimomu, dlja nix literaturnaja partijnost', a možet byt', i kakaja-to skrytaja revnost'. O. E. ne byl svoboden ot nix." See B. S. Kuzin, "Ob O. E. Mandel'stame", *Vestnik russkogo xristianskogo dviženija* No. 140 (1983), pp. 118, 119.
77. On structuring principles in this work see Charles Isenberg, "Associative Chains in *Egipetskaja marka*", *Russian Literature* vol. 5, no. 3 (July, 1977), pp. 257-276; also Daphne M. West, *Mandel'stam: The Egyptian Stamp* (Birming-

ham: Birmingham Slavonic Monographs, 1980), pp. 91-124. The metaliterary aspects of "Egipetskaja marka" have often been pointed out (see especially D. Segal, "Literatura kak oxrannaja gramota", *Slavica Hierosolymitana*, vol. 5-6 (1981), pp. 191-203, 242); here I discuss only the function of the Kuzmin-associated imagery.

78. Osip Mandel'stam, "Egipetskaja marka", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 29.
79. Mixail Kuzmin, "Kapitanskije časy", *Peterburgskie večera* vol. 2 (1910), pp. 115-174. The choice of Kuzmin as intermediary between Mandel'stam and Gogol' finds possible clarification in light of explicit Gogol' references in Mandel'stam's critical prose, the majority of which include images of sexual ambiguity, e.g.:

Tam [u Pil'njaka] ni odnogo "čto-to", ni odnogo liričeskogo sravnenija, nesterpimogo v proze, a elementarnaja igra roždajuščej sja fabuly, kak, u Gogolja, - pod"ezžaja k Pljuškiu, srazu ne razbereš' "mužik ili baba, net baba, net mužik". (Osip Mandel'stam, "Literaturnaja Moskva: Roždenie fabuly", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 337).

Čerez "žaka" prosvečivaet kakaja-to merzkaja čičikovskaja roža. Kto-to pokazyvaet kukiš i qnusnoj fistuloj sprašivaet: "Čto, brat, skučno žit' v Rossii?..." (Osip Mandel'stam, "Žak roždilsja i umer", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 60).

Pokazyvaja, kak portnoj Petrovič oblačaet Akakija Akakieviča v novuju šinel', Jaxontov čitaet bal'nye stixi Puškina - "Ja černym sobolem odel ee blistajuščie pleči", podčerkivaja etim ubožestvo liričeskog minuty. (Osip Mandel'stam, "Jaxontov", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1969), vol. 3, p. 113).

Moreover, Mandel'stam found in Gogol' precisely that blurring of the boundary between poetry and prose which disturbed him in Kuzmin, but which he found himself nonetheless adopting in his post-*Tristia* work:

A v odno iz okošek iz-za kuči baraxla vsegda gljadit grečanka krasoty neopisuemoj, iz tex lic, dlja kotoryx Gogol' ne ščadil treskučix i velikolepnyx sravnenij. (Osip Mandel'stam, "Xolodnoe leto", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 130.)

Compare Mandel'stam's attitude toward the simile in the above quote with that expressed in the quote from

"Literaturnaja Moskva: Roždenie fabuly".

Kuzmin is also associated with Gogol' in poem no. 108 "Sestry - tjažest' i nežnost'"; cf. Nadežda Mandel'stam, *Vtoraja kniga* (Paris: YMCA Press, 1972), p. 127:

On [porečen' upominanij černogo solnca u Mandel'stama i v mirovoj literature] sdelan vni-
matel'no i ljubovno, no komentatoru sledovalo
srazu otdelit' nočnoe i černoje solnce viny i
gibeli ot slov o "solnačnom tele počta" (Puškin)
v stat'e o Skrjabine, a takže stročku: "I
včerašnee solnce na černyx nosilkax nesut".
Dva poslednix primera vosxodjat k slovam Go-
golja, što včera ešče Puškin, kak solnce, byl
centrom pritježanija i pritjagival k sebe
ljudej, a segodnja - mertv i ležit v grobu.

Later, in "*Putešestvie v Armeniju*", Mandel'stam would merge the image of the plow turning up time with that of Čičikov's carriage:

Voobrazite sputnikom Pallasa nikogo inogo, kak
N. V. Gogolja. Vse dlja nego inače. Kak by oni
ne peregryzlis' v doroga. Kareta vse norovit
svernut' na splosnuju pakotnuju zemlju. (Osip
Mandel'stam, "Pallas", *Sobranie sočinenij* (New
York: Inter-Language Literary Associates, 1969),
vol. 3, p. 163.)

80. Mixail Kuzmin, "Iz pisem devicy Klary Val'mon k Rozalii Tjutel'majer", *Zolotoe runo* no. 1 (1907), p. 38.
81. Osip Mandel'stam, "Egipetskaja marka", *Sobranie sočinenij* (New York: Inter-Language Literary Associates, 1971), vol. 2, p. 15. While the use of the word 'serafimy' to characterize the laundresses tends to etherealize them, it also tends to draw the ethereal closer to earth. Note also the highly negative connotations of the number six in Mandel'stam's work, e.g. "šestipalaja nepravda".
82. Ibid., p. 16.
83. Ibid., p. 23.
84. The figure appears in both prose and poetry: "Povest' ob Elevsippe, rasskazannaja im samim" (1906), "Flor i razbojnik" (1907), "Snežnoe ozero" (1923); "Opjat' zatopil ja peči" (1911). In both "Flor i razbojnik" and "Snežnoe ozero" when the mute boy recovers his speech, it signals death: the path from the aural to the visual cannot be retraced without disaster.
85. Other possible references to Kuzmin in "Egipetskaja marka" include the sentence "Dikaja parabola soedinjala Parnoka s paradnymi anfiladami istorii i muzyki" in light of Kuzmin's book of poems *Paraboly* and his own punning reference

to it in "Iz zapisok Tivurtija Penclja", and "Ne Anatolja Fransa xopnim..." in light of Kuzmin's necrology of France in *Novaja Rossiija*, his association with France as translator, and the proximity of the image to one of mechanical time in the preceding sentence, with which it is linked in negation.

86. Mixail Kuzmin, "Glinjanye golubki", *Glinjanye golubki* (Saint Petersburg: M. I. Semenov, 1914), p. 5, 11. 13-18.

Walter KOSCHMAL (München)

MYTHOS, FOLKLORE UND THEATER DER AVANTGARDE:
A.1. VVEDENSKIJS "ELKA U IVANOVYCH"

Die Analysen zu Aleksandr I. Vvedenskijs als absurd geltendem Drama "Elka u Ivanovyč" (1938) postulieren zum einen thematische Zusammenhänge mit A.S. Puškins "Kamennyj gost'", mit F.M. Dostoevskijs "Prestuplenie i nakazanie" oder Gedichten A.A. Bloks (Jovanović 1983; Levin 1983); zum anderen wird Vvedenskijs Poetik auf diesem Hintergrund als "Poetik des Unsinn" ("poëtika bessmyslity") (Mejlach 1978a:389) beschrieben. Die Destruierung phraseologischer Einheiten wird als ihr Basisverfahren aufgezeigt. Inkohärenz und fehlende semantische Einheit in der Abfolge der Motive und in der Gesamtbedeutung werden fast ausschließlich dem Unsinn bzw. dem Absurden zugeschlagen. Für das Verständnis des Stücks grundlegende Themenkomplexe und seine poetischen Wurzeln bleiben dabei weitgehend im dunkeln.

1. Sequenzielle und totale semantische Inkohärenz

Für die Inkongruenz von Titel, Figurenverzeichnis und Text lassen sich noch Parallelen in der Dramatik Ionescos finden: Die Ivanovs erscheinen im Titel, nicht aber im Text, die Mitglieder der im Mittelpunkt stehenden Familie tragen verschiedene Namen wie Perov, Puzyrev, Ostrova. Eine große Zahl äußerst ungewöhnlicher Textelemente jedoch bleibt unkommentiert: Die Altersskala der sieben "Kinder" (drei Jungen, vier Mädchen) der Eltern Puzyrev reicht vom einjährigen Petja Perov bis zur 92-jährigen "devočka" Dunja Šustrova. Alle Kinder werden als "Teufel" ("čerti") apostrophiert. Wird der "Sargmacher" ("grobovščik") auch im Figurenverzeichnis aufgeführt, wartet

man auf sein Auftreten im Text vergeblich. Andererseits agieren die Kinderfrau ("njan'ka") Adelina Francevna Šmetterling und ihr Bräutigam, der Holzfäller und spätere Lateinlehrer Fedor, als Hauptfiguren, ohne im Figurenverzeichnis Erwähnung zu finden.

Die nur abends, nachts und am frühen Morgen spielende Handlung wird vom Autor in ihrem zeitlichen Ablauf exakt - nach Stunden - bemessen¹. Im ersten Bild, am Abend, badet die Kinderfrau in Wannen die sieben Kinder. Dieses ungewöhnliche Situationsmotiv muß auf dem Hintergrund der russischen Theatertradition ebenso überraschen wie die plötzliche Ermordung der 32-jährigen Sonja Ostrova, eines Kindes der Familie, durch die "njan'ka". Die achtjährige Nina Serova denunziert die Kinderfrau völlig unmotiviert bereits vor dieser Tat als "Verrückte" ("sumasšedšaja") und "Verbrecherin" ("prestupnica") (Vvedenskij I:158).

Ungewöhnlich darf man wohl auch das mit Raskol'nikov in Verbindung gebrachte (Jovanović 1983:72-74) Mordinstrument nennen - eine Axt ("topor"). Die Kinderfrau schlägt Sonja bereits im ersten Bild den Kopf ab. Der Autor bietet durchaus eine vermeintliche Motivation dieser Tat an: Sonja sucht nämlich hinsichtlich ihrer primären und sekundären Geschlechtsmerkmale in Konkurrenz zu ihrer Kinderfrau zu treten. Für den folgenden Tag, den Weihnachtsabend, hatte sie angekündigt, unter dem Tannenbaum den Rock zu heben und 'allen alles zu zeigen' (Vvedenskij I:158). Die Prophezeiung des einjährigen Petja, der wie der Hund Vera normal zu sprechen vermag, "Budet eika? Budet. A vdrug ne budet. Vdrug ja umru." - diese Prophezeiung bewahrheitet sich zuerst an seiner Schwester. Am Ende des Stücks, als das Fest unterm Weihnachtsbaum schließlich beginnen kann, sterben plötzlich alle Familienmitglieder unmittelbar nacheinander. Ein Grund dafür ist zunächst nicht zu erkennen.

Dieser semantisch inkohärente Handlungsablauf wird ebenso als "absurd" oder "unsinnig" qualifiziert wie die in gleicher Weise strukturierten lyrischen Intexte oder der folgende - im Drama isolierte - Dialog zwischen Giraffe, Wolf, Löwe und Ferkel (Vvedenskij I:161). In ihm glaubte man die 'tiefste Ab-

surdität' des Stücks entdecken zu können (Nakhimovsky 1982: 146):

ŽIRAFKA. Gde naša smert'?
VOLK. V dušach ovec.
LEV. V dušach bykov.

Dennoch zeichnen sich schon in der ersten Szene mit dem Warten auf den Christbaum, den Motiven des Badens, des Todes und der Sexualität die thematischen Grundlinien ab. Die von einer Ballettvorführung zurückgekehrten Eltern Puzyrev brechen über den Tod ihrer Tochter in Tränen aus. Unmittelbar darauf finden sie sich aber - "wie Tiere" ("kak zveri") (Vvedenskij I: 162) - neben dem offenen Sarg der Tochter zum Geschlechtsverkehr wieder. Der Tod Sonjas - und nicht nur der ihre - wird in seiner Endgültigkeit wiederholt in Frage gestellt: Ihr abgeschlagener Kopf und ihr Körper sind sogar noch zu einem kurzen Dialog imstande.

Vor dem Gericht, das den Mord der Kinderfrau verhandelt und sie zum Tode verurteilt, wird als "Protokoll" überraschend der in Verse gesetzte Streitfall 'Kozlov-Oslov' verlesen. Kozlov und Oslov hatten ihre Ziegen- bzw. Eselsherde zum Baden an den Fluß getrieben. Mit Tannen- bzw. Weidenzweigen schlugen sie ihre Tiere aber gegenseitig zu Tode und fordern nun beide voneinander die Wiederbelebung der Ziegen bzw. Esel. Zuvor versterben bereits zwei mit dem Mord an Sonja befaßte Richter unvermittelt und ohne jeden Grund (Vvedenskij I:169).

Fedor, Holzfäller und Bräutigam der Delinquentin, die sich nun selbst als Ermordete fühlt, schläft währenddessen mit einem Stubenmädchen. In ihr Zimmer tritt er - nach einem Bad - mit verbundenen Augen. Im letzten Bild gewinnt der einjährige Petja sein verlorengegangenes Sprechvermögen wieder. Mit den anderen Kindern und der eigentlich zum Tode verurteilten, doch plötzlich wieder anwesenden Kinderfrau beteiligt er sich am Dialog über das Urinieren. Die darauf folgende Ermunterung des Vaters Puzyrev, sich über den Weihnachtsbaum zu freuen, schlägt in Trauer um. Alle Ivanovs sterben.

Dieser bloße Überblick über die bislang unkommentiert gebliebenen asemantischen Motivverknüpfungen scheint die Qualifizierung als 'absurd' oder auch 'unsinnig' durchaus zu recht-

fertigen. Eine dahingehende interpretative Wertung orientiert sich freilich an den Maßstäben der russischen Kunstdliteratur, also der 'klassischen' Dramen. Diese ausschließliche Berücksichtigung der Kunstdliteratur dürfte aber für eine adäquate Analyse dieses Dramas - wie auch andere Texte der Obëriuten und der russischen Avantgarde - nicht ausreichen. Die Volksliteratur muß als zweiter zentraler Bereich intertextueller Beziehungen in die interpretatorischen Bemühungen einbezogen werden.

In den ersten Jahrzehnten des 20. Jahrhunderts beeinflussen Volksliteratur und slavische Mythen Thematik und Verfahren der Kunstdliteratur nachhaltig. Die Bedeutung des entsprechenden Textfundus scheint nach wie vor unterbewertet zu sein. Erst seine Berücksichtigung dürfte es uns aber erlauben, Moderne und Avantgarde in einen adäquaten Evolutionsrahmen zu stellen.

Die zentrale Bedeutung der Folklore für die bildende Kunst jener Zeit, insbesondere für die Malerei, ist schon längst unbestritten². Warum sollte dies für die Literatur, vor allem für das mit der bildenden Kunst so eng verbundene Theater nicht gleichfalls gelten? In den ersten Jahrzehnten des 20. Jahrhunderts stellte etwa das Volkstheater in Rußland eine noch lebendige Tradition dar. In dieser Zeit werden folkloristische Texte nicht nur besonders intensiv gesammelt, sondern auch wissenschaftlich aufbereitet. Die Obëriuten waren bekanntlich mit dieser folkloristischen Tradition bestens vertraut (Sažin 1985: 57-61; Mejlach 1980:12; Gibian 1974:33).

Die Berücksichtigung der folkloristisch-mythischen Tradition dürfte den Bereich des Absurden in "Elka u Ivanovyč" erheblich einengen. Das Stück erlaubt nicht nur eine folkloristische Lesart, ohne diese kann man ihm vielmehr schwerlich gerecht werden.

2. Thematische Ebene und Brauchtum der "svjatki"

Schon der mit dem Vorabend des Weihnachtsfestes angegebene Zeitpunkt der Handlung fällt mit dem Beginn der "svjatki" als einer unreinen Zeit zusammen. Diese Phase der Wintersonnen-

wende hebt sich durch besonders reges Brauchtum vom übrigen Kalenderjahr ab. In altrussischer Zeit waren die "teuflischen Handlungen" ("besovskaja dejstva") (Famincyn 1889:87) an diesem Abend und in der folgenden Nacht kaum geringeren Verfolgungen ausgesetzt als jene in der Nacht der Sommersonnenwende (23.-24. Juni), zu Ivan Kupala.

Die Tage vom 24. Dezember bis zum sechsten Januar standen unter dem Zeichen der unreinen "Maskierten" ("rjaženye"), des Herumführens der Ziege ("choždenie s kozoj"), der "Wahrsagereien" ("gadanija") und der "Weihnachtslieder" ("koljadki"). Letztere wurden von den Kindern gesungen, die von Haus zu Haus zogen. Für ihre guten Wünsche bekamen sie als Belohnung reiche Gaben. In dieser Zeit, also vor Weihnachten und nach den "svjatki" badete man die Kinder, reinigten sich aber auch die Maskierten in einer rituellen Waschung von ihrem sündigen Treiben.

Mit dem rituellen Baden der Kinder durch die Kinderfrau setzt das Volksspiel ("igrišče") Vvedenskij ein. Die Altersskala der Kinder von einem bis zu 92 Jahren entpuppt sich als Maskerade: Die Jugendlichen des Dorfes verkleiden sich zu den "svjatki" gerne als alte Männer und Frauen oder als Tiere (Propp 1963:111) und setzen sich Teufelsmasken auf (Zelenin 1927:355). Der Großvater ("dedica", "ded"), der die Ziege, das Tier des Dionysos und zugleich Fruchtbarkeitssymbol umherführt, wird von einem jungen Burschen verkörpert (Ivanov/Toporov 1974:188).

Weder das Alter, die behauptete Identität der Kinder mit Teufeln, noch ihre Zahl, nämlich sieben, dürften bei Vvedenskij als zufällig gelten. In den weihnachtlichen "koljadki" - wie in den Liedern zu dem in vielerlei Hinsicht analogen nächtlichen Sommersonnwendfest zu Ivan Kupala bzw. Jarila - steht der Hof der Ivanovs "auf sieben Säulen" ("Na semi stolbach")³. In einem anderen Weihnachtslied badet Gott mit seinen Kindern "u pana Ivana" in einem See, der von den Kerzen einer in Ivanovs Hof stehenden Weide tropft (Ivanov/Toporov 1974:223). Die "Ivanovskie deti" bilden einen Topos der baltischen und russischen Folklore (Ivanov/Toporov 1974:237-238). Perun selbst verwandelt seine Kinder in der slavischen Mythologie in "Würmer" ("červi"), die Schlangen und Teufeln similar sind

(Ivanov/Toporov 1974:52). Mit dem heidnischen Brauchtum um Jarila, dessen archaisches Fest zur Sommersonnwende begangen wird, verknüpft sich auch die bei Vvedenskij gestaltete Aufhebung der Gegensätze zwischen alt und jung, zwischen männlich und weiblich.

Die Masken setzen zudem die Trennung zwischen Tier und Mensch außer Kraft: Die oft auf Booten gezogenen "rjaženye"⁴ verwandeln sich nicht nur in Ziegen ("koza", "kozel") und Stiere ("byk") mit häufig obszönen Attributen⁵, sondern auch in Wölfe, Hammel, Schafe, Bären, Löwen - also in zoomorphe Bilder Peruns (vgl. Ivanov/Toporov 1974:59). Zum einen bellen und miauen in dieser Zeit die Maskierten wie Hunde und Katzen (Famincyn 1889:88, 113). Zum anderen wird den Tieren - ebenso wie in der Johannisnacht (Zelenin 1927:370) - die "Gabe des Sprechens" verliehen (Potebnja 1865:65). Auch in Volksliedern und von gelehrten Tieren, etwa der Skomorochen, ist dies überliefert (Famincyn 1889:126).

Die vom Holzfäller Fedor ausgestoßenen Tierlaute (Vvedenskij I:167), der Dialog der Tiere und ihr Verhalten "ganz wie im Leben" ("sovsem kak v žizni") (Vvedenskij I:161), die Sprechfähigkeit des Hundes Vera, das Fell der Ballerina im Ballett, die Gleichsetzung der Eltern Puzyrev mit Tieren, als sie neben dem offenen Sarg der Tochter Sonja den Geschlechtsverkehr praktizieren, - alle diese Motive treten so in eine folkloristische Kohärenzbeziehung. Die Tiere sprechen in ihrem Dialog von Blut und Tod. Der Tod der von Kozlov und Oslov an den Fluß getriebenen Ziegen und Esel greift dem der Ivanovs vor. Die Ivanovs, jene "große Familie" ("bol'soe semejstvo") der Maskierten, sind nicht nur durch den gemeinsamen Tod, sondern auch sprachlich durch das gemeinsame Suffix "-ov/-ëv" verbunden. Nur die Kinderfrau Anna Francevna Šmetterling und ihr Bräutigam Fedor sind vom kollektiven Sterben am Ende ausgenommen. Sie fehlen als einzige im Figurenverzeichnis des Dramas.

Die Wintersonnenwende, die "svjatki", sind nicht nur die Zeit der in den "koljadki" vorgetragenen Wünsche für Fruchtbarkeit im Feld, bei Mensch und Tier, sondern - aufgrund des Sterbens der Saat- auch eine Zeit des Totengedenkens. Vvedenskij

zitiert den Höhepunkt der Totenehrung im Kalenderjahr, die Woche nach Ostern ("fomina nedelja") bereits in "Vokrug vozmožno bog". Der Montag dieser Woche, der "navij den'", der die Verstorbenen betreffende Tag, findet sich als Umkehrung im Namen der Ivanovs wieder. Die Ivanovs tragen ihren künftigen Tod bereits im Namen. Von der Analogie zwischen dem Brauchtum zu Winter- und Sommersonnwende zu Ivan Kupala war bereits die Rede. Auch darin eröffnet sich eine Erklärungsmöglichkeit des für ganz Rußland stehenden Namens Ivanov⁶.

Wie im rituellen Brauchtum der Johannismacht treten auch in jenem der Weihnachtszeit Christliches und Heidnisches in Konkurrenz miteinander. Vvedenskij nutzt diese Ambivalenz nicht nur in der Modellierung der Similarität von Geburt Gottes und Tod der Teufel, heiliger Familie und fruchtbarer "großer Familie" der "rjaženye". Vor allem der Weihnachtsbaum muß als Paradigma dieser Interferenz gedeutet werden.

Schon die erste Replik - wie auch das Ende - verdeutlicht, daß der Weihnachtsbaum als Lebensbaum Freude und gespannte Erwartung weckt. In derselben Replik aber klingen bereits Zweifel an diesen positiven Konnotationen an. Bei Vvedenskij wird die "elka" zum christlichen Kreuzesbaum, zum Todesbaum, zum Sarg Sonjas, zur "traurigen Weihnachtstanne" ("pečal'naja elka") (Vvedenskij I:173). Der von Fedor gefällte Baum wird in der "Hymne" der Holzfäller (Vvedenskij I:160) nicht nur mit dem "Thron" des christlichen Gottes korreliert, sondern auch mit Perun. Unter dessen Attribut, der Eiche, verbirgt sich sein Feind Veles bzw. Volos, der Teufel. In der Hymne wird dazu aufgefordert, das Rad anzubeten, "molites' kolesu", das zu dem Wagen gehört, auf dem die Bäume - von Pferden gezogen - transportiert werden. Das mit dem Baum verbundene göttliche Rad darf wohl als jenes Sonnensymbol identifiziert werden, das die Slaven einst auf einem Pfahl, dem "arbor mundi", als Gott verehrten.

Fedor, der Bräutigam, fällt den Lebensbaum. Seine Braut, die "njan'ka", tötet Sonja, durch ihre betonte Sexualität gleichfalls ein Symbol des Lebens, mit demselben Werkzeug - einem Beil. Sonja figuriert als der Tod und Wachstum symbo-

lisierende "svjatočnyj umrun"⁷. Im slavischen Mythos wird die vom Baum verkörperte Wachstumskraft bei ihrer Loslösung vom Gewächs anthropomorphisiert (Propp 1963:99):

Derevo neset devuška, ili devuška idet pod derevom,
kak by voploščaja ego.

So will Sonja am Weihnachtsabend unter dem Baum ihren Rock heben und 'allen alles zeigen'. In der Folklore ist die Identität von Baum und Mädchen vielfach belegt. Der rituelle Baum der Hochzeit trägt die Bezeichnung "elka" oder "dév'ja krásota" (Zelenin 1927:311). Die von Bräutigam und Braut, Fedor und Kinderfrau jeweils mit dem Beil ausgeführten Handlungen, Fällen und Töten, werden bei Vvedenskij similar. Die Kinderfrau besiegt - wie Perun seinen Gegenspieler Veles - mit Peruns Attribut, dem Beil, ihren Feind Sonja, die zu den Teufeln gezählt werden muß⁸.

3. Mythische Vorformen des Theaters und tragikomische Ambivalenz

3.1. Fruchtbarkeitsspiel und Komödie

Sexualität und Geschlechtlichkeit bilden einen thematischen Schwerpunkt dieses vermeintlichen Weihnachtsspiels: Sonja fällt dem Beil zum Opfer, weil sie mit ihren Geschlechtsmerkmalen prahlt, ihre Eltern Puzyrev finden sich am Sarg der Tochter zum Geschlechtsverkehr, Fedor schläft - nach dem Mord - bei verbundenen Augen mit einem Hausmädchen. Wodurch kann dieser hohe Stellenwert der Sexualität erklärt werden?

Auch hierfür vermag die folkloristische Lesart des Stücks eine kohärente Erklärung anzubieten: Sie stellt das Thema der Sexualität in den Rahmen des Fruchtbarkeitsbrauchtums der "svjatki". In Bulgarien droht man am 24. Dezember unfruchtbaren Bäumen dreimal mit einem Beil das Fällen an. Diese magische Handlung soll deren künftige Fruchtbarkeit verbürgen (Arnaudoff 1917:4). Bei kinderlosen Frauen geht man in der gleichen Weise vor⁹. In "Elka u Ivanovyč" wird Sonja mit dem Beil nicht nur gedroht, sondern sie wird damit getötet. Im slavischen Mythos befreit Perun die Fruchtbarkeit und besiegt seinen Gegenspieler, indem er den Baum fällt, unter dem sich dieser verbirgt (Ivanov/Toporov 1974:96). Als analoge Handlung muß das Töten der Ziege

verstanden werden. Der Baum fungiert als ihr vegetativer Stellvertreter (Toporov 1983:114).

Sonja verkörpert als Nixe mit auffälligen Geschlechtsmerkmalen diese mythische Unfruchtbarkeit. Die "svjatki" dürfen - ebenso wie die Johannisnacht - als Zeiten sexueller Ausschweifungen bezeichnet werden. In der letzteren ist das eigene Mädchen vom fremden nicht zu unterscheiden (Ivanov/Toporov 1974: 238). Darin dürfte der hauptsächliche Grund dafür liegen, daß Fedor das Dienstmädchen, mit dem er schläft, mit seiner Braut verwechselt. Tritt zur Zeit der "svjatki" der "dedica" mit der Ziege und einem überdimensionalen Phallus auf (Vakarelski 1969: 384), so Jarila zu Ivan Kupala. Nackt reitet Jarila auf einem weißen Pferd. Er kann auch von einem Mädchen verkörpert werden, freilich unter entsprechender Betonung der ausgeprägten Geschlechtsmerkmale. Diese wiederum charakterisieren besonders Sonja, welche die Größe ihrer Brüste betont (Vvedenskij I:158):

[...]kakaja u menja sdelalas' grud'.

Die Beteiligten büßen bei diesen Orgien ihre menschlichen Charakteristika ein und verwandeln sich in Tiere wie die Puzyrevs, bellen wie Fedor nach dem Beischlaf. Im Ritual des "kumlenie" wählen sich die Frauen - wie das Dienstmädchen bei Vvedenskij - ihren Sexualpartner selbst für nur eine Nacht. Die sexuelle Verlockung durch die Frauen wird von den nackten Nixen ("rusalki") personifiziert. Doch bleiben die Nixen bei aller Betonung ihrer Erotik von der zentralen Funktion der Geschlechtlichkeit, von der Mutterschaft ausgeschlossen (Propp 1963:132). Ebenso wie Sonja sterben sie einen vorzeitigen und - wie die Mutter Puzyrev besonders betont (Vvedenskij I:62) - einen gewaltsamen Tod. Sie gelten damit als unreine Tote.

Mit der Zerstörung der teuflischen, unfruchtbaren Geschlechtlichkeit Sonjas können die in den "koljadki" geäußerten Wünsche für Fruchtbarkeit in der Familie und auf dem Hof in Erfüllung gehen¹⁰. Erst die in der Hymne der Holzfäller geforderte Anbetung des Rades verbürgt die - auch in den "gadanija" prophezeite - Fruchtbarkeit. Das Rad symbolisiert den auch von Jarila verkörperten Sonnengott. Sein Fest, also jenes des Fruchtbarkeits- und Feuergottes, überlagert sich mit jenem des christ-

lichen Weihnachten (Potebnja 1865:15). Kinder ziehen in dieser Zeit vor die Häuser des Dorfes und singen "koljadki". Dafür werden sie mit Gebäck belohnt, das Ziegen, Kühe, Schafe, Stiere und andere Tiere darstellt. Diese sogenannten "kozuli" (Propp 1963:28) sind als rituelle Speisen Überreste alten Opferbrauchtums und Garanten künftiger Fruchtbarkeit (Zelenin 1927:375-376). Der zunächst absurd erscheinende Dialog der Tiere bei Vvedenskij über die Götter und das Blut von Tieren wird so in einen erhellenden Rahmen gestellt.

Der Begriff der "kozuli" dürfte, ähnlich dem Namen Jarila (Ivanov/Toporov 1974:181) etymologisch mit dem Fruchtbarkeits-symbol der "koza" bzw. des "kozel" verwandt sein. So wie Sonja über ihre Geschlechtsmerkmale mit der Kinderfrau in Wettstreit tritt, setzt auch die Ziege den Phallus als Waffe ein (Toporov 1983:118). Dem Fällen des Baumes entspricht im Mythos das Schlachtopfer der Ziege. Dem russischen Verbum "koljadovat" kommt mit "kozla pet" dieselbe Bedeutung zu wie dem griechischen Wort "Tragödie" (Toporov 1983:103). Das griechische "phallische Lied" - seine Reste im slavischen Brauchtum wurden bereits erwähnt - darf hingegen als Vorform der Komödie angesehen werden.

Statt der Ziege kann in den "svjatki" vom "dedica" auch ein Pferd, die sogenannte "teuflische Stute" ("besovskaja kobyłka") umhergeführt werden. Für sie ist auch die Benennung "Mädchen" ("devka") gebräuchlich. Damit kann man wohl nicht mehr von Zufall oder gar Absurdität sprechen, wenn die "njan'ka" einem Pferd die Schuld an ihrem Mord zuschreibt. Durch die Betreuung der großen Zahl von Kindern und durch ihre Heiratsabsicht ist die Kinderfrau zudem mit der fruchtbaren Geschlechtlichkeit, mit der - Sonja fehlenden - Mutterschaft korreliert. Die Similität von Baum, Pferd und Mädchen auf der Grundlage der Fruchtbarkeitssymbolik dürfte diese Erklärungshypothese ebenso stützen wie - bei Vvedenskij (I:157) - das Moos auf dem Rücken Varja Petrovas. Die Ähnlichkeitsbeziehung zwischen Pferd und Sonja wird schließlich noch dadurch untermauert, daß nicht nur Sonja Charakteristika einer Nixe trägt: Auch das verkleidete Pferd wird häufig als "Nixe" ("rusalka") apostrophiert (Zelenin 1927:373).

Die Komödie Vvedenskij's als Fruchtbarkeitsspiel relativiert aber alle sie konstituierenden Motive durch den Tod der Ivanovs. Die resultierende ambivalente Tragikomödie¹¹ modelliert die mythisch-rituellen Vorformen des Theaters.

3.2. "Kozla pet'" und die Tragödie

Toporov (1983:116) hat die Vorform der Tragödie - analog zur Komposition in "Elka u Ivanovyč" - als Darbringung des Opfers zu Beginn und Katharsis am Ende beschrieben. Auch in dieser Hinsicht trifft die bereits in den Brauchtumsritualen vorgegebene Überlagerung von christlichen und heidnischen Vorstellungen zu: Die Geburt des Lammes Christus wird in der Weihnachtszeit der magischen Opferung Sonjas, der Anthropomorphisierung der Ziege bzw. des Baumes gegenübergestellt; der Kreuzestod Christi wird damit - als abschließender Akt der Opferung - bereits in die Geburt einbezogen.

Die gleichzeitige Opferung von Mensch und Tier deutet sich schon zu Beginn durch das Schlachten von Hühnern und Ferkeln an. Unmittelbar darauf folgt die rituelle Tötung der Ziege, die Ermordung Sonjas. Dem Widersacher des höchsten slavischen Gottes Perun, Veles bzw. Volos, wurden vor allem Stier ("byk") und Schaf ("ovca") geopfert (Zelenin 1927:358; Ivanov/Toporov 1974:47)¹². In dem zunächst völlig absurd erscheinenden Dialog der Tiere werden also nicht zufällig mit jeder Strophe wechselnde Erscheinungen jeweils mit einem Stier und einem Schaf verglichen:

ŽIRAFKA. Zvezdy bleščut.
VOLK. Kak krov' ovec.
LEV. Kak krov' bykov.

Die Kinderfrau fungiert somit in Vvedenskij's mythischem Spiel als Opferpriesterin (Vvedenskij I:164):

Moi ruki v krovi.

"Im Blut" (Vvedenskij I:170) endet auch das Zusammentreffen der Ziegenherde Kozlovs und der Eselsherde Oslovs am Fluß. Dieser Vorfall wird vor jenem Gericht, das eigentlich den Mord an Sonja verhandelt, als "Protokoll" verlesen. Die Adaption der folkloristisch-mythischen Identität von "kozol" und Sonja durch Vvedenskij bestätigt die Tötungsart der Tiere: Oslov schlägt die Ziegen seines Gegenspielers mit einem Weidenzweig, Kozlov

die Esel mit dem Zweig einer "elka" zu Tode. Diese ungewöhnlichen Mordwerkzeuge scheinen aus den folkloristischen Texten um Kostroma entlehnt zu sein. Kostroma bzw. Jarila wird vom Tod selbst mit einem Zweig getötet (Zelenin 1916:257). Bei dieser Tötungsart ist die aus dem russischen Volksdrama oder von den bulgarischen "kukeri" bekannte Wiedererweckung der Getöteten zum Leben ebenso ausgeschlossen wie bei den Tieren Oslovs und Kozlovs. Beide fordern diese Wiedererweckung von ihrem Feind vergeblich¹³.

Die Nennung des "Sargmachers" ("grobovščik") im Figurenverzeichnis, obwohl er im Drama nicht auftritt, läßt sich aus diesem Zusammenhang erklären. Im russischen Volksdrama "Car' Maksimilian", das auch in der Zeit der "svjatki" zur Auf-führung kam (Mezernickij 1909:80), wird der "Totengräber" ("grobokopatel'") mit jenem magischen Alten verbunden, der den vom Vater getöteten Zarensohn Adol'f wieder zum Leben erweckt (Pljuchanova 1984:60). Tötung und Wiederbelebung der Ziege bilden den grundlegenden Mythos für die Vorformen des indoeuropäischen Theaters (Toporov 1983:98-99). Das Element der Auferstehung oder Wiedererweckung zum Leben schließt Vvedenskij zum einen wegen seiner - in der Tradition des russischen Mythos stehenden¹⁴ - Betonung des Todesmotivs aus. Zum anderen wird aber mit der Ermordung Sonjas auch dem unfruchtbaren Winter der Todesstoß versetzt. Der Winter kehrt aber erst sehr viel später wieder. Eine sofortige Auferstehung ist schon deshalb ausgeschlossen.

In der mythisch-rituellen Bestrafung der Ziege durch den "kozlodër", den Opferpriester, stehen schon bei den Griechen die Gerichtsszenen im Mittelpunkt. Vvedenskij zeichnet gleichfalls das Gericht über seine Opferpriesterin, die "njan'ka", sehr ausführlich. Ihr Attribut, das Beil ist nicht nur identisch mit jenem des indoeuropäischen Donnergottes. Auch der Perun äquivalente Bylinenheld Il'ja Muromec (Ivanov/Toporov 1974:158) tötet das "wilde Tier" mit der Streitaxt¹⁵. Die Verhandlung des Gerichts über die Ziege wird musikalisch begleitet. Die zahlreichen lyrischen Intexte des Dramas und die wiederholten Chorreden lassen sich vom mythischen Theater herleiten.

Bei Vvedenskij verlangt die Kinderfrau selbst nach ihrer Verurteilung. Im zugrundeliegenden griechischen Mythos (Toporov 1983:107), aber auch in den russischen Volksdramen "Car' Maksimilian" und "Lodka" (Pljuchanova 1984:62) werden Tötender und Getöteter bzw. Quälender und Gequälter gegeneinander austauschbar. Eine psychologische Erklärung des Agens-Patiens-Wechsels zwischen der Kinderfrau und der ermordeten Sonja darf deshalb in keinem Fall als angemessen gelten, wenn erstere sagt (Vvedenskij I:164):

Be golova u menja v golove. Ja Sonja Ostrova.

Als Sonja Ostrova wünscht die Kinderfrau ihren eigenen Tod und verrät wie die anderen Figuren - im letzten Bild eine für den Dionysoskult bezeichnende Leidenschaft zum Tod (Toporov 1983:115, 115).

Veles, der durch Sonja repräsentierte Gegenspieler Peruns, gilt ohnedies als dem Totenreich verbunden (Ivanov/Toporov 1974: 67). Mit dem Fluß "Lethe", an dem Sonjas Sarg liegt, werden - wie in den Liedern zu Ivan Kupala - Tod und Wasser korreliert (Ivanov/Toporov 1974:230). Die auf dem Fluß schwimmenden Kerzen (Vvedenskij I:161) weisen auf ihren ursprünglichen Ort, den todtbringenden Weihnachtshaum zurück. Aber auch das Baden der Kinder bzw. Teufel im ersten Bild entpuppt sich somit als Vorzeichen für den nahen Tod. Wasser und Tod verknüpft bereits der folgende Liedtext zu Ivan Kupala (Ivanov/Toporov 1974:223):

U pana Ivana	Kaplja upala,
Posered' dvora,	Ozero stalo.
Stojala verba.	V ozere sam Bog kupašja,
Na verbi gorili sviči,	S ditkami, su ditkami.
S toj verby	

Trotz der Similarität und der verschlüsselten Ankündigung der zahlreichen Todesfälle, - es stirbt ja nicht nur Sonja, sondern auch die Ivanovs, zwei Richter, eine Ziegen- und eine Eselsherde finden den Tod -, sterben alle unmotiviert und plötzlich. Doch darf dies nicht sogleich als Moment des Absurden bewertet werden. Die Sonja verwandte volksliterarische Figur der Kostroma ereilt immer ein plötzlicher Tod (Zelenin 1916:254).

Der Tod wird im Stück Vvedenskij's - wie in den folkloristischen Texten zu Kostroma - als vorläufig und als eine scheinbar

Überschreitbare Grenze aufgefaßt. Als unreine Tote kann ja die "rusalka" Sonja tatsächlich nicht ins Jenseits eingehen (Zelenin 1927:368). Fragen der dramatis personae, ob Sonja 'noch immer tot' ("vse mertvaja") sei, ob sie etwas höre, ob sie schlafe, aber auch der komische Replikenwechsel zwischen ihrem Kopf und ihrem Körper stellen die Endgültigkeit des Todes in Frage. Zum anderen beschreiben Volodja Komarov, Miša Pestrov oder auch einer der Richter ihren Tod selbst. Vergleichbare Erzählungen der Protagonisten über ihren eigenen Tod sind aus epischen Liedern und Texten zu Klostoma bekannt.

Während Dunja Šustrova im letzten Bild von Vvedenskij's Spiel noch ankündigt, sie werden um die "elka" tanzen und lachen ("Ja budu chochotat'") (Vvedenskij I:172), verbindet sich in Volodjas folgender Replik das Lachen bereits mit dem Sterben:

Mama ne plač'. Zasmajsja. Vot i ja zastrelilsja.

Das aus dem russischen Brauchtum bekannte "fröhliche Begräbnis" ("veselye pochorony") und der farcenhafte Charakter zahlreicher Totenklagen ("pričitanija") geben die folkloristische Grundlage für dieses Sterben unter Lachen ab. Das von Vladimir Propp (1963:102) so bezeichnete "rituelle Lachen" ("ritual'nyj smech") befördert die Fruchtbarkeit der Erde und bringt neues Leben hervor.

Vvedenskij kehrt in "Elka u Ivanovyč" zu den mythischen Wurzeln des Theaters zurück. Sein Spiel, im Sinne von "igrišče", modifiziert jedoch die mythisch-folkloristische Grundstruktur: Der Lebensbaum verwandelt sich in einen Todesbaum, die Prophezeiungen der "koljadki" führen nicht zur Fruchtbarkeit von Mensch und Tier, sondern zu deren Tod.

Die hier vorgelegte folkloristische Lesart von "Elka u Ivanovyč" bleibt in einzelnen Punkten wohl anfechtbar. Der Bereich des Absurden oder Unsinnigen, dem das Stück bislang als ganzes zugewiesen wurde, läßt sich durch eine derartige Analyse aber zweifellos in neuer Weise beschreiben. Mythos und Folklore dürfen somit wohl als unverzichtbare Komponenten für das Verständnis der Avantgardeliteratur gelten.

4. Zur Transformation volksliterarischer poetischer Verfahren

Das Werk Vvedenskij's wurde bislang vor allem als ein geschlossenes poetisches "System" aufgefaßt (Revzina 1978:398). Doch lassen sich für dessen spezifische Verfahren Muster in der Folklore nachweisen.

So dürfen zu den Spezifika der Folklorepoetik die lautlichen 'Minimalpaare' der Namen "Perov-Serov", "Petrova-Pestrov", "Kozlov-Oslov" gezählt werden. Sie sind aus zahlreichen früheren Texten bekannt, so aus V. Chlebnikovs "Mirskonca" ("Olja-Polja"), aus N.V. Gogol's "Revizor" ("Bobčinskij-Dobčinskij") oder schließlich aus einem Kinderbuch von D. Charms (1967) "Plich i Pljuch". Besonders in den Repliken der Kinderfrau kehren die für die Folklore charakteristischen Doppelbildungen wieder wie "otcumeri"¹⁶.

Der Dialog der Tiere steht wegen der Sprecher, der Dreigliedrigkeit der Vergleiche und durch die typischen kurzen Sätze der (Kinder-) Folklore nahe. Die Komposition der kumulativen Lieder mit ihrer paradigmatischen Reihung thematisch aneinander anschließender Gegenständlichkeiten findet sich selbst in Szenenanmerkungen wieder (Vvedenskij I:167)¹⁷:

Stoi. Na stole grob. V grobu Sonja Ostrova. V Sone Ostrove serdce. V serdce svernuvšajasja krov'. V krovi krasnye i belye šariki.

Folkloristische Schemata wörtlicher Wiederholungen und Synonymien werden vom Autor gleichfalls entlehnt (Vvedenskij I:170)¹⁸:

Trebuet Kozlov s Oslova[...]/ Trebuet Oslov z Kozlova[...]
Auch in der dreimal wiederholten Sequenz "Sužu/Rjažu/Sižu/Rešaju" bzw. "Rešu" (Vvedenskij I:171) und in dem paronomastischen Spiel mit der Wortwurzel "sud" (Vvedenskij I:169): "Sud/I sosud/Na bljude./Nesut/Na posude/Sudej." läßt sich der Ursprung in folkloristischen Liedern und der Kinderfolklore¹⁹ nicht leugnen.

In dem schon erwähnten Lied zu Ivan Kupala über den "Ivanov dvor" (Propp 1963:39) wird zum einen dieselbe Situation der Abwesenheit der Eltern thematisiert wie im Dialog der Polizei mit den Kindern bei Vvedenskij, zum anderen klingt dort aber auch das Spiel mit "sud" und "rjad" bereits an:

Časty zvezdočki -/Maly detočki./Kak samogo gospodina
netuti,/ Ne slušilosja;/V Moskvu s-echavši/Sudy sudit',/
Sudy sudit'/Da rjady rjadit'.

In diesem Zusammenhang offensichtlicherer Merkmale der Folklorepoetik in "Elka u Ivanovyč" sei noch einmal an die häufigen Agens-Patiens-Wechsel, an die Substitution des Reder- bzw. Handlungssubjekts durch deren Objekt und umgekehrt erinnert.

Als prägend für die Poetik Vvedenskij's dürften jedoch zwei andere, für die Volksliteratur ihrerseits wesentliche Erscheinungen angesehen werden. Vvedenskij's Texte gestalten keine thematisch kohärente Objektwelt. Die gegenständliche Realität wird auf die sprachliche reduziert. Ähnlich erwächst auch in Chlebnikov's Dramatik die Wirklichkeit direkt aus dem Wort (Lönnqvist 1985:113). E i n Ausgangspunkt für diese Identität von "slovo" und "vešč'" liegt in der Folklorepoetik.

In der "koljadka" wird der arme Bauer als reich dargestellt, im Hochzeitslied der Bräutigam als "Fürst" ("knjaz'") apostrophiert, um diesen rituellen Worten eine magische Wirkung zu verleihen. Das Wortzeichen soll und kann den bezeichneten Sachverhalt heraufbeschwören. Die magische Kraft der Worte vermag sprachliche in gegenständliche Realität umzusetzen. Auch die für mythische und rituelle Texte typische "zvukoizobrazitel'nost'" (Ivanov/Toporov 1974:113), also die Lautgestaltung kann die Thematisierung bestimmter inhaltlicher Elemente motivieren. Potebnja schreibt dazu (zitiert nach Propp 1963:43):

Čem dalee v starinu, tem obyčnee i krepče vera v slova
odnim svoim pojavleniem proizvodit' to, što im označeno.

"Elka u Ivanovyč" demonstriert wiederholt den Übergang vom Wortzeichen, zum Beispiel "vanna" und "kartina", zum Bildzeichen, "Na pervoj kartine narisovana vanna." (Vvedenskij I:157) und schließlich zum Gegenstand der Badewanne im "ersten Bild" des Stücks. Diese Transformationen können zwar als komisches Spiel gedeutet werden, lassen sich aber auf die magische Funktion des Wortes zurückführen. Auch die fragmentarisierte Replik, so etwa jener nur aus dem Wort "frukt" bestehende Einwurf eines Holzfällers (Vvedenskij I:160), soll in diesem Fruchtbarkeitsspiel den bezeichneten Sachverhalt heraufbe-

schwören.

Die spannungsvolle Polarität von Isolierung und Autonomie der Textkomponenten einerseits und kontextueller Einbindung andererseits begründet das zweite wesentliche Verfahren, das Vvedenskijs Poetik in den Kontext der Folklore stellt. In der Volksliteratur kommt dem Detail "als semantischer Basiseinheit" weitgehende Autonomie zu (Mukařovský 1977:23-24). Details werden dort lediglich paradigmatisch gereiht. Die Abfolge der semantischen Einheiten gilt ebenso als offen wie die Werksemantik als ganze. Diese Offenheit erlaubt in der thematischen Syntagmatik überraschende Sprünge und Oppositionen zwischen benachbarten autonomen Motiven.

Innerhalb der Volksliteratur führt die Verselbständigung, also die Destrukturierung von poetischen Einheiten, so etwa die Loslösung des epitheton constans vom zugehörigen Nomen, zu alogischen poetischen Aussagen (Koschmal 1986a; Eremina 1978:75). Das nunmehr autonom verwendete Wort bewahrt sich nämlich die kontextuelle Bedeutung der poetischen Formel. Diese aber steht jetzt in Widerspruch zur autonomen Bedeutung des Lexems²⁰.

Vvedenskijs wohl grundlegendes poetisches Verfahren kehrt diese Erscheinung der Volksliteratur um. In feste Formeln werden Lexeme eingefügt, deren autonome Bedeutung mit der kontextuellen der Formel unverträglich ist, zum Beispiel "skaži sebe na ucho" (Vvedenskij I:172) (vgl. Mejlach 1978). Damit transformiert und markiert erst Vvedenskij den in der Volksliteratur vorgegebenen Alogismus als absurd.

In der Entlarvung von Sprachklischees zeigt sich Vvedenskij besonders von der Dramatik Chlebnikovs beeinflusst (Lönnquist 1985:105). Nicht nur poetische Formeln und Metaphern (Mejlach 1978a:395), sondern auch umgangssprachliche Mechanismen und Phraseologie werden verfremdet. Selbst die Komposition des Stücks ist vom Verfahren der kontrastiven Kombination autonomer und kontextueller semantischer Einheiten geprägt. Die insbesondere aus der Volkslyrik²¹ vertraute semantische Unverbundenheit der Motive, das überraschende Ereignis, wie der plötzliche Tod der Richter oder der Ivanovs, rückt bei Vvedenskij in den Vordergrund.

Die "Poetik des Unsinnns" oder der Absurdität ist jedoch nicht in der Volksliteratur vorgegeben, sondern wird erst vom Autor geschaffen. Vvedenskij verknüpft das der Volksliteratur entlehnte Prinzip der Detailautonomie und der Unverbundenheit von Motiven mit dem für die Kunstliteratur grundlegenden Verfahren der wechselseitigen Motivierung und der kausalen Verbindung semantischer Einheiten. In "Elka u Ivanovych" bedarf es zur Rekonstruktion dieser Motivierung nicht selten der Dekodierung mythisch verschlüsselter Äquivalenzbeziehungen. Der Einschub etwa des umfangreichen Versprotokolls in Sachen Oslov-Kozlov wird erst im Kontext der mythischen Similarität von Ziege und Sonja, von todbringenden Zweigen und Weihnachtsbaum verständlich.

Die Abfolge der semantischen Einheiten wird damit zum einen mythisch - und nicht kausal-logisch- motiviert. Zum anderen hebt das von Vvedenskij adaptierte Verfahren der Motiv- und Detailautonomie der Volksliteratur die Motivierung der Kunstliteratur wieder auf. Ein auf der skizzierten Poetik basierender volksliterarischer Text kann trotz zahlreicher Alogismen nicht als deformiert bezeichnet werden. Die Adaption und Transformation dieser Poetik in der Kunstliteratur destruiert diese hingegen sehr wohl. Auf dem Hintergrund der Kunstliteratur wird "Elka u Ivanovych" als deformiert, als absurd rezipiert.

Die von Vvedenskij in Rußland wohl erstmals so konsequent realisierte Übernahme und Transformation folkloristischer poetischer Verfahren in das Kunstdrama verleiht diesem absurde Züge. In der russischen Dramatik des 19. Jahrhunderts stand dagegen noch die Adaption volksliterarischer Motive und Themen im Vordergrund. Mit "Elka u Ivanovych" dürfte in der Evolution der Beziehungen zwischen dem russischen Drama und der Volksliteratur ein Höhepunkt erreicht worden sein. Dieser weist auf die mythischen Wurzeln der indoeuropäischen Vorformen des Theaters zurück.²²

A n m e r k u n g e n

1. In Nikolaj Evreinovs Stück "Veselaja smert'" wird die Uhr in leitmotivischer Funktion dazu benutzt, Harlekins Lebensspanne zu markieren. Evreinovs Stück steht "Elka u Ivanovyč" in Thematik u n d folkloristischer Quelle sehr nahe.
2. Überzeugendes Belegmaterial in dieser Hinsicht boten zuletzt die beiden Frankfurter Ausstellungen zur Theaterkunst der Moderne (1986). Vgl. den Katalog "Die Maler und das Theater im 20. Jahrhundert. Schirn Kunsthalle Frankfurt. Ausstellung vom 1. März bis 19. Mai 1986."
3. Vgl. den Text bei Propp (1963:39). Vladimir Propp vertritt in seinem Buch die These, daß die einzelnen rituellen Bräuche nicht isoliert voneinander gesehen werden dürfen. Vielmehr finden sich analoge Riten und Bräuche zu oft sehr weit auseinanderliegenden Kalenderfeiertagen. Damit können zwischen diesen erhellende Parallelen hergestellt werden. Diese These liegt den in der Analyse wiederholt gezogenen Vergleichen zwischen den "svjatki" und Ivan Kupala zugrunde.
4. Auch die "Maslenica" wird auf einem Boot durch den Ort gezogen. Das Volksdrama "Lodka" zitiert Vvedenskij (I:166) auch dann, wenn er die Verrückten ("sumasšedšie), mit Rudern sich vom Boden abstoßend, in einem Boot 'schwimmen' läßt. Das genannte Volksdrama wurde gewöhnlich in der Weise inszeniert, daß die Figuren auf dem Boden stehend mit Händen und Armen Ruderbewegungen ausführten.
5. Vakarelski (1969:381-385) berichtet, daß die bulgarischen Maskierten, die "kukeri", in bestimmten Gegenden Ziegen- und Ochsenhörner trugen. Die westbulgarischen "Džamalári" wiehern Frauen wie Pferde oder bellen sie wie Hunde an. Mit ihrem hölzernen Phallus ahmen sie den Begattungsakt nach.
6. Vvedenskij publizierte in der Kinderzeitschrift "Čiž" (1931) auch eine Geschichte über Christbäume. Die Kinder werden darin vom Lehrer befragt, ob bei ihnen zu Hause ein Christbaum aufgestellt werde und ob sie an Weihnachten zur Kirche gingen. Als Šura dies zugibt, werden in der Schule nur noch antireligiöse Lieder gesungen (Gibian 1974:22-23). Neben der heidnischen und christlichen Sinnenebene der "elka" deutet sich hierin als dritte die des erstarkenden Kommunismus an, der das christliche Brauchtum bekämpft, so wie die Kirche gegen das heidnische Brauchtum vorgegangen war.
7. Vladimir Propp (1963:96-97) belegt die organische Verbindung von Toten- und Wachstumskult beim "svjatočnyj umrun", der "maslenica", der "Pfungstbirke" ("semickaja berezka"), Kostroma und Ivan Kupala.
8. In den folkloristischen Texten verbirgt sich - besonders bei den Weißrussen - die Schlange, der Teufel unter dem Baum, der deshalb gefällt wird: "Ja ũ drevo schovajus'!"

"Ja drevo na ščepki rasščaplju, a tjabe ūb-jul" (Ivanov/Toporov 1974:75, 96-100).

In Vvedenskij's "Kuprijanov i Nataša", das "Elka u Ivanovyč" gerade durch die Nähe zur Volksliteratur verwandt ist (vgl. auch Mejlach 1978b:254-255), verabschiedet sich Kuprijanov von Nataša mit den Worten: "Proščaj dorogaja listvennica Nataša." (Vvedenskij I:106; vgl. ebda. 129: "Mne žalko što ja ne rošča, /kotoraja list'jami vooružalas"). - Die Pfingstbirke wird mit Frauenkleidern behängt. Die funktionale Similität von "njan'ka" und Perun bekräftigt der Hinweis auf ihre Allmacht zu Beginn des Stücks (Vvedenskij I:158): "Ona vse možet."

9. Bei den russischen "gadanija" bedeutet bereits der Ton des Beils den Tod (Propp 1963:108). Im Süden Rußlands zog man mit einem Beil um das Vieh herum oder warf eine Axt über die Herde, um die Fruchtbarkeit der Tiere heraufzubeschwören (Zelenin 1927:376).
10. Das 'Bild der real existierenden großen Familie' schafft sowohl die kompositorische Einheit der russischen "koljadka" (Čičerov 1948, zitiert nach Rozov 1974:105) als auch der "Elka u Ivanovyč".
11. Vgl. dazu R.V. Ivanov-Razumniks (1922:41) Analyse zu Vladimir Majakovskij's "Misterija-buff": "A kogda on načinaet sozidať svoj Raj, sozdat' svoju sobstvennuju 'misteriju', to polučaetsja tol'ko neveselyj 'buff'."
12. Auch die Verkleidung der "rjaženyje" in der Zeit der "svjatki" als Stier oder Schaf bzw. Hammel war sehr verbreitet (Propp 1963:115-116). Das Alter Petja Perovs als "einjähriger Junge" ("godovalyj mal'čik") wird gewöhnlich mit dem Hinweis auf das Alter von Vvedenskij's Sohn beim Entstehen des Stücks kommentiert. Die mythisch-folkloristische Lesart des Spiels läßt sich aber auch im Zusammenhang mit den Tieropfern bei den Slaven sehen: Das dem Gott geopferte junge Schaf sollte nicht älter als ein Jahr sein (Ivanov/Toporov 1974:181).
13. Die Nähe dieses in Vvedenskij's Stück - oberflächlich betrachtet - isolierten Protokolls zur Volksliteratur vermag auch die folgende Gegenüberstellung einer Textpassage Vvedenskij's (I:169) und einer bei Čičerov (1957:127) zitierten "koljadka" zu verdeutlichen. Dabei wird erneut die für das Stück typische Betonung des Todesmotivs deutlich:
Zimnim večerom Kozlov
Šel k reke kupat' kozlov.
Vidit šestvuet Oslov,
On vedet s reki oslov.

Tak daj emu bog
Poltorasta korov,
Devjanosto bykov.
Oni na reku idut -
Vse pomykivajut
A s reki idut -
Vse poigryvajut.

14. Während Wachstumsgottheiten wie der ägyptische Osiris oder der babylonische Tammuz getötet werden, um wieder aufstehen zu können, steht bei den russischen Feiertagen die Tötung im Mittelpunkt. Das russische Brauchtum kennt - nach Propp (1963:95) - allein die Tötung.
15. Vgl. dazu die Szenenanmerkung des ersten Bildes zu einer Replik der "njan'ka": "(zamachivajas' toporom kak sekiroj)".
16. Vgl. als folkloristischen Text dazu u.a. bei P. Mezernickij (1909:83): "S otcom-s-mater'ju".
17. Als Vergleichstext dazu sei eine Passage aus dem Spiel "Koža" zitiert (Vsevolodskij-Gerngross 1933:28):
"Koža, koža, bja, gde ty byla?" - "Konej stereġla". -
"I gde koni?" - "V les ušli". - "Gde tot les?" - "Červi vytočili". - "Gde červi?" - "Oni v goru ušli". - "I gde gora?" - "Byki vykopali".
18. Venediktov (1974:221-224) nennt als Verfahren des "außerlogischen Prinzips" in der Folklorepoetik vier Varianten des "syntaktischen Parallelismus": Wiederholungen von Versen oder Verstellen, tautologische Parallelismen, synonyme Konstruktionen und Parallelismus von Syntagmen und ganzen Versen.
19. Vgl. Daniil Charms' Kindergedicht (1967) "Veselye čiži":
Čiž-sudomojka,
Čiž-polomojka,[...]
Čiž-nakryvaet,
Čiž sozyvaet,
Čiž razlivaet,
Čiz razdaet.
Als Vorbild Vvedenskij's muß auch der von den Obériuten intensiv rezipierte Koz'ma Prutkov zitiert werden, so sein Dialog in dem Drama "Fantazija" (1981:121):
RAZORVAKI. My vas znaem-
KUTILO-ZAVALDAJSKIJ. Ublažaem-
Kn. BATOĢ-BATYEV. Uslaždaem[...].
Prutkov gestaltet auch - wohl als erster russischer Dramatiker - am Ende des Stücks "Čereposlov, sireč' Frenolog" eine Badeszene. An den Titel des Dramas "Oprometčivyy Turka, ili: Prijatno li byt' vnukom?" schließt die an die Kinderfrau gerichtete Frage direkt an (Vvedenskij I:164): "Prijatno byt' ubijcej?" (vgl. auch Koschmal 1986b).
20. Als Beispiel sei hier auf den in der Volksliteratur verbreiteten Farbalogismus ("cvetovoj alogizm") hingewiesen. In der Volkslyrik tragen die Adjektive "alyj" und "lazorevyj" kein Farbmerkmal. So kann es zu einer tautologischen Verbindung beider kommen, in der jedes Attribut für sich "schön", "heil" oder "klar" bedeutet (vgl. Eremina 1978: 74-76):
Ja ne znaju, k čemu družka primenit',
Krasoty v lice ne možno ocenit',

Ego ličiko - belyj sneg,
ščeki - alen'ko-lazorevyj cvetok.

21. Vvedenskijs Poetik steht nicht nur der Volkslyrik, sondern der Lyrik insgesamt näher als etwa dem Drama. Seine "Poetik des Unsins" läßt sich deshalb auch nicht in der Sphäre der Kommunikation, sondern nur in jener der "'reinen' Semantik" (Mejlach 1978a:389) festmachen (vgl. Koschmal 1986a). Diese Nähe zur Lyrik leitet sich unmittelbar aus der Spezifik des mythisch-rituellen Theaters ab. Dem Lied kommt dort - wie auch in "Elka u Ivanovyč" - eine tragende Rolle zu (Toporov 1983:103). Die Lyrik steht am Anfang der Evolution des Theaters.
22. Zu den "Quellen der Poetik des OBĚRIU" vergleiche zuletzt Sigov 1986:87-96. Aspekte der Verankerung von Chlebnikovs poetischer Sprache im slavischen Mythos zeigt Vjačeslav Vs. Ivanov (1986:62-71) auf.

L i t e r a t u r

- ARNAUDOFF, M., *Die bulgarischen Festbräuche*. Leipzig 1917 (=Bulgarische Bibliothek.4.).
- CHARMS, D., *Čto čto bylo?* Moskva 1967.
- ČIČEROV, V.I., "Russkie koljadki i ich tipy". In: *Sovetskaja etnografija* 2. 1948.
- Ders., *Zimnij period russkogo zemledel'českogo kalendarja XVI-XIX vekov (Očerki po istorii narodnych verovanij)*. Moskva 1957 (Trudy In-ta etnografii AN SSSR. Novaja serija.40.)
- EREMINA, V.I., *Poetičeskij stroj russkoj narodnoj liriki*. Leningrad 1978.
- FAMINCYN, A.S., *Skomorochi na Rusi*. S.-Peterburg 1889.
- GIBIAN, G., "INTRODUCTION: Daniil Charms and Alexander Vvedensky". In: *Russia's Lost Literature of the Absurd. A Literary Discovery*, hrsgg. von G. Gibian. Ithaca, London 1974, 1-38.
- IVANOV, V.V., "Slavjanskaja pora v poetičeskom jazyke i poezii Chlebnikova". In: *Sovetskoe slavjanovedenie* 3, 1986:62-71.
- IVANOV, V.V. und V.N. Toporov, *Issledovanija v oblasti slavjanskich drevnostej. Leksičeskie i frazeologičeskie voprosy rekonstrukcii tekstov*. Moskva 1974.
- IVANOV-RAZUMNIK, R.V., *Vladimir Majakovskij ("Misterija" ili "Buff")*. Berlin (Izdatel'stvo "Skify") 1922.
- JOVANOVIĆ, M., "A. Vvedenskij - parodist: k razboru "Elki u Ivanovyč"". In: *Wiener Slavistischer Almanach* 12, 1983: 71-86.
- KOSCHMAL, W., "Dialogische Groteske und Poetik der Destruktion: Koz'ma Prutkov". In: [Internationales Symposium

- zur Theorie des Dramas und Theaters 1984 (Bochum), erscheint voraussichtlich 1986]. 1986b.
- Ders., "Vom 'mythischen' zum absurden Dialog. Zur Poetik ostslavischer Volksspiele". In: *Poetica*, Bd.18, H. 1-2, 1986:27-50.
- LEVIN, I., "Vvedenskii: Text and Subtext". In: *Neue Russische Literatur 1982/1983*, 1983:189-203.
- LÖNNQVIST, B., "Klebnikov's Plays and the Folk-Theater Tradition". In: *Velimir Chlebnikov. A Stockholm Symposium. April 24 1983*, hrsgg. von N.Å. Nilsson. Stockholm 1985, 89-121.
- MEJLACH, M.B., "Semantičeskij éksperiment v poétičeskoj reči". In: *Russian Literature VI-4*, 1978a:389-395.
- Ders., "Predislovie". In: Vvedenskij, A., *Polnoe sobranie sočinenij*, t.1. Ann Arbor 1980, IX-XXXIII.
- Ders., "Primečanija". In: Vvedenskij, A., *Polnoe sobranie sočinenij*, t.2. Ann Arbor 1984, 261-362.
- Ders., "Neskol'ko slov o "Kuprijanove i Nataše" Aleksandra Vvedenskogo". In: *Slavica Hierosolymitana III*, 1978b: 252:257.
- MEZERNICKIJ, P., "Narodnyj teatr i pesni v g. Starodube". In: *Živaja storona 18*, vypusk 1, 1909, 80-89.
- MUKAŠOVSKÝ, J., "Detail as Basic Semantic Unit in Folk Art". In: *The Word and Verbal Art. Selected Essays by Jan Mukašovský*, hrsgg. von J. Burbank und P. Steiner. New Haven, London 1977, 180-204.
- NAKHIMOVSKY, A.S., *Laughter in the Void. An introduction to the writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskii*. Wien 1982 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 5.).
- PLJUČANOVA, M.B., "Peterburgskij tron v fol'klore". In: *Trudy po znakovym sistemam XVIII. Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury*. Peterburg. Tartu 1984, 56-71.
- POTEBNJA, A.A., "O mifičeskom značenii nekotorych obrjadov i poverij: I. Roždestvenskie obrjady". In: *Čtenija v imperatorskom obščestve istorii i drevnostej rossijskich 1856 kn. vtoraja*. Moskva 1865, 1-84.
- Ders., *Ob-jasnenija malorusskich i srodných narodnych pesen'. II. Koljadki i ščedrovki*. Varšava 1887.
- PROPP, V.Ja., *Russkie narodnye prazdniki (opyt istoriko-étnografičeskogo issledovanija)*. Leningrad 1963.
- PRUTKOV, K., *Sočinenija*. Moskva 1981.
- REVZINA, O.G., "Kačestvennaja i funkcional'naja charakteristika vremeni v poézii A.I. Vvedenskogo". In: *Russian Literature VI-4*, 1978:397-407.
- ROZOV, A.N., "Drevnegrečeskaja koronizma i russkie koljadki". In: *Russkij fol'klor XIV. Problemy chudožestvennoj formy*. Leningrad 1974, 101-108.

- SAŽIN, V.N., "Literaturnye i fol'klornye tradicii v tvorčestve D.I. Čarmsa". In: *Literaturnyj process i razvitie russkoj kul'tury XVIII-XX vv. Tезisy naučnoj konferencii*. Tallin 1985, 57-61.
- SIGOV, S., "Istoki poétiki OBĚRIU". In: *Russian Literature XX-I*, 1986:87-96.
- TOPOROV, V.N., "Neskol'ko soobraženij o proischoždenii drevnegrešskoj dramy (k voprosu ob indoevropskikh istokach)". In: *Текст: семантика и структура*. Moskva 1983, 95-118.
- VAKARELSKI, Ch., *Bulgarische Volkskunde*. Berlin 1969.
- VENEDIKTOV, G.L., "Vnelogičeskoe načalo v fol'klornoj poétike". In: *Russkij fol'klor XIV. Problemy chudožestvennoj formy*. Leningrad 1974, 219-237.
- VSEVOLODSKIJ-GERNGROSS, V.N., V.S. KOVALEVA und E.I. STEPANOVA (Hrsgg.), *Igry narodov SSSR*. Moskva 1933.
- VVEDENSKIJ, A., *Polnoe sobranie sočinenij, t.1, t.2.*. Ann Arbor 1980 und 1984.
- ZELENIN, D.K., *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, Leipzig 1927.
- Ders. *Očerki russkoj mifologii. Vypusk pervyj: Umeršie neestetvennoju smert'ju i rusałki*. Petrograd 1916.

ЗАМЕЧАНИЯ К НЕКОТОРЫМ РУССКИМ НАРОДНЫМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ОБ ИКОНЕ

Борису Андреевичу Успенскому εις πολλὰ ἔτη

В своем недавнем труде, значительно пополнившим корпус материалов о "русских простонародных праздниках и суеверных обрядах", Б.А. Успенский уделил внимание двум аспектам русской культовой действительности, как то: наименование икон (в том числе и тех, на которых изображены святые) *богами* и, далее, обычай наказания икон вообще и Св. Николая Чудотворца в частности за недарование или неисполнение просимого пред ними.¹ В настоящей заметке мы сочли полезным свести воедино несколько разрозненных сведений, которые призваны расширить круг привлеченных нашим наставником в обоих экскурсах свидетельств для характеристики вышеупомянутых феноменов.

Отчетливое продолжение семантической линии "боги-иконы, образа" лежит в основе распространенного культового термина *БОГОНОС (ВЦ)*. Такое название присваивалось лицам обоего пола и разного возраста (в том числе и детям), носящим образа в какой-либо литургической процессии, при венчании, а также при сборе пожертвований на храмовые нужды.²

Наличие в активной части словаря церковнослав. *БОГОНОСЬЦЪ* (также) *БОГОНОСИВЫЙ, БОГОНОСЬНЫЙ*, кальки греч. Θεοφόρος, Deum ferens, "носящий в себе Бога")³ могло обуславливать восприятие этой черты народного языка как своего рода профанации нормативного книжного словоупотребления. Так, в 1838 году в Санкт-Петербургском комитете духовной цензуры рассматривались журнальная статья (не допущенная к печати) под названием "Препровождение светлого Христова Воскресения в удельной образцовой усадьбе", вызвавшая негодование цензора Архимандрита Климента (Мажарова)⁴. В обосновании ее отклонения цензор указывал, в частности, на следующее обстоятельство: в ней

вместо главного виновника праздника-Иисуса Христа... выставлен на вид священник, ходящий по приходу с крестом и святыми иконами; ему предшествуют два мальчика, называемые богоносцами, которые из того и ходят, чтобы получать яйца; а сопутствуют, вопреки указам из Святейшего Синода, попадья, диаконница и дьячка. Он кушает сдобный пирог и жареного

поросенка в сметане, пьет вишневку и смородиновку..., заслушивается приветливого хозяина так, что забывает идти к другим крестьянам, и после всего, вопреки постановлению Православной Церкви, дает благословение работать на Пасхальной неделе. Такое препровождение Св. Христова Воскресения..., по моему мнению, не только не назидательно, но даже смешно и соблазнительно, и потому не должно быть одобрено к напечатанию ⁵.

Упоминание прозвища носящих образа мальчиков в числе разного рода других "смешных и соблазнительных" обстоятельств этого праздника достаточно красноречиво. Описываемое в несчастной статье происшествие, столь нелепое в глазах духовного лица, представляет собой ничто иное как пасхальную *мольбу*, неизменно действующими лицами которой являлись также и богоносцы. По определению В.И. Даля, "мольбами зовутся и церковные празнества (вост.), по местным установлениям и обычаям, с молебствием, в память каких-либо событий, также молебны и пиры по обету и приходские престольные праздники"⁶. В генетическом плане отдельные элементы мольбы являются переживанием древних коллективных ритуальных пиршеств- *братчин*, имевших значительные религиозные, социальные и юридические функции⁷.

Что же в свою очередь может скрываться под "местными установлениями и обычаями" формулировки В.И. Даля, позволяют продемонстрировать наблюдения Д.К. Зеленина, сделанные в Вятской губернии в начале нынешнего столетия⁸.

Мольба *правилась* в так называемые *уложенные праздники* (напр., в Благовещение, Рождество и др.), будучи или *рядовой* (т.е. справляемой в порядке известной очередности) или же *нерядовой*. В последнем случае священником (*sic*) назначался *молебщик* (или *пировой*, см. В.И. Даль III, 281). В обязанности молебщика входило обеспечение достаточного количества пива, которое варилось из продуктов, собираемых по окрестным приходам⁹. В надлежащее время пиво доставлялось на место правления мольбы, которое находилось, по замечанию Д.К. Зеленина, "почти всегда у часовен". В некоторых местах молебщику полагалось потчевать духовных лиц обедом, за что те служили у него на дому молебен. По окончании общей службы участники ее, преимущественно *богоносцы*, угощались так называемым *молебным пивом*¹⁰ и закусывали, а затем, как правило, предавались разного рода увеселениям.

Конкретные формы протекания мольбы обуславливались в большой

степени региональным фактором. В этой связи следует обратить внимание на одно важное свидетельство о порядке совершения подобных ритуалов, которое осталось, насколько нам известно, практически неиспользованным этнографами. Оно встречается в мемуарах уроженца села Матвеево Кологривского уезда Костромской губернии, выдающегося историка Русской церкви Евгения Евсигнеевича Голубинского¹¹.

Повествуя о чередовании циклов "пьяного года" (выражение известного отточенностью формулировок автора воспоминаний) сельского приходского духовенства в тридцатые-сороковые годы прошлого столетия, Е.Е. Голубинский, в частности, сообщает:

Со второго дня Пасхи начиналась слава по приходу, а так как приход наш был очень большой, состоявший из 30 сличком деревень, разбросанных притом же на значительном пространстве, то слава продолжалась очень долго. А славить для нашего духовенства значило пить и пить и напиваться каждый день к вечеру до совершенного положения риз. После славы настают так называемые молебны. Молебнами называются у нас деревенские праздники: каждая деревня имеет по своему собственному празднику, многие имеют их по два, а некоторые даже и по три, и наибольшая часть этих праздников приходится на лето. В день праздника священник с притчом приезжает в деревню, служит в деревенской часовне всенощную (сокращенно) и молебен, совершает крестный ход вокруг деревни и потом, после обеда в отведенной ему квартире, ходит по домам деревни со святою водой и у желающих служит домовые молебны¹².

Известный интерес представляет и распространенный в той же местности обычай пасхального и рождественского одаривания¹³:

В Рождество и на Пасхе ученики Солигаличского [духовного-Ф.П.] училища имели обычай петь, ходя по подоконью домов,¹⁴ причем на Пасхе пели по-гречески Χριστός ἀνέστη ἐν τρίτῃ. Набирали подаяний порядочно, так что некоторым приходилось кое-как по пятидесяти. Один раз я принял участие в этом пении о Пасхе. У одного барина горничные девицы заставили нас петь Χριστός ἀνέστη раз двадцать и дали за это пятак. Но встретился нам учитель наш П.Н. Альбов. Он сказал мне: "Ты - сын священника из богатого села, тебе стыдно!". Послушавшись его приказа, я отправился домой и больше уже никогда не славил.¹⁵

Принадлежность следующего сообщения о народном отношении к иконам к числу выявленных до сих пор случаев наказания изображений Святителя Мирликийского нуждается в специальном изучении. Оно заимствовано из очерка народных нравов, который принадлежит перу видного петербургского проповедника отца Григория Петрова (1868-1925) и известен нам лишь по обширной цитате В.В.Розанова¹⁶:

Крестьяне крестят своих детей, венчают, ходят на исповедь или "на дух", как они говорят, ходят в церковь, соблюдают посты и праздники, служат панихиды, молебны просто потому, что не делать этого - "грех". А в чем этот "грех" заключается, они не знают. Стоя в церкви, они вслух между собою разговаривают. После службы заходят по пути в кабачок. Во время крестных ходов они также ведут беседы, полагая, что главное дело заключается именно в обнесении икон около деревни, а не в молитве. А если бы священник отказался ходить около деревни в праздник, то они, наверное, устроили бы бунт. Иконы они называют богами, безразлично, будут ли на них изображены Спаситель или святые. "Вишь, Боженьку принесли" - говорит мать ребенку при входе священника с иконами. Если ребенок, играя на руках матери, ударил ее ладонью по лицу, мать, показывая ему на икону, говорит: "Не смей драться, а то Боженька те палкой - у! у!" В одной из записанных мною былиц рассказывается, как деревенский сход хотел продать икону Николая Чудотворца за неисполнение им данного обещания. "Продадим его", т.е. образ, "а то какой же это бог, коли он смотал" (обманул), советуются между собой крестьяне. 17

Поскольку былица о столь любопытном предмете дискуссии на деревенском сходе приведена о Григорием Петровым лишь в самых общих чертах преимущественно с целью охарактеризовать крестьянское представление об иконах, то истолкование лежащих в ее основе мотивов сопряжено с некоторыми неясностями. Возможно, крестьянский мир, обманувшись в каких-то ожиданиях, которые были связываемы им с помощью образа Св. Николая Чудотворца, приходит к заключению, что от такой иконы следовало бы избавиться (как от недейственной?). Не скрывается ли, однако, за этим представлением рудимент акта наказания иконы путем ее своеобразного "исключения"? С другой стороны, это сообщение до известной степени противоречит некогда актуальному запрету продажи определенных сакральных предметов: так, соответственно, иконы не положено продавать, но надлежит "выменивать", в том числе и на деньги. 18 Следовательно, необходимо задаться вопросом, не отражает ли запись о. Гр. Петрова какой-либо искаженный вариант былицы или же, иначе говоря, не является ли намерение продать икону продуктом позднейшего рационалистического переименования. Недоступность многочисленных произведений этого автора, в которых, кстати, есть основания предполагать и другие замечания на этнографические темы, а также незнакомство с его важнейшими повествовательными приемами при- нуждают нас воздержаться от попытки решения поставленного вопроса. В заключение остается лишь заметить, что среди обильных ма-

териалов, приведенных Б.А. Успенским, каких-либо аналогий заимствованному нами у В.В. Розанова примеру не встречается.

П р и м е ч а н и я

1. УСПЕНСКИЙ, Б.А., *Филологические разсказания в области славянских древностей (Реликвия язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Москва 1982, 118-119; 114-116 (наказание иконы Св. Николая); 182-186 (наказание икон вообще).
2. ДАЛЬ, В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 4 изд. под ред. И.А. Бодуэна де Куртене, т. I-IV, Санкт-Петербург-Москва 1912-1914 (в дальнейшем приводится с указанием тома и колонки по этому изданию), см. Даль I, 254; *Словарь русских народных говоров*, вып. 3, Ленинград 1968, 52-53.
3. Ср. И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I, СПб 1893 (Nachdruck Graz 1971), 133; исключение представляет собой, однако, единственное место древнеславянского перевода Хроники Георгия Мниха, в котором выражению подлинника (Georgius Monachus, Chronikon ed. C. de Voog [ed. corr. P. Wirth], Stuttgart 1978, p. 601, 17) θεοφιλή καὶ θεολόγους соответствует бѣвъзлѣюклена и бѣвосна [sic!] члѣна, В.М. ИСТРИН, *Книги еременныя и оразныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. I, Петроград 1920 (Nachdruck München 1972), 397, 11 примеч. 15, ср. т. II, Петроград 1922 (Nachdruck ebd.), 333. О грековизантийском термине см., напр., G.W.H. LAMPE, *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford 1961, 642-643 s.v.
4. См. о нем подробнее: С.Г.Р., *Русский Биографический словарь*, т. VIII, СПб 1897 (reprint New York 1962), 735-36; автор статьи Степан Григорьевич Рункевич, ср. И.Ф. МАСАНОВ, *Словарь псевдонимое русских писателей, ученых и общественных деятелей*, т. III, Москва 1958, 52.
5. Цит. по кн.: А. КОТОВИЧ, *Духовная цензура в России (1799-1855 гг.)*, СПб 1909 (reprint Westmead 1972), 533-34. О народных представлениях, связанных с обрядовыми пасхальными яйцами, см. В.К. СОКОЛОВА, *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белоруссов*, Москва 1979, 112-113.
6. ДАЛЬ II, 884-86, особ. 884-885; ср. также *Словарь русских народных говоров*, вып. 18, Ленинград 1982, 249-250.
7. Литература, посвященная братчинам древнего и нового времени, весьма обширна; некоторые труды называет Б.А. УСПЕНСКИЙ, *Филологические разсказания* (см. сн. 1, 226 [тематический указатель под словом братчина]). Укажем также на обширно документированные, отчасти незаслуженно забытые работы, чей перечень здесь не претендует, конечно, на полноту: А. ПОПОВ, "Пирь и братчины", в кн. *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, издаваемый Н. (В.) Калачовым, т. II, Москва 1855, часть 2, отделение VI, 19-41; П.С. ЗНАМЕНСКИЙ, "Приходское духовенство на Руси", в кн. *Православное Обозрение*, т. 21, 1866, ч. 1, 1-35 (особой пагинации), спец.

- с. 10-14; Князь П.П. ВЯЗЕМСКИЙ, "Беседа трех святителей", в кн.: *Памятники Древней Письменности*, т. VI, вып. I, СПб 1880, 63-86, особ. 72-86 (братчины как среда распространения "Беседы трех святителей"); А.А. ПАПКОВ, "Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России - до XVII века, (часть 2), в кн.: *Богословский Вестник*, 1897, март, отд. II, 373-395, особ. 382-395; К.В. ХАРЛАМПОВИЧ, "К истории борьбы с пьянством на Руси", в кн.: *Богословский Вестник*, 1915, январь, 32-45; М.Н. СПЕРАНСКИЙ, "'Корсунское' чудо Козмы и Дамиана", в кн.: *Известия по русскому языку и словесности*, т. I, 1928, 358-375; ср. И.И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *Материалы для словаря* (см. сн. 3), т. I, 174-175.
8. Д.К. ЗЕЛЕНИН, "Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию", в сб.: *Сборник Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук*, т. 76, 1903, № 2, 90-91 и 189.
9. Для приготовления пива существовали при церквях особые медные котлы большой вместимости и чаши, называемые *братинами*, см. подробнее А. ПАПКОВ, "Древнерусский приход" (ср. сн. 7), 385-386.
10. Ср. выражение *пить мольбу* (т.е. моленое пиво), *Словарь русских народных говоров*, вып. 18, Ленинград 1982, 249-250. Полутно отметим, что П.И. МЕЛЬНИКОВ (Андрей Печерский), "В лесах", в кн.: *Полное собрание сочинений*, изд. 2, т. III, СПб 1909, 343 толкует выражение *моленый кус* как "жертвенное мясо", сопровождая его следующим пояснением: "Теперь моленый (иногда *пешный*) кусом зовут снеди, освящаемые в церкви - куличи, сыр и т.п." Не случайно и братчинное пиво называлось *кануном*, см. А. ПОПОВ, "Пирь и братчины" (см. выше при сн. 7), 36; А.А. ПАПКОВ, "Древнерусский приход", 384.
11. Е.Е. Голубинский (28 февраля 1834 - 7 января 1912, Сергиев Посад), сын сельского священника, являлся ординарным профессором Московской Духовной Академии по кафедре истории Русской Церкви, а также ординарным академиком Императорской Академии Наук по Отделению Русского Языка и Словесности. Воспоминания были отчасти записаны Е.Е. собственноручно (детство и отрочество), отчасти же продиктованы им, вследствие наступившей в 1907 г. утраты зрения, его дальнему родственнику, ученику и преемнику по Троицкой кафедре Сергею Ивановичу Смирнову (1870-1916). С.И. Смирновым прижизненно были опубликованы только некоторые фрагменты воспоминаний; подготовленный им к печати текст был издан (с некоторыми опущениями) лишь в 1923 году попечением его брата, известного этнографа Василия Ивановича Смирнова (1882-1941) "Костромским научным обществом по изучению местного края".
12. "Воспоминания Е.Е. Голубинского", Кострома 1923, 6 (*Труды Костромского научного общества по изучению местного края, выпуск 30*). Другие замечания Е.Е. Голубинского о пьянственном пороке среди некоторой части современной ему низшего провинциального духовенства см. в кн.: Е.Е. ГОЛУБИНСКИЙ, "О реформе в быте Русской Церкви", в кн.: *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Уни-*

- верситете, т. 246, кн. 3, отд. = verbatim Москва 1913 - reprint Westmead 1972, 20-23.
- Как сообщает Д.К. Зеленин, "А.Г. Данилин описал этот обряд ("мольбы" - Ф.П.) в 1925 году в селе Мантурове Кологривского уезда Костромской губернии (рукопись)", ср. Д.К. ЗЕЛЕНИН, "Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая", в сб.: *Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского*, Ленинград 1928 (reprint The Hague 1965), 130-136, особ. 133 (= Сборник Отделения Русского Языка и Словесности... т. 101, № 3); было бы, безусловно, поучительно сопоставить два описания (Голубинского и Данилина), относящиеся к одному и тому же уезду, но отделенные друг от друга, помимо точки зрения, еще и значительным временным промежутком. Отметим, далее, что И.П. Сахаров говорит об обычае совместного приготовления (*складчина, ситчина*) жителями Костромской губернии *моленого пива* на Святой Неделе, в "процессный день", см. И.П. САХАРОВ, *Сказания Русского Народа*, изд. 3, т. II, кн. 7, СПб 1849, 76; И.П. САХАРОВ, *Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи*, СПб 1885, 175. Интересно упоминание основных компонентов того же обряда в записях, сделанных в 1976-1977 гг. в Костромском крае: "Братчина, пива варили, веселились, складывались целовек (sic) пятьдесят", см. Н.А. РОМАНОВА, *Некоторые особенности говора деревни Заречье Вожегского района Костромской области. Диалектная лексика*, 1977, Ленинград 1979, 184-192, 186.
13. "Воспоминания Е.Е. Голубинского", 13.
14. Ср. ДАЛЬ III, 492; ср. также выражение *грызть окна* "нищенствовать": "Сама в мир кожу, чужие окна грызу", С.В. МАКСИМОВ, *Бродячая Русь Христа-ради*, СПб 1877, 111.
15. Ср. также аналогичную семантическую деградацию тверск. (Ржевский уезд) *коледа* "дневной сбор милостыни нищим", *коледовать* "собирать милостыню"; арханг. (Шенкурский уезд) *коледиться* "просить, умолять", *Опыт Областного Великорусского Словаря*, изданный II Отделением Императорской Академии Наук, СПб 1852, 87; Ф.И. БУСЛАЕВ, "Областные изменения русской народности", в кн.: Ф.И. БУСЛАЕВ, *Исторические очерки русской народной словесности и искусства*, т. I, СПб 1861 (reprint The Hague-Paris 1969, 195). По свидетельству И.И. Земцовского, основанному на наблюдениях, сделанных в 1959 г. в Пыщутинском районе Костромской области, местные жители считали новогоднее колядование городским (sic!) обычаем, см. И.И. ЗЕМЦОВСКИЙ, "Песенный быт современной костромской деревни", в кн.: *Русский фольклор IX, 1964*, 287-293. Подробнее о самих обрядах см. в кн.: Л.Н. ВИНОГРАДОВА, *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования*, Москва 1982.
16. Ср. характеристику значения пастырской деятельности о. Григория Петрова, данную В.В. Розановым: "Можно без преувеличения сказать, что вовсе не Толстой и Максим Горький одни царят на книжном рынке, но и священник Петров - любимейший в Петербурге проповедник, любимый и черным народом, и собирающий огромную образованную, даже частью ученую и литературную, толпу на свои четверговые собеседования при церкви

Артиллерийского училища", В.В. РОЗАНОВ, *Около церковных стен*, т. II, СПб 1906 (reprint Westmead 1972), 132; см. там же, 132-140, 387-394; см. также Г.С. ПЕТРОВ, "Мое литературное рождение", в кн.: Ф.ФИЦШЕР, *Первые литературные шаги*, Москва 1911, 18-27; о судьбе Григория Спиридоновича Петрова (1868-1925, Париж) см.: Н.[М] ЗЕРНОВ, *Русское религиозное возрождение XX века*, Paris 1974, 111-112.

17. Гр. ПЕТРОВ, *К свету*, СПб 1901, 24-25 (non vidi) = В.В. РОЗАНОВ, *Около церковных стен*, т. I, 276.
18. Б.А. УСПЕНСКИЙ, *Филологические размышления*, 186.

Rudolf MAIER (Klagenfurt)

O JEZIKU "KANDORA" (1800) ATANASIJA STOJKOVIĆA

Mit der vorliegenden Arbeit soll ein Beitrag zur Untersuchung der slawenoserbischen Sprache geleistet werden. Nach der Beschreibung der orthographischen Eigenheiten des untersuchten Werkes erfolgt eine detaillierte statistische Gegenüberstellung der russisch-kirchenslawischen und volkssprachlich-serbischen Merkmale in den Bereichen Phonetik und Morphologie. Dadurch kann der Unterschied zwischen Phonetik und Morphologie hinsichtlich ihrer "Volkssprachlichkeit" aufgezeigt und zahlenmäßig belegt werden. Die angewandte Methode der gesonderten Behandlung verschiedener Teile des Werkes (Haupttext, Vorwort und Widmung, Lyrik) ermöglicht den zahlenmäßigen Vergleich des von Textteil zu Textteil sehr unterschiedlichen Verhältnisses volkssprachliche : russisch-kirchenslawische Elemente.

S a d r Ź a j

0. UVOD

0.1. O piscu i delu	117
0.2. Dosadašnji radovi	119
0.3. Cilj i tehnika rada	119
0.4. Citiranje primera	120
1. GRAFIJA I PRAVOPIS	121
1.1. Grafemski fond i njegova upotreba	121
1.1.1. Grafema Ъ	121
1.1.2. Grafeme Ы, Ѣ, Ѧ, Ѣ i grafemske grupe ѢѢ, ѢѢ, ѢѢ	123
1.1.3. Označavanje foneme j	125
1.1.4. Beleženje fonema ċ i đ	126
1.1.5. Grafema p kao znak za vokalno r	126
1.1.6. Beleženje fonema lʒ i nʒ	126
1.1.7. Grafema Ѡ i grafemska grupa ѠѠ	127
1.1.8. Grafema ѡ	128
1.1.9. Upotreba grafema Ъ i Ѣ na kraju reči	128
1.2. Ostale ortografske osobine	129
1.2.1. Pisanje konsonantskih grupa	129
1.2.2. Udvojeno pisanje samoglasnika i suglasnika	131
1.2.3. Rastavljeno i sastavljeno pisanje reči	132

2. FONETIKA	133
2.1. Zamena <i>jata</i>	133
2.1.1. Ekavizmi	133
2.1.2. Ikavizmi	133
2.2. Zamena nazalnih vokala	134
2.2.1. Nazal prednjega reda	134
2.2.2. Nazal zadnjega reda	136
2.3. Refleksi poluglasnika <i>b</i> i <i>ǃ</i>	136
2.3.1. Poluglasnik <i>b</i>	136
2.3.2. Poluglasnik <i>ǃ</i>	136
2.3.3. Vokalizacija poluglasnika kod predloga <i>k, s, v</i>	137
2.3.4. Vokalizacija sekundarnih poluglasnika	138
2.4. Vokalno <i>r</i>	139
2.5. Refleks samoglasnog <i>l</i>	140
2.6. Afrikate	140
2.6.1. Foneme <i>č</i> i <i>đ</i>	140
2.6.2. Foneme <i>ć</i> i <i>dž</i>	141
2.7. Foneme <i>f</i> i <i>h</i>	142
2.8. Prelaz <i>vǃ(z/s)- > u(z)-</i>	142
2.9. Ostale fonetske osobine	143
2.9.1. Metateze suglasnika	143
2.9.2. Refleks grupe <i>*ǃbr-</i>	143
2.9.3. Palatalizacije	143
2.9.4. Jotovanje	144
2.9.5. Prelaz <i>-l > -o</i>	144
2.9.6. Sažimanje samoglasnika	145
2.9.7. Pokretni vokali	145
2.9.8. Fonetski oblici pojedinih osnova i reči	145
3. MORFOLOGIJA	146
3.1. Imenice	146
3.1.1. Imenice muškog roda	146
3.1.2. Imenice ženskog roda na <i>-a</i>	149
3.1.3. Imenice ženskog roda na <i>-ǃ</i>	151
3.1.4. Stara <i>r</i> -osnova	153
3.1.5. Imenice srednjeg roda	153
3.2. Pridevi	159
3.2.1. Pridevi muškog roda	159
3.2.2. Pridevi ženskog roda	162
3.2.3. Pridevi srednjeg roda	165
3.2.4. Komparativ i superlativ	168
3.3. Zamenice	170
3.3.1. Lične zamenice	170
3.3.2. Lične zamenice svakoga lica	175
3.3.3. Prisvojne zamenice	176
3.3.4. Pokazne zamenice	182
3.3.5. Uplitne i odnosne zamenice	185
3.3.6. Zamenica <i>sav</i>	189
3.3.7. Ostale zamenice sa pridevsko-zameničkom deklinacijom	191
3.3.8. Zamenice sa imeničkom deklinacijom	194
3.4. Brojevi	194
3.4.1. Osnovni brojevi	194
3.4.2. Redni brojevi	196
3.5. Glagoli	196
3.5.1. Present	196
3.5.2. Infinitiv	200

3.5.3. Imperativ	201
3.5.4. Aorist	202
3.5.5. Imperfekat	203
3.5.6. Participi, glagolski pridevi i glagolski prilozi	204
3.5.7. Složena vremena	208
3.5.8. Pomoćni glagoli	211
4. ZAKLJUČAK	213
4.1. Statistički pregledi	216
Napomene	219
Skraćenice	226
Bibliografija	226
Zusammenfassung	229

0. UVOD

Poslednje dve i po decenije znatno se povećavalo zanimanje lingvista za istraživanje i osvetljenje "slavenosrpskog problema", kako je I. Crickat nazvala pitanja u vezi sa književnim jezikom Srba u predvukovskom razdoblju.¹ Činjenica da je slavenosrpski jezik danas više predmet pažnje nego ranije ima svoj uzrok u uverenju da se taj književni jezik Srba u drugoj polovini XVIII i prvim decenijama XIX veka "... kao sastavni deo duhovnog života srpskog naroda u pomenutom razdoblju, ne može isključiti iz istorije toga naroda"².

U tom smislu smatramo naš rad prilogom istraživanju slavenosrpskog jezika.

0.1. O piscu i delu

Poznate teškoće kulturno-političke prirode s kojima su se suočili Srbi u Austro-Ugarskoj i koje su bile jedan od razloga za primanje ruskoslovenskog jezika u Srpskoj pravoslavnoj crkvi i, s tim u vezi, za nastajanje slavenosrpskog jezika, pokazuje i životni put Atanasija Stojkovića čije smo delo uzeli kao predmet naših istraživanja.

Atanasije Stojković je rođen 20.9.1773. u Rumi koja je u ono vreme brojala svega 155 srpskih kuća.³ Posle osnovne

Škole sledi upis u srednju školu, takođe u Rumi, koja je, međutim, 1787. godine zatvorena, odnosno združena sa Franjevačkom gimnazijom. Po svršetku škole u Rumi je Stojković bio prinuđen da ponovi gramatikalne razrede i završi razred za retoriku i poeziju, što je uradio u Šopronu u školskoj 1793/94. godini, da bi stekao pravo za dovršenje sedmog i osmog gimnazijskog razreda u segedinskom Liceju. Zbog nedostatka materijalnih sredstava, Stojković je posle prve godine otišao iz Segedina u Požun gde je radio kao korepetitor i uz to učio poslednju klasu u gimnaziji i počeo da studira na pravnom odsjeku Požunske akademije. Uprkos lošem materijalnom stanju, Stojković se 1797. godine odlučio da studira na Getingenskom univerzitetu fiziku i matematiku. Tu je između ostalog slušao i predavanja prof. Šlecera (August Ludwig von Schlözer, 1735 - 1809) iz statistike i istorije. U jesen 1799. vratio se u Srem, a već sledeće godine je prešao u Budim da bi lično nadgledao štampanje svojih dela.

Pošto nije uspeo da ostvari svoje planove na austro-ugarskom području (da uđe u visoki kler - da postane nadzornikom osnovnih škola u Budimu, Pešti, Sentandreji i drugim opštinama - da dobije katedru fizike na Požunskoj akademiji), Stojković je 1803. izabrao zvanje redovnog profesora fizike na novoosnovanom univerzitetu u Harkovu, i ostao do svoje smrti (1832) u Ukrajini, odnosno Rusiji.

Stojković je, najverovatnije, stekao osnovu za svoje odlično znanje ruskoslovenskog jezika već u rumskoj srednjoj školi čiji se osnivač Pantelejmon Hranislavić 1769. vratio iz Rusije sa "vrlo mnogo raznih knjiga"⁴. Nekoliko godina kasnije, u Getingenu, Stojković je imao mogućnost da koristi bogati fond od oko "1000 knjiga štampanih na crkvenoslovenskom jeziku" tamošnje univerzitetske biblioteke i privatne biblioteke profesora Šlecera koji mu je između ostalog stavio na raspolaganje i njegov prevod Nestorove hronike. Ohrabrenje za Stojkovića da štampa svoje radove bez sumnje je bio prvi susret sa Josifom Dobrovskim u Pragu 1800. godine pošto je slavni slavista veoma povoljno ocenio jezičke sposobnosti mladog naučnika i pomagao mu da postane dopisni član Češkog učenog društva.⁵

Filozofsko-beletrističko delo "Kandor" spada u najplodniji period Stojkovićevog stvaralaštva.⁶ Napisan 1800. godine i štampan iste godine u Budimu, "Kandor" se pojavio u vreme kada se već može govoriti o tendencijama ka "utvrđivanju određenih osobina"⁷, i o uopštavanju upotrebe tih osobina u jeziku srpskih pisaca.

0.2. Dosadašnji radovi

Jezik "Kandora", kao i Stojkovićev jezik uopšte, koliko znamo, do sada još nije detaljnije obraden. Pojedina Stojkovićeva dela su uzimana u obzir samo pri istraživanjima određenih osobina slavenosrpskog jezika.⁸

0.3. Cilj i tehnika rada

Glavni cilj našeg rada jeste ustanoviti odnos između upotrebe ruskoslovenskih i upotrebe narodnih elemenata, i to kako na planu pojedinih fonetskih ili morfoloških osobina tako i u globalu, npr. za jednu paradigmu ili za jednu vrstu reči.

Da bismo utvrdili odnos između broja ruskoslovenskih, odnosno ruskih elemenata, sa jedne, i elemenata narodnog jezika sa druge strane, podelili smo kod istraživanja svakog fonetskog i morfološkog kriterijuma zastupljene primere u tri grupe:

- 1) +NAR. - osobine koje su karakteristične za narodni jezik što se, naravno, ne ograničava na osobine današnjeg književnog jezika već obuhvata i dijalektizme.
- 2) -NAR. - osobine koje se ne javljaju u narodnom jeziku, već su ruskoslovenski elementi koji se veoma često poklapaju sa ruskim.
- 3) ±NAR. - osobine koje su identične u narodnom i u ruskoslovenskom jeziku i koje se zbog toga ne mogu pripisati isključivo ni prvoj niti drugoj grupi.

Tri grupe smo pravili i u odnosu na karakter i funkciju teksta:

- a) glavni tekst;
- b) posveta i predgovor;
- c) poszija.

Pošto je korpus grupa *b* i *c* tako malen pa statistička obrada svake pojedine osobine ne bi pružila objektivne rezultate, navodimo kod istraživanja pojedinih osobina samo dva broja *A/B*. Broj *A* je broj primera jedne osobine koji se ukupno

javljaju u tekstu (bilo u grupi *a*, *b* ili *c*) a broj *B* je broj primera u glavnom tekstu (*a*). Na taj način dobijamo već osnovne podatke o jezičkim razlikama između glavnog teksta i ostalih delova knjige. Tako su, kako ćemo videti, kod narodnih osobina brojevi *A* i *B* često identični, što pokazuje da se prodor narodne osobine ograničava na glavni tekst. Na kraju ćemo imati zadatak da globalno potvrdimo međusobne razlike grupa *a* - *b* - *c*.

Svi brojevi koji nisu posebno označeni odnose se na stanje u glavnom tekstu.

U nekim smo morfološkim kategorijama dali i broj leksema, što može služiti za kasnija stilistička istraživanja.

Radi što detaljnijeg obrađivanja teksta, napravili smo kompjutersku konkordanciju. O problemima i mogućnostima konkordancije smo već govorili na drugom mestu⁹ te ćemo sad ukazati samo na neke formalne stvari u vezi sa citiranjem primera u ovom radu.

0.4 Citiranje primera

Kod primera koji se javljaju 5 ili više puta u tekstu naveli smo brojeve prve tri stranice na kojima stoji primer i na kraju, u zagradama broj ukupne upotrebe primera u delu. Broj u zagradama neposredno uz broj stranice označava koliko puta se primer javlja na toj stranici, npr. ВРЕМЯ 11, 12(x2), 27, (15x). Primer *vremja* se javlja 15 puta u delu, prvi put na stranici 11, onda dva puta na stranici 12, a onda opet tek na stranici 27.

Stranice iz posvete i predgovora imaju rimske brojeve (I = strana sa pesmom na početku posvete - XV) koje smo mi uveli pošto u samoj knjizi ovde nema paginacije. U zagradama stoji broj koji ima stranica u konkordanciji.

Primeri iz poezije imaju uz broj stranice (arapski ili rimski) i mali broj ¹ (npr. 12¹, I¹). Mali brojevi ¹ (za glavni tekst) i ² (za posvetu, odnosno predgovor) upotrebljavaju se samo u jednoj tabeli u tački 3.5.1.

Iz tehničkih razloga upotrebljavamo kod citiranja primera i umesto *Ÿ* i *T* umesto *M*.

1. GRAFIJA I PRAVOPIS

1.1. Grafemski fond i njegova upotreba

Stojković upotrebljava u "Kandoru" sledećih 37 grafema:¹⁰
а, б, в, г, д, е, ж, з, и, њ, љ, њ, к, л, м, н, о, п, р, с, ш,
у, ф, х, ц, ч, ш, щ, њ, њ, њ, њ, њ, ю, я, е, в.

1.1.1. Grafema њ

1.1.1.1. Distribucija

а) Ova se grafema najčešće javlja na etimološki opravdanom mestu:

блѣдностъ 47, вѣнець 19, 49, зрѣніе 15, бѣжитъ 12, 46,
вѣровати 50, мѣрити 4, послѣ 18, 21, 23, (15x), развѣ 67
i sl.; при Бозѣ XIII (101), къ палатѣ 58, въ мрѣць 60',
къ тебѣ 13, о тебѣ 14, мнѣ 63', 72', II (90) i sl.

б) Stojković piše grafemu њ samo 9 puta u pozicijama gde
ovakvo pisanje etimološki nije opravdano:

смѣтено 21, растѣнія 53, усрѣтаеть 61', брѣнія 62',
отѣчество 6, предмѣтъ 69, 83, предмѣтомъ 59, предмѣте 83.

с) Slovo њ se često koristi za označavanje suglasnika *lj* i *nj*
u sekvencama *lje* i *nje*:¹¹

благодѣтелѣ 3 (akuz. množ.), отдалѣны 70, удивлѣнѣ 2 i sl.;
забранѣна 18, започинѣтъ 2, нѣне 9, 10, 27 i sl.

Jedanput se њ javlja i za označavanje grupe *nje*:

бурѣ 82 (akuz. množ.) up.: буря 59, 64, 73' (nom. jedn.)

1.1.1.2. Odstupanje od tradicionalnog pisanja

Odstupanje od tradicionalnog pisanja њ, to jest zamena
grafeme њ grafemom е ili grafemom и може se podeliti na
3 slučaja:

а) multo odstupanje - u grafijskom obliku jedne morfeme se do-
sledno piše grafema њ:

prefiks -*ejš*- superlativa:

главнѣйшу 44, прятнѣйша 1, точнѣйша 47 i sl.;

prefiks *ně*- neodredenih zamenica:

нѣки 2, 8, 17, (7x), нѣка 71, нѣко 8, 14, 41 (x2), (7x),

нѣколико 9, 21, 39, XIII (101), нѣчто 64, 67, XII (100),
нѣкуда 12 i sl.;

druge morfeme:

человѣкъ 5, 13, 34, (23x), человекскіи 44, 66, чело-
вѣчество 42, 47, 48, 65 i sl.;

дѣло 14, 42, 62', (8x), дѣлати 3, 29, 30, (8x),

дѣятельность 54 i sl.;

свѣтъ 1, 10(x2), 13(x4), (28x), свѣта 5, 10(x3), 13(x2),

свѣту 9, 10, 12 i sl.;

b) delimično odstupanje - u grafijskom obliku jedne
morfeme se javlja i grafema Ѣ i grafema Е односно И:

крѣпке 70, подкрѣплѣнію 44, подкрѣпити VIII (96) i sl.;

— подкрѣпленія 65; послѣднѣ 28, 85 — последнѣ 34;

цвѣтакъ 39, цвѣтъ 8, XIII (101), цвѣтають 22 i sl. —

цветье 14, 32, цветьемъ 7, 38;

видѣти 17, 19, 21, видѣо 21, 41, 45, видѣвши 11, 39 —

видити 6; нѣси 63', нѣсть 55(x2)', 57', 58', (8x) — ниси

21, 24(x2), 46, 47, 51, ние 3, 9(x3); гдѣ 10, 15, 16, (20x),

нигдѣ 19(x2), 40, XIII (101), гдѣшто 40 — гди 1, 20,

гдигди 7, гдикоего 10; летѣти XI (99) — летити 5;

c) potpuno odstupanje - u grafijskom obliku jedne morfeme
isključivo stoji grafema е ili grafema и umesto Ѣ:

Ѣ>е: prefiks *pre-*:

преблагому 6, прекрасна 3, премудри 23 i sl., престу-
пити 6, пресѣчеть 8, перейти 70, 83(x2), престола 40 i sl.;

predlog i prefiks *pred(-)*:

предъ божества 62', предъ врати 27, предъ нимъ 40 i sl.,

изъ предъ очію 85(x2), предлагеть 50, 65, предположити 42,
47, 65(x2), 66, 68, предходить 35 i sl.;

predlog *preko*:

преко всѣхъ бѣдствіи 40, преко едне долине 14, преко нѣ 23,
до преко рамена 4;

druge morfeme:

время 8, 20(x3), время 11, 12(x2), 27, (15x), временныхъ

вещей 68 i sl.; брегу 41, береговъ 7; умрети 50, 71;

Ѣ>е/и: благоволеніе V(93), XII (101), благоволію 10;

Ѣ>и: желити 25, 29, желимо 22, желили 44, живити 29, 54.

Ako uzmemo u obzir sve morfeme sa nekadašnjom fonemom Ѣ

koje se javljaju dva ili više puta u tekstu, dobijamo sledeću sliku o odstupanjima od tradicionalnog pisanja grafeme Ъ:

M O R F E M E (frekvencija ≥ 2)	samo Ъ	dublete Ъ/е,и	samo е,и	ukupno
број	67	7	12	86
%	77,91	8,14	13,95	100,00

Zamenu grafeme Ъ grafemom е или grafemom и налазимо і u sledeћим primerima:

Ъ>е: корену 52, млеку 17, огреятисе 79, отерате 39, песокъ 73',
премъ да 12, распростраети VII (95), увредитъ 45;
Ъ>и: сѣдили 20.

Distribucija grafema u poziciji nekadašnjeg Ъ u osnovama reči ovako izgleda:

G R A F E M E	Ъ	е	и	ukupno
број	1.159	326	72	1.557
%	74,44	20,94	4,62	100,00

Stojković odstupа, dakle, kod 398 ili 25,56% od ukupno 1.557 primera sa nekadašnjom fonemom Ъ od tradicionalnog pisanja.

1.1.2. Grafeme Ї, ѥ, Ѧ, ѧ, Ѩ i grafemske grupe Ѣй, ѣй, ѥй

1.1.2.1. Grafeme Ѣ i ѣ

Grafeme Ѣ i ѣ dolaze u odreћenim pozicijama umesto grafeme и:

Slovo Ѣ стоји:

a) ispred grafema koje oznaћavaju vokale (nejotovane i joto-vane):

а: Аванасіа (naslovna strana), циркулація 53, Іуліа ІХ (97);
е: віеть 59, благородній 36, ніе 3, 9(х3), 10(х3), (43х) i sl.;
и: примити 47, зміновиднымъ 7, издыханіи 58 i sl.;
о: спріобщити 24, благословію 30, примѣтію 18 i sl.;
я: підприємтя 14, 38, сія 63', Божія 33, 43, 84 i sl.;
ю: Судію 66, добродѣтелию 44, ученію 25 i sl.;
ы у Ѣ: —

b) ispred grafeme ѣ:

братіѣ 86, упованіѣ 51, мыслиѣ 19 i sl;

c) u nekoliko stranih reči:

Софісте 24, Філософи 23, Амфітеатру 16 i sl.

Grafema й umesto grafeme и upotrebljava se, nedоследно, u poziciji između grafema а, односно е i grafema за beleženje konsonanata:¹²

ВЗАЙМНО 33 pored ВЗАИМНО 32, НЕЙЗМѢРНОСТИ 62³ pored НЕИЗМѢРНО 4, НЕИЗМѢРИМОЕ XIII (101) i sl., НЕЙМА 3, 10(x2), 37, (9x), НЕЙМАМЪ 77 pored НЕИМАЮТЬ 70, НЕИМУЩЕ 72.

1.1.2.2. Grafema њ

Grafema њ dolazi:

- a) u pozicijama gde je ovakvo pisanje etimološki opravdano: БЫТИ 3, 10, 14, (47x), МЫСЛИТИ 13(x2), 68, 83(x3), СОКРЫВАЕТЬ 11, ВЛАДЫЧЕСТВУ 5, РЫБЕ 70, СЫНЬ 6, НЕОБЫКНОВЕНЬМЪ 2, МЫ 3, 15, 20, (45x), ТЫ 3, 4(x2), 5, (55x), ВЫСПРЬ 62³, 72³ i sl.;
- b) u pozicijama gde ovakvo pisanje etimološki nije opravdano: ОТРЫЦАТИ 52, 67, ИЗЛЫВАЛО 71, СТЫДЕ 12 i sl., КЪ ГЛАВЫ 49 (dat. jedn.), НА ГОРЫ 7, 12, 8 (lok. jedn.), ПОТОЦЫ 41 (nom. množ.) i sl.

1.1.2.3. Upotreba grafemskih grupa њй, њй i њи u nastavcima pridevsko-zameničke deklinacije

a) U nominativu, akuzativu i vokativu muškog roda Stojković dosledно upotrebljava grafemske grupe њй i њй:

nom.: Благозрачный 84, беликастый 4, дневный 2 i sl., ОВЫЙ 24(x2), 33, 42; Благій 58³, Внутренній 42, 78 ВСЯКІЙ 3, 21, 25(x2), (17x) i sl.;

akuz.: Златный 2, утешительный 68, чистый 1 i sl., ОНЬИ 43; Днешній 9, тихій 19, 51, заутрашній 74 i sl., нѣкій 2, 3, 17, 82;

vok.: благородный IX (97), божественный 22, 45, пренебесный 74³ i sl.; всеблагій 64, 80, сладчайшій 50.

b) Множина se u njegovoj ortografiji bitно razlikuje od jednine pošto se kod pisanja množinskih nastavaka ne upotrebljava samo grafemska grupa њи, što bi odgovaralo ruskoslovenskoj ortografskoj normi, već i grafeme њ i и:¹³

nom.: бывшии 24, другии 24, 80, желающіи 11 i sl., ОВИИ 51, 83; бистроструйны 61³, возбуждены 25, добры 57³ i sl., ОВЫ 25, ОНЫ 23, 38, 70; отарощени 87, густы 58, прочи 22 i sl., ОНИ 70 (u funkciji pokazne zamenice), ОВИ 70, 80;

akuz.: —

vok.: СМЕРТНІИ 43.

c) Odstupanje od grafijske opozicije, ЫИ, Ыи u jednini — Ыи, Ы, И u množini srećemo samo u primerima простѣйшіи народы 66, человекы благій 57¹, прочій 50 gde se grafemska grupa Ыи upotrebljava u množini.

Distribucija grafemskih grupa ЫИ, Ыи, Ыи, odnosno grafema Ы i И u nastavcima pridevsko-zameničke deklinacije ima ovakav izgled:

PRIDEVSKO-ZAMENIČKI ¹⁴ NASTAVCI	Г Р А Ф Е М Е				
	ЫИ	Ыи	Ыи	Ы	И
JEDNINA (nom., akuz., vok.)	116	93	—	—	—
MNOŽINA (nom., vok.)	—	3	34	25	18

1.1.2.4. Grafema v

Grafemu v Stojković upotrebljava u nekoliko stranih reči: БГУИЕТСКИХЪ (naslovna strana), 1, Елусейска 16, Символе 17, мѣриси 39, тѣгръ 69.

1.1.2.5. Grafema I

Ova se grafema javlja samo dva puta:

Іуліа ІХ (97), Іенкаго (naslovna strana).

1.1.3. Označavanje foneme j

a) Za beleženje foneme *j* ispred konsonanata i na kraju reči služi grafema й:

найсилніе 39, найближе 23, найде 27, пойти 6, малѣйшую 66, свойство 82 i sl.; край 68, дай 51, новой IV (92) i sl.

b) Grafema й dolazi i u fonemskoj grupi *o + j + o* dok se u pozicijama između dva vokala od kojih bar jedan prednjega reda, dakle tamo gde se izgovara slabo *j*, konsonant *j* ne obeležava:¹⁵

бойомъ 17, мойомъ 20, твойомъ 4, койомъ 4, 7 i sl.; даеть 18, 30, 37, (7x), беззаконіе 17, бытіемъ 3, имѣеть 37, 46, 67, (8x), утреннее 79, соединятся 57¹, овое (= ovo je) 46, ктое (= kto je) 70(x2), суетанъ 82, разумніи 14 (komparativ), къ ... матеріи 46, братіомъ 81, боить 12 i sl.

c) Fonemske se grupe *ja* i *ju* dosledno beleže grafemama я i ю: ябланъ 53, явленіе 51, языкъ XV (103), боятисе 27, 76, дѣятелность 54, всегдашняя XI (99) i sl.; ю 5, 23(x2), 26,

ЮНОСТИ 45, ЮТРО 59, БРАТІЮ XIII (101), БЕГАЮТЬИ 70, ВЕЛИКУЮ XV (103) i sl.

d) Grupa *je* u inicijalnoj poziciji se označava, po ruskoslovenskoj tradiciji, grafemom *e*:

ЕДАНЬ 9(x2), 45, 46, (6x), ОСЕНЬ 63¹, ЕСУ 8, 9, 16 i sl.

1.1.3.1. Grafema *e*

Ovu grafemu Stojković isključivo i dosledno upotrebljava za označavanje glasovne sekvence *je* odgovarajućeg pomoćnog glagola u onim slučajevima u kojima se ovaj pomoćni glagol javlja grafijski odvojen od prethodne reči:

КОМУ Э ... ТВОРИЛО 2, ТЕКЪ ЧТО Э ... ДОШАО 2, КТО Э ТОЙ, КОЙ Э 2 i sl.

Ako se pomoćni glagol piše spojeno sa prethodnom reči, onda dolazi umesto grafeme *э* grafema *e* (primere v. u t.

1.1.3 b).

1.1.4. Beleženje fonema *č* i *đ*

Stojković beleži fonemu *č* ligaturom *шъ*:¹⁶

ИСКИТЬЕНЬМЪ 5, ПРИНОТЬИТИ 20, ПРУТИТЬА 15, ТЪЕ 10(x2), 47, 75(x2), (18x), ХОТЬЕМО 51, ЦВЕТЪЕ 14, 32, СПРОТЬУ 7, 36, ПРОЗОРЧИТЬ 41, БЕГАЮТЬИ 70 i sl.

Za fonemu *đ* nismo našli nijedan primer posebnog grafijskog označavanja.

Udvojeno pisanje grafeme *Г* u leksemi *андео* služi, po grčkom pravopisu, za označavanje fonemske sekvence *ng*:¹⁷

Аггелъ 85(x2), аггела 84, 86 pored ангелъ 40, аггелскій 55¹.

1.1.5. Grafema *p* kao znak za vokalno *r*

Stojković je u glavnom tekstu realizovao 7 ili 3,91% od ukupno 179 potencijalnih mogućnosti za beleženje samoglasnog *r* grafemom *p*:¹⁸

ГРЛИТИ 3, ЗАГРЛИТИ 19, ПОТРКИВАЮТЬИ 7, ПОТРКУЕ 79, ТРЧАТИ 27, ТРЧЕ 21 pored непротерчимо 27, трговинѣ 80.

1.1.6. Beleženje fonema *lj* i *nj*

Foneme *lj* i *nj* Stojković označava

a) ligaturama *лъ* i *нь*:¹⁹

КАПЛЯ 31, КАПЛЬОМЪ 25, СПАСИТЕЛЬ 37, УЧИТЕЛЬ 27 i sl.;
НЬИМА 66, НЬИМИ XIV (102), ТУТНЬИ 59, НАНЬ 58 (= na nj),

- огнь 46, 60³, 82, 83;
- b) помоћу grafema за прејотоване vokale я, ю укључујући и љ који сматрамо, у овој функцији, grafemom за прејотовано е²⁰:
благодѣтеля 13, 87, воля 78, земляне 52, огня 82, 84 и sl.,
крайня 71, ближняго 85, вчерашняго 14, 64, животиня 41 и sl.;
волю 77 (instr. jedn.), возлюбимъ 37, заключава 26 и sl.,
животину 69, мнѹ XV (103), на ню 5, 14, 27(x2), (11x);
благодѣтель 3, родитель 3, 19, далѣ 77 и sl., крайнѣ 18,
мнѣ 63³, 72³, II (90), нѣ 23, 26, 27, (9x) и sl.;
- c) у секвенцама љ, н + е, и без посебних знакова:
учителемъ 21, земледержцу II (90), родителей 6, 45 и sl.
вчерашнему 29, крайнее 46, 71, огнемъ 61³ и sl.; воли 50
(dat. jedn.), 33 (lok. jedn.), земли 16, 23, 25, (13x),
родители 18, 20, 21 и sl., ближнимъ х (98), вчерашній 22,
крайніи 60³ и sl.;
- d) помоћу grafeme ѡ. Ту смо нашли само primere за секвенцу нѣѣ.
Grafema ѡ се употребљава у овој функцији и код других писца
slavenosrpske епохе.²¹

ныхъ 18, 23, 26, 36, 37 pored нихъ 26, 36, XI (99); нѣма 7
pored нѣма 66, нѣми XIV (102); полными 3 (ур. полняго
20), послѣдній 85 pored послѣдній 60 (ур. послѣдня 28,
послѣдняя 28 али и послѣдну 63³); тамошныхъ 8, 9.

1.1.7. Grafema Щ и grafemska grupa ШТ

Са извесном сигурношћу можемо рећи да grafema Щ има
у "Kandoru" искључиво ruskoslovensku, odnosno rusku glasovnu
vrednost *š* на што упућују:

- a) fonomorfološka struktura primera:²²
преимущество 80, могущество 86, священниковъ 8, 9, горяща
17, состоящій 41, нещадно 64³, тысящ 9, 15, 26, 59, вещь
25, 44, 67, (8x) и sl.²³
- b) употреба grafemske групе ШТ за označavanje odgovarajuće
konsonantske групе:
щутенъ 41, 82, Пештанскаго (naslovna strana),
Пешту XIII (101), въ Пешть IX (97).

На овом месту указујемо и на то да Stojković zamenicu
што dosledno пише са grafemskom групом ЧТ по tradicionalnoj,
odnosno ruskoj normi:

- что 2, 5, 7, (70x), чтогодъ 45.

"deo" — часть 20 u značenju "gošćenje"; u samomъ neporядку 16 (lok. jedn.) — samomъ себи 36 (dat. jedn.);

b) bez semantičkih razloga:

опеть 12(x2), 28, 37, (7x) — опеть 26, 44; тысяць 9, 15, 26, 59 — тысяць 71, 86; нибудь 5 — нибудь 18, 40, 73³, 76, XII (100).

1.1.9.3. Grafema ъ:

Grafema ъ se piše u svim ostalim slučajevima koji nisu navedeni pod tačkama 1.1.9.1 i 1.1.9.2:

домъ 18, чувствъ 4 (gen. množ.), звездамъ 4 (dat. množ.), поредъ 27, крозь 12, азъ 56³, 72³, 73³, великъ 13, зналъ XIV (102), приближавамъ 30, занимаетъ 42, 55³, ругаютъ 47 i sl.

1.2. Ostale ortografske osobine

1.2.1. Pisanje konsonantskih grupa

Stojković piše konsonantske grupe najčešće morfološki a ne fonološki, što znači da on, po pravilu, ortografski ne uzima u obzir fonetske izmene koji se pojavljuju kod derivacije i fleksije reči.

a) Pisanje konsonantskih grupa na granici prefiks - osnova
1) prvi kriterijum - asimilacija po zvučnosti²⁴

bk: обколень 84 — /;

bs: обстати 42, 48, обстоятелства 17, обстоятелствахъ 33, обстоятельству 50 — /;

bh: обходенія 18, необходимо 45, 66, 77, (6x), необходимого 53 — /;

dk: подкрепленія 65, подклонила 28 — /;

dp: предписывао 65, предположити 42, 47, 65(x2), (6x), предположіо 48 i sl. — /;

de: подомъхъ 47, предсказывати 4, представи 46, 47 i sl. — /;

dh: предходить 35 — /;

dč: неподчинѣне 24, подчинѣной 11 — /;

zk: исключительно 3, безконечности 24, безконечно 44, 67 — /;

zp: безпрепятственно 87, испущаетъ 70 — распростерти VII (95), распростертъ 79, распростерте 10;

zv: безсмертенъ 30, возстати 29 i sl. — /.

U primerima изчезнеть 84, распростерте 19 огледа se dvo-

jako pisanje: i morfološko i fonološko, što se, naravno, retko sreće kod Stojkovića.

zd: безчестнымъ 24, изчерпоти 85, безчислена 81 i sl. — исчезаетъ 54³;

zš: произшедствія 70, разширити 25 — /;

sd: / — вездѣсуца 27;

tb: отбацуєть 65 — /;

td: отдыхати 56³, отдыхаютъ 56³, отдѣлено 45 i sl. — /;

ta: отзывъ 7, отзыве 62³, отзывай 74³ — /;

2) други kriterijum - asimilacija po mestu tvorbe

z/sđ: безчестнымъ 24, изчерпоти 85, безчислена 81 i sl., исчезаетъ 54³ — /;

zš: произшедствія 70, разширити 25 — /;

3) трећи kriterijum - uprošćavanje

dd: поддала VIII (96) — /;

dđ: неподчинѣне 27, подчинѣной 11 — /;

za: воззва 72³, воззови 80, беззаконіе 17 i sl. — беззаконно-живущи 16;

ze: безсмертенъ 30, возстати 29 — /;

zš: произшедствія 70, разширити 25 — /.

b) Pisanje konsonantskih grupa na granici osnova - sufiks

1) prvi kriterijum - asimilacija po zvučnosti

ba: сербски XV (103), славеносербскихъ VI (94), собственое 43 i sl. — /;

gk: легко 11, 33, легку 59 — /;

gt: ногтима 69 — /;

gš: лагше 31, легше 50 — /;

dk: непорядку 16, сладке 4, сладкими 5 i sl. — /;

ds: господство 13, бѣдствій 48, средство 31(x2), 33 i sl. — /;

ds: сердце 3, 5, 13, (18x), сердца 6, 19, 37, (9x) i sl. — /;

dš: сладчайшій 76, сладчайшаго 19 i sl. — /;

dš: дошедше 56³, прешедше 15, проведшій 68 — /;

šk: тяжка 84 — /;

2) други kriterijum - asimilacija po mestu tvorbe

nema primera

3) трећи kriterijum - uprošćavanje

gk: v. primere pod 1) — /;

ds: " — /;

dš: " — /;

đdn: нужно 67, 71(x2), 78, 79, нужна 57 i sl. — /;
 nn: благонаклонностиу VI (94), внутренность 16 i sl.; без-
 численная 60³, блаженная 68 i sl. — внутренность 2, 21, XIII
 (101), зеленость 63³ i sl.; безчислена 81, блаженная 17 i sl.;
 sv: искусство 43 — /;
 stn: болестну 21, жалостно 68, радостно 30(x2), 60³ i sl. — /;
 tc: отца 13, 25(x2), 66, (7x), во кратць IV (92), XIV (102)
 — /;
 tč: отче 2, 12, 13, (10x), отчизно 55³ — /;
 tstv: отъствовати 77, отъствовали 21 i sl. — отъствуетъ 45.
 Što se pisanja konsonantskih grupa tiče, dobili smo,
 dakle, sledeću sliku:

группа	broj konsonantskih grupa					
	prefiks - osnova			osnova - sufiks		
	nepro- menjeno	delimično promenjeno	dosledno promenjeno	nepro- menjeno	delimično promenjeno	dosledno promenjeno
1	14	2	1	10	-	-
2	2	-	-	-	-	-
3	4	1	-	5	2	-
	20	3	1	15	2	-

Na osnovu napred izloženog jasno se vidi da Stojković uglavnom upotrebljava morfološki pravopis što se pisanja konsonantskih grupa tiče. Samo kod 6 ili 14,63% od ukupno 41 konsonantske grupe dolazi do odstupanja od tradicionalnog pravopisa, to jest do prilagodavanja ortografije fonetici. Pri tome su ova odstupanja u 5 slučajeva samo delimična, to znači, ista se konsonantska grupa u jednim primerima piše morfološki a u drugim fonološki (asimilacija po zvučnosti na granici prefiks + osnova: *sp* i *sp*, *sč* i *sč*; uprošćavanje na granici prefiks + osnova: *zz* i *z*, odnosno na granici osnova + sufiks: *tstv* i *stv*, *nn* i *n*). U svim ostalim slučajevima Stojković piše tradicionalno (na granici prefiks + osnova: *bk*, *bs*, *bh*, *dk*, *dp*, *ds*, *dh*, *dč*, *zk*, *zs*, *zč*, *sd*, *tb*, *td*, *tz*, *z/sč*, *sč*, *dd*, *dč*; na granici osnova + sufiks: *bs*, *gt*, *gš*, *dk*, *ds*, *dš*, *zk*, *gk*, *dc*, *dč*, *sdn*, *ss*, *stn*, *tč*, *tc*). Jedini slučaj u kome je odstupanje "dosledno", potvrđen je samo jednim primerom (*vezdēsusšča*).

1.2.2. Udvojeno pisanje samoglasnika i suglasnika
 a) Samoglasnici

Udvojeno pisanje samoglasnika srećemo samo na granici između prefiksa i osnove i u složenicama:

воображеніе 36, 66(x2), соотвѣтствующее 75, благообра-
жается XI (99) i sl.; примити 47, примате VI (94) i sl.

b) Suglasnici

Udvojeno pisanje suglasnika van morfemskih granica do-
lazi samo kod nekoliko stranih reči:

аффирмаре 67, Каллендара VI (94), металловъ XI (99).

1.2.3. Rastavljeno i sastavljeno pisanje reči

a) U "Kandoru" postoji jaka tendencija da se enklitike pišu
sastavljeno sa prethodnom reči:

акобысе 76, даъеме 21 (= da će me), овоже 8, кадлитъу 19,
каковаси 3, позналисмо 42, многису 11, кудатъемосе 27,
такотъесе 38, простретися 84 i sl.

Stojković piše u 484 ili 57,61% slučajeva, od ukupno 840 mo-
gućih, enklitiku sastavljeno sa prethodnom reči. Udeo sastav-
ljenog pisanja je međutim kod pojedinih enklitika veoma
različit. On iznosi od 0,0% kod oblika *ih* do 100,0% kod enkli-
tika *eu* i *smo* i kod ruskoslovenskog oblika *sja* enklitike *se*
(kod oblika *se* 76,24%). Sastavljeno pisanje kod enklitike *je*
pronašli smo samo kod 5 ili 2,98% primera, što je očigledno
u vezi sa upotrebom posebne grafeme *э* za označavanje ove
enklitike (v. o tome u t. 1.1.3.1).

b) Rečca za odricanje *ne* piše se i sastavljeno i rastavljeno
sa finitnim oblicima, odnosno infinitivom glagola:

не треба 27 pored не треба 27, немогули 45 pored не могу
22, 54, недѣлати 78 ali не учинити 78 i sl.

c) Priloge, predloge i veznike koji su se prvobitno sastojali
iz dve reči i koji se danas pišu kao jedna reč Stojković
piše često kao dve posebne reči:

за едно (= zajedno) 26, 34, между тымъ 39, 49, 64 (u zna-
čenju "u međuvremenu"), со всѣмъ 17, 24, 33, (5x), въ вѣкъ
55³, по доста 15 ali повысоко 11, за иста 10, 14 pored
заиста 5, 43, 47, 77, изъ ненада 20, съ нова 29 i sl.;
изъ между 27, изъ подъ 79, изъ предъ 85(x2) i sl.;
премъ да 12.

2. FONETIKA

2.1. Zamena *jata*

Kako se već iz izlaganja o grafemi *đ* (1.1.1.2) vidi, Stojkovićev se jezik odlikuje ekavizmom sa izvesnim brojem ikavizama, što je u skladu sa odlikama jezika drugih srpskih pisaca predvukovskog i Vukovskog doba, sa današnjim šumadijsko-vojvodanskim dijalektom i, često, i sa današnjim srpskohrvatskim književnim jezikom.²⁵

2.1.1. Ekavizmi

a) Sa izvesnom sigurnošću možemo reći da ima ekavskog izgovora u onim rečima u kojima se grafema *đ* zamenjuje grafemom *e* (*vreme, mleku, preko* i sl.).

b) Glasovnu vrednost *e* grafeme *đ* možemo pretpostavljati i u rečima koje su "neutralne", to jest koje mogu svojim morfološkim oblikom pripadati i ruskoslovenskom, odnosno ruskom i narodnom jeziku i koje se javljaju u narodnojezičkom kontekstu:²⁶

... ятыу вѣчно остати: землятые само тѣло мое покрыти: ...

53, ... на ономѣ истомѣ мѣсту ... 85, ... на овому свѣту ...
46, 50 i sl.

U primerima u kojima i opšti oblik reči i kontekst u kome se reč javlja pripadaju ruskoslovenskom jezičkom sloju, glasovna je vrednost grafeme *đ* - *je*:²⁷

..., сердце мое болѣзнуеть ... 45, ... смертнѣй ему подоб-
нѣй человекъ ... 5, Но прежде нежели предѣль рожденія моего
на вѣкъ оставимъ, ... 6 i sl.

2.1.2. Ikavizmi

Pod tačkom 1.1.1.2 smo već naveli nekoliko primera ikavizama u osnovi reči. Sada navodimo sistematski pregled pojavljivanja ikavizama.²⁸

a) Fonetski ikavizmi

1) odrečni oblik pomoćnog glagola:

НИСИ 21, 24(x2), 46, (6x) pored НѢСИ 63³; НІЕ 3, 9(x3),

- 10(x3), (43x) pored нѢСТЬ 55³(x2), 57³, 58³, (8x); НИСМО 82;
- 2) nastavak u komparativu:
праведниі 14, радіи 21, старіи 52 i sl.;
- 3) prilog *gde*:
ГДИ 1, 20 pored ГДѢ 10, 15, 16, (20x), здѣ 57³, 58³(x2), (5x); гдигди 7; гдикоего 10 аіі і нигдѣ 19(x2), 40, XIII (101), гдѣчто 40.
- b) Morfološki ikavizmi
- 1) infinitivna osnova glagola:²⁹
желити 25, 29, желіо 22, желили 44, живити 29, 54 i sl.;
- 2) nastavak dat. i lok. jedn. imenica ž. r. na -a:
dat. jedn.: науки 80, Совуляги 69, къ палати 74 pored къ палатѣ 58 i sl.;
- lok. jedn.: у ... бѣди 68, при ... точки 27, о ... травки 41;
- 3) nastavak dat. i lok. jedn. ličnih zamenica:
dat. jedn.: мени 3, 4, 9, (12x), къ теби 13, 28, 30, (5x) pored къ тебѣ 13, къ себи 20, 59, XIII (101) i sl.;
- lok. jedn.: о мени 86, у теби 51(x2), 52, 71, 86 pored о тебѣ 14, на себи 3 i sl.;
- 4) nastavak lok. množ. imenica m. i sr. r.:
на колѣни 60, у ... колицы 21, на облацы 23, по ... кедры 59;
- 5) nastavci zameničko-pridevske deklinacije:
instr. jedn.: таковымъ начиномъ 42, овымъ ... именемъ 22, между тымъ 39 pored между тѣмъ 7 i sl.;
- gen. množ.: тайнѣ таковыхъ 11, послѣ овыхъ наукъ 80, оныхъ вещьхъ 71 i sl.;
- dat. množ.: онымъ 37, прочимъ всимъ I¹ pored всѣмъ 25, 40, 54, (6x).

2.2. Zamena starih nazalnih vokala

2.2.1. Nazal prednjega reda

Prema ruskoslovenskom i ruskom refleksu za stari nazal prednjega reda Stojković ima sledeće zamene:

a) Dosledna zamena sekvencom *ja* - jedna morfema ima isključivo -*ja*-, odnosno -*a*-:

вѣщій 3, 37, вѣще XIII (101), найвѣщій 52 i sl.; изѣти 79, изѣтіе 53, изѣтія 48, изѣщнѣйшіи 16; свято 74, посвя-

ТИТИ 81, непосвященныхъ 5, тридцать 64 i sl.; ИМЯ 74(x3), VI (94), XII (100); ТЫСЯЦУ 15, 19, 59, (5x), тысящекратный 7, тысящегубо 45 i sl.; ЧАСТЬ 39, 41, 51, (5x), частица 52, 69, участие 35 i sl.

b) Dupletni oblici - jedna morfema se javlja i sa *-ja-/-a-* i sa refleksom narodnog jezika *-e-*:

рядъ 33, 61³, 68, порядокъ 13, 16, 32(x2), (6x), изрядныхъ VIII (96) i sl. — реда 15, уредіо 71, уреждение 33; часто 34, 45, 58(x2), чашше 58³ — често 21(x2), 27(x2), чеши 10, честымъ 15; время 11, 12(x2), 27, (15x) — време 8, 20(x3); сѣмя 73³ — сѣме 9, 40.

U ovi grupi spadaju i enklitički oblici ličnih zamenica i povratne zamenice:

мя 14, 29(x2), 56, (7x) — ме 20, 64, датъеме 21; ты 28, 73³ — те 17, 45, 71, ятъуте 85; пробудится 2, представляется 2, простырашеса 5 i sl., (ukupno 108x) — отергнувшисе 2, Появитесе 2, усудіосе 4 i sl., (ukupno 145x).

c) Dosledna zamena vokalom *e*:

загледао 2, огледати 7, угледь 4; опять 26, 44, опять 12(x2), 28, 37, (x7).

Što se doslednosti zamene starog nazala prednjega reda tiče, dobili smo sledeći rezultat:

MORFEME frekvencija ≥ 2	umesto nazala prednjega reda		
	dosledno <i>ja</i>	dublete <i>ja/e</i>	dosledno <i>e</i>
26	18	5	2

U morfemama koje se javljaju samo jednom u tekstu (frekvencija = 1) dolazi, osim u primeru ЗЕЦУ 69, isključivo *-ja-*: достигнути 83, мѣсяцу 4, сряцу 58³ i sl., бремя 56³, сѣмя 73³ i sl.

Ukupni raspored *-ja-/-a-* i *-e-* ovako izgleda:

umesto nazala prednjega reda		
<i>ja/a</i>	<i>e</i>	ukupno
277/201	174/174	451/375

Od 174 primera u duhu narodnog jezika, koji se javljaju isključivo u glavnom tekstu, 145 dolaze kod enkli-

tičkog oblika povratne zamenice *se*. Izostavljajući slučajeve u enklitici *se*, gde se u glavnom tekstu javlja kod 66,21% primera narodni refleks *-e-*, odnos između primera sa *-ja-/-a-* i primera sa *-e-* iznosi, opet u glavnom tekstu, 127 : 29. Stojković ima, dakle, kod 18,59% primera narodni refleks *-e-*.

2.2.2. Nazal zadnjega reda

Umesto nekadašnjeg nazala zadnjega reda dolazi očekivano *-и-*:

зубъ XII (100), зубе 70, недугъ (<недагъ> 64³, куда 5, 11, 27, 75, рассудити XI (99), ступитъ 15, унутра 24 i sl.

2.3. Refleksi poluglasnika *b* i *б*

2.3.1. Poluglasnik *б*

Umesto nekadašnjeg poluglasnika *б* dolazi

a) najvećće ruskoslovenski, odnosno ruski refleks *-e-*:

день 2, 9(x2), 12(x2) пѣсъ 69, честь 61³, 74¹ i sl.; вѣнецъ 19, 49, конецъ 24, 29, 31(x2), (26x), отецъ 20(x2), 23, 28, 86 i sl.; божество 14, 22, 31, (10x), естество 2(x2), 7, 16, (25x), существо 29, 42, 66(x2), (15x) i sl.; безконечень 68, безмертень 30, подобень 82 i sl. вездѣсуца 27, предпочести 45, 48, XII (100); темно 21, 56³, 69 i sl.;

b) svega 8 puta srpskoslovenski, odnosno narodni refleks *a*: ланаць 43, 68, XIV (102), златанъ 49, стаклены 21, часть 20 (u značenju "gošćenje"), танкогласну 7, суетанъ 22.

2.3.2. Poluglasnik *б*

Stari poluglasnik *б* se zamenjuje

a) u najvećem broju primera fonemom *o*:

predlog *vb*: воистинну XI (99), во свѣтъ 86, 87, во кратцѣ IV (92), XIV (102) i sl., (ukupno 10x);

prefiks *vb-*: воображеніе 36, 66(x2), вопіеть 73³(x2), вопросе 21 i sl., (ukupno 12x);

prefiks *vba-/vbs-*: возбранилъ 63³, возводитъ 37, воздухъ 1, 12, 14, (6x) i sl.; восхищеніе 4, 8, 46, 55³, воскрешава 64, отъ востока 59, 87 i sl., (ukupno 67x);

predlog *kb*: ко ... человекомъ 86, ко мнѣ 72³, ко сну 57³;

predlog *sb*: со ... одеждомъ 1, со ... поясомъ 5, со ... житіемъ 13 i sl., (ukupno 24x);

prefiks *sb-*: собране 39, совершавао 12, совѣсти 46, 48, 50
i sl., (ukupno 117x);

pridev *лажан*: ЛОЖНА 57¹, ЛОЖНЕ 24, ЛОЖНЫЙ 65;

drugi primeri: ДОЖДЬ 73³, СОНЬ 5, 12, 20, (5x) pored САНАКЪ
19, ТОЧКА 53 i sl.; ПЕСОКЪ 73³, УБИТОКЪ 11, НАПОСЛѢДОКЪ 15,
22, 81, НА ПОСЛѢДОКЪ 52; КОГДА 4, 20, 31, (18x), ТОГДА 20,
35, 46, (x5), ТОКМО 2, 10, 34, (15x), НАДОМНОЮ 29 i sl.;

b) fonemom *a*:

predlog *sb*: СЯ МНОМЪ 11, СЯ СОБОМЪ 21;

prefiks *sb-*: САВІЕ 16, САВІАЮ 59, САСТАВЛЯТИСЯ 15;³⁰

drugi primeri: САНАКЪ 19, ЦВѢТАКЪ 39, КАДА 27, 30, 54, 81,
КАДЪ 10, 29, 47, (11x), ОВАЙ 3, 7, 8, (24x), ОНАЙ В, 20,
21(x2), (16x), ТАЙ 9, 59, ХІ (99) pored ТОЙ 2, 10, преда-
МНОМЪ 21, ИЗВАНЪ 25, 44, 67(x2), (8x).

Reč *ljubav* ima u "Kandoru" dosledno refleks *-o-*:
ЛЮБОВЬ 6, 25, 28, (10x).

Ukupni rezultat refleksa poluglasnika ima sledeći izgled:

poluglasnik	o	e	a	ukupno
ъ	322/263	-	75/74	397/337
ь	-	382/354	8/7	390/361
ukupno	704/617		83/81	787/698

Na osnovu tabele možemo konstatovati sledeće:

a) Odnos između narodnog i ruskoslovenskog, odnosno ruskog refleksa nije isti u pozicijama nekadašnjih *b* i *ѣ*. Dok se kod *b* refleks *a* u duhu narodnog jezika javlja samo u 1,94% primera, kod poluglasnika *ѣ* dolazi narodni refleks u 21,96% primera glavnog teksta.

b) Narodni refleks se javlja, sa dva izuzetka, samo u glavnom tekstu.

Stojković ima HO 2, 6(x2), 9, (90x) što je identično ruskom vezniku *no* koji potiče od staroga нѣ. Obično se smatra da je *no* u današnjem srpskohrvatskom jeziku ruskog porekla što ne mora biti, jer npr. *no* se javlja u srpskim spomenicima krajem XVII veka kada se ne može govoriti o nekom jačem uticaju ruskog, odnosno ruskoslovenskog na književni jezik Srba.³¹

2.3.3. Vokalizacija poluglasnika kod predloga *k*, *s*, *v*

Što se distribucije oblika sa vokalizacijom poluglasnika

i bez nje tiče, možemo reći sledeće:

a) Oblik *k* dolazi i ispred velarnih konsonanata *g* i *k*:

къ главы 49; къ кандору 5, 44, къ коему 42 i sl.

Oblik *ko* se upotrebljava ispred konsonantskih grupa gde je poluglasnik u predlogu po svom poreklu bio u nekadašnjem jakom polužaju:

ко вѣмъ 86, ко мнѣ 72¹, ко сну 57¹.

b) Stojković ima oblik *sa* ispred instr. jedn. lične i povratne zamenice:

са мною 11, са собою 21 pored со собою XIII (101).

Ispred frikativa *s* (nema primera za frikative *š*, *ṣ̌*, *ž*) inače redovno stoji oblik *so*:

со своимъ 13, со смертію 34, со сребреннымъ 5 i sl.

Često dolazi i do paralelne upotrebe oblika *s* i *so*:

съ высоты 60¹ pored со высочайшимъ 81, съ добродѣтелию 44 pored со добродѣтелноу 18, съ разумомъ 66 pored со разумнiемъ 33.

c) Jedino je pravilo za upotrebu oblika *v*, odnosno *vo* da se oblik *vo* ne javlja ispred samoglasnika:

въ едино 57¹, въ облацѣхъ 15.

Frekvencija pojedinih oblika ima ovakav izgled:

predlog	k		s		v	
oblik	k	ko	s	so/sa	v	vo
broj	87/77	3/2	59/54	27/21	34/12	10/3

Od ukupno 220/169 oblika 40/26 dolaze sa vokalizovanim *ь*.

2.3.4. Vokalizacija sekundarnih poluglasnika

a) U gen. množ. imenica ž. i sr. r. čija se osnova završava na grupu suglasnika dolazi ili refleks *-e-* ili refleks *-ø-* sekundarnog poluglasnika:

земель 61¹, солнцеъ 60¹, 72¹; блаженствѣ 43, вѣжествѣ 9, чувствѣ 4, существѣ 36, 45, 79.

b) U tradiciji ruskoslovenskog pisanja, to jest bez vokalizacije sekundarnog poluglasnika Stojković piše i sledeće primere:³²

вѣтръ 70, 71, 73¹, тѣгръ 69, вѣспръ 62¹, 72¹, мудръ 69, огнь 46, 60¹, 82, 83.

c) Reči stranog porekla koje se završavaju na konsonantsku grupu *-nt* nemaju sekundarno *-a-* između tih konsonanata:

Елементъ 52, Гигантъ 63', Лабиринтъ 86, Оризонтъ 7.

d) Prilog *odavde* se piše sa sekundarnim *-a-*:³³

одавдесуце 9.

e) Predlog *črez* dolazi u ovom obliku, dakle bez sekundarnog *-e-*:
чрезъ 7, 24, 28(x3), (16x).

f) U oblicima muškog roda glagolskog prideva radnog glagola I vrste u kojima je svršen prelaz *-l > -o* dolazi redovno *-a-* umesto sekundarnog poluglasnika:

грызао XII (100), клекао 64, рекао 2, 6, 14, (7x) i sl.

Kod oblika *mogl* u kojem je sačuvano finalno *-l* nema vokalizacije sekundarnog poluglasnika:

могль 2, 13, 68, (5x) pored *могао* 4, 19(x3), 26, (14x).

2.4. Vokalno r

Pored foneme *ɣ* u pozicijama gde u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku dolazi *ɣ* (v. primere u t. 1.1.5), Stojković ima i *-er-* i *-or-*:

er: берзе 69, 70, держати 75, терніе 38 i sl.;

or: восторгнися 62', морщина 84, скорбь 56', 57', скорбитъ 58', торжеству 2, 3, торжественный 8, торжественное 28 i sl.

Što se frekvencije tih refleksa tiče, dobili smo sledeću sliku:

refleks	<i>ɣ</i>	<i>er</i>	<i>or</i>	ukupno
broj	7/7	190/166	10/5	207/178
%	3,91	92,78	3,35	100,00

U primerima sa *-ɣ-*, *-or-* glasovna je vrednost ovih grafema, naravno, *ɣ* i *or*. Glasovna vrednost grafemske sekvence *-er-* (u pozicijama koje u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku imaju *-ɣ-*), u zavisnosti od opšte morfonološke strukture reči i od konteksta, kod Stojkovića je *er* (primeri u duhu ruskoslovenskog jezika) ili *ɣ* (primeri u duhu narodnog jezika). Fonetsku vrednost *er* imamo, najverovatnije, u primerima tipa

Безсмертіе и вѣчная жизнь ... 33, ... съ величайшимъ нестерпніемъ ... 12, ... ужаснѣйше воздуха терзаніе ...

59 i sl.

dok se kod primera kao

... и противитисе недержаютъ ... 14, ... немогутъига раз-
мерсити ... 2, ... не бы мѣста имао тверда ... 83
može očekivati ꙗ.³⁴

2.5. Refleks samoglasnog *l*

Stojković ima dosledno ruskoslovenski, odnosno ruski
refleks *-ol-* nekadašnjeg samoglasnog *l*:

долго 20, долговласна 84, долгота 15 i sl.; полнога 6,
наполненъ 14, исполнявати 11, 48, 74, X (98) i sl.; молча-
нiе 1, 8, 17, (5x), молчаливость 70, премолчити 49 i sl.;
солнце 2, 7(x2), 10(x2), (21x), солнць 60¹, 72¹ (gen. množ.),
солнечна 40 i sl.

I reč *суза* dolazi u ruskoslovenskom (ruskom) obliku:
слезъ 55¹, 68 (gen. množ.)

2.6. Afrikate

2.6.1. Foneme *č* i *d*

a) Konsonant *č*, koji je odlika srpskog narodnog jezika,
našli smo

1) kod glagolskih priloga sadašnjih:

будутъи 22, 35, 49, (5x), бѣгаютъи 70, видетъи 6, 15, 35,
45 i sl.;

2) kod svih oblika pomoćnog glagola *hteti*:

итъу 53(x2), 54, 70, 77, тѣшь 85, онъ тѣ 10(x2),
кудатъемо 27 i sl.;

3) kod sledećih pojedinih primera:

искитъенъмъ 5, принотъити 20, цветъе 14, 32, прутитъа 15,
прутъемъ 15, прозорчитъи 41, островитъе 14, ветъ 8(x2), 9,
11(x2), (24x), спротъу его 7, хотъемо 51 поред хоцу 29,
30, 44, хоцетъ 27, хоцемо 36.

Ostali slučajeви ovoga tipa dolaze redovno sa rusko-
slovenskom grupom *-šč-* koju, kao što smo videli (u t. 1.1.7),
Stojković dosledno obeležava znakom Ш:

будуца 77, всевидяще 72, текуца 41, 83 i sl.; непросвѣщен-
ному 17, позлащены 28, извѣщену 9 i sl.; насыщавати 54,
объщаваетъ 2, возвращаютъся 68 i sl.; восхищенiе 4, 8, 46,

55 , обраћење 82, просвѣщенія 40, 66 i sl.; ноћь 22, 40, 47, (5x), помоць 18, свѣща 17, 24, 82 i sl.

b) Konsonant *d* nismo našli u jeziku "Kandora". Umesto njega Stojković redovno, sa samo jednim izuzetkom, upotrebljava odgovarajuće lekseme sa grupom *-žd-* (očigledno iz ruskoslovenskog jezika):

жаждь 17, 21, 54, 67, надежда 68, одежда 5, 87, между 7, 10, 23, (10x), такожде 17, 67, XIV (102), XV (103), восхождение 6, побуждение 51, V (93), разсуждение 4, 51, наслаждается 34, побъждава 10, подтверждавати 67 i sl.

Jedini izuzetak predstavlja leksema *gospoda* gde umesto očekivane grupe *-žd-* dolazi samo *-ž-* prema ruskom jeziku:

... болестну одну госпожу ... 21.

c) Složeni oblici od glagola *ići* (<*iti*>), *idem*, koji u srpskom dolaze sa *-ć-*, *-đ-*, Stojković redovno upotrebljava nehotovano, što je takođe pod uticajem ruskoslovenskog jezika:

дойде 12, 52, 81, найдемъ 22, пойдете 54, преидеть 40, 57', пройдемо 15 i sl.; дойти 10, 22, 26, (12x), найти 10(x2), 27, 66, пойти 6, прейти 83(x2), 70.

I primeri орудіе 33, орудія 3 dolaze, naravno, u duhu ruskoslovenskog a ne srpskog narodnog fonetizma (*orude*).

Što se tiče frekvencije konsonantskih grupa, odnosno pojedinih konsonanata u pozicijama u kojima se u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku upotrebljava *-d-*, odnosno *-ć-*, dobili smo sledeću sliku:

u pozicijama					
današnjeg <i>d</i>			današnjeg <i>ć</i>		
<i>žd</i>	<i>ž</i>	<i>jd</i>	<i>šč</i>	<i>jt</i>	<i>ć</i>
103/93	1/1	23/22	153/132	21/21	99/99

Dok se ne javlja nijedan primer sa *-đ-*, odnos između narodnog *-ć-* i ruskoslovenskog *-šč-*, odnosno *-jt-* iznosi u glavnom tekstu 39,29% : 60,71%. Prodor foneme *ć* se ograničava na glavni tekst.

2.6.2. Foneme *đ* i *đž*

Upotreba foneme *đ* odgovara, gotovo isključivo, onoj u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku. Tu ćemo navesti

samo dva prezimena u kojima umesto očekivanog -ć- dolazi -č- pod uticajem ruskog jezika i koja čine jedino odstupanje od današnje upotrebe foneme č:

Вуковић II (90), XIII (101), Стојковић IX (97), СТОИ-КОВИЧА (naslovna strana).

Zvučni parnjak foneme č, fonema čž ne upotrebljava se ni jedanput. Od ukupno pet afrikata današnjeg srpskohrvatskog književnog jezika Stojković upotrebljava, dakle, samo bezvučne c, ć i č.

2.7. Foneme f i h

Fonema f se javlja, naravno, samo u stranim rečima: фамилије 9, Физический 51, 53, Философи 23, Фрулу 7, Софиште 24 i sl.

Fonema h se gubi samo 4 puta i to u nastavku lok. množ. imenica m. i sr. r.:

по ... кедрѹ 59, на облаци 23; на колѣни лежетьи 60,
у ... колици 21.

Stojković piše reč *horizont* bez inicijalnog h-:
Оризонть 7.

2.8. Prelaz vб(z/s)- > u(z)-

Ispred jedne osnove koja je motivisana starim prefiksom vб(z/s)- dolazi

a) dosledno prefiks v-:

вкусно 16, до вкуса 17, вкушати 50; вразумително XV (103), вразумителными 27, невразумително XV (103); второ 2, 32, втора 33 i sl.;

b) paralelno prefiks v(os)- i prefiks u(z)-:

v-/u-: вныти 10, вниду 63¹, внидутъ 41 — унити 27, 77, 81;
внутренно 46, внутренній 42, 78, внутренность 16 i sl. —
унутра 24; всажденому 23 — усаждено 23, усадио 3 i sl.;

voz-/uz-: въздыханія 84 — уздыше 85; възвышавати 54, възвышава 8, 48, възвышавахуся 79 — узвышаваютьи 1, узвышенъ 77;

c) dosledno prefiks u(z)-:

u-: увести 81, уведе 27, 38, 64, уведень 21 i sl.; уводити 24, уводяку 19; устати 12, устане 12, 27, 58, установио 70, 71 i sl.;

из-: узети 7, 21, 26, (6x), узме 9, 38, 58, 81, узевши 24, 59 i sl.

Stanje u odnosu na prelaz *v̂(z/s)- > u(z)-* ispred osnova koja se javljaју два или више пута u tekstu ovako izgleda:

dosledno v-	dublete v(oz)-/u(z)-	dosledno u(z)-	ukupno
19	5	7	31

Izгled ukupne upotrebe prefiksa *v-* i *u-* je sledeći:

<i>v̂(z/s)- ></i>	<i>v(oz)-</i>	<i>u(z)-</i>	ukupno
broj	142/116	67/66	209/182
%	63,74	36,26	100,00

Predlog *u* ima 45/16 puta oblik *v(o)* i 290/278 puta oblik *u*:

ВЪ ЗЕМЛЮ 42, ВЪ МОЛЧАНІИ 14, ВЪ НАСЪ 57³ i sl., ВО СВѢТЪ 86, 87, ВО НЕМЪ 57¹, ВО ЗЛЪ 58¹ i sl. — у ВОЗДУХЪ 52, у ИСТИНАХЪ 80, у ОЧЕСА 87 i sl.

U glavnom tekstu dolazi, dakle, kod 94,90% primera narodni oblik *u*.

2.9. Ostale fonetske osobine

2.9.1. Metateze suglasnika

a) Metateza likvida je isključivo južnoslovenska:

брада 4, 84, брегу 41, глава 57³, 4, 24, млеку 17 i sl.

b) Zamenica *tko* ima dosledno oblik *kto*:

кто 2, 5, 6, (32x), никто 5, 9(x3).

c) Morfema *s(a)v-* se upotrebljava isključivo u starijem obliku, dakle, bez metateze:

всеблагій 64, 80, всевъдуще 75, всесилнаго 61¹ i sl. (primere za zamenicu *sav v.* u tački 3.3.6).

2.9.2. Refleks grupe *čbr-

Stojković ima dosledno ruskoslovenski refleks *čer-/čr-*: черва 52, червіе 73¹; червѣня 63¹, чермн'я 63¹; черный 25, 41, 61¹, черну 70, черному 59; изчерпсти 85; черву 86.

2.9.3. Palatalizacije

Ispred nastavka *ž* dolazi redovno do sibilizacije:

при Бозѣ XIII (101), въ дусѣ ... прасѣ ... отрасѣ 63',
во ... зрацѣ 60', въ ... крузѣ 55', въ мрацѣ 60',
въ чловѣцѣ 57' (lok. jedn.).

U nominativu, odnosno akuzativu množine (облаки 59, за-
слуги 75, науки XI (99), души 40, чловѣки 38, 64) i u instru-
mentalniju množine (между ... души 53, между ... чловѣки 53, надѣ
... чловѣки 29) velari *g* i *k* nisu palatalizovani jer za ovu
promenu u ovim padežima nije bilo fonetskih uslova (stari na-
stavak *-y*). U primerima dativa jednine совуляги 69 i науки 80
očekivali bismo savršetak *-zi*, odnosno *-ci*, što, međutim, iz-
ostaje jer je ovde došlo do poznatog istiskivanja rezultata II
palatalizacije, odnosno do ujednačavanja osnove na *-g*, odnosno
-k prema onim osnovama gde nije bilo uslova za vršenje II pa-
latalizacije.³⁵

Prva palatalizacija je dosledno sprovedena, pa nije po-
trebno da navodimo posebne primere.

2.9.4. Jotovanje

O rezultatima jotovanja kod dentala *d* i *t* govorili smo
u tački 2.6.1. U oblicima imperfekta jotovanje nije dosledno
sprovedeno:

исхождаше 79, 82, ухождаше 28, хождаху 15 pored находящеса
18, находящесе 16; доношаше 16 ali высяша 41 i sl.

Inače nismo našli odstupanja od sprovođenja jotovanja.

2.9.5. Prelaz *-l* > *-o*

Prelaz *-l* > *-o* na kraju reči Stojković ima samo kod gla-
golskog prideva radnog:

быо 12(x3), 18, 21, (18x) pored былъ 28, 86; видѣо 21(x2),
41, 45 pored виделъ 86; навео 32 i sl.

U nominativu, odnosno akuzativu imenica se redovno čuva
-l:³⁶

мысль 18, 28, 29, (8x), помысль 78, отрасль 37, Анггелъ
85(x2), пепель 54', престолъ 42, предѣль 6, 18, 19, (5x).

Ukupna upotreba ruskoslovenskog *-l* i narodnog *-o* ovako
izgleda:

<i>-l</i> >	<i>-o</i>	<i>-l</i>	ukupno
broj	189/180	38/27	218/207
%	86,96	13,04	100,00

2.9.6. Sažimanje samoglasnika

Sažimanja samoglasnika unutar jedne reči nisu zastupljena u "Kandoru".³⁷ Tako imaju, npr., složenice i odrični oblik glagola *imati* stariji oblik:

приимають 16, приimate VI (94); нейма 3, 10(x2), 37(x2), (9x), неймамъ 77, неимють 70 i sl.

Na granici između dva delova složenice čuvaju se i finalni vokal prvog dela i inicijalni vokal drugog dela:

заутра 12, 28, заутрашній 74, челоуѣкоубійцевъ 42 i sl.

Kontracija vokala ogleda se jedino u enklitičkoj grupi *se je* koja se sažima u *je*:³⁸

..., толико се она выше распольвала ... 22, ... у сердце твое улилосе дерановеніе, ... 5, ..., коясе текъ отворати почела; ... 4 i sl.

2.9.7. Pokretni vokali

Pokretne vokale Stojković upotrebljava

a) na kraju priloga *сада*, *када*, *туда* i *куда*, i to vokale *-a* i *-u* pored *-ø*:

-a: сада 2, 4, 5, (19x), када 27, 30, 54, 81; отъ туда 23; куда 5, 11, 27, 75, никуда 15;

-u: отъ туду 26, 31, 53; отъ куду 16, 27, 52, 83;

-ø: садъ 11, 12(x3), 14, (22x); кадъ 10, 29, 47, (7x); отъ тудъ 23; кудъ 70.

b) na kraju predloga *пред* i *над* ispred oblika instrumentala jednine lične zamenice:

преда мною 21; надо мною 29.

Jedini primer u kojem bi se iza prefiksa moglo očekivati pokretno *-a-* dolazi bez njega: узбрато 20.

2.9.8. Fonetski oblici pojedinih osnova i reči

a) Stojković ima dosledno osnovu *авоѡд-*:

своѡденъ 78, своѡдна 78, своѡде 76 (gen. jedn.) i sl.

b) Stariji se oblik čuva u leksemi *pesma* koju Stojković redovno piše sa *-n-* a ne sa, morfološkog porekla, *-m-*:³⁹

пѣснъ 7, 51, 79, пѣсоне 39, пѣсони 59, пѣсней 4.

c) U prezentskoj osnovi glagola *шилјати* dolazi *-i-* što predstavlja crtu govora Ваѣке, Srema i Маѣве:⁴⁰

шилѣ 79 (3. l. jedn.).

d) Stojković upotrebljava isključivo oblik *čelovѣk* (primere v. u tački 1.1.1.2).

3. MORFOLOGIJA

3.1. Imenice

3.1.1. Imenice muškog roda

3.1.1.1. Jednina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-∅	320/268	111/86	-	-	100,00
GEN.	-a	211/184	92/84	-	1,60	98,40
	-e	3/3	2/2			
DAT.	-u	73/61	34/30	-	-	100,00
AKU.	-∅	220/205	76/72	-	-	100,00
	-a	52/47	18/16			
VOK.	-e	48/37	11/10	-	-	100,00
	-u	2/2	2/2			
	-i	1/-	1/-			
LOK.	-u	69/68	36/35	95,77	4,23	-
	-ě	15/3	13/2			
INS.	-em, -om	73/65	46/44	-	-	100,00

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	68	6	869	943
%	7,21	0,64	92,15	100,00

Primeri i napomene

Nom.: видъ 69, порядокъ 13, яблань 53 i sl.

Gen.: до вѣнца 32, окомо дола 19, изъ состава 77 i sl.

Tri puta je sačuvan nastavak -e stare n-osnove:

днешняго дне 38, дне сего 28; до високаго степене 18.

Dat.: къ востоку 7, 15, 16, ко сну 57', зѣцу 69 i sl.

Akuz.: у дворъ 24, чрезъ ... лѣсъ 82, за подсмѣхъ 47 i sl.;

Законодавца 66, сына 84, скота 52 i sl.

Vok.: Distribucija nastavaka -e i -u u vokativu se podudara sa onom u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku:

Боже 28, 37, 72, (5x), источнице 28, Отче 2, 12, 13, (10x) i sl.; владѣтелю 6, Хранителю 84.

U poeziji se jedanput javlja nastavak -i: Господи 72.
Lok.: Od ukupno 15 oblika lokativa na -ě 12 se javlja u stihovima ili u predgovoru, čiji se jezik inače više odlikuje ruskoslovenskim karakterom od ostalog teksta. To još potvrđuje činjenica da se u lokativu iste reči javlja nastavak -ě u stihovima, odnosno u predgovoru, a nastavak -и u ostalom tekstu:

при Возѣ XIII (101) — у Богу 67, 68; въ ... крузѣ 55³ — на кругу 80, у ... кругу 16; въ ... мрацѣ 60³ — у мраку 2, 80; на свѣтѣ 55³, во свѣтѣ 86, 87 — у ... свѣту 47, 49(x2), о свѣту 40, на свѣту 9, 12, 31, (12x); въ челоуѣцѣ 57³ — у челоуѣку 33, 44, 83.

Instr.: Distribucija nastavaka -em i -om u instrumentalu je dosledno ista kao i u današnjem književnom jeziku: бѣнцемъ 40, концемъ 26, съ родителемъ 9 i sl.; гласомъ 6, 7, 51, подъ затворомъ 23, съ ... трудомъ 86 i sl.

Kod imenice put Stojković piše oba oblika: путемъ 27, путомъ 26, X (98).

3.1.1.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-i	47/38	31/27	-	-	100,00
GEN.	-ov, -ev	36/29	28/21	5,00	95,00	-
	-ø	3/1	3/1			
	-ej	10/9	6/5			
	-a	2/2	2/2			
DAT.	-om, -em	10/9	8/7	-	-	100,00
AKU.	-i	18/10	14/9	82,76	17,24	-
	-e	48/48	31/31			
VOK.	-i	1/1	1/1	-	-	100,00
LOK.	-ěh	1/1	1/1	66,67	33,33	-
	-i (<-ih)	2/2	2/2			
INS.	-i	6/5	5/4	-	-	100,00

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	52	55	48	155
%	33,55	35,48	30,17	100,00

Primeri i napomene

Nom.: верхови 28, мириси 51, облаки 59 i sl.

Gen.: Svega dva puta Stojković upotrebljava u genetivu množine nastavak *-a*, obično dolaze nastavci *-ov/-ev* i *-ej*:

изъ гвозденихъ сна 2, тысящу тысящъ прутитѣа 15; адовъ 61',
отъ ... бреговъ 7, пороковъ 18 i sl.; чтецовъ XV (103),
мудрецовъ 6 pored мудрецовъ 66; нѣколико дней 21, людей 80,
людей 21, приятелей 47 i sl.

U primerima *skotb*, *časb* nastavak *-ov* nije upotrebljen iz metričkih razloga:

Лвовъ и дубравныхъ скотъ
со пощ'ми насъ въ сонъ птицы;
Дебрей и высокихъ горъ
да слются въ едно лицы; (61)

Очищен'е кратко время
есть судьбина нашихъ часъ:
Егда спадеть тѣло бремя,
ожидаетъ вѣчность насъ. (55-56)

Do upotrebe oblika *predělъ* u primeru до предѣлъ истини 26 verovatno je došlo pod uticajem nastavka *-o* ž. i sr. r.

Dat.: U dativu ima isključivo nastavak *-om/-em*:

ко всѣмъ челоѣкомъ 86 путникомъ 56', предметомъ 59 i sl.;
людемъ 18, учителемъ 21, степенемъ 75 i sl.

Akuz.: Pored nastavka *-e* u duhu narodnog jezika, Stojković upotrebljava i nastavak *-i*:

облаке 32, совѣте 18, благодѣтель 3 i sl.; законы 62', 65,
способы X (98), шари 62' i sl.

Vok.: Старцы! 54.

Lok.: Osim nastavka *-ѣхъ* dolazi dva puta i nastavak *-i* (<-ih):⁴¹
въ облацѣхъ 15 pored на облацы 23, по ... кедръ 59.

Instr.: U instrumentalu Stojković dosledno upotrebljava nastavak *-i*:

между ... души 53, съ родители моими 21, надъ ... чело-
вѣки 29 i sl.

Upotreba umetka *-ov-*

Stojković upotrebljava umetak *-ov-* u množini jednosložnih

imenica muškog roda u 6 oblika, dok ga u 23 slučaja nema:
 верхови 28, верхове 2, зверове 32, членове 19, путови 26(x2)
 поред пути 73', 86, умове 67 поред уми 69; вѣщы 57',
 дары 63', часи 43 i sl.

3.1.2. Imenice ženskog roda na -a

3.1.2.1. Jednina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-a	120/103	69/61	-	-	100,00
GEN.	-i	34/21	18/7	65,67	34,43	-
	-e	40/40	27/27			
DAT.	-ě	2/2	2/2	92,31	7,69	-
	-i	28/24	17/15			
AKU.	-u	166/150	70/65	-	-	100,00
VOK.	-o	2/1	2/1	-	-	100,00
	-e	1/1	1/1			
LOK.	-ě	4/1	4/1	97,73	2,27	-
	-i	47/43	25/23			
INS.	-oju, -eju	6/5	5/4	83,33	16,67	-
	-om	25/25	17/17			

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	132	29	255	416
%	31,73	6,97	61,30	100,00

Primeri i napomene

Nom.: глава 4, 24, 57', долгота 15, надежда 68 i sl.

Gen.: Upotreba nastavaka -e i -i zavisi dobrim delom od konteksta. U ruskoslovenskom kontekstu stoji po pravilu nastavak -i, odnosno -y, a u kontekstu koji je bliži narodnom jeziku dolazi -e:⁴²

..., и на красный юноши образъ, ... 6, ..., да будетъ источникъ свѣта, теплоты, источникъ жизни. 13, ... со преступленіемъ заповѣди творца своего ... 23 i sl. —

Тако и овы хотѣвши съ каплемъ воде море умножити, ... 26,
 ... - има рыбе, коя отъ непріятелей своихъ бѣгаютъ ... 70,

... и около ове палате есу путови ... 26.

Dat.: Pored nastavka -i dolazi u dativu dva puta nastavak -e;
 къ ... меты 56¹, воли 50, страны 20, XV (103) i sl.;
 къ палатѣ 58 pored къ палати 74, къ ... палаты 26,
 травицѣ 53.

Akuz.: у высоту 79, на ... идею 67, чрезъ ... рупицу 28 i sl.

Vok.: отчиано! 55¹, страна 19, Юноше! 8.

Lok.: Pored uobičajenog -i javlja se samo četiri puta nastavak -e:

по ... воли 33, у котарицы 20, при вечеры 20 i sl.;
 въ книжицѣ овой XIV (102) pored у книжицы сей XIII (101),
 въ Пештѣ IX (97), о ползѣ 69, въ бурнѣ 63¹.

Instr.: Staro se stanje čuva u primerima:

МОЛИТВОЮ 7, СИЛОЮ 14, 23, СЛАВОЮ 49, ТМОЮ I (89¹), ВОЛЕЮ 70.

U svim ostalim slučajevima se употребљава nastavak -om:

сѣ братіомѣ 81, ПОДЪ ГОРОМѢ 18, СВѢЦОМѢ 26 i sl.

3.1.2.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-i	8/3	5/1	92,11	7,89	-
	-e	36/35	18/17			
GEN.	-o	34/22	23/16	4,00	96,00	-
	-a	1/1	1/1			
DAT.	-am	4/4	3/3	-	100,00	-
AKU.	-i	6/3	6/3	93,02	6,98	-
	-e	40/40	25/25			
VOK.	-i	3/3	3/3	-	100,00	-
LOK.	-ah	7/7	7/7	30,00	70,00	-
	-ama	3/3	3/3			
INS.	-ami	4/3	4/3	-	100,00	-
	-i	1/-	1/-			

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	79	45	-	124
%	63,71	36,29	-	100,00

Primeri i napomena

Ном.: СИЛЫ X (98), ВОДЫ 61', 63', ТМЫ 61', ЛУЧИ 12, 13, 79;
красоте 16, ПТИЦЕ 7, 59, ТОЧКЕ 3 i sl.

Gen.: Jedini primer sa nastavkom -a glasi:

нѣколико тысящъ година 9.

Svi ostali primeri imaju nastavak u duhu ruskoslovenskog jezika:

изъ долинь 28, земель 61', силъ 73' i sl.; братій моихъ 86, молній 60'.

Dat.: Sva četiri primera dativa množine imaju nastavak -ам:
звѣздамъ 4, къ наукамъ 21, тайнамъ 6, 8.

Akuz.: красоты 16, горы 59, истины IV (92), науки XI (99),
причины XIII (101);

у ... године 52, у ... одежде 17, себе 16 i sl.

Vok.: Юноши! ... Дѣвицы! И старцы! 54.

Lok.: Tu možemo konstatovati prodor dualskog nastavka -ама
u duhu narodnog jezika koji se koristi pored nastavka -ах:
у ... главахъ 25, по шумахъ 19, о наукахъ 9 pored у наукама
80 i sl.; по ливадама, шумицама 18.

Instr.: звѣздами XIII (101), кабалами 46, съ ... науками 22.

Jedini primer sa nastavkom -и (птицъ) iz metričkih je razloga (v. prvi stih naveden u tački 3.1.1.2).

3.1.2.3. Dual

Pored oblika nekadašnjeg duala, Stojković upotrebljava i množinske forme reči *ruka* tamo gde u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku dolaze samo nekadašnji dvojinjski oblici:

Gen.: Егжъ тѣло отъ ногу, дивно есть до главы: 74', ... Старецъ ... книгу и свѣцу изъ руку оставитъ, ... 7 ali: ... изъ гвозденыхъ сна рукъ отергнувшисе ... 2.

Lok.: ... у коего руку все могуше благополучие находится. 75
ali: ... кою з онъ и днесъ у рукахъ имао. 15.

Instr.: ..., кой на колѣни лежетьи, съ рукама къ небу двигнутима говораше. 60 pored ... ничто трепещущими руками прихватити не можеть; ... 46.

3.1.3. Imenice ženskog roda na -ø

3.1.3.1. Jednina

Primeri i napomena

Ном.: благодарность 13, 28, волность 78, жажда 17 i sl.

Gen.: жизни 13, 86, пространности 2, изъ между ... чувствительности 65 i sl.

Dat.: власти 11, 37, казни 77, къ смерти 47 i sl.

Akuz.: у внутренность 2, 21, возможность 48, повѣсть 18 i sl.

Lok.: у ... безконечности 24, у ... младости 6, о произвольности 77 i sl. Jedanput dolazi umesto oĉekivanog -i nastavak -ě: о пылъ 62' u znaĉenju "atom".

Instr.: U instrumentalu se iskljuĉivo upotrebljava rusko-slovenski nastavak -iju:

со ... жизнию 18, крѣпостию 3, за сѣнiю XI (99) i sl.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-∅	126/103	43/36	-	-	100,00
GEN.	-i	41/37	24/3	-	-	100,00
DAT.	-i	12/12	7/7	-	-	100,00
AKU.	-∅	101/83	41/35	-	-	100,00
VOK.	-	-	-	-	-	-
LOK.	-i	29/25	20/18	-	-	100,00
	-ě	1/-	1/-			
INS.	-iju	29/25	19/16	-	100,00	-

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	-	25	260	285
%	-	8,77	91,23	100,00

3.1.3.2. MnoŹina

Primeri i napomene

Nom.: нравы 80, рѣчи 11, страсти 71 i sl.

Gen.: до двѣрей 24, отъ казней 66, отъ ... сѣтей 56' i sl.; мыслiй 19.

Dat.: ... мыслемъ моимъ слѣдуй ... 48, ..., когда страстемъ нашимъ махъ пустимо, ... 36.

Akuz.: на двери 10, печали 5, хитрости 70 i sl.

Vok.: ... воздѣйте твари главу ... 61'.

Lok.: U lokativu dolazi pored staroslovenskog, odnosno rusko-slovenskog nastavka -ěh i jedan primer u duhu narodnog

jezika sa dualskim nastavkom *-ma*:

Въ напастехъ XI (99), у ... вещехъ 71, о вещехъ 67,
XIV (102), при ... вещехъ XIII (101), въ персехъ 54;
при овыми рѣчма 72.

Instr.: овыми рѣчми 72, сладкими ... рѣчми 5, съ тварми 50.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		% ±NAR.		
		OBLIKA	LEKSEMA	+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	-i	9/8	7/7	-	-	100,00
GEN.	-ej, -ij	17/14	13/10	-	100,00	-
DAT.	-em	2/2	2/2	-	100,00	-
AKU.	-i	28/25	13/13	-	-	100,00
VOK.	-i	1/-	1/-	-	-	-
LOK.	-eh	6/3	3/2	25,00	75,00	-
	-ma	1/1	1/1			
INS.	-mi	3/3	2/2	-	100,00	-

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	1	22	33	56
%	1,79	39,28	58,93	100,00

3.1.3.3. Dual

Nom.: перси 58.

Instr.: Всяка ... травка ... тебе ... персима благодаренія
полными хвалить. 3.

3.1.4. Stara r-osnova

Od stare r-osnove se upotrebljavaju sledeći oblici:

Nom.: матери 20, дщи 10.

Gen.: отъ матери 52.

Dat.: матери 7, дщери 85.

Vok.: о матери 51.

3.1.5. Imenice srednjeg roda

3.1.5.1. Jednina

Primeri 1 naromene

Nom.: господство 13, езеро 41, число 55¹, 73¹ i sl.; поле 85,
сердце 13, 18, 19, (11x), цвете 14, 32 i sl.; изьявлене 11,
шуштенъ 41; блистаніе 7, жертвованіе 66, упованіе 43 i sl.

Imenice stare *n*-osnove imaju u većini slučajeva u nominativu i akuzativu nastavak *-ja*:

время 11, 12, 27, (10x) pored време 20, имя 74(x2)³,

VI (94), бремя 56³, сѣмя 73³ pored сѣме 9, 40 (akuz.)

Gen.: блаженства 13, 29, 43, до ... пристанища 11, съ чела 71, 84 i sl.; до ... безумія 76, отъ исполненія 30, безъ ... краснорѣчія IV (92) i sl.

Stari nastavak *-e* *n*-osnove dolazi samo kod reči *време*:

малаго време 42, 80, много време 22 i sl. pored

времена 49, много времена 80,

dok imamo kod reči *семе* i *раме* nastavak *-a*:

изъ бывша сѣмена 45, до преко ... рамена 4.

Dat.: къ ... мѣсту 29, правилу 53, къ совершенству 43, 48, 54, (5x) i sl.; къ возвращенію 53, къ забавленію XIV (102), разрушенію 51 i sl.

Akuz.: на дно 76, на лѣто 58, у одѣло 28 i sl.; шустенъ 82;

за ... обиталище 9, въ пристанище 65, у училище 21 i sl.;

за благополучіе 35, у восхищеніе 4, 8, низъ ... наклоненіе

41 i sl.; время 12, 46, 55³, (5x) pored време 8, 20(x2),

имя 74³, XII (100).

Vok.: естество 51, небо 29, чадо 50, 51.

Lok.: U lokativu se pod uticajem narodnog jezika najčešće upotrebljava nastavak *-(-ij-)u*, a nastavci *-ě* i *-ij-i* u duhu ruskoslovenskog jezika se ograničavaju na osam primera:

у содружеству 50, у нѣдру 80, у обиталищу 10 i sl.;

у дѣйствию 34, у призрѣнію 48, по совершенію 20 i sl.;

во злѣ 58³;

при ... издыханіи 58, въ молчаніи 14 pored у ... молчанію 19,

о ... намѣреніи 7, по раздѣленіи 75, при рожденіи 8.

Instr.: съ дѣйствомъ 22, покриваломъ 2, за стадомъ 18 i sl.;

прутьемъ 15, сердцемъ 6, 17, 87, цветомъ 7, 38; криву-

данѣмъ 7, цверкутанѣмъ 1; со житіемъ 13, съ нестерпѣніемъ 12,

упованіемъ 68.

Stari oblici deklinacije *n*- i *s*-osnove sačuvani su samo u dva primera:

именемъ 23, подъ небесемъ I³ (89).

Ostali primeri imaju osnovu bez formanta *-es-*:

предъ лицемъ 72, 80, лицемъ 26, подъ ... окомъ 66,
тѣломъ 77(х3), съ тѣломъ 53, словомъ 4.

Pregled paradigme⁴³

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-o	94/72	31/30	-	4,74	95,26
	-e	36/30	7/6			
	-j-e	2/2	2/2			
	-ij-e	107/97	71/64			
	tip <i>imja</i>	15/10	4/1			
GEN.	-a	95/85	31/26	-	2,44	97,56
	-ij-a	88/75	60/54			
	-e	6/4	1/1			
DAT.	-u	42/42	19/19	-	-	100,00
	-ij-u	28/22	27/21			
AKU.	-o	89/86	30/27	-	1,78	98,22
	-e	30/27	15/15			
	-j-e	1/1	1/1			
	-ij-e	120/107	71/63			
	tip <i>imja</i>	7/4	2/1			
VOK.	-o	4/4	3/3	-	-	100,00
LOK.	-u	40/39	19/19	93,06	6,94	-
	-ij-u	30/28	27/25			
	-ij-i	5/5	5/5			
	-š	1/-	1/-			
INS.	-om, -em	26/25	17/16	-	-	100,00
	-j-em	2/2	2/2			
	-ij-em	42/33	36/30			

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	67	23	711	801
%	8,36	2,87	88,77	100,00

3.1.5.2. Množina

Primeri i napomene

Ном.: доказателства 49, существа 32, сердца 57' и sl.; благо-
получія 33, основания 43, размышления 51 и sl.; дрѣвеса 73',

15, небеса 60', чудеса 60'; времена 27.

Gen.: блаженствѣ 43, солнцець 60', 72', отъ Усть 41 i sl.;
дrevесь 2, 14, 62', небесь 76, очесь 10, 86; беззаконій
49, 76, бѣдствій 40, созданий 2 i sl.; на много мѣста 14.
Glagolska imenica u primeru 12. раздѣленія 82(x2) pred-
stavlja tipičan slavenosrbizam - iza ruskoslovenskog -enij-
Stojković upotrebljava nastavak -a koji pripada narodno-
jezičkom sloju.

Dat.: Pored nastavka -om, javlja se dva puta i nastavak sa
finalnim -am, u analogiji prema imenicama ženskog roda:
казнь ... своимъ дѣломъ сходную 16; къ препрїятїямъ 29,
чувствованїямъ 51.

Imenice stare s-osnove imaju dosledno ruskoslovenski na-
stavak -em:

къ небесемъ 59, очесемъ 3(x2), I' (89), тѣлесемъ 70,
чудесемъ 30.

Fregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-a	30/24	19/16	-	-	100,00
	-ij-a	19/17	14/13			
GEN.	-∅	30/25	14/13	7,89	92,11	-
	-ij-∅	12/10	8/8			
	-ij-a	2/2	1/1			
	-a	1/1	1/1			
DAT.	-om, -em	7/6	5/5	-	25,00	75,00
	-ij-am ⁴⁴	2/2	2/2			
AKU.	-a	44/37	20/16	-	-	100,00
	-ij-a	27/26	19/19			
LOK.	-ěh	1/1	1/1	15,38	84,62	-
	-ah	8/7	7/7			
	-ij-ah	4/2	4/2			
	-ij-am ¹	1/1	1/1			
	-i ⁴⁵	2/2	2/2			
INS.	-i	10/8	8/6	-	52,94	47,05
	-am ¹	3/3	2/2			
	-ij-am ¹	6/6	4/4			

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	5	57	118	180
%	2,78	31,67	65,55	100,00

Akuz.: блага 13, 71, на колѣна 2, 64, свойства 3, 53, 81 i sl.;
 въздыханія 84, предпріятія 14, 38, увеселенія 34 i sl.;
 на небеса 72', надъ небеса 62', у очеса 87, очеса 62',
 тѣлеса 40, 67, 81, чудеса 73'; времена 4, 24, 27, 39.

Lok.: Ovaј радеж пружа најшаренију слику u овој парадигми.
 Pored ђуванја crkvenoslovenskog nastavka -*eh* u primeru
 во ... дѣлѣхъ 13, dolaze nastavci -*ah*, -*ami* i, pod
 uticajem instrumentala, nastavak -*i*:

у вѣжествахъ 21, въ ... лѣтахъ 86, на ... мѣстахъ 26
 i sl.; у ... предпріятіяхъ XVIII (96), въ размышленіяхъ
 XIV (102), у ... сновиdѣніяхъ 29; у ... нещастіяхъ 69;
 на колѣни 60, у ... колици 21; у беззаконіями 76.

Instr.: U instrumentalu imamo gotovo podjednaku upotrebu
 nastavka -*i* i nastavka -*ami*:

предъ враты 27, дѣлы 16, крыли 1, лѣты 56'; за дресесы 15,
 очеси 44 али словы 38; писмены (naslovna strana);
 царствами 31, чувствами 83, 84; дарованіями 70, рассуdже-
 ніями 27, слѣдствіями 17, 18, 47, понятіями 53.

3.1.5.3. Dual

Kao kod reči *rika* (v. u tački 3.1.2.3), Stojković upo-
 trebljava i kod reči *oko*, odnosno *oko* dvojinke i množinske
 oblike paralelno:

Nom.: очи мое 18, очи его 84, Овдетьесе теби очи разума от-
 ворити: 17, ... зецу дароване есу ... отворене очи у сну
 ... 69, ... юноша, ... коего очи ... 46, Совуляги каковесу
 очи, ... датъ? 69.

Gen.: ... изъ предъ очію кандора изчезнетъ. Изчезнетъ изъ предъ
 очію его ... 85 pored до нашихъ очесъ 10, съ очесъ моихъ 86.

Dat.: ... дреса ... очима далше зрѣніе пресъцаху. 15,
 ..., всюдуму се очима представляеть ... благость: ... 70,
 ... кора токмо очима представляется. 2, ... два реда кеd-
 ровъ ... очимасе представе, ... 15 pored ... коисе очесемъ
 као точке представляють, ... 3, Колико животныхъ нейма

очесемъ нашимъ невидимыхъ? 3, Твоимъ ... есть очесемъ ...
покрывено. 1^a (89); Воздухъ ... гласъ ... къ его восхищенымъ
ушиа доношаше. 16.

Akuz.: за наше очи 13(x2), ... я сада очи мое обращаю! 51,
... да окренемо очи наше ... 69 i sl. (ukupno 16x) pored
... благость твоя у очеса всѣхъ уходитъ 87, Къ зиждигителю
двигни выспрь ума твоего очеса. 62^a; ... овому [= ovo mu]
воздухъ у уши донесеть ... 12.

Lok.: Кто ... слѣпоту на очима има ... 40.

Instr.: Кандоръ ... неотвратными очима гледаше. 84, Ясамъ ...
то моимъ очима самъ видѣо, ... 45 pored Тамотъемо ... много
... умными очеси видѣти. 43 i dalje.

Tendencije

a) Padežni sinkretizam u dat., lok. i instr. množ. sva tri
roda nije zastupljen u većoj mjeri kako se iz pregleda padežnih
oblika vidi: 46

NASTAVAK	DATIV				LOKATIV				INSTRUMENTAL			
	m	s	ž		m	s	ž		m	s	ž	
			-a	-ŕ			-a	-ŕ			-a	-ŕ
-om, -em	10	7	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
-(ij)am	-	2	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-(ij)ami	-	-	-	-	1	-	-	-	9	4	-	-
-mi	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
-ima	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
-ma	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
-ama	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-
-i	-	-	-	-	2	2	-	-	6	10	1	-
-(ij)ah	-	-	-	-	12	7	-	-	-	-	-	-
-eh	-	-	-	-	-	-	6	-	-	-	-	-
-ŕh	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-

Kao isti nastavak u raznim padežima dolazi samo *-ami* (u lok. i instr. sr. r.) i nastavak *-i* (u lok. i instr. m. i sr. r., primer instr. ž. r. ima, kako smo videli, metričke razloge). Pošto je ovaj drugi sinkretizam nastao fonetskim putem (*-ih>-i* i *-y>-i*)⁴⁷, ostaje kao sinkretizam na morfološkom planu samo onaj do koga je došlo preko, samo jedne, upotrebe nastavka *-ami* u lok. sr. r. Ipak, već postoji temelj za sinkretizam na bazi proširenja oblika dat., odnosno instr. nekadašnjeg duala - prodor nastavaka *-ama* i *-ma* u lokativ u kojem upotreba ovih nastavaka ne predstavlja čuvanje starog stanja.

b) U gen. množ. sva tri roda Stojković upotrebljava nastavak -a narodnog jezika samo u 6 ili 5,94% od ukupno 101 primera u glavnom tekstu. Van glavnog teksta dolaze isključivo nastavci u duhu ruskoslovenskog jezika.

3.2. Pridevi

3.2.1. Pridevi muškog roda

3.2.1.1. Jednina

3.2.1.1.1. Pridevi određenog vida

Pregled paradigme⁴⁸

PAD.	NASTAVAK	B R O J		% ±NAR.		
		OBLIKA	LEKSEMA	+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	-i ⁴⁹	105/88	81/70	-	-	100,00
GEN.	-ago	58/55	43/42	-	100,00	-
DAT.	-omu/-emu ⁵⁰	20/14	18/12	5,67	-	93,33
	-om	1/1	1/1			
AKU.	-i	68/65	55/52	-	-	100,00
	-ago	9/8	9/8	-	100,00	-
VOK.	-i	14/8	10/6	-	-	100,00
LOK.	-om/-em	9/9	7/7	59,09	-	40,91
	-omu/-emu	12/12	12/12			
	-ëm	1/-	1/-			
	-im	1/1	1/1			
INS.	-im	39/37	35/34	-	-	100,00

OBLICI	U K U P N O			
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	14	63	221	298
%	4,70	21,14	74,16	100,00

Primeri i napomene

Nom.: Беззаконный 47 (imen. funk.), внѣшний видъ 69, младый Кандоръ 1; другій ... животь 49, высочайшій умъ 69, Хотѣвшій Кандоръ 4 i sl.

Gen.: U genitivu, odnosno u akuzativu, dolazi isključivo nastavak -ago:

изъ великаго ... града 20, отъ прѣблагаго эждителя 85, до драгоценѣнѣшаго камена 32 i sl.

Dat.: Stojković upotrebljava u dativu pretežno duži nastavak

-*omi/-emi*, a svega jedanput kraći oblik na *-om*, što predstavlja jednačenje prema lokativu:

благородному господину II (90), всаженому закону 23, къ свѣту умному 79 i sl.; общему ... концу X (98), тысяще-годишнему расту 82 — плашливомъ зецу 89.

Akuz.: взоръ веселый 60³, красный угледь 4, округлый образъ 70, днешній день 9, на найвящій степень 52, свѣтляційа храмъ 82 i sl.

Vok.: о Божественный муже! 22, Человѣче гордый ты! 62³, пре-небесный отче! 74³, о всеблагій! 64, 80 i sl.

Lok.: U lokativu postoji odstupanje od upotrebe nastavka *-om/-em* u dva pravca - izjednačavanje sa dativom (nastavak *-omi/-emi*) i izjednačavanje sa instrumentalom (nastavak *-im*), a jedanput Stojković upotrebljava i crkvenoslovenski nastavak *-em*:⁵¹ на великомъ ... океану 69, у другомъ дому 10, у посаженомъ вертограду 16 i sl.; о наименшемъ прашку 72, при послѣднемъ ... удару 68, на свѣтлѣйшемъ престолу 26 — на ... кругу земному 80, у другому союзу 53, у маловременому ... животу 50 i sl. — у najlepшимъ сну 81 — во деничнѣмъ зраце 60.

Instr.: ходомъ величественнымъ 5, высокимъ разумомъ 53, живымъ пламенемъ 17 i sl.

3.2.1.1.2. Pridevi neodredenog vida

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		%		
		OBLIKA	LEKSEMA	+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	-Ø	61/56	49/45	-	-	100,00
GEN.	-a	7/7	7/7	-	-	100,00
DAT.	-	-	-	-	-	-
AKU.	-a	9/8	8/7	-	-	100,00
LOK.	-u	1/1	1/1	-	-	100,00
INS.	-	-	-	-	-	100,00

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	-	-	72	72
%	-	-	100,00	100,00

Primeri i napomene

Pored žire upotrebe u nominativu (isključivo u predikativnoj funkciji), Stojković upotrebljava neodređene oblike prideva u genitivu i akuzativu (za živo) i samo jedanput u lokativu.

Nom.: тыси великъ 13, да я ... задоволенъ будемъ 22, да ...

разумень, честенъ и благополученъ будетъ 87(x2) i sl.

Gen.: Онъ бѣше струка дивна 5, Внутреня дакле человѣка (душевна, духовна, разумна) два конца быти долженствуютъ. 34(x2), малена часть ... уходяща свѣта 41, Два служителя у бѣде ... одежде облечена 17.

Akuz.: ..., да онъ себе тогда за благополучна держить ... 46, онъ себе щастлива почиташе 41, онъ себе ограничена видѣти 35 i sl.

Lok.: у чреву матерню 86.

3.2.1.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-i	58/45	56/44	-	-	100,00
GEN.	-ih	32/24	26/18	-	-	100,00
DAT.	-im	21/18	13/11	-	-	100,00
AKU.	-ija	7/1	4/1	78,95	21,05	-
	-ih	4/3	4/3			
	-e	15/15	14/14			
VOK.	-i	1/1	1/1	-	-	100,00
LOK.	-iml ⁵²	1/1	1/1	-	-	100,00
INS.	-iml	11/8	10/7	-	-	100,00

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	15	4	97	116
%	12,93	3,45	83,62	100,00

Primeri i napomene

Nom.: бистроструйны потоцы 61¹, мрачны ... облаки 59, прочи ... люди 22, другии ... мудрецы 24, блаженнѣйшии часи 43 i sl.

Gen.: высочайшихъ кедровъ 28, изъ гвозденыхъ сна 2, отъ другихъ

36 i sl.

Dat.: ... подлежить естественнымъ вѣчнымъ и непремѣннымъ закономъ, ... 78, всѣмъ ... хотящимъ 25, смертнымъ 39, 40, 63³, 80, 83 (uvek u imeničkoj funkciji) i sl.

Akuz.: Najšareniju sliku u ovoj paradigmi pruža akuzativ. Sa jedne strane čuvaju se nastavci u duhu ruskoslovenskog jezika -ija za označavanje neživog (jedanput i živog) i -ih za živo. A sa druge strane imamo nastavak -e koji služi za označavanje i živog i neživog. Pri tome dolazi nastavak -ih samo kod prideva u imeničkoj funkciji, a nastavci -ija i -e javljaju se i kod prideva u imeničkoj funkciji i kod onih u atributivnoj funkciji:

вѣчныя законы 62¹, вѣчныя вѣцы 57¹, вѣчныя ... предѣли 69, неизмѣрн'я ... шары 62², различныя способы х (98), ..., дабы жалостію отягошенныя утѣшили, ..., и всѣхъ читающихъ большими сотворили, ... XI (99), смертныхъ 38, насъ за облакомъ стоящихъ 10 — чрезъ разумне и добродѣтелне люде 28, чрезъ нѣке ложне мудреце 24, за насъ смертне 2, 12; престоле вѣчне 9, вопросе различне 21, смутне погледе 46 i sl.

Vok.: O смертніи! 43.

Lok.: Jedini primer predstavlja jednačenje prema instrumentalu koje obuhvata celu paradigmu:

по высокими кадри 59.

Instr.: ... между чистими души, между блаженными человекѣи ... 53(x2), ... створи ихъ всѣхъ добрыми, благо и добродѣтельными ... 38(x2), малыми вѣтры 82 i sl.

3.2.2. Pridevi ženskog roda

3.2.2.1. Jednina

Primeri i napomene

Nom.: Crkvenoslovenski nastavak -aja dolazi u primerima koji po svojoj fonomorfološkoj strukturi, po kontekstu u kojem se nalaze ili po semantici, pripadaju ruskoslovenskom jezičkom sloju:

внѣшная сѣйность XII (100), всегдашняя должность XI (99), вѣчная жизнь 33, вѣчная младость 84 pored вѣчна ... брань 10, 57¹, малая ... часть 86, чистая истина 30 i sl. — друга власть 37, зелена шума 51, права добродѣтель 37, 58 i sl.

Gen.: истины безконечныя 67, дивныя природы 19, горнія твердыни

61', отъ ... прочныя совѣсти 50 i sl. — изъ подъ земне пеще-
рице 79, до саме землѣ 5, до ... уединене пещере 4, две
части ... различне, и ... противне 33 i sl.

Iz navedenih primera vidi se da Stojković ima kongruenciju
u sintagmi između pridevskih i imeničkih nastavaka u odnosu
na jezički sloj. Ako se upotrebljava nastavak *-e* narodnog
jezika kod imenice, isti taj nastavak dolazi i kod prideva.
U primerima gde imenica ima ruskoslovenski nastavak *-i*,
dolazi i odgovarajući pridevski nastavak *-ija*.

Dat.: Distribucija nastavaka *-ej* za meke osnove i *-oj* za tvrde
osnove odgovara stanju u ruskoslovenskom jeziku. Jedanput
se upotrebljava crkvenoslovenski nastavak *-ěj*:

..., да се менша вѣщшей, неблагороднѣя благороднѣй пока-
раетъ. 36; прекрасной ружи 53, и одной и другой страны XV
(103) i sl. — ... и вселеннѣй силнѣ даетъ, вѣчныя законы
онѣ. 62' pored въ вселенной 43, по вселенной 58.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	%	
		OBLIKA	LEKSEMA		-NAR.	±NAR.
NOM.	-aja ⁵³	11/7	10/6	-	6,93	93,07
	-a	101/94	86/82			
GEN.	-ija	13/10	11/8	50,00	50,00	-
	-e	10/10	9/9			
DAT.	-ěj	1/-	1/-	-	50,00	50,00
	-ej	2/2	2/2			
	-oj	6/2	3/2			
AKU.	-uju	10/6	8/6	-	9,84	90,16
	-u	60/55	46/43			
VOK.	-a	2/2	2/2	-	-	100,00
LOK.	-ej	2/2	2/2	-	6,45	93,55
	-oj	30/29	23/22			
INS.	-eju/-oju	6/5	6/5	73,68	26,32	-
	-om	14/14	14/14			

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	24	32	182	238
%	10,08	13,45	76,47	100,00

Akuz.: великую точность XV (103) поред велику ... радость 21, велику часть кругообращения 39; казнь ... сходную 16 поред сходну ... казнь 47, малѣйшую ... искру 66 i sl. — жалостну пѣсню 51, смертну ... блѣдноту 46, у танкогласну фрулу 7 i sl.

Vok.: O дивна ... страно 19, O утѣшительна ... мысль! 75.

Lok.: o ... истины ... полѣзнейшей, и нужнейшей 49 i dalje. у гоненой добродѣтели 49, на мраморной стѣны 38, при вечера простой 20 i sl.

Instr.: U svim sintagmama u kojima pridev ima nastavak *-oju/-eju*, i kod imenice dolazi ruskoslovenski nastavak *-oju/-iju*. Nastavak *-om* narodnog jezika kod prideva dolazi u većini primera paralelno sa odgovarajućim imeničkim nastavkom *-om* a tri puta i sa ruskoslovenskim imeničkim nastavkom *-iju*:

съ благородною равностію VII (95), богаток ... силою 23, утреннею ... молитвою 4 i sl. — гвожденомъ рукою 46, со снопричинающомъ ... одеждомъ 1, упалѣномъ свѣщомъ 26 i sl.; вѣчномъ зеленостію 4, незаслуженомъ благостію 8, ношномъ кладностію 8.

3.2.2.2. Множина

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-ija	1/1	1/1	96,97	3,03	-
	-i	1/-	1/-			
	-e	32/32	30/30			
GEN.	-ih	27/18	24/16	~	~	100,00
DAT.	-im	2/2	1/1	~	~	100,00
AKU.	-ija	5/1	4/1	97,22	2,78	-
	-e	35/35	30/30			
VOK.	-	-	-	-	-	-
LOK.	-ih ⁵⁴	8/5	7/5	~	~	100,00
INS.	-imi	7/5	7/5	~	~	100,00

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	67	2	30	99
%	67,68	2,02	30,30	100,00

Primeri i napomene

Nom.: Pored uobičajenog nastavka narodnog jezika -e, Stojković upotrebljava dva puta ruskoslovenski nastavak -*ija* i jedan-put nastavak -*i* u duhu ruskog jezika:

благодатне ... луче 10, крѣпке ноге 70, смущене ... главе 66 i sl. — красныя ... лучи 13, многія ... вещи XI (99) — Овакова истина и еще таковихъ нѣколико, ... у книжицы сей предложени суть. XII (101).

Gen.: изъ долинь глубокихъ 28, отъ противныхъ сѣтей 56¹, отъ сильныхъ и поразительныхъ ... рѣчей 5 i sl.

Dat.: прочимъ звѣздамъ 4, ... о одной истини ..., коя всѣмъ прочимъ за основаніе служить. 30.

Aku.: на друге стране 9, за нове ... крѣпости 29, за обще ... старѣйшине 18 i sl. — жалостныя пѣсни 59, потайныя ... причины XIII (101), Должность ову — якоже и прочія — не-могутъ вси ... исполнявати. X (98), проч'я твари 63¹.

Lok.: U lokativu i instrumentalu se upotrebljava isključivo nastavak -*ih*, odnosno -*imi*:

у густыхъ ... шумахъ 19, о наукахъ ... просвѣщающихъ 9, при наименшихъ вещехъ XIII (101) i sl.

Instr.: златными звѣздами XIII (101), слаткими ... речми 5, съ прочими тварми 50 i sl.

3.2.2.3. Dual

Stojković paralelno upotrebljava dualske forme (nastavak -*ima*) i množinske forme (nastavak -*imi*) i kod prideva, odnosno kod participa u pridevskoj funkciji. Našli smo samo primere za instrumental:

..., кой на колѣни лежеть, съ рукама къ небу двигнутима говораше. 60, Кандоръ ... у старца неотвратныма очима гледаше. 84 pored Вояка ... травка ... тебе ... персима благодаренія полными хвалить. 3, ... ничто трепещущими руками прихватити не можетъ; ... 46.

3.2.3. Pridevi srednjeg roda

3.2.3.1. Jednina

3.2.3.1.1. Pridevi određenog vida

Primeri i napomene

Nom.: великое ... благоволеніе XII (100), великое дѣло VII (95) pored велико езеро 41; вѣчное шествіе 48, Вѣчное теченіе 41

- pered вѣчно правило 47 али і вѣчно кругообращеніе 53; величайшее нещастіе 49 (akuz.) pored Величайше добро 85 і sl.
- Gen.: до желаемаго пристанища 11, отъ мудраго употребленія 30, изъ сердца ... полнаго 6 і sl.
- Dat.: цѣлому челоуѣчеству 50, къ одному ... существу 69, собственному размышленію 39; къ ... блаженнѣйшему ... существу 69, къ вчерашнему мѣсту 29, общему чтенію XI (99) і sl.
- Akuz.: сходное ... награжденіе 47 pored сходно ... благополучіе 74; цѣлое естество 33 pored цѣло вече 20; точнѣйше огласіе 75, у вящеее совершеніе 36 і sl. — на ... глубочайше ... дно 76, у огласіе точнѣйше 47, далше арѣніе 15 і sl.
- Vok.: Благое естество! 51, о всеблагое небо! 29 — сладчайше чадо мое! 50.
- Lok.: U lokativu je kod 11 primera došlo do izjednačavanja sa dativom, dakle do upotrebe dužeg nastavka *-omu/-emu*, dok u većini primera dolazi kraći nastavak *-om/-em*:
- у великомъ ... почитанію 18, у всякомъ отношенію 48, у долгомъ времену 45 і sl.; при последнемъ ... издыханіи 58, на цвѣтущемъ ... лицу 84 — по нечисленому гоненію 25, у смертному тѣлу 85, у ... уединенному обиталищу 10 і sl.; у точнѣйшему саразмѣренію 70.
- Instr.: вѣчнымъ покриваломъ 2, отеческимъ сердцемъ 17, сильнымъ удивленіемъ 72 і sl.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		%		
		OBLIKA	LEKSEMA	+NAR.	-NAR.	+NAR.
NOM.	-cje/-eje	35/27	31/26	-	19,85	80,15
	-o/-e	133/109	90/77			
GEN.	-ago	59/50	42/34	-	100,00	-
DAT.	-omu/-emu	33/30	25/22	-	-	100,00
AKU.	-cje/-eje	36/33	31/29	-	39,29	60,71
	-o/-e	54/51	39/37			
VOK.	-oe	2/2	1/1	33,33	66,67	-
	-e	1/1	1/1			
LOK.	-om/-em	17/17	15/15	39,29	-	60,71
	-omu/-emu	11/11	9/9			
INS.	-im	28/27	28/27	-	-	100,00

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	12	112	234	358
%	3,35	31,29	65,36	100,00

3.2.3.1.2. Pridevi neodređenog vida

Našli smo samo dva participa u pridevskoj funkciji u dativu:
 ... въ неизмѣрности сѣдѣщу и о пылъ ... всящѣй бдѣщу Существу
 предстанни там'. 62³.

3.2.3.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	%-NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
NOM.	-aja	5/4	4/3	-	12,50	87,50
	-a	34/28	28/24			
GEN.	-ih	18/17	14/14	-	-	100,00
DAT.	-im	2/2	2/2	-	-	100,00
AKU.	-aja	12/10	9/7	-	30,30	69,70
	-a	24/23	21/20			
VOK.	-	-	-	-	-	-
LOK.	-ih	8/7	8/7	-	-	100,00
INS.	-imi	15/14	15/14	-	-	100,00

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	-	14	91	105
%	-	13,33	86,67	100,00

Primeri i napomene

Nom.: U nominativu i u akuzativu Stojković upotrebljava i kraći i duži oblik s napomenom da se duži oblik u akuzativu znatno češće javlja (kod 31,43% svih primera) nego u nominativu (samo 12,82%):

безчисленна небеса 60¹, блаженая ... слѣдствія 17, чистшая понятія 43 i sl. — красна ... позорища 21, небесна ... светила 81, душевна ... свойства 81 i sl.

Gen.: вѣчныхъ благъ 49, отъ ... домашнихъ обстоятельствъ 50, отъ усть старческихъ 41 i sl.

Dat.: къ ... восхищениѣмъ ушима 16, тѣлесемъ небеснымъ 70.
Akuz.: вѣчная слѣдствія XIII (101), прочая ... правила 36,
благая помышленія, благая предпріятія! 38(x2) i sl. —
чрезъ густолиственна древа 40, мила склоненія 48, предивна
... орудія 3 i sl.
Lok.: въ нѣжныхъ младеническихъ лѣтахъ 86, у прекрасныхъ сно-
видѣніяхъ 29, у различныхъ обстоятельствахъ 33 i sl.
Instr.: со глубочайшими нѣжкими и ... вразумительными рассу-
женіями 27, златыми словы 38, умными очеси 44 i sl.

Tendencije

a) Upadljivo je često javljanje dužih nastavaka u nom., akuz. i vok. jedn. ž. i sr. r. i u nom. i akuz. množ. sr. r. Stojković upotrebljava u navedenim padežima dvosložne nastavke kod prideva u atributivnoj funkciji u 109 ili 31,41% od ukupno 347 primera. U nom., akuz. množ. ž. i akuz. množ. m. r. gdje razlika između narodnog i crkvenoslovenskog, odnosno ruskoslovenskog nastavka nije u opoziciji sažimanje - nesažimanje jednog nastavka (-aja > -a i sl.), već je u upotrebi ili jedan ili drugi nastavak (-e ili -ija), ruskoslovenski nastavak se upotrebljava znatno ređe (u 13 ili 14,61% od ukupno 89 primera).

b) U gen., odnosno akuz. jedn. m. i sr. r. dosledno dolazi nastavak -ago.

c) Izjednačavanje između dat. i lok. jedn. m. i sr. r. nalazimo u 24 ili 22,86% od ukupno 105 primera i to, sa jednim izuzetkom, u pravcu dužeg, to jest nastavka dativa -omu/-emu.

d) Za razliku od imenica, kod prideva nema, osim samo jednog primera u kojem u lok. dolazi nastavak -imi umesto očekivanog -ih, nikakvih tendencija za padežni sinkretizam u dat., lok. i instr. množ.

3.2.4. Komparativ i superlativ

Komparativ

Stojković upotrebljava komparativ prideva i priloga koji se tvori pomoću:

a) sufiksa -ij- i -j-

-ij-: ... разумни, праведни, милостивіи ... совершеніи ... 14,
добродѣтелині 71 поред добродѣтелиніи XI (99), мудріи 71
поред мудршіи XI (99), радіи 21, старіи 52, праведніи 71,
истинитію 26, неблагородніа 36, благородніей 36.

-j-: ближе 26, 30(x2), 51, 70, выше 16, 20, 21(x2), (36x),
 выше 15, даль 77;

b) sufiksa -š-: 55

лагше 31 pored легше 50; кратшимъ 27; честше 10 pored
 частше 58³; дальше 4, 7, 15(x2), (12x), дальшему 74; болше
 31, 33, 44, болшими XI (99); достоиншему VII (95), любве-
 достоинше XIII (101); вящій 3, 37, вящшему 43, вящше XIII
 (101) i sl.; менше 19, 46, 76, 82.

Superlativ

a) Najčešće dolazi superlativ u ruskoslovenskom obliku, dakle
 sa sufiksom -ějš-, odnosno -ajš-:

-ějš-: благороднѣйша 53, главнѣйшу 44, нещастнѣйшій 45 i sl.;

-ajš-: блажайшаго 72, величайше 85, глубочайше 76 i sl.

b) Oblike sa morfemom naj- Stojković upotrebljava:

1) sa komparativom narodnog jezika:

найчистіе 66, најсильніе 39, најлепшимъ 81, најближе 23;

2) sa oblikom komparativa koji pripada ruskoslovenskom sloju:

најменшаго 32, најхудшаго 32, највящій 52, најболше 22,
 46, 51, 52 i sl.

Tri puta dolazi prefiks pre-, odnosno vse- za poja-
 čavanje superlativa:

премудрѣйше 72, прекраснѣйшу 16, всеовершенство 67.

Upotreba raznih oblika komparativa i superlativa ima
 ovakav izgled:

K O M P A R A T I V				S U P E R L A T I V			
-ij-/-j-		-š-		-ějš-/-ajš-		naj-	
OBLI.	LEKS.	OBLI.	LEKS.	OBLI.	LEKS.	OBLI.	LEKS.
59/59	12/12	47/40	10/9	81/78	42/41	17/16	8/8

Pregled u odnosu na jezičku pripadnost:

O B L I C I		+NAR.	-NAR.	±NAR.*	укупно
KOMPARATIV	broj ⁵⁶	18	39	42	99
	%	18,18	39,39	42,43	100,00
SUPERLATIV	broj	16	78	-	94
	%	17,02	82,96	-	100,00
UKUPNO	broj	34	117	42	193
	%	17,62	60,62	21,76	100,00

*Samo oblici bliže i više

3.3 Zamenice

3.3.1. Lične zamenice

3.3.1.1. Prvo lice

3.3.1.1.1. Jednina

Pregled paradigme

PAD.	FUN OBLIK		ENKL. OBLIK		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
NOM.	ja	$\frac{100}{91}$	-	-	-	-	100,00
	az	3/-					
GEN.	mene	3/3	-	-	-	-	100,00
DAT.	meni	15/13	mi	$\frac{19}{15}$	46,43	-	53,57
	mñě	3/-					
AKU.	mene	26/24	me	3/3	9,37	15,63	75,00
			mja	6/5			
LOK.	meni	2/2	-	-	100,00	-	-
INS.	мном	2/2	-	-	50,00	50,00	-
	мноју	2/2					

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	20	7	133	160
%	12,50	4,38	83,12	100,00

Primeri i napomene

Nom.: Я 3, 4(x2), 9(x2), (100x).

Sva tri primera u duhu crkvenoslovenskog jezika javljaju se u poeziji: ... язь то узрю, ... 56³, Како да тя поу азъ, ... 72³, Камо нибудь позрю азъ, ... 73¹.

Gen.: отъ мене 21, 69, около мене 3.

Dat.: мени 3, 4, 9(x2), (15x); ми 20, 21(x3), 22(x3), (19x).

Crkvenoslovenski oblik opet dolazi u poeziji, odnosno u posveti: Ты ... еси мнѣ покориль вся. 63³, Любовь ко мнѣ вѣчную, ... 72¹, ... господину мнѣ высокопочитаемому. II (90).

Akuz.: мене 20(x3), 21(x5), 22(x2), (26x); ме 20, 21, 64.

Oblik *mja* Stojković upotrebljava u ruskoslovenskom kontekstu i to dva puta sa predlogom: ... не будетъ за мя свѣтъ; ... 57¹, ... сей радостный за мя день. 80, ... по-

КРЪПИ МЯ СИЛОЮ ТВОЕЮ! 14 i sl.

Lok.: О МЕНИ 86, ПРИ МЕНИ 28.

Instr.: ПРЕДА МНОМЪ 21, СА МНОМЪ 11; ... ЕДИНЬ ТОКМО МНОЮ
ПОЛЗУЕТСЯ 86, НАДО МНОЮ 29.

3.3.1.1.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	PUN OBLIK		ENKL. OBLIK		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
NOM.	mi	45/44	-	-	-	-	100,00
GEN.	nas	10/8	-	-	-	-	100,00
DAT.	nam ⁵⁷	20/16	-	-	-	-	100,00
	nam1	1/1					
AKU.	nas	33/31	-	-	-	-	100,00
LOK.	nam1	3/3	-	-	25,00	-	75,00
	nas	1/-					
	nama	1/1					
INS.	nam1	1/1	-	-	-	-	100,00

OBLICI	У К У П Н О			
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	1	-	104	105
%	0,95	-	99,05	100,00

Primeri i napomene

Nom.: МЫ 3, 15, 20, (45x).

Gen.: ОКОЛО НАСЪ 13, КОДЪ НАСЪ 20, 27, ИЗВАНЪ НАСЪ 67 i sl.

Dat.: Pored uobičajenog *nam* dolazi jedanput i oblik *nam1* kao rezultat jednačenja sa instrumentalom:

НАМЪ 11, 13, 24, (20x); КЪ НАМИ 20.

Akuz.: ЗА НАСЪ 2, 12, НАСЪ 10(x2), 12 i sl.

Lok.: Pored oblika *nam1* koji je rezultat jednačenja sa instrumentalom, dolazi i po jedan primer u duhu narodnog i crkveno-slovenskog jezika:

У НАМИ 13, 42, 77; У НАМА 67; ВЪ НАСЪ 57⁷.

Instr.: ПРЕДЪ НАМИ 10.

3.3.1.2. Drugo lice

3.3.1.2.1. Jednina

Pregled paradigme

PAD.	PUN OBLIK		ENKL. OBLIK		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
NOM.	ti	49/49	-	-	-	-	100,00
GEN.	tebe	2/2	-	-	-	-	100,00
DAT.	tebē	2/1	ti	4/2	80,95	4,76	14,92
	tebi	18/17					
AKU.	tebe	19/19	te	3/3	13,04	4,35	82,61
			tja	2/1			
VOK.	ti	4/1	-	-	-	-	100,00
LOK.	tebē	1/1	-	-	83,33	16,67	-
	tebi	5/5					
INS.	toboju	1/1	-	-	80,00	20,00	-
	tobom	4/4					

OBLICI	U K U P N O			
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	29	4	71	104
%	27,88	3,85	68,27	100,00

Primeri i napomene

Nom.: Ты 3, 4(x2), 5, (49x).

Gen.: отъ тебе 80, 86.

Dat.: ... разумъ къ тебѣ влечеть, ... 73, ... у истинахъ тебѣ сказаныхъ ... 80 — теби 8, 9, 17, (12x), къ теби 13(x2), 28, 30, (6x).

Akuz.: Благодарю тя за вся радости ... 28, Како да ты пою азъ, ... 72' — тебе 3(x2), 11, 13, (19x); те 17, 71, 85.

Vok.: А ты Боже! 37, о Ты ... 63', ... ты о всеблагій! 64 i sl.

Lok.: ... учини да о тебѣ мыслимъ, ... 14. U ovom se primeru vidi da se crkvenoslovenski nastavak može javljati i u kontekstu koji pripada narodnojezičkom sloju. — у теби 51(x2), 52, 71, 86.

Instr.: ..., что тобою жизнь свою имѣеть. 86 — за тобомъ 76, надъ тобомъ 76, предъ тобомъ 11, съ тобомъ 76.

3.3.1.2.2. Множина

Primeri i napomene

Nom.: вы 54, VI (94), вы V (93), вы VII (95), VIII (96).

Dat.: Вамъ V (93), VII (95), VIII (96), IX (97), вамъ IV (92), VIII (96).

Akuz.: ваць 54, ВАЦЬ VIII (96), на Ваць VI (94).

Pregled paradigme

PAD.	PUN OBLIK		ENKL. OBLIK		% ±NAR.		
					+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	vi	5/-	-	-	-	-	100,00
GEN.	-	-	-	-	-	-	-
DAT.	vam	5/-	-	-	-	-	100,00
AKU.	vas	3/1	-	-	-	-	100,00
VOK.	-	-	-	-	-	-	-
LOK.	-	-	-	-	-	-	-
INS.	-	-	-	-	-	-	-

OBLICI	U K U P N O			
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	-	-	1	1
%	-	-	100,00	100,00

3.3.1.3. Treće lice

3.3.1.3.1. Jednina

Pregled paradigme muškog i srednjeg rođa

PAD.	PUN OBLIK			ENKL. OBLIK			% ±NAR.		
	oblik	m.	s.	obl.	m.	s.	+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	on, ono	97 87	13 13	-	-	-	-	-	100,00
GEN.	(n)jego	6 6	-	-	-	-	40,00	60,00	- m
	něga	4 4	4 4	-	-	-	100,00	-	- s
DAT.	(n)jemu	21 19	1 1	mu	21	-	54,76	45,24	- m
	němu	3 2	1 1		21	-	50,00	50,00	- s
AKU.	(n)jego, je	6 6	1 1	ga	8 8	1 1	64,71	35,29	- m
	něga	3 3	1 1	nj	1 -	-	66,67	33,33	- s
LOK.	njem	1 -	-	-	-	-	100,00	-	- m
	němu	3 3	-	-	-	-	-	-	-
INS.	njim	6 6	1 1	-	-	-	-	-	100,00 ^m _s

OBL.	U K U P N O							
	+NAR.		-NAR.		±NAR.		u k u p n o	
	m.r.	s.r.	m.r.	s.r.	m.r.	s.r.	m.r.	s.r.
broj	47	7	31	2	92	14	164	23
%	25,00	30,43	18,90	8,70	56,10	60,87	100,00	100,00

Primeri i napomene

Nom.: онъ 4(x2), 5(x2), 7, (97x) — оно 13(x2), 48, 53, (13x).

Gen.: Stojković piše i oblik bez inicijalnog *n*- i oblik sa *n*- iza predloga:

спротѣу его 7, прежде его 24, изванѣ его 44; отъ него 9, 24, безъ него 69; отъ нѣга 12, 82, близу нѣга 12, до нѣга 12 — изъ нѣга 13(x2), прежде нѣга 45, отъ нѣга 6.

Dat.: U dativu iza predloga ruskoslovenski oblik dolazi do- sledno sa inicijalnim *n*- a inače dolazi bez njega:⁵⁸

къ нему 41, 81, 82; ему 5(x2), 7, 14, (18x); нѣму 52, 80, къ нѣму 29; му 4, 12, 13, (21x) — ему 83, нѣму 75.

Akuz.: его 40, 81(x2), 82; у него 81, за него 12; нѣга 26, у нѣга 8, за нѣга 46; га 2, 12, 19, (8x); ... ополчився люто нанѣ. 58 — U srednjem se rodu jedanput javlja crkvenoslovenski oblik *ja*: Ты си э [sunce] опредѣлю, ... 13; у нѣга 32; га 48.

Lok.: въ немѣ 57¹; у нѣму 23, 51, 44 — /.

Instr.: съ нимѣ 20, 40, 58, XIII (101), предѣ нимѣ 14, 40 — надѣ нимѣ 33.

Pregled paradigme ženskog roda

PAD.	PUN OBLIK		ENKL. OBLIK		% ±NAR.		
					+NAR.	-NAR.	±NAR.
NOM.	она	40/38	-	-	-	-	100,00
GEN.	не	9/9	-	-	100,00	-	-
DAT.	(n)jej	15/14	-	-	-	100,00	-
	(n)ju	11/11	-	-	35,29	-	64,71
AKU.	nju	7/6	-	-	-	-	-
LOK.	njej	4/3	-	-	-	100,00	-
INS.	-	-	-	-	-	-	-

У К У П Н О				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	15	17	49	81
%	18,52	20,99	60,49	100,00

Primeri i napomene

Nom.: она 3, 5, 9, (40x).

Gen.: отъ нѣ 26, 76(x2), безъ нѣ 38; противъ нѣ 36 i sl.

Dat.: ей 6, 23, 36, (x7); къ ней 26(x2), 42(x2), 51(x2), (8x).

Akuz.: Ю 5, 23(x2), 26, (7x).

Sedam puta dolazi oblik sa inicijalnim *n*-u slučajevima gde nema predloga, dakle, u duhu narodnog jezika:

НО 27(x2), 35, 48, 70, 74, XI (99); ЗА НО 38, 14, 66, НА НО 5.

Lok.: О НЕЙ 49, 67, ВЪ НЕЙ XIII (101), у НЕЙ 74.

3.3.1.3.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	P U N oblik	O B L I K			EN.OBL.		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		m.	ž.	s.					
NOM.	oni, one, ona	$\frac{32}{28}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{1}{-}$	-	-	-	-	100,00m
GEN.	njih	$\frac{6}{5}$	-	-	-	-	-	-	100,00m
DAT.	(n)jim	$\frac{2}{2}$	$\frac{1}{-}$	-	-	-	-	-	100,00m
AKU.	(n)jih	$\frac{11}{11}$	$\frac{6}{4}$	$\frac{1}{1}$	-	-	8,33	-	91,67m
	njih	$\frac{1}{1}$	-	-	-	-	-	-	100,00 $\frac{m}{s}$
LOK.	njimi	-	$\frac{1}{-}$	-	-	-	100,00	-	- m s
	njima	$\frac{1}{1}$	-	$\frac{1}{1}$	-	-	-	-	-
INS.	njimi	$\frac{1}{1}$	-	-	-	-	50,00	-	50,00m
	njima	$\frac{1}{1}$	-	-	-	-	-	-	-

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	5	-	52	57
%	8,77	-	91,23	100,00

Primeri i paromene

Nom.: ОНИ 8, 13, 15(x2), (32x) — ОНЕ 12 — ОНА XII (100).

Gen.: СПРОТЬУ НИХЪ 36, ОТЪ НИХЪ XI (99), КОДЪ НЫХЪ 23, ОТЪ НЫХЪ 18, 26, 36 — / — /.

Dat.: ИМЪ 59, КЪ НИМЪ 39 — ИМЪ V (93) — /.

Akuz.: ИХЪ 13(x2), 16, 18(x2), (10x); у НИХЪ 26; НЫХЪ 37⁵⁹ — ИХЪ 25, 30, 36, (8x) — ИХЪ 36.

Lok.: ПО НЪИМА 66 — О НЪИМИ XIV (102) — у НИМА 37.

Instr.: СЪ НИМИ 26, ЗА НЪИМА 7 — / — /.

3.3.2. Lične zamenice svakoga lica

Primeri i paromene

Gen.: ОКОЛО СЕБЕ 14, 46, 83, (6x), ОТЪ СЕБЕ 25, 44, 68, (7x), ЖЕРТВОВАНІЕ САМОГА СЕБЕ 66 i sl.

Dat.: къ себи 20, 59 XIII (101), себи 3(x3), 7, 9(x2), (20x).

Akuz.: у себе 25, за себе 69, себе 1, 6, 14, (26x).

Enklitički oblik *sja* dosledno je spojen sa glagolom, dok je upotreba oblika *se* u skladu sa upotrebom u današnjem književnom jeziku:⁶⁰

пробудитѣся 2, представляется 2, простырашеся 5 i sl.;
Ятыусе ... приближавати ... 54, ... коликосе не морамо радовати, ... 44, вратитѣесе она 71(x2), 72, болятисе 76 i sl.,
..., да се не одоцнить ... 12, ... онъ се съ нимъ разговара ... 40, Я самъ се трудо ... 21 i sl.

Lok.: у себи 33, 40, 75, XII (100), на себи 3, о себи 28.

Instr.: предъ собомъ 4, 15, 71, съсобомъ 25, са собомъ 21 i sl.

Jedini primer koji pripada ruskoslovenskom jezičkom sloju dolazi u predgovoru:

со собою XIII (101).

Pregled paradigme

PAD.	PUN OBLIK		ENKL. OBLIK		+NAR.	% ±NAR.	
						-NAR.	
NOM.	-	-	-	-	-	-	-
GEN.	себе	15/14	-	-	-	-	100,00
DAT.	себи	23/22	-	-	100,00	-	-
AKU.	себе	28/27	-sja	$\frac{108}{73}$	64,41	25,98	9,61
			(-)se	$\frac{181}{181}$			
LOK.	себи	6/5	-	-	100,00	-	-
INS.	soboju	1/-	-	-	100,00	-	-
	sobom	8/8	-	-	-	-	-

U K U P N O				
OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	216	73	41	330
%	65,46	22,12	12,42	100,00

3.3.3. Prisvojne zamenice

3.3.3.1. Prvo i drugo lice

3.3.3.1.1. Jedinina

Primeri i napomene⁶¹

Nom.: МОЙ 20, 28(x2), 54, 55', ТВОЙ 28, 31, 62(x2)', нашъ 15, 20, 34, (15x), вашъ 54, Вашъ XI (97) — мое 13, 20, 32, (6x),

ТВОЕ 2, 5, 9, (9x), НАШЕ 22, 33, 38, (7x), ВАШЕ 54, ВАШЕ VI (94) — МОЯ 6, 20, 28, (11x), ТВОЯ 13(x2), 17, 29, (14x), НАША 19, 29, 53(x2), (8x).

Gen.: МОЕГО 3, 5, 6, (16x), ТВОЕГО 11, 17, 30, (8x), НАШЕГО 2, 65, 68, 77(x2), ВАШЕГО 54, СВОЕГО 2, 11, 23, (15x).

U ženskom rodu Stojković upotrebljava pored nastavka narodnog jezika -e dva puta nastavak -jeja:

мое 29, твое 2, свое 25, 52(2x), 76, 79, наше 3, 70, ..., руководитель ми был еси чрезъ Лабиринтъ жизни моея до днесь. 86, Никое время изчерпсти не можетъ силу блакости твоея. 85 i dalje.

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			+NAR.	% -NAR.	±NAR.	
	m.	s.	ž.				
NOM.	-ø, -e, -a	26 21	24 23	33 30	-	-	100,00
GEN.	-ego	23 21	22 20	-	81,82	100,00 18,18	- m s ž
	-jeja	-	-	2/2			
	-e	-	-	9/9			
DAT.	-emu, -ej	8/7	6/6	9/8	-	-	100,00 m s ž
AKU.	-ø, -e, -u	27 25	39 39	33 31	-	-	100,00
	-ego	11 10	-	-	-	100,00	- M
	-og	1/-	-	-	-	-	-
VOK.	-ø, -e, /	6/5	2/2	-	-	-	100,00
LOK.	-emu, -ej	6/6	13 12	3/3	100,00	-	- m s ž
	-em	1/-	-	-	-	100,00	- ž
INS.	-im	4/4	8/8	-	-	-	100,00 m s ž
	-jeju	-	-	1/1	88,89	11,11	- ž
	-om	-	-	8/8	-	-	-

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	6	12	17	31	20	14	62	78	61
%	6,06	10,91	18,48	31,31	18,19	15,22	62,63	70,90	66,30
uku.	35			85			201		
%	11,63			21,59			66,78		

Dat.: моему 5, 6, 17, (5x), твоему 31, нашему 49, XII (100),

СВОЕМУ 47, 50, 68, (6x) — МОЕЙ 11, 64, 80, НАШЕЙ 20, 46, 50, СВОЕЙ 7, 56¹, XI (99).

Akuz.: МОЙ 4, 30(x2), ТВОЙ 8, НАШЬ 9, 18, 54¹, 68, СВОЙ 3, 24, 31, (19x).

U primerima za označavanje živog dolazi pored uobičajenog *-ego* jedanput nastavak *-og* u duhu narodnog jezika i to, iz metričkih razloga, u, inače, arhaičnoj poeziji:

МОЕГО 54, ТВОЕГО 85, 86, 87, ТВО'Г' 74¹⁶², НАШЕГО 25, СВОЕГО 3, 12, 25, 40(x2);

Въ душѣ бурнѣ; въ вихрѣ прасѣ,
и во гнѣвѣ неба; страстѣ

вину Бога слави твог' (63¹)

— МОЕ 14, 18, 22, (8x), ТВОЕ 5, 13, НАШЕ 3, 27, 37, 67, ВАШЕ V (93), СВОЕ 2(x3), 4, 6, (24x) — МОЮ 21, 64, 75, 80, ТВОЮ 4, 19, 64, (5x), НАШУ 73, СВОЮ 1, 7(x2), 8(x2), (23x).

Vok.: ... СЫНЕ МОЙ! 10, 27, 49, 76, ... МОЙ СЫНЕ! 22, БОЖЕ МОЙ и Творче! 72¹ — ... ЧАДО МОЕ! 50, 51 — /.

Lok.: МОЕМУ 6, 9, 22, (9x), ТВОЕМУ 80, НАШЕМУ 33, СВОЕМУ 14, 16, 25, (8x).

Jedini se primer sa kraćim nastavkom javlja u poeziji:

... ВЪ ТВОЕМЪ КРУЗѢ ... 55¹ — МОЕЙ 12, СВОЕЙ 33, 52.

Instr.: МОИМЪ 9, ТВОИМЪ 3, 4, 5, (5x), СВОИМЪ 1, 3, 7, (6x) —

Kod prisvojnih zamenica ženskog roda Stojković ima, sa jednim izuzetkom, nastavak narodnog jezika *-om*:

МОИОМЪ 20, ТВОИОМЪ 4, 13 pored СИЛОЮ ТВОЕЮ 14, СВОИОМЪ 1, 3, 46, (6x).

3.3.3.1.2. Множина

Primeri i napomene

Nom.: МОИ 18, 20, НАШИ 43 — МОЯ 28, 76, НАША 36, 37, 83 — НАШЕ 36.

Gen.: МОИХЪ 4, 29, 51, 86(x2), ТВОИХЪ 2, 72, НАШИХЪ 10, 18, 37, (6x), СВОИХЪ 37, 45, 46, (9x).

Dat.: МОИМЪ 21, 48, ТВОИМЪ I (89), НАШИМЪ 29, 36, НАШЫМЪ 3, СВОИМЪ 16, X (98).

Akuz.: Pored uobičajenog narodnog nastavka *-e* dolazi tri puta u muškom i dva puta u ženskom rodu ruskoslovenski nastavak *-ja*:

МОЕ 3, 19, 45, 80, НАШЕ 28, 67, СВОЕ 17, 25, 39, (5x);

Дайми храбрость пути твоя ... всюду проповѣдати, ... 86,

Возлюбимъ и враги наша. 37, ... дни своя у густой тмы про-
водитъ. 40 — моя 14, 30, твоя 29, 71, наша 20, 27, 36, (5x),
своя 10, 21, 47, (9x) — мое 18, 51, 85, наше 13(x2), 43,
69, свое 8, 11(x2), 12, (11x); ... ты си вся твоя твари къ
радости создао! 79, ... ношне птице жалостныя пѣсни своя
пѣвати начаху. 58 sl.

Jedanput Stojković upotrebljava u akuzativu nastavak *-ih*
za označavanje živog:

... раскошь и ... сластолюбие ... почитателей своих на-
граждаетъ ... 18.

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			%	+NAR.	-NAR.	±NAR.
	m.	s.	ž.				
NOM.	-i, -a, -e	3/3	5/5	1/1	100,00	-	-
GEN.	-ih	6/5	$\frac{15}{13}$	1/1	-	-	100,00
DAT.	-im	2/1	4/4	2/2	-	-	100,00
AKU.	-e, -a, -e	$\frac{11}{11}$	$\frac{20}{18}$	$\frac{18}{18}$	73,33	26,67	- m
	-ja	3/3	-	2/2	-	-	100,00
	-ih	1/1	-	-	90,00	10,00	- ž
VOK.	-	-	-	-	-	-	-
LOK.	-ih	-	4/3	1/1	-	-	100,00
	-imi	-	1/1	-	-	-	-
INS.	-imi	1/1	2/2	-	-	-	100,00

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	11	-	19	4	-	2	10	46	4
%	44,00	-	76,00	16,00	-	8,00	40,00	100,00	16,00
uku.	28			6			60		
%	29,79			6,36			63,83		

Lok.: Pored čuvanja starog nastavka *-ih*, našli smo i jedan
primer u kome je izvršeno jednačenje prema nastavku instru-
mentalala:

во всѣхъ дѣлѣхъ твоихъ 13, у нѣдрахъ твоихъ 51, въ серд-
цахъ нашихъ 43, въ персехъ вашихъ 54, у ... Вашихъ предпри-
ятіяхъ VIII (96); у беззаконіями своими 76.

Instr.: Staro se stanje čuva i u instrumentalu:

съ родители моиими 21, беззаконіе ... есу ... своими слѣдствіями Кандора у трелеть приводили. 17, со слѣдствіями своими 47.

3.3.3.1.3. Dual

Našli smo samo jedan primer:

Ясамъ ... то моимъ очима самъ видѣо 45.

3.3.3.2. Treće lice

3.3.3.2.1. Jedinina⁶³

Pregled oblika⁶⁴

PAD.	OBLIK	broj			+NAR.	%		±NAR.
		m.	s.	ž.		-NAR.	±NAR.	
NOM.	jego	7/5	5/3	3/3	-	100,00	-	
	ih	1/1	-	1/-				
GEN.	jego	2/2	3/3	3/2	20,00 - 33,33	80,00 100,00 66,67	- m - s - ž	
	jeja	1/1	1/1	-				
	ih	1/1	1/-	-				
	něna	1/1	-	-				
	něne	-	-	1/1				
DAT.	jego	-	1/1	2/2	- 33,33	100,00 66,67	- s - ž	
	jeja	-	1/1	-				
	něnoj	-	-	1/1				
AKU.	jego	2/2	5/4	3/3	28,57 -	71,43 100,00	- m - s - ž	
	jeja	2/2	-	-				
	ih	1/1	-	2/1				
	něn	2/2	-	-				
LOK.	jego	1/1	4/3	1/1	-	100,00	-	
	jeja	-	-	1/1				
INS.	jego	3/2	1/-	1/1	-	100,00	-	

OBL.	U K U P N O						±NAR.		
	m.	+NAR. s.	ž.	m.	-NAR. s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	3	-	2	18	16	14	-	-	-
%	14,29	-	12,50	85,71	100,00	87,50	-	-	-
uku.	5			48			-		
%	9,43			90,57			-		

Primeri i napomene

Nom.: его разговоръ 22, его чувствование 13, его одежда 5 i sl.;

ихъ виновникъ и совершитель 31, ихъ ... должность XI (99).

Gen.: законе разума его 81, всякаго его дѣла узрокъ 78, послѣ смерти его 24 i sl.; Близу ея двора 26, отъ жилища ея 24; Сердце ми ужъ занимаетъ пресладкій ихъ гласа кликъ. 56', Все вещи ... повседневному сложенію ихъ разрушенію подлежать. 51; отъ нѣне ревнителнице 27.

Jedanput dolazi oblik sa nastavkom imeničke deklinacije:

Отъ мѣста источника нѣна ... 26.

Dat.: Многіи дакле отъ послѣдовавшихъ его ученію ... 25, Бѣла

его одежда ... высоты его много важность придаваше. 5,

... - кое э природы его сходно - ... 52; къ совершенству

ея 65; къ нѣной палаты 26.

Akuz.: его станъ 6, желаніе его 6, всяку его рѣчь 41 i sl.;

свѣтъ ея 27, путь ея 38; ихъ свѣтъ 82, добродѣтель ихъ

75, важность ихъ XI (99); путь нѣнь 24, образъ нѣнь 27.

Lok.: у вертограду его 39, о его намереніи 7, у ... его дѣятел-

ности 44 i sl.; у ... наготы ея 17.

Instr.: Свѣгомъ его 13, его мановеніемъ 60', горкостію его

37 i sl.

3.3.3.2.2. Množina

Pregled oblika

PAD.	OBLIK	b r o j			+NAR.	%		≠NAR.
		m.	s.	ž.		-NAR.	≠NAR.	
NOM.	jego	-	4/3	2/1	33,33	100,00	66,67	- s - ž
	jeja	-	1/1	1/1				
	ih	-	2/2	1/1				
	nēne	-	-	2/2				
GEN.	jego	-	1/1	4/4	16,67	100,00	83,33	- s - ž
	jeja	-	-	1/1				
	nēnih	-	-	1/1				
DAT.	jego	-	-	1/1	-	100,00	-	
AKU.	jego	-	2/2	5/5	33,33	100,00	66,67	- s - ž
	ih	1/1	-	1/1				
	njihova	-	1/1	-				
LOK.	-	-	-	-	-	-	-	
INS.	-	-	-	-	-	-	-	

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	-	1	3	1	8	16	-	-	-
%	-	11,11	15,79	100,0	88,89	84,21	-	-	-
uku.	4			25			-		
%	13,79			86,21			-		

Primeri i napomene

- Nom.: Его разсужденія 19, дѣла его 47, очи его 84 i sl.;
 ея слѣдствія 17, луче ея 67; ..., каквасу ихъ правительства;
 ... ихъ нравы; ... ихъ руководѣлія; ... 80; Луче нѣне 9,
 нѣне луче 10.
- Gen.: дѣланій его 48, отъ ... его рѣчей 5, изпредъ очію его
 85 i sl.; до нѣныхъ палатъ 23
- Dat.: Къ его ... ушима 16.
- Akuz.: у дѣла его 44, на трепавице его 12, все его рѣчи 14 i sl.;
 ихъ разговорѣ 20, ихъ силѣ 48; у нихова времена 24.

Tendencije

- a) Stojković upotrebljava samo oblike ženskog roda (нѣн, нѣна i sl., ukupno 9 puta) i jedanput oblik množine (нѣинова) a ni jedan oblik muškog i srednjeg roda u duhu narodnog jezika.
- b) Prodor narodnih oblika se ograničava, sa jednim izuzetkom (нѣној u dativu), na najfrekventnije padeže: nominativ, genitiv i akuzativ.

3.3.4. Pokazne zamenice

3.3.4.1. Jednina

Primeri i napomene

- Nom.: оваѣ 7, 8, 12(x2), (18x), онаѣ 8, 20, 21(x2), (16x).
 Четирѣ пута се употребљава облик *овѣ* са nastavkom -ѣѣ који је иначе граfiјско означавање nominativa jednine prideva: 65
 овѣѣ мужъ 24, овѣѣ свѣтъ 42, овѣѣ 24, 33.
- Pored oblika *таѣ* u skladu sa današnjim književnim jezikom dolazi dva puta i oblik *тоѣ*: таѣ XI (99) pored тоѣ 2, 10.
 Oblik *сеѣ* u duhu ruskoslovenskog jezika Stojković piše jedanput: Малѣѣ шарикъ земнѣѣ сеѣ радостно тогда играеть. 60³. —
 ово 7(x2), 8, 23, (17x), оно 27(x2), 33(x2), 42(x3), (18x),
 то 4, 5(x2), 11, (34x) — ова 11, 23, 57⁴, (5x), она 30, 83
 та 26, 57⁴.

Pregled paradigme⁶⁶

PAD.	NASTAVAK OBLIK	b r o j			+NAR.	%	±NAR.
		m.	s.	ž.			
NOM.	-ø, -o, -a	37 36	69 65	9/6	100,00	-	-
	ovi	4/4	-	-			
	sej	1/-	-	-			
GEN.	-ago/-ogo	23 23	15 14	-	12,12 12,50 100,00	72,73 87,50 -	15,15m - s - ž
	-oga, -e	3/3	1/1	5/5			
	-og	1/1	1/1	-			
	sego, seja	1/1	1/-	1/-			
	-a (neodr.)	5/5	-	-			
DAT.	-omu, -oj	7/4	9/8	2/2	20,00 11,11 -	-	80,00m 89,89s 100,00ž
	-om	1/1	1/1	-			
	semu	1/-	-	-			
AKU.	-ø, -o, -u	9/9	57 51	15 14	90,91 100,00 -	9,09 -	- m - s - ž
	-i, -oje	1/1	2/-	-			
	sej	2/1	-	-			
	-ago	1/1	-	-			
LOK.	-omu, -oj	12 12	5/5	8/6	70,59 55,56 -	-	29,41m 44,44s 100,00ž
	-om	5/5	4/4	-			
	sej	-	-	2/-			
INS.	-im, -om	3/2	111 111	1/1	-	-	100,00m - s - ž
	onoju	-	-	1/-			

OBL.	U K U P N O						±NAR.		
	+NAR.			-NAR.			m.	s.	ž.
broj	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	67	122	28	26	14	-	16	23	8
%	61,47	76,73	77,78	23,85	8,81	-	14,68	14,46	22,22
uku.	217			40			47		
%	71,38			13,16			15,46		

Gen.: U genitivu se nastavak *-ago* ne upotrebljava tako dosledno kao kod prideva i drugih vrsta zamenica već se javljaju šest puta i nastavci *-oga* i *-og* narodnog jezika. Tri puta dolazi ruskoslovenski *sego*, odnosno *seja*:
 OBAPO 8, 10, 15, (17x) pored OBOPA 22, 37, 40, OBOPB 49,

онаго 6, 31, 48, (6x); дне сего 29 — оваго 16, 32, 39, (6x), того 17, 23, 34, (9x) pored тога 47, тогъ 76; лѣта сего XIII (101) — ове 16, 26, 48, 74, те 45; Причина сея [knjižice] есть Бл: Г: Савва отъ Вуковичъ. XIII (101).

Uz brojeve *dva* i *tri* Stojković употребљава genitiv imeničke deklinacije:

ова два конца 35, ова два пута 27, ова три столпа 32, она два зида 84, она два 23.

Dat.: овому 23, 54, 80, VII (95) pored овомъ 65, оному XV (103), тому 10, том' 54³; ... общему сему концу приближаться ... X (98) — овому 47, 49, 53, XII (100) pored овомъ 3, оному 72, 76, тому 71, 76, 78 — овой 70, 85.

Akuz.: овай 3, 17, 18, (6x); у оный животъ 43, тай 9, 59; Лучи вся оживляющаго солнца украшавають сей радостный за мя день 79, сей вѣкъ 54³; онаго 19 — ово 5(x2), 6(x2), 12, (17x), оно 12, 21, 47, (8x). Pored uobičajnijeg *to*, *dva* puta dolazi i oblik *toe*: то 8(x3), 9, 10, (32x), Если убо что нибудь, на коемъ бы онъ всеу грызао, то тое вѣмъ овымъ предпочести треба. XII (100), ..., ни сокрушение цѣля вселенныя отъ насъ тое [blago] отяти не могутъ. XII (100) — ову 4, 5, 6, (13x), ону 2, 40.

Lok.: Odnos između dužih i kraćih oblika m. i sr. r. iznosi 17 : 9. U posveti dela dva puta dolazi oblik ž. r. crkveno-slovenskog, odnosno ruskoslovenskog jezika:

овому 31, 42, 43(x2), (11x) pored овомъ 45, 46, 80, оному 40 pored ономъ 69, томъ 22 — овому 65 pored овомъ 6, 80, ономъ 40, 85, тому 22, 33, 66, 83 — овой 11, 19, 29, (7x), оной 24; у книжицы сей XIII (101), ... о различныхъ вещехъ также и о сей ... разговорахоя, ... XIV (102).

Instr.: овымъ 30, XV (103) — овымъ 2, 4, 22, 77, со тымъ 77, со тымъ 82, между тымъ 39, 49, 64, за тымъ 39, тымъ 15.

3.3.4.2. Множина

Primeri i napomene

Ном.: Ови 80, Овы 25, Ови 51, 83, Оны 23.

У поезији долази ти из метричких разлога у аналошком облику према *siji*:

Ти [potoci] спѣшнымъ стремленіемъ,
си [kedri] ж' главъ приклоненіемъ (61³)

— она 49, 77, 81 — ове 2, 11, 31, 82, оне 52 pored Ови

остре зубе 70.

Gen.: ОВЫХЪ 70, 80, ОВИХЪ 24, ОНЫХЪ 3, VIII (96) — ОНЫХЪ 79
— ОВЫХЪ 21, 80, 87, ОНЫХЪ V (93).

Dat.: ОВЫМЪ XII (100), ОНЫМЪ 37 — / — ОВЫМЪ 71.

Akuz.: ове 66; Сохраними сѣ дары 63, Сѣя 12. раздѣленія окру-
жаваше нѣкій потокъ, ... 82 — ова 81, она 44, 77(x2) —
ове 30, 85, оне 4, 31, 83; По общданію моему ... истины сѣя
во кратцѣ написахъ. IV (92).

Lok.: / — / — у самыхъ оныхъ вещехъ 71, при овьма рѣчма 72.

Instr.: со оными 26 — предъ овьми враты 15 — овьми речми 72,
съ тими науками 22.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK	OBLIK			+NAR.	%-NAR.	±NAR.
		м.	с.	ж.			
NOM.	-i, -e, -e	5/5	3/3	5/5	-	-	100,00
	-iji, -i	2/-	-	1/1	100,00 83,33	- 16,67	- s z
GEN.	-ih	5/4	1/1	4/3	-	-	100,00
DAT.	-im	2/1	-	1/1	-	-	100,00
AKU.	-e, -a, -e	1/1	4/4	5/6	50,00	50,00	- m
	-i	-	-	2/2	100,00	-	- s
	sija	2/1	-	1/-	75,00	25,00	- z
LOK.	-ih	-	-	1/1	50,00	-	50,00
	-ima	-	-	1/1	-	-	-
INS.	-imi	1/1	1/1	2/2	-	-	100,00

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	м.	с.	ж.	м.	с.	ж.	м.	с.	ж.
broj	1	7	12	1	-	3	11	2	7
%	7,69	77,78	54,55	7,69	-	13,64	84,62	22,22	31,81
uku.	20			4			20		
%	45,45			9,10			45,45		

3.3.5. Upitne i odnosne zamenice

3.3.5.1. Jedinina

Primeri i napomene

Nom.: кой 2(x2), 5, 7, (37x), кои 5, 29, 37, (5x). У поезіји
се једанпут чува срквенословенски облик: о Ты иже проц'я

твари, еси мнѣ покоришь вся. 63' — кое 5(x2), 6, 21, (30x)
— коя 1, 4(x2), 6, (16x).

Gen.: коего 82, 83 — коего 65, 68 — кое 2, 42 pored rusko-slovenskog отъ неяже 60'.

Dat.: коему 2, 42, 45, 46 pored кому XIV (102) — / — кей 65, 86.

Pregled paradigme⁶⁷

PAD.	NASTAVAK - OBLIK			%	+NAR.	-NAR.	±NAR.
	m.	s.	ž.				
NOM.	-ø, -e, -a	$\frac{42}{38}$	$\frac{33}{30}$	$\frac{16}{14}$	100,00	-	-
	iže	1/-	-	-			
GEN.	-ego, -e	8/8	2/2	3/3	75,00	100,00	-
	kojeja	-	-	1/1			
	njejaže	-	-	1/-			
DAT.	-emu, -ej	4/3	-	2/2	-	-	100,00m
	komu	1/1	-	-			
AKU.	-ø, -e, -u	1/1	7/6	6/5	100,00	-	-
	-ego	7/5	-	-			
	-ega	1/1	-	-			
	-ježe	-	1/-	-			
LOK.	-emu, -ej	$\frac{11}{11}$	11/9	3/2	91,67 81,82	-	8,23m 18,18ž
	-em	1/1	2/2	-			
INS.	-im, -om	2/2	4/4	2/2	-	-	100,00ž
	kojeju	-	-	1/-			

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	51	45	24	13	2	5	7	6	-
%	71,83	84,91	82,76	18,31	3,77	17,24	9,86	11,32	-
uku.	120			20			13		
%	78,43			13,07			8,50		

Akuz.: за кой 29, коего 4.

Sedam puta se upotrebljava nastavak *-ego*, odnosno *-ega* i u primerima koji označavaju neživo:

Воздухъ ихъ окружающій мирисомъ — коего юноша до днесь
искусю нѣ — наполнѣнь ... 16, ... да конецъ челоуѣка

таковъ быти должень, коего всякій достигнути можетъ. 35, Они иду по ходнику, на коего гдѣчто луча солнечна ... пасти могаше ... 40, Разумъ ... имѣеть ... зыдъ коего прейти смертнѣмъ дозволено нѣе, и коего аще бы прейти хотель, небы мѣста имао тверда, ... 83, Ово есть предѣль, коего разумный не преходить. X (98), ... кои ... путь свой коегасу жалостны почели dalje продолжавати могутъ. 76 — кое 12, 20, 27, (7x) pored еже XIV (102) — кою 15, 45, 51. Lok.: коему 3, 16, 18, (11x) pored коемъ 87 — коему 31, 32(x2), 42, (10x) pored коемъ 48, XII (100); у чему 67 — коей 15, 18, XII (100).

Instr.: коимъ 30, 50 — коимъ 4(x2); съ чимъ 20, 68 — койомъ 4, 7 pored кою VI (94).

3.3.5.2. Množina

Primeri i napomene

Nom.: кои 3, 6, 26, (7x).

Po jedanput dolazi oblik sa ruskoslovenskim nastavkom *-ja* i oblik koji pripada crkvenoslovenskom jezičkom sloju:

Два реда кедровъ, ..., коя рекаобысу у единъ день посаждени были. 15; Коль тяшко есть добро и лѣпо и а вразумительно писати, они являютъ, иже искусима ... XV (103) —

коя 15, 44, 79, XII (100, x3) — U ženskom rodu se pored uobičajenog oblika *koje* javlja jedanput nastavak *-i* i jedanput crkvenoslovenski oblik *jaše*:

кое 3, 18, (9x); Овакова истина и еще таковихъ нѣколико, кои человѣка въ ней укрѣпляютъ, ... XIII (101); Многія находятся вещи, яже общему чтенію посвятитися могутъ.

XI (99).

Gen.: коихъ 3, 24, 25, (5x) pored

О отчизно! Духовъ святыхъ,
ихже жребіе покой есть! (55')

— / — коихъ 3, 35,

Dat.: коимъ 24 — / — /.

Akuz.: U muškom rodu Stojković ima oblik genitiva za živo i za neživo:

... благословъ оныхъ, коихъ ѿ судба Вамъ поддала, и коихъ Вы щастливими сотворити мыслите ... VIII (96); ... овій балсамски цвѣтовъ мириси, коихъ до чувства моего тихій зефиръ доноситъ! 51 — коясамъ 77, кояси 13 pored

Дѣла ТОКМО ЯЖЕ ДЪЮ
Духъ мой, яко своя вѣсть. (55')

— кое 31(x2), 80, 81.

Pregled paradigme

PAD.	NASTAVAK - OBLIK				+NAR.	% -NAR.	±NAR.
	m.	s.	ž.				
NOM.	-i, -a, -e	8/7	6/6	10/9	100,00	12,50	87,50m n
	-i	-	-	1/-			
	koja	1/1	-	-			
	iže	1/-	-	-			
	jaže	-	-	1/-			
GEN.	-ih	5/5	1/1	2/2	-	-	100,00
	ihže	1/-	-	-			
DAT.	-im	1/1	-	-	-	-	100,00
AKU.	/, -a, -e	-	2/1	4/4	100,00	100,00	- m ž
	-ih	3/1	-	-			
	jaže	-	1/-	-			
LOK.	-imi	1/1	1/1	-	50,00	-	50,00m
	-ima	1/1	-	2/2	100,00	-	100,00s - ž
INS.	-imi	2/1	2/1	2/2	50,00	-	50,00m
	-ima	1/1	-	-	-	-	100,00ž

OBL.	UKUPNO								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	9	7	15	2	-	-	8	3	4
%	47,37	70,00	78,95	10,53	-	-	42,11	30,00	21,05
uku.	31			2			15		
%	64,58			4,17			31,25		

Lok.: Isti se oblici upotrebljavaju i u lokativu i u instrumentalu. Pored jednačenja prema instrumentalu nalazimo i prodor dualskog nastavka:

... вода ... островитѣ ... правила, на коими ... цветѣ ...
разсучо было, ... 14 pored ... блаженнѣйши часи, у коима
мы благихъ нашихъ дѣлъ опоминѣмосе ... 43 — тосу основанія,
на коими духъ нашъ ... благополучіе свое задати будетъ. 43
— ... ливаде ..., на коима ... 7, Горе ..., у коима ... 19.

Instr.: коими 83, X (98) поред ... все стране путови се виде,
коима къ нѣной палаты приступитися можетъ. 26 — коими 4,
коими 44 — коими 3, XI (99).

Tendencije

Funkciju prisvojno-odnosno zamenice *diži vrše* oblici zamenice *koji, koja, koje* i to

a) najčešće oblici *kojega, kojeja, kojihъ*:

... подъ ... окомъ ... отца, коего любовь едина за все, на-
граждение быти можетъ. 66, ... лѣсъ, коего листвие ... шуш-
тенъ причиняваше. 82, ... онай юноша, ..., коего очи ...
смутне погледе около себе бацають, ... 46, Близу ея двора
находится и другій, коего внѣшнее украшение ... 26, Боже! ...
коего благостию я опять единъ день совершаемъ. 28, Боже!
коего благостию я опять единъ есамъ провео день, ... 37 i sl.;
Кандоръ ... упаци Палату, коея внѣшности ветъсе онъ удив-
ляше ... 16; ... древа коихъ главе въ облацѣхъ сокрывалесе
есу ... 15, Но овый, многе унутра уводити начнетъ, коихъ ни
сердце ни глава за такова обиталища нису составлена была ...
24, ову спасителну науку само они у сумнѣнїе бы довести
ради, коихъ поступки живота и беззаконїя до тогъ безумїя
доседе ... 76.

b) *svoga tri puta oblik koje*:

Гнусно бы было за конецъ всего челоуѣка чувствено удовол-
ствие положить, ...; кое неспокойствие толико выше растеть,
что челоуѣкъ выше себе сластолюбїю предаеть. 35, ... дойду
до едине ... пещере, кое черный ... сводъ ... 41, ...; на-
ипаче же у храненїю тайнъ таковыхъ, кое изьявлено намъ уби-
токъ, а никому ползу не приносятъ. 11 sl.

3.3.6. Zamenica *sva*

3.3.6.1. Jedinina

Primeri i napomene

Kako se iz pregleda paradigme vidi, Stojković upotrebljava
uglavnom crkvenoslovenske, odnosno ruskoslovenske oblike. Od-
stupanje od upotrebe tih oblika imamo samo u lokativu gde do-
lazi duži nastavak *-emu* umesto očekivanog *-em*. U nominativu
i akuzativu Stojković piše varijante sa prejetovanim vokalom
-ja, odnosno *-ju*.⁶⁸

Nom.: весь 1, 14, 22 — все 2, 4, 14, (27x) — вся 2, 16, 42, 74!

Gen.: всего 13, 34 — всего 24, 30, 32, (9x) — /.

Dat.: всему 42, 47, 64 — всему XII (100) — /.

Akuz.: всеъ 12, 47, 82 — все 2, 7, 13, (20x) — все 40, 48, 55, (7x).

Lok.: / — по твореню всему 52, по всему естеству 71 — /.

Instr.: / — со всеъмъ 17, 24, 33, (6x, isključivo u funkciji priloga) — /.

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			%	+NAR.	-NAR.	±NAR.
	m.	s.	ž.				
NOM.	-ø, -e, -ja	$\frac{11}{10}$	$\frac{27}{25}$	4/3	-	-	100,00
GEN.	-ego	2/2	9/9	-	-	100,00	-
DAT.	-emu	3/3	1/-	-	-	-	100,00
AKU.	-ø, -e, -ju	3/3	$\frac{20}{18}$	7/4	-	-	100,00
LOK.	-emu	-	2/2	-	100,00	-	-
INS.	-ëm	-	6/3	-	-	100,00	-

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	-	2	-	2	12	-	16	43	7
%	-	3,51		11,11	21,05	-	88,89	75,44	100,0
uku.	2			14			56		
%	2,44			17,07			80,49		

3.3.6.2. Množina

Primeri i napomene

Nom.: всеи 18(x3), 22, 23, (15x) — всея 38, 48, 49, (6x) —

U ženskom rodu dolazi u većini primera nastavak narodnog jezika -e: все 32, 69(x2), (6x) pored всея ... твари 61³, всея XIV (102).

Gen.: всехъ 18, 23(x2), 37, (11x) — 9, 29, 34, (9x) — 41, 43, 50, (5x).

Dat.: всеъмъ 25(x2), 40, 54, (x7) — 70, XII (100) — 30.

Jedino je odstupanje od upotrebe crkvenoslovenskog oblika primer u poeziji na početku posvete:

Твоимъ явно есть очесемъ
а прочимъ всеимъ подъ небесемъ
тмою покрывено. I³ (89)

Akuz.: Odnos upotrebe nastavaka -ja i -e isti je (1:3) kao i

u nominativu. To se odnosi, naravno, samo na ženski rod u nominativu i na muški i ženski rod u akuzativu. U muškom rodu dolazi tri puta nastavak *-ěh* za označavanje žlvog: *всѧ 38, 40, 64 pored все 23, 37(x2), 45, 54; сотвори ихъ всѧхъ добримѧ 38, Просвѣти насъ всѧхъ, ... 64, ... и всѧхъ читающихъ боллими сотворили хѧ (99) — всѧ 8, 12, 17, (19x) — все 28, 63', 79 pored все 5, 14, 26, (13x).*

Lok.: / — во всѧхъ дѣлѧхъ 13 — /.

Instr.: надъ всѧми челѧвѧки 29 — / — /.

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			%	+NAR.	-NAR.	±NAR.
	m.	s.	ž.				
NOM.	-i, -ja, -e	$\frac{15}{12}$	6/4	6/6	100,00	-	- $\frac{x}{m}$
	-ja	-	-	2/-	-	-	100,00 $\frac{x}{m}$
GEN.	-ěh	$\frac{11}{10}$	9/8	5/5	-	100,00	-
DAT.	-ěm	7/5	2/2	1/1	-	100,00	-
	-im	-	1/-	-	-	-	-
AKU.	-e, -ja, -e	5/5	$\frac{19}{16}$	$\frac{13}{12}$	50,00	50,00	- m
	-ja	3/3	-	3/2	-	-	100,00 s
	-ěh	3/2	-	-	85,71	14,29	- ž
LOK.	-ěh	-	1/1	-	-	100,00	-
INS.	-ěmi	1/1	-	-	-	100,00	-

OBL.	U K U P N O						±NAR.		
	+NAR.		ž.	-NAR.		ž.	m.	s.	ž.
broj	m.	s.		m.	s.		m.	s.	ž.
broj	5	-	18	21	11	8	12	20	-
%	13,16	-	69,23	55,26	35,48	30,77	31,58	64,52	-
uku.	23			40			32		
%	24,21			42,10			33,69		

3.3.7. Ostale zamenice sa pridevsko-zameničkom deklinacijom

3.3.7.1. Jedinina

Primeri i napomene

Nom.: самъ 45, 54, 85, таковъ 35, каковъ 69; самый 44, всякій 3, 25(x2), 35, (13x), нѣкій 20, 82, 84; кто 2, 5, 6, (32x), никто 5, 9(x3) — Самоли в то все отъ себе? 70, всяко 19, 46, 67, оваково 75, хѧ (100), таково 31, хѧ (100), нѣко

48, 56³, 82, колико 3(3x), 9, 12, (23x), колико ... годъ 5
 pored коль XV (103), толико 9, 21, 25, (8x) pored толь 41,
 каквово 45, 46, 67 pored какво 59; что 5, 35, 44(x2), (15x),
 нѣчто XII (100), ничто 2, 17, 19, (13x), что годъ 78, что
 нибудъ XII (100). Jedanput dolazi primer sa nastavkom -oje
 u duhu ruskoslovenskog jezika: Никое время 85 — сама 26,
 53(x2), 68, 71, всяка 3, 16, 19, (14x), овакова XIII (101),
 нѣка 71, каквоа 4, 30(x2), 46, 69, толика 15.

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			Σ.	+NAR.	% -NAR.	±NAR.
	м.	с.	ж.				
NOM.	-ø, -o, -a ⁶⁹	43 36	84 72	27 26	-	-	100,00 98,63 ⁵
	-i	17 15	-	-			
	-oe	-	1/1	-			
GEN.	-ego -ago ⁷	8/8	10 9	4/4	- 100,00	100,00 -	- -
	-emu -omu ⁸	16 12	6/6	1/1	7,69 -	- -	92,31 ^m 100,00 ⁿ
DAT.	-ø, -o, -u	5/5	44 41	8/7	-	-	100,00 ^m 100,00 ⁿ
	-i	9/9	-	-			
	-ego/-ago	4/3	-	-			
LOK.	-om, -oj	3/3	2/2	6/6	-	-	100,00 ^z 40,00 ^s
	-omu	-	3/3	-			
	-šj	-	-	1/-			
INS.	-im, -om	6/6	4/3	3/3	- 100,00	- -	100,00 ^m -

OBL.	U K U P N O									
	м.	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
		м.	с.	ж.	м.	с.	ж.	м.	с.	ж.
broj	1	3	7	11	10	-	86	124	40	
%	1,02	2,19	14,89	11,22	7,30	-	87,76	90,51	85,11	
uku.	11			21			250			
%	3,90			7,45			88,65			

*uključujući i oblik kto

Gen.: самого 44, 66, всякого 19, 77, нѣкаго 20, 66, 84 —
 всякаго 11, 13, 35, (7x), толикаго 41, никаковаго 48;
 нѣкоего 26 — саме 5, всяке 17, 70, такове 10.

Dat.: самому 37, 44, 68, всякому 11, 27, 29, (9x), никому 11,
 19, никаковому 17, каковому нибудъ 40; самомъ 36 — самому

3, 4, 37, каковому 75, никаковому 46, нѣковому 67 —
каковой 53.

Akuz.: каковъ 2, 43, 53, никаковъ 9, 43; самый 24, всякій 21,
80(x2), 86, нѣкій 2, 3, 17, 82; самого 85, всякаго 51, XIV
(102), нѣкаго 4 — всяко 36, нѣко 8, 14, 41(x2), каково 15,
таково 6, 9, 48, 66, толико X (98); что 7, 20, 21, (24x),
нѣчто 67, ничто 46, 49, 67, (6x), чтогодъ 45, что годъ 48,
69 — саму VIII (96), всяку 3, 41, нѣку 38, 48, 66, 67,
такову 15.

Lok.: самомъ 16, всякомъ 35, 48 — всякому 48, 82, таковому
41; всякому 48, таковомъ 20 — U ženskom rodu Stojković
upotrebljava pored nastavka -oj jedanput i ruskoslovenski
nastavak -ěj: самой 17, всякой 11, 41 pored o пыле всяцѣй
62³, таковой 6, 41, каковой нибудъ 18.

Instr.: всякимъ 78, каковимъ 37, 80, каковымъ нибудъ 76, тако-
вымъ 42, толикимъ 4 — самымъ 3, всякимъ IX (97), нѣкимъ 66,
каковимъ 30 — овакомъ 58, нѣкомъ 16, каковомъ 23.

3.3.7.2. Množina

Pregled paradigme

PAD.	N A S T A V A K			+NAR.	%		±NAR.
	m.	s.	ž.		-NAR.	±NAR.	
NOM.	-i, -a, -e	$\frac{14}{10}$	8/7	4/4	-	-	100,00 ^m
	-ija	-	-	2/-	100,00	-	- ^ž
GEN.	-ih	2/2	1/1	4/3	-	-	100,00
DAT.	-im	4/2	1/1	-	-	-	100,00
AKU.	-e, -a, -e	2/2	5/5	6/6	50,00	50,00	- ^m
	-ija	-	-	1/-	-	-	100,00 ^s
	-ih	2/2	-	-	100,00	-	- ^ž
LOK.	-ih	-	1/1	1/1	-	-	100,00
INS.	-imi	-	1/1	-	-	-	100,00

OBL.	U K U P N O								
	+NAR.			-NAR.			±NAR.		
	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.	m.	s.	ž.
broj	2	-	10	2	-	-	14	16	4
%	11,11	-	71,43	11,11	-	-	77,78	100,0	28,57
uku.	12			2			34		
%	25,00			4,17			70,38		

Primeri i napomene

Ном.: сами 30, 36, нѣки 80, многи 24, 25, 26, (5x), многису 11(x2) — овакова 43(x2), 51, такова 27, 36, IX (97), какова 13 pored каквасу 80 — оваквесу 81, нѣке 66, 69, каковесу 69 pored Многиа находятся вещи, ... XI (99), А могутли оваковыя вещи выше кратъ нежели потребно есть, казатися? XIV (102).

Gen.: самыхъ 33, оваковыхъ 31 — онаковыхъ 18 — таковыхъ XIII (101), таковыхъ 11, как'выхъ 55', многихъ 50.

Data: оваковимъ XV (103), нѣкимъ 39 pored нѣкоимъ XIV (102), многимъ 85 — каквимъ 51 — /.

Akuz.: Stojković upotrebljava i nastavak -e i nastavak -ih za označavanje žigov:

чрезъ нѣке ... мудреце 24, многе 24; А съ каковымъ тьемо мы восхищеніемъ все естество и насъ самыхъ гледати, ... 30, ..., науке его небесне многихъ есу осіяле, ... 25 — толика 13, такова 24, какова 70, 71, каковаси 3 — никакове 14, нѣке 15, какове 70, многе 16, 35, такове 19 pored таковыя науки XI (99).

Lok.: / — на многихъ мѣстахъ 26 — у самыхъ оныхъ вещехъ 71.

Instr.: / — со ... нѣкими ... разсужденіями 27 — /.

Tendencije:

Kako se iz navedenih primera vidi, Stojković upotrebljava kod zamenica sa morfemom -ov- i duži oblik tipa *какovo* i kraći oblik tipa *какво*; pri tome dolazi duži oblik 59 puta, a kraći samo 5 puta. I jedni i drugi oblik predstavlja odliku srpskog narodnog jezika.⁷⁰

3.3.8. Zamenice sa imeničkom deklinacijom

Našli smo svega dva primera:

Gen.: ... еси, ... у сердце всякія нѣкій законъ усадіо, ... 3.

Aku.: ... да ..., сама себе у добротѣтели упражнявамъ, ... 14.

3.4. Brojevi

3.4.1. Osnovni brojevi

3.4.1.1. Broj *jedan*

Ovaj broj ima kod Stojkovića dva oblika, prvi ima osnovu *jedîn* a drugi osnovu *jedan*:⁷¹

Ном.: единъ 13, 19, 43, (5x); еданъ 46, 82 — /; една 3, 17,

18, (11x) — едино 36, 66; едно 57³; 72, 75, (5x).
Gen.: единаго 7, 36, 66; / — /; еднаго 2, 52 — едине 41;
едне 14.
Dat.: /; / — единому 49; едному 69 — /; одной XV (103).
Akuz.: единъ 15, 28, 37, (13x), единаго 52, 84; еданъ 9(x2),
45, 59, еднаго 46 — едино 57³; 66, 68; едно 7, 15, 20, (8x)
— едну XI (99), XIV (102); едну 27, 28, 64, 81.
Lok.: /; едномъ 10(x2) — /; едномъ 22 (u funkciji priloga)
— /; одной 6, 20, 30.
Instr.: /; еднымъ 12, 63¹ — /; еднимъ 4 — /; /
Gen. množ.: /; / — /; / — /; еднѣхъ 31.

Ako uzmemo u obzir i primere единакимъ X (98) pored еднако 10, 15, imamo ukupno 52 ili 61,18% primera sa osnovom *jedan* u duhu narodnog jezika, a 33 ili 38,82% primera sa alternativnim *jedin*.

3.4.1.2. Brojevi *dva, oba i tri*

Broj primera veoma je ograničen:

Nom.: два 15, 16, 17, (6x); оба 28, 30, 72, 74 — / — .72
Gen.: измежду ова два пута 27 — / — отъ обе стране 16.
Akuz.: два 84, три 32 — / — две 33, 77, на обе стране 41.

Kako se iz navedenog vidi, oblik nominativa se upotrebljava i u genitivu.

3.4.1.3. Ostali osnovni brojevi

Od ostalih osnovnih brojeva našli smo:

дванадесять 83, bez skraćivanja drugog dela osnove;
двадесять u okviru rednog broja двадесять второ 2;
тысячу 19 (nom.). Kod ovog primera radi se očigledno o pri-
loškom obliku jer se javlja ne samo u akuzativu, gde bi
nastavak -и bio opravdan, već i u nominativu i u geni-
tivu: 73

тысячу тысящ 15 (nom.); изъ тысящъ братій 86; у тысячу
тысящъ круговъ 59, тысячу тысящъ 71 (akuz.).

Osim u već navedenim primerima, genitiv množine dolazi
još dva puta:

нѣколико тысящъ 9, колико тысящъ 26.

Jedanput se javlja i oblik nominativa množine:

тысящы солнцець 60³.

миліонъ миліоновъ свѣтовъ 3.

3.4.2. Redni brojevi

Primeri se ograničavaju na brojeve *jedan, dva i tri*:⁷⁴

Nom.: первый 18, 23, 36 — первое 13, V (93) pored перво 31.

34, 42; второ 32 — втора 33.

Dat.: первому 26 — / — /.

Akuz.: первый 31 — двадесять второ 2; третье 32 — /.

Lok.: / — первомъ 40 — первой 27.

3.5. Glagoli

3.5.1. Present

Da bismo saznali ima li razlika između glagolskih vrsta u odnosu prema njihovoj pripadnosti narodnojezičkom ili rusko-slovenskom sloju, raspodelili smo oblike prezenta i infinitiva po osam Beličevih vrsta.⁷⁵

Primeri i napomene

1. 1. jedn.: почнемъ 21, дойдемъ 21, отвѣствуемъ 49, намѣравамъ 77, велимъ 3, 53 i sl. — Osim u prvom licu jednine glagola *moći* i *hteti* Stojković upotrebljava nastavak *-u/-ju* i u nizu drugih leksema: могу 3, 22, 29(x2), не могу XIV (102) i sl., хочу 29, 30, 44; вниду 63¹, обращаю 51, разумѣю 34, вопрошаю 70, благодарю 28 i sl.
2. 1. jedn.: Pored uobičajenog *-š* dolazi dva puta i crkveno-slovenski nastavak *-ši* i to u glavnom tekstu: даеш 64, отрычеш 76, благоволишь 64 i sl. — Приближайся колико выше можеш овой Божества дщери: ... 85, ...; ты мене ... хранити будеш. 87.
3. 1. jedn.: Često se paralelno javljaju oblici sa finalnim *-t* i oblici sa nastavkom *-ø* narodnog jezika:⁷⁶ проведѣ 80 pored проведеть 12; начне 52(x2) pored начнеть 24, 42; може 75, можесе 53 pored можетъ 2, 3, 6, (46x), можетли 20; чуе 59 pored чуеть 12 i sl.
Oblik 3. 1. jedn. glagola *spasti* dolazi u duhu ruskog jezika, odnosno u arhaičnoj formi: спадесть 56¹.
Glagol *reči* ima dubletne oblike: отречеть 44 pored рекне 27, рекнеть 7.
Glagol *poslati* javlja se u crkvenoslovenskom, odnosno rusko-slovenskom obliku: послеть 40.

BROJ LICE	NASTAVAK	I*			II			III			IV			V			VI			VII			VIII			
		1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	
J E D N I N A	1.	-u	11	1	3	-	-	1	-	-	-	1	-	2	-	-	1	3	4	7	2	-	2	-	-	-
		-m	6	-	-	-	-	1	-	-	-	7	-	-	2	-	-	13	-	-	22	1	-	-	-	-
	2.	-š	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	-	-	1	-	-	2	-	-	9	-	-	2	-	-
		-ši	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	3.	-t	71	8	5	14	-	1	14	1	2	51	3	7	20	1	3	4	1	1	138	15	14	20	2	-
		-ajet	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	51	13	24	-	-	-	-	-	-
		-ëjet	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	1	-	-	-	-	-	-	-
	-∅	21	-	-	-	-	-	6	-	-	5	-	-	3	-	-	117	1	-	10	-	-	1	-	-	
M N O Ž I N A	1.	-m	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	1	-	1	6	-	-	-	-	-
		-mi	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
		-mo	13	-	-	2	-	-	1	-	-	1	-	-	3	-	-	18	-	-	17	-	-	1	-	-
	2.	-te	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	2	1	-	-	-	-	-
		-t	16	4	-	1	-	-	2	-	-	12	1	2	3	-	-	43	4	3	-	-	-	-	-	-
		-(j)at	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	16	2	2	1	-	-
3.	-ut**	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	-	-	1	-	-	
	-∅	10	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	-	24	-	-	1	-	-	
PREZENT ukupno		151	13	9	18	-	2	26	1	2	82	5	11	32	1	4	265	26	35	252	19	18	27	2	-	
INFINITIV (-i)		72	2	-	4	-	1	27	1	-	77	10	1	16	6	-	95	8	3	173	16	2	8	-	-	
ukupno		223	15	9	22	-	3	53	2	2	159	15	12	48	7	4	360	34	39	425	35	20	35	2	-	
sve ukupno		247			25			57			166			59			433			480			37			

*Uključujući i pune oblike glagola *hteti*.

**Samo označen gde predstavlja jednačenje sa VI.

Pregled paradigme

BROJ	LICE	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
			OBLIKA	LEKSEMA			
J E D N I N A	1.	-u	*12/11 26/6	2/2 26/6	75,00	8,82	15,18
		-m	52/51	38/38			
	2.	-ši	2/2	2/2	-	10,53	89,47
		-šk	17/17	16/16			
	3.	-t	492/390	247/200	29,48	70,52	-
		-š	164/163	97/97			
M N O Ž I N A	1.	-m	11/10	9/8	83,58	16,42	-
		-mi	1/1	1/1			
		-mo	56/56	40/40			
	2.	-te	6/3	6/3	-	-	100,00
	3.	-t	121/101	80/70	29,37	70,63	-
		-š	42/42	32/32			

	OBLICI	U K U P N O			ukupno
		+NAR.	-NAR.	±NAR.	
JEDN.	broj	214	398	28	640
	%	33,44	62,19	4,37	100,00
MNOŽ.	broj	98	112	3	213
	%	46,01	52,58	1,41	100,00
ukupno	broj	312	510	31	853
	%	36,58	59,79	3,63	100,00

*Prvi se red odnosi na oblike glagola *moći* i *hteti*.

1. 1. množ.: I u prvom licu množine postoji paralelna upotreba nastavaka ruskoslovenskog i narodnog jezika:

МОЖЕМО 42, 65, 67(x2), 83 pored МОЖЕМЪ 33, 50; БУДЕМО 30 pored БУДЕМЪ 28, 36; ВИДИМО 32, 45, 67, 69 pored ВИДИМЪ 87(x2); МЫСЛИМО 67 pored МЫСЛИМЪ 50 i sl.

Jedanput Stojković upotrebljava nastavak *-mi* koji je i u srpskohrvatskom jeziku bio često u upotrebi kod atematskih glagola: ИМАМЪ 36.
2. 1. množ.: Našli smo svega šest primera:

ПОЙДЕТЕ 54, БУДЕТЕ VIII (96), ПРИМАТЕ VI (94), ЖИВИТЕ 54, МЫСЛИТЕ VIII (96), НОСИТЕ 54.

3. 1. množ.: ИДУ 40 pored ИДУТЬ 70; СТАНУ 52 pored СТАНУТЬ 15; ВИДЕ 26, 71, 76 pored ВИДЯТЬ 51 i sl.

Pored ruskoslovenskog nastavka *-(j)at* u primerima ДОХОДЯТЬ 67, ЗАВИСЯТЬ 30, ЛЮБЯТЬ 36, ПОДЛЕЖАТЬ 51 i sl., kod glagola VII i VIII vrste nalazimo u ovom licu i analoški nastavak *-it (<otb>)*: НОСУТЬ 3, ЧИНУТЬ 36, ДЕРЖУТЬ 47. Na analoški formirane narodne oblike (*nosu, činu, deršu /dršu?/*) Stojković dodaje finalno *-t* kao obeležje, zapravo nastavak 3. 1. množ.; stvarajući na taj način hibridne forme, tipične slavenosrbizme.

Oblik glagola *živeti* predstavlja arhaizam starog glagola *žiti*: ЖИВУТЬ 13, 32, 38, 80.⁷⁷

Tendencije

a) Mada je ukupna frekvencija upotrebe oblika sa finalnim *-t* i bez njega gotovo ista u 3. 1. jedn. i u 3. 1. množ., ima u tom pogledu bitnih razlika između opšte tendencije i stanja u VI i VII vrsti (v. prvu tabelu u t. 3.5.1). Ove se vrste međusobno bitno razlikuju u upotrebi nastavka *-t*. Odnos između broja oblika sa *-t* i broja oblika sa narodnojezičkim nastavkom *-ø* iznosi u jedini VI vrste 34,64% : 65,36% a u množini 89,58% : 10,42%. Obratnu sliku pruža VII vrsta u kojoj u jedinici preovladavaju oblici sa *-t* (93,24%) dok imamo u množini nešto više oblika u duhu narodnog jezika (52,17%).

b) Kod glagola *imati* Stojković upotrebljava dve osnove *ima-* i *imě-*:

1. 1. jedn.: НЕЙМАМЪ 77 — ИМѢЮ 55³, 86;

2. 1. jedn.: ИМАШЬ 8 — /;

3. 1. jedn.: ИМА 25, 36, 40, (10x) pored ИМАТЬ 42, 67, 78, XI (99), НЕЙМА 3, 10(x2), 37(x2), (9x) — ИМѢТЬ 37, 46, 67, (7x), ИМѢТСЯ XIV (102);

1. 1. množ.: ИМАМО 67 pored ИМАМЫ 36 — ИМѢЕМЪ 83;

2. 1. množ.: / — /;

3. 1. množ.: ИМАЮТЬ 49, 66, 76 — ИМѢЮТЬ 11, 32, 71, (5x), НЕИМѢЮТЬ 70.

Kako se iz navedenih primera vidi, oblici sa osnovom *imě-* imaju isključivo ruskoslovenske, odnosno ruske nastavke. Kod primera sa osnovom *ima-* preovladavaju, očekivano, nastavci koji pripadaju narodnom jeziku (odnos u glavnom tekstu između pri-

mera sa ruskoslovenskim nastavcima i primera sa nastavcima narodnog jezika iznosi 7 : 22).

Ako se računaju oblici glagolskog prideva radnog (ИМАО 4, 15, 40, (7x), ИМАЛА 16(x2), 25, ИМАЛО 31, 45, 48, ИМАЛИ 17, 65, ИМАЛИСУ 66, ИМАЛЕ 82 — ИМЪЛИ IV (92) i infinitiva (ИМАТИ 23, 33, 41, (6x) — ИМЪТИ 60, XV (103), osnova *imá-* dolazi 53 puta a osnova *imě-* 19 puta.

c) Oblici sa fonemom *-ǰ-* u nastavku ograničavaju se na glagole *dati* i *znati* i složenice tih glagola ali se javljaju ne samo u 3. l. množ.:

1. 1. jedn.: ЗНАДЕМЪ 30 pored НЕ ЗНАМЪ 9, НЕЗНАМЪ 20, ЗНАЮ 72¹;

3. 1. jedn.: ДАДЕТЬ 60 pored ДАСТЬ 40, 61³, ДАМУ (= да му) 14; ПОЗНАДЕТЬ 87 pored ЗНА 33, НЕЗНА 23, ЗНАЕТЬ 22;

1. 1. množ.: ДАДИМЪ 73³ (imperativ) ali НЕ ЗНАМО 36;

3. 1. množ.: ПРДАДУТЬ 11, ПОЗНАДУ 38 pored ЗНАЮТЬ 27, XV (103).

d) U poeziji Stojković ne upotrebljava nijedan primer sa nastavkom narodnog jezika, a u posveti, odnosno u predgovoru ima svega dva primera: МОЛИМЪ XIV (102, 1. 1. jedn.), ТРЕБА XII (100).

e) Oblike složenica glagola *iši* v. u t. 2.6.1.

3.5.2. Infinitiv

Infinitiv ima u "Kandoru" nastavke *-ti* i *-iši*:

распростирати 31, пояти 64¹, чути 7, вѣровати 50, отвѣтствовати 77, боятисе 27, любитисе 3, судитися 42, прострѣтися 84; избѣщи 78, рещи 6, моши 7, 19, 42, (7x) i sl.

Puni se oblik čuva i u konstrukcijama za obrazovanje futura (primere v. u t. 3.5.7.4).

U poeziji se četiri puta iz metričkih razloga izostavlja finalno *-t*: БЫТ' 56, ПЫТ' 57, 58, ЗРѢТ' 58.

U vezi sa oblicima infinitiva možemo navesti sledeće karakteristike:

a) Glagol *iši* ima infinitiv *iši*: ИТИ 8, 9, 10(x2), (8x), ВЪИТИ 5, 24, ДОИТИ 10, 22, 26, (12x) i sl.

b) Glagoli tipa *stignuti/stiši* koji mogu da imaju infinitiv i po III i po I vrsti kod Stojkovića imaju dosledno infinitiv po III vrsti: ДОСТИГНУТИ 10, 35, 65, ДОСТИГНУТИСЕ 50, ДОСЯГНУТИ 83, ИЗВЕРГНУТИ 76, МАКНУТИ 19, се оттергнути 19, подвергнути 68, 77, ПОСТИГНУТИ 2, ПРОНИКНУТИ 15, 44, XII (100) i sl.

Prelaženja glagola ovog tipa u VII vrstu, što bi predstavljalo

"izrazitu dijalekatsku vojvodansku osobinu"⁷⁸, nema.

c) Odnos između broja iterativa sa *-ivati* i broja iterativa sa *-avati* iznosi 5 : 29: описивати 32, оплакивати 49, предска- зывати 4, приписивати 71, называти 22 — възвышавати 54, изяснявати 83, исполнявати 11, 48, 74, X (98), ощущавати 18 i sl.

d) Infinitiv glagola *dobijati/dobivati* ima oblik добијати 3 pored добыва 52 (3. 1. jedn.).

e) Glagoli VII vrste sa infinitivnom osnovom na *-ǎ* izjedna- čavaju se nekoliko puta sa onima sa osnovom na *-i*: летити 5 pored летѣти XI (99), живити 29, 54, желити 25, 29 i sl.

3.5.3. Imperativ

Zbog poučnog karaktera teksta, imperativ se javlja pri- lično često.

a) Sintetične forme

Pregled oblika

LICE	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	%	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
2. j.	-j	27/26	17/16	-	-	100,00
	-i	51/41	35/27			
1. m.	-m	6/5	4/3	-	100,00	-
2. m.	-jte	2/-	2/-	-	-	100,00
	-ite	4/1	4/1			

OBLICI	U K U P N O			ukupno
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	
broj	-	5	68	73
%	-	6,85	93,15	100,00

Primeri i napomene

2. 1. jedn.: Nastavci se poklapaju sa onima u današnjem knji- ževnom jeziku:

дай 51, 87(x2), дѣлай 36, приближайся 85 i sl., благодѣ- телствуи 85, следуй 48; вратисе 11, дозволими 22, 45, помози 20, найдисе 12, научи 64 i sl.

Složenice glagola *statiti* imaju imperativ na *-j*: оstay 6, уstay 29(x3), 81.

1. 1. množ.: возлюбимъ 37, дадимъ 73², осладимъ 37, Подвигнемся

37(x2), уподобимся 37.

2. 1. множ.: воздейте 61³, пойте 61³; живите 54, примите VI (94), хвалите 61³, двигните 61³.

Negirani oblik dolazi samo dva puta: не поцади 17, неостав' 64³.

U poeziji se oblik *budi* odnosi, samo dva puta, na 3. 1. jedn.:

Хвално буди, имя ти, ... до вѣкъ вѣка буди ... свято имя твое Творче! 74.

b) Analitične forme

Tri puta Stojković upotrebljava za 3. 1. jedn. konstrukciju *neka + present*:

Отъ себе самага нека всякій почне - нека разсуждава - ... 44, неками всякій скажетъ 70.

Nekoliko puta se javlja i konstrukcija *da + present* za iskazivanje imperativnog značenja i to

1) *da + present glagola biti* u 3. 1. jedn. i множ.:

То быти да будетъ вашъ трудъ ... 54, Благость твоя да будетъ надомноу ... 29; Благополучіе братіе мое, благополучіе цѣлаго свѣта да будутъ конецъ всѣхъ моихъ предприятий. 29 i sl.

2) *da + present drugih glagola*:

Ova se konstrukcija koristi pretežno u 1. 1. множ.: Да узмемо о Кандоре! единаго скота. 52, Дай да посмотримо свѣтъ оваи Физическій, ... 51 i sl. ali jedanput i u 3. 1. множ.: ... разумъ, умъ, тако да дѣйствуютъ, да ... 36.

3.5.4. Acrist

Pregled paradigme⁷⁹

BROJ LICE	NASTAVAK	BROJ OBLIKA LEKSEMA		+NAR.	-NAR.	±NAR.	
J E D I N I A	1.	-h	6/1	6/1	-	-	100,00
		-oh	1/-	1/-	-	-	-
	2.	-	-	-	-	-	-
	3.	-ø	19/13	15/9	-	-	100,00
		-st	1/-	1/-	-	-	-
	MNOŽINA	1.	-hom	1/-	1/-	-	-
2.		-	-	-	-	-	-
3.		-ša	1/-	1/-	-	-	-

Primeri i napomene

1. 1. jedn.: содѣлахъ 86, обѣцахъ XIV (102), написахъ IV (92), трудихся XV (103), удовлесотворихъ XV (103); немогохъ XV (103).
3. 1. Jedn.: донесе 25, измери 73³, позна 84 i sl.
Aorist glagola *biti* ima oblik *bišt*:
1. 1. množ.: разговорахомся XIV (102).
3. 1. množ.: искусиша XV (103) sa ruskoslovenskim refleksom nazala prednjega reda.

Kako se iz iznesenog materijala vidi, aorist se gradi od glagola svršenog vida i njegovi nastavci se poklapaju, osim nastavka *-ša* u 3. 1. množ. i oblika *bišt*, sa onima u današnjem srpskohrvatskom književnom jeziku.

Zanimljivo je to da se gotovo polovina oblika aorista (14 od ukupno 29) javlja van glavnog teksta. Verovatno je Stojković upotrebu aorista smatrao oznakom "višeg stila" i zbog toga ga relativno češće upotrebljavao u posveti i poeziji što je inače i odlika Rajićevog jezika.⁸⁰

3.5.5. Imperfekat

Pregled paradigme

LICE	NASTAVAK	B R O J		+NAR.	% -NAR.	±NAR.
		OBLIKA	LEKSEMA			
1. je.	-h	1/-	1/-	-	-	-
3. je.	-(ja)še	71/70	48/47	-	-	100,00
	be	1/-	1/-			
3. mn.	-(ja)hu	30/30	25/25	-	-	100,00

Primeri i napomene

1. 1. jedn.: взирахъ XV (103).
3. 1. jedn.: глядаше 84, приближаше 82, совѣтоваше 22, царствоваше 81, обновляше 8, облекаше 28 i sl.
3. 1. množ.: оглашаху 19, падаху 41, начаху 59, пресѣцаху 15, возвышавахуся 79, зауставляху 41 i sl.

Tendencije

- a) Stojković nema nijedan primer sa nastavkom *-ijaš*.
- b) Glagol *čiti* ima oblik ИДЯШЕ 41 a glagol *moći* МОГАШЕ 16, 40 i МОГАХУ 79, НЕ МОГАХУ 8, 15(x2).

c) Pored oblika бѣше 5, 7, 14, (7x), бѣху 15, 16, 82, 84 dolazi jedanput, u poeziji, crkvenoslovensko 0t 56.

d) Za razliku od aorista se gotovo svi primeri imperfekta (101 od ukupno 103) javljaju u glavnom tekstu.

3.5.6. Participi, glagolski pridevi i glagolski prilozi⁸¹

3.5.6.1. Particip prezenta aktivni - glagolski prilog sadašnji

a) Oblici participa prezenta aktivnog imaju ruskoslovensko -šá- kao inicijalnu fonemu nastavka i pripadaju, najčešće, celom svojom morfonološkom strukturom ruskoslovenskom jezičkom sloju (živuščago, želajuščii i sl., v. primere u t. c).

b) Obrazovanje oblika glagolskog priloga sadašnjeg odgovara stanju u današnjem književnom jeziku. Odstupanje od te norme ogleđa se samo u jednom od ukupno 52 primera: Pored očekivanog живетьи 23 dolazi i oblik живутъи 20, što se može objasniti ili uticajem drugih glagolskih vrsta ili upotrebljavanjem starog oblika u 3. l. množ. prezenta (v. o tome u t. 3.5.1).

c) Radi ilustracije navodimo spisak leksema koje se javljaju i u obliku glagolskog priloga sadašnjeg koji pripadaju i na fonetskom i na morfološkom planu narodnom jeziku (izuzetak predstavlja jedino primer 11 gde dolazi umesto očekivane foneme -d- grupa -šd-) i u obliku participa prezenta aktivnog:

- 1) боетьисе 10, 76 — боящесе главе 66;
- 2) будутъи да 22, 35, 49, 75, 78, isključivo u značenju "pošto" — будуща жизнь 77, будущу жизнь 48, за будущее 7;
- 3) видетьи 6, 15, 35, 45, невидетьи 14 — всевидяще 72, все-видящимъ окомъ 66;
- 4) знаютъи 35, не знаютъи 9, 64 — всезнающе 72;
- 5) желетьи 9 — желающии 11;
- 6) живетьи 23 pored живутъи 20 — божества ... живущаго 76;
- 7) не могутъига (= не могуци га) 23 — Кандоръ ... не могуций 14, могутъе благополучие 75 i sl.;
- 8) певаютьи 7 — со поущ'ми ... птицы 61³;
- 9) идутъи 18 u značenju "hodeći" — у предидущему ... союзу 78;
- 10) преходетьи 43 — Тма ... исходяща 28, заходящаго Солнца 28;
- 11) разсуждаваютьи 31, 35 — разсуждающаго ... человека 34, 35;
- 12) стоетьи 11, 29, 79 — нас ... стоящихъ 10;
- 13) хотетьи 27 — хотящаго 34, хотящимъ 25.

Stojković upotrebljava, dakle, paralelno oblike participa

prezenta aktivnog, u pridevskim funkcijama, i glagolski prilog sadašnji, sa istom funkcijom koju on ima i u današnjem srpsko-hrvatskom književnom jeziku, što se lepo vidi iz sledećih primera:

... разговараютьи съ родителемъ моимъ о наукахъ умъ нашъ просвѣщающихъ, за никакоевъ Градъ отъ него толико слушао нисамъ, колико за тай. 9, ... шевя ... трепетуцими крыли у чистыи воздухъ себе узвышаваютьи радость свою являеть, ... 1.

Ovaj posledni primer i primer Истина ... боетьисе, жилища своя сокрыва, ... 10 upućuju na to da se kod oblika sa nastavkom *-ѣи* stvarno radi o glagolskim priložima sadašnjim a ne o oblicima sa "dvojakom transformacijom" koji se mogu tumačiti ili kao participi u atributivnoj funkciji ili kao glagolski prilozimi sadašnji jer je za dvojaku transformaciju neophodna kongruencija particip - imenica, i naš primer bi morao da glasi *Истина ... боетьисе, ... Pošto nema kongruencije ni kod drugog primera ove vrste (v. gore), možemo, sa isvesnom sigurnošću, smatrati glagolskim priložima i primere tipa Онъ ... стоетьи овако продолжить ... 11, u kojima se nastavak glagolskog prideva sadašnjeg poklapa sa nastavkom participa.⁸² Tome ide u prilog i činjenica da se oblici na *-ѣи* dosledno javljaju sa grafemom *-и* a ne sa grupom *-ий* što bismo u jedнини očekivali kao pridevski nastavak (v. u t. 1.1.2.3).

d) U poeziji se upotrebljava jedanput ruski oblik glagolskog priloga sadašnjeg:

Ты отзыве вѣрный пой
побуждая все естество! (62')

3.5.6.2. Particip preterita aktivni - glagolski prilog prošli

a) Najčešće Stojković ima oblike sa nastavkom *-вѣ(и)*:

двигнувши 85, изгубивше 46, послѣдовавшихъ 25, узевши 24, 59 i sl.

b) Kod složenica glagola *идѣи* dolaze sledeći oblici:

дошедше 56', прешедшии 15 pored дошавши 16.

c) Nastavak *-ѣи* se javlja i kod jedinog još nadenog primera sa osnovom na suglasnik: проведшии 68.

d) Samo po jedanput, i to u poeziji, Stojković upotrebljava nastavke *-в* i *-ѣ*: ополчився 58'; претекъ 63'.

e) Kao i u prezentu, Stojković ima i u perfektu paralelnu upotrebu oblika participa (u pridevskim funkcijama) i gla-

golskog priloga (u istoj funkciji kao u današnjem književnom jeziku). Ova se postavka naslanja:

1) na činjenicu da kod oblika u pridevskim funkcijama u nastavku nominativa muškog roda (primera za ženski ili srednji rod nema) dolazi dosledno grafemska grupa -ИЙ (u jedn.), odnosno -ИИ (u množ.) a kod oblika u funkciji glagolskog priloga, takođe dosledno, -И:

... животь свой жалостно проведшіи человекъ ... 68, ..., да хотѣвши правымъ путемъ ити у нихъ [putove] недойдуть 26 i sl. — Онъ видѣвши да э то ветъ повысоко, отъ своего мѣста устанеть, ... 11, ... они легку вечеру къ себи узевши разставесе, ... 59 i sl.;

2) na analogiju prema prezentu (v. u. t. 3.5.6.1 c).

3.5.6.3. Particip prezenta pasivni

Popridevljeni oblici nekadašnjeg participa prezenta pasivnog se javljaju ukupno 28/23 puta:

благоухаемыхъ травиць 31, непоколебимыхъ духомъ 86, Ходъ му э влекомъ. 46 i sl.

3.5.6.4. Glagolski pridev radni (particip preterita aktivni II)

Pregled oblika

БРОЈ	НАСТАВЦИ	БРОЈ ОБЛИКА		
		МУШКИ РОД	ЖЕНСКИ Р.	СРЕДЊИ Р.
ЈЕДНИНА	-о, -ла, -ло	180/180	46/42	62/59
	-л	19/11	-	-
МНОЖИНА	-ли, -ле, -ло	75/67	16/16	6/6
	-ли	-	3/2	-
уз број ДВА	-ла	2/2	-	-

ОБЛИЦИ	УКУПНО			
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
број	204	13	168	385
%	52,99	3,38	43,63	100,00

Primeri i napomene

Jedn.: U muškom rodu Stojković upotrebljava pretežno nastavak -o narodnog jezika: клекао 64, слушао 9, 20, совѣтовао 9 i sl. Primeri sa finalnim -л javljaju se ili u potencijalnim konstrukcijama ili uz puni oblik pomoćnog glagola u emfatičkim frazama:

А могль бы ихъ мыслити, да му солнце очи не просвѣтитъ? 13, ...; кой ово зналь не бы, ... XIV (102); Первая моя днесь былъ еси мысль, ... 28, ..., руководитель мы былъ еси чрезъ Лабиринтъ жизни моя до днесь. 86, Пособіемъ могущества твоегоя свѣтъ видѣль есмь: ... 86 i sl. — заслужила з, истекла 76, родилася 86 i sl. — благоволило 22, VI (94), нестало 38, попелосе 79 i sl.

Množ.: Stanje u množini odgovara, sa tri izuzetka, današnjoj književnoj normi:

народы ... ималису 66, Други ... нису погодили 24, Чтосмо ... желили и уповали, ... 44 — очи мое ... видиле есу 18
Горе сусе ... разпростерле 19, Луче ... есу осіяле 25 i sl.
ali i: аще бы [stvari] у сраженіе дошли XI (99), Неке ...
главе мыслили есу 66, Рода и чапля ... долге ногесу требо-
вали 69 i dalje — ... есу изваяна была поля елусейска ...
16, ударенія сердца ... есусе усугублявала 19, дѣла ...
нису дѣствія своя получила 47.

Tu navodimo i oba primera sa nastavkom *-la* uz broj *dva*:

... она два долазила есу ... 23, ..., где бы ова два конца противостояла ... 35.

3.5.6.5. Glagolski pridjev trpni (particip preterite pasivni)

Ovaj se nekadašnji particip kod Stojkovića obrazuje istim sufiksima kao i u današnjem književnom jeziku i to sufiksom *-en-* (148/133 puta), sufiksom *-n-* (19/17 puta) i sufiksom *-t-* (21/20 puta).

Što se distribucije tih sufiksa tiče, možemo konstatovati sledeće:

a) Sufiks *-en-* dolazi kod glagola I i VII vrste:

влечены 66, доведенъ 47, реченаго 15 i sl.; возбуждены 25, награждена 31, священнаго 8 i sl.

b) Sufiks *-n-* upotrebljava se kod glagola sa osnovom na *-a-*:

дароване 69, нечувствовано 41, изваяна 16, невоздѣлано 21, поѣдено 9, сказаныхъ 80 i sl.

c) Sufiks *-t-* Stojković piše

1) dosledno kod glagola sa osnovom na *-u-* i *-r-*:

двигнутима 60, измѣнута 8, рассута 4 i sl.; распростертъ 79, распростерте 10;

2) takođe dosledno kod glagola *dati*:

- дать 69, дано 4, издать 52, предать 3;
- 3) kao dubletni oblik prema *-en-*:
открытое 11, сокрыта 9 pored покрывень 1, покрывена 4, 7,
15, покрывенно 44, I³ (89), XIII (101);
- 4) u sledećim pojedinim primerima sa osnovom na *-a-*, odnosno *-i-*:
саписато VII (95), начатое 14, отерате 39, превезать 77,
растерата 28, узбрато 20, превыту 7.

3.5.6.6. Frekvencije participa i glagolskih prideva i priloga

Particip prezenta aktivni (-šš-)	92/80
Glagolski prilog sadašnji (-đđ) (-ja)	52/52 1/-
Particip preterita aktivni	14/11
Glagolski prilog prošli	19/18
Particip prezenta pasivni	28/23
Glagolski pridev radni (Particip preterita aktivni II)	410/386
Glagolski prilog trpni (Particip preterita pasivni)	188/170
u k u p n o	804/740

3.5.7. Složena vremena

3.5.7.1. Perfekat

a) Pored 181 slučaja u kojima za obrazovanje perfekta služi enklitički oblik pomoćnog glagola, uključujući i primere sa oblikom *se*, dolazi u 62 ili 25,51% od ukupno 243 primera, koji se javljaju u glavnom tekstu, puni oblik:

се ... губио 5, толико се ... страшио 5, а ... поставио 37,
..., коимъ а его животь смерть, смерть есть животь быо
24, есть ... была 5, есть нашао 44, позналисмо 42, мысмо
... дошли 12 pored мы есмо стаяли 82, ималису 66, су ...
пытали 18 pored есу были 20, есу примали 66 i sl.

Kako se iz navedenog vidi, Stojković upotrebljava enklitički oblik *se* u 3. 1. jedn. za obrazovanje perfekta. U 12 slučajeva dolazi samo oblik *se* dok se u 7 primera upotrebljavaju i oblik *se* i puni oblik *jest*:

есть усудио се 23, се есть родила 10, предавало се есть 23
i sl.

b) Svega 6/4 puta Stojković ima perfekat bez pomoćnog glagola:⁸³
..., кто не жилъ нашъ сей въкъ? 54³, ... дондеже одну вещь
не понялъ къ другой не ити, ... XIV (102), Умолчала при-

рода. Всяка травка главу подклонила. 28 i sl.

3.5.7.2. Pluskvamperfekat

Pluskvamperfekt dolazi tri puta i to

a) dva puta u obliku konstrukcije *помощни глагол + глаголки pridev radni glagola biti + glagolski pridev radni*:

до дверей ея есть дошао быо 24, Между тымъ се буря ветъ нешто утишала была. 64;

b) jedanput kao konstrukcija *glagolski pridev radni + imperfekat glagola biti*:

Очи его - кое упале бяху - преобратесе у живе и божественнаго нѣкаго огня полне. 84

3.5.7.3. Frekvencije preteritalnih vremena

V R E M E N A	FREKVENCIJA	
	broj	%
Perfekat	250	74,63
Imperfekat	72	21,49
Aorist	10	2,99
Pluskvamperfekat	3	0,89
u k u p n o	335	100,00

3.5.7.4. Futur I

Stojković obrazuje futur I na tri načina:

a) *enklitički oblik glagola hteti + infinitiv*:

U svim primerima se upotrebljava puni oblik infinitiva, a u 40 od ukupno 46 primera *помощни глагол* стоји одвојено од infinitiva:

дойтитѣ 44, сочиняватитѣ 53, наититѣмо 31, вратитѣесе 71(x2), 72; тѣе ... слѣдовати 76, тѣешъ ... добыти 85, овдетѣесе ... насытити 17 i sl.;

b) *prezent glagola biti + infinitiv*:

продолжавати будемъ 28 (1. 1. множ.), жнети будетъ 54, до-быти не будетъ V (93) i sl.

Tu svrstavamo i primere sa drugim predikatskim dopunama: ... солнце будетъ предъ тобомъ. 11, ..., да воспоминаніе дѣль нашихъ всегда съ радостію за насъ соужено будетъ. 37 i sl.

c) *prezent glagola svršenog vida*:

Ovaj način obrazovanja futura Stojković upotrebljava 20

puta u poeziji. Navešćemo samo jednu strofu:

Там' въ свѣтлости азъ то узрю,
что на земли темно бѣ,
И въ вѣчности я то прозрю,
непонятно что бысть здѣ. (56)

Van poezije se znatno ređe javlja oblik prezenta glagola svršenog vida za označavanje futura:

... како онѣ [облак] отступитѣ, осіяетъ насъ свѣтъ. 10;
..., но одѣяніе ово у коему является можетъ быти не будетъ
всѣмъ неповолно а нѣкоимъ къ забавленію послужитъ. XIV (102)
i sl.

Pojedine konstrukcije imaju sledeće frekvencije:

frekvencija konstr.	broj	+NAR.	% -NAR.	±NAR.
a	46/46			
b	21/13	76,41	24,59	-
c	26/2			

3.5.7.5. Futur II

U čitavom delu postoji samo jedan primer. Za označavanje futura II služi prefiks *из-* + *present*:⁸⁴

А съ каковымъ тѣмо мы восхищеніемъ все естество и насъ
самыхъ гледати, када сами себи казати уземѣмо: человекѣ!
тыси безсмертенъ! 30 i dalje.

3.5.7.6. Potencijal⁸⁵

Za izražavanje potencijala Stojković upotrebljava

a) konstrukciju *bi* (za sva zastupljena lica u oba broja) +
glagolski prilog radni:

1. jedn.: рекао бы 2, 14, 16, (5x), когда бы я изчислио 4,
да бы я ... могао 58 i sl.;
2. 1. jedn.: ако бы ты ... снишао 76, ако бы се ты ... попео 76;
3. 1. jedn.: кто бы то ... чинити могао 66, где бы она ...
дошла 36, то бы человечество нещастно было 65; могъ бы 13 i sl.
1. 1. množ.: да бы мы ... могли 33, не бы мы ... увезли се 43,
ако мы не бы ... имали 65 i sl.;
2. 1. množ.: — ;
3. 1. množ.: гдѣ бы благодатне нѣне луче ... небыле 10, аки бы
главе свое сокрыти хотѣли 59, да бы славы мудршии ... по-
стали XI (99) i sl.;

b) konstrukciju *bi* + *infinitiv*:

... ову спасителну науку само они у сумњение бы довести ради, коихъ поступки живота и беззаконія до тогъ безумія доводе: ... 76.

c) konstrukciju *bi + present*:

Я отвѣствуемъ небы. 49..

Pojedine konstrukcije imaju sledeće frekvencije:

frekvencija konstr.	broj	%		
		+NAR.	-NAR.	±NAR.
a	90/80			
b	1/1	-	-	100,00
c	1/1			

3.5.8. Помоћни glagoli

3.5.8.1. Oblici pomoćnog glagola *jesam*

1. 1. jedn.: ЕСАМЪ 37 pored ЕСОМЪ 6, 9, 86, IX (97), НИСАМЪ 9, 18 — САМЪ 21(x2), 22, 32, (7x), ЯСАМЪ 6, 17, 18, (8x), НАМЪРЮСАМЪ 6 i sl., (ukupno 26x).
2. 1. jedn.: ЕСИ 3, 5, 28, (7x), НЪСИ 63³ — СИ 4, 64(x2), 79, (9x), ТЫСИ 13(6x), 28, 30(x2), (11x), КАКОВАСИ 3 i sl., (ukupno 29x).
3. 1. jedn.: ЕСТЬ 3, 4, 5(3x), (132x), Н Е 3, 9(x3), 10(x3), (43x) pored НЪСТЬ 55³, 57³, 58³, (8x, samo u poeziji i posveti) — Э 2(6x), 3, 4, (159x), ОВОЕ (= ovo je) 46, КТОЕ (= kto je) 70(x2) i sl., (ukupno 7x).
1. 1. množ.: ЕСМО 82, НИСМО 82 — МЪСМО 12, 42, 83, ЧТОСМО 44, ПОЗНАЛИСМО 42 i sl., (ukupno 7x).
2. 1. množ.: / — СТЕ V (93).
3. 1. množ.: ЕСУ 8, 9, 15(x2), (36x) pored СУТЬ 10, 18, 87, (13x, od toga 10x u posveti, odnosno poeziji); НИСУ 21, 24, 46, (6x) — СУ 18(x2), 20, 23, (10x), МНОГИСУ 11(x2) i sl., (ukupno 42x).

Raspored pozitivnih oblika u glavnom tekstu prema njihovoj jezičkoj pripadnosti ovako izgleda:

OBLICI	+NAR.	-NAR.	±NAR.	ukupno
broj	306	6	110	422
%	72,51	1,42	26,07	100,00

Tendencije

a) Određni oblici u glavnom tekstu isključivo pripadaju

narodnojezičkom sloju.

b) U posveti i poeziji se javljaju samo crkvenoslovenski, odnosno ruskoslovenski i neutralni oblici.

c) Upadljiva je česta upotreba punog oblika. Što se frekvencija pozitivnih oblika u raznim funkcijama tiče, nalazimo sledeću sliku:⁸⁶

		frekvencije u glavnom tekstu		
		u preteritu	u prezentu	ukupno
puni oblik	broj	63	91	154
	%	40,91	59,09	100,00
enkl. oblik	broj	170	98	268
	%	63,43	36,57	100,00
u k u p n o		233	189	422

3.5.8.2. Oblici pomoćnog glagola *biti*

1. 1. jedn.: будемъ 14, 21, 22.
2. 1. jedn.: будещи 87.
3. 1. jedn.: будетъ 6(x2), 11, 13, (22x).
1. 1. множ.: будемо 30 pored будемъ 28, 36.
2. 1. множ.: будете VIII (96).
3. 1. множ.: будутъ 7, 28, 29, (5x).

3.5.8.3. Oblici pomoćnog glagola *hteti*⁸⁷

Svi oblici odgovaraju onima u današnjem književnom jeziku:

1. 1. jedn.: нѣтъу 44(x2), 49 — ятъу 53(x2), 54, 70, 77, ятъу се 54, 85, кадтъу 19 i sl., (ukupno 10x).
2. 1. jedn.: / — тѣшь 85, тытѣшь 31, овдетѣшь 17.
3. 1. jedn.: нѣтѣ 42, 76 — тѣ 10(x2), 47, 75(x2), (7x), тотѣ 31, землятѣ 53 i sl., (ukupno 22x).
1. 1. множ.: / — тѣмо 30, тамотѣмо 43, 44(x2).
2. 1. множ.: / — /.
3. 1. множ.: / — садтѣ 12, илитѣ 53(x2), овдетѣсе 17 i sl., (ukupno 6x).

4. ZAKLJUČAK

1) Stojković upotrebljava uglavnom morfološki a ne fonološki pravopis. Od grafemskog fonda (v. u t. 1.1) izdvajamo na ovom mestu samo grafemu *ѣ* koja služi isključivo za beleženje pomoćnog glagola *је*. Najprogresivnijom crtom u ortografiji se može smatrati upotreba ligature *ѣѣ* za označavanje foneme *ě* koju su pre A. Stojkovića upotrebljavali i drugi srpski pisci (v. A. Mladenović, Sava Mrkalj i njegovi prethodnici, 170 i dalje).

2) Na fonetskom planu prevladuje ruskoslovenski jezički sloj. Neke se ruskoslovenske, odnosno ruske osobine (*ѣ* > *ol*, čuvanje inicijalnog *ѣ-*, oblik *кто* zamenice *tko*, oblik *вѣс* zamenice *sav*, oblik *деловѣк*) dolaze bez izuzetka.

Refleksi *ѣ* > *ja*; *ѣ, ѣ* > *o, e*; *ѣѣ, ѣѣ* i *ѣѣ, ѣѣ* umesto *ě* i *ě*; *вѣ(з)-* > *vo(z)-*; čuvanje finalnog *-л*⁸⁸ dolaze u 1.248 ili 58,70% primera dok se odgovarajući refleksi narodnog jezika javljaju samo u 878 ili 41,30% primera. Sličan se odnos može očekivati i kod refleksa samoglasnog *r* gde u 166 slučajeva dolazi sekvenca *er* (6 puta narodni *ѣ, ѣ* puta *er*), pri čemu se ne može pouzdano reći u kojim se primerima radi stvarno o fonemskoj sekvenci *er*, a u kojim samo o grafijskom znaku za vokalne *ѣ, ѣ*.

3) Na morfološkom se planu pruža sasvim drukčija slika. Nekoliko oblika ima češće ruskoslovenski nastavak: gen. jedn. prid. m. i sr. r. *-ago* (100%, kod zamenice *sa* pridevskom deklinacijom 88,62%), dat. množ. imen. ž. r. *-am* (100%), gen. množ. imen. sva tri roda *-ov/-ev, -ѣ* (94,83%), prezentski oblici glagola (59,79%), oblici 3. l. prisvojnih zamenica *јего, јеја, ѣѣ* (89,02% pored narodnih *něne, njihov*, 10,98%). Ali u većini oblika narodni nastavci imaju prevagu: lok. jedn. imen. m. i sr. r. *-u* (94,41% pored *-ě, -(ij)ě*, 5,59%), gen. jedn. imen. ž. r. na *-a* - nastavak *-e* (65,57% pored *-i*, 34,43%), dat. i lok. jedn. imen. ž. r. na *-a* - nastavak *-i* (95,71% pored *-ě*, 4,29%), instr. jedn. imen. ž. r. na *-a* - nastavak *-om* (83,33% pored *-oju/-eju*, 16,67%; kod imen. ž. r. na *-ѣ* dolazi dosledno nastavak *-iju*), nom. i akuz. imen. ž. r. na *-a* i akuz. množ. imen. m. r. *-e* (88,49% pored *-i*, 11,51%); gen. jedn. ž. r. prid.-zam. dekl. *-e*

(70,45% pored *-ija*, *-jeja*, 29,55%), instr. jedn. ž. r. prid.-zam. dekl. *-om* (80,00% pored *-aju/-eju*, *-iju*, 20,00%), nom. i akuz. množ. ž. r. i akuz. množ. m. r. prid.-zam. dekl. *-e* (87,00% pored *-ja*, *-i*, *-ih*, 13,00%).⁸⁹

Stojković upotrebljava ukupno 8643 imenička, pridevska, zamenička i glagolska oblika od kojih ima 1.930 (22,33%) narodni nastavak, odnosno oblik, 1.356 (15,69%) ruskoslovenski i 5.357 (61,98%) neutralni nastavak (oblik). U fonetici dolaze, računajući u tabeli I (t. 4.1) navedene osobine, 1.283 (32,51%) narodnog, 1.339 (33,92%) ruskoslovenskih refleksa i 1.325 (33,57%) neutralnih refleksa. Odnos je između narodnih i ruskoslovenskih elemenata u fonetici 1 : 1,04 a kod oblika 1,42 : 1 što pokazuje da je Stojković očigledno smatrao potrebnim znatno jače posrbljivanje na morfološkom planu da bi postigao bolje razumevanje teksta kod čitalaca.

Stepen posrbljivanja je, međutim, kod raznih vrsta reči veoma različit. Tako, na primer, odnos između narodnih i ruskoslovenskih elemenata kod imenica iznosi 1,54 : 1 a kod prezentskih oblika glagola 1 : 1,63. Ostale vrste reči imaju sledeće odnose: pridevi 1 : 1,05, zamenice sa pridevskom deklinacijom 1 : 1,63, lične zamenice, uključujući i povratne, 2,49 : 1, glagolski pridev radni 15,69 : 1 i pomoćni glagoli 61,33 : 1.⁹⁰

4) Od ostalih osobina na fonetskom i morfološkom planu izdvajamo sledeće:

a) Sistem afrikata ima samo bezvučne varijante *c*, *č*, *ć* jer potvrde za foneme *d* i *dž* nema.

b) Padežni sinkretizam u dat., lok. i instr. množ. imen. sva tri roda se, u suštini, ograničava na jednu upotrebu nastavka *-ami* u lok. sr. r. (v. tabelu na kraju tačke 3.1.5.3).

c) Najšareniju sliku u odnosu na upotrebu raznih nastavaka pruža lokativ. U lok. množ. imen. sva tri roda se, na primer, upotrebljava 7 raznih nastavaka (v. tab. na kraju tačke 3.1.5.3). "Nestabilnost" lokativskog nastavka potvrđuje i činjenica da se jednačenje dat. - lok. u jedn. pridevsko-zameničke deklinacije vrši 80 puta u pravcu dativa (duži nastavak *-omu/-emu* u lok.) a svega 4 puta obratno (kraći nastavak *-om/-em* u dat.).

d) Komparacija prideva i priloga ima u 117 (60,62%) slučajeva

ruskoslovenski (*vjaščejij, veličajše*), 34 puta (17,62%) narodni (*stariji, najčistije*) i u 42 (21,76%) primera neutralni karakter (*bliže, više*).

5) Uticaj šumadijsko-vojvodanskih govora na jezik "Kandora" možemo konstatovati u sledećim slučajevima:

Ikavizmi (*nisi, gdi, želiti* i sl.), nastavak *-im* u lok. jedn. prid. m. r. (*u najlepšim snu*), nastavak *-i* u lok. i instr. množ. imen. m. i sr. r. (*na oblaci, između duhi; u kolicima, pred vratima* i sl.), oblici tipa *znadem, dadet, poznađu* glagola VI vrste, glagolski oblik *šilě* (3. l. jedn.), upotreba prefiksa *uz + prezent* za označavanje futura II (*uzsmemo*).

6) Tipični srpskoslovenizmi se u "Kandoru" ne javljaju.

7) Statistički podaci o broju narodnih i ruskoslovenskih elemenata u glavnom tekstu, u posveti, odnosno u predgovoru i u poeziji jasno pokazuju u kojoj se meri ova tri dela međusobno jezički razlikuju:

FONETSKE + MORFOLOŠKE OSOBINE		+NAR.	-NAR.	±NAR.	UKUPNO
GLAVNI TEKST	broj	3.213	2.695	6.682	12.590
	%	25,52	21,41	53,07	100,00
POSVETA I PREDGOVOR	broj	55	333	370	758
	%	7,25	43,93	48,81	100,00
POEZIJA	broj	21	365	358	744
	%	2,82	49,06	48,12	100,00

U glavnom tekstu, koji je namenjen široj publici, odnos između narodnih i ruskoslovenskih osobina je 1,19 : 1, u posveti, gde se Stojković očigledno trudi da piše višim književnim stilom, ovaj je odnos već 1 : 6,05, a u poeziji, gde se čuvaju mnoge arhajične osobine i u koju teško prodiru elementi narodnog jezika, ima odnos 1 : 17,38.

Iz navedenog se jasno vidi da je Stojković upotrebljavao, u zavisnosti od karaktera teksta, razne "stilove".⁹¹ Tendenciju "srednjim putem"⁹², to jest tendenciju ka kombinaciji ruskoslovenskih, odnosno ruskih i narodnih elemenata na široj narodno-jezičkoj osnovi, možemo primetiti, i to veoma ograničeno, u morfologiji glavnog teksta.

4.1. Statistički pregledi

tab. I Pregled važnijih fonetskih osobina

OSObine	b r o j				%		
	+NAR.	-NAR.	±NAR.	UKUP.	+NAR.	-NAR.	±NAR.
ĥ > e/l : ě	398	-	1.159	1.557	25,56	-	74,44
â > e : (j)a	174	201	-	375	46,40	53,60	-
b/b > a : o/e	81	617	-	698	11,60	88,40	-
ř : or : er	7	6	166	179	3,91	3,35	92,74
ǰ > ol	-	78	-	78	-	100,00	-
č/d : šč, jt/ žd, ž, jd	99	271	-	370	26,76	73,24	-
vb(z) → ^{u(z)-} v(oz)-*	344	132	-	476	72,27	27,73	-
-l(-) > o : l	180	27	-	207	86,96	13,04	-
čř-	-	7	-	7	-	100,00	-
ukupno	1.283	1.339	1.325	3.947	32,51	33,92	33,57

*uključujući i predlog u : v(o)

tab. II Pregled glagola

		b r o j				%		
		+NAR.	-NAR.	±NAR.	UKUP.	+NAR.	-NAR.	±NAR.
PREZENT	jed.	214	398	28	640	33,44	62,19	4,37
	mno.	98	112	3	213	46,01	52,58	1,41
	uku.	312	510	31	853	36,58	59,79	3,63
IMPERATIV	jed.	-	-	67	67	-	-	100,00
	mno.	-	5	1	6	-	83,33	16,67
	uku.	-	5	68	73	-	6,85	93,15
AORIST 1 IMPERFEKAT	jed.	-	-	84	84	-	-	100,00
	mno.	-	-	30	30	-	-	100,00
	uku.	-	-	114	114	-	-	100,00
GLAGOLSKI PRIDEV RADNI	jed.	180	11	101	292	61,64	3,77	34,59
	mno.	24	2	67	93	25,81	2,15	72,04
	uku.	204	13	168	385	52,99	3,38	43,63
POMOĆNI GLAGOLI (jesam, hteti)*	jed.	305	3	110	418	72,97	0,72	26,31
	mno.	113	3	-	116	97,41	2,59	-
	uku.	418	6	110	534	78,28	1,12	20,60
GLAGOLI UKUPNO	jed.	699	412	390	1.501	46,57	27,45	25,98
	mno.	235	122	101	458	51,31	26,64	22,05
	uku.	934	534	491	1.959	47,68	27,26	25,06

*Puni i enklitički oblici. Oblike pomoćnog glagola *biti* (*budem, budeš i sl.*) računali smo kod prezenta.

tab. III Pregled nomina i ukupan pregled oblika

		b r o j				%		
		+NAR.	-NAR.	±NAR.	UKUP.	+NAR.	-NAR.	±NAR.
IMENICE	jed.	267	83	2.095	2.445	10,92	3,39	85,69
	mno.	137	179	199	515	26,60	34,76	38,64
	uku.	404	262	2.294	2.960	13,65	8,85	77,50
PRIDEVI*	jed.	50	133	712	895	5,59	14,86	79,55
	mno.	82	6	232	320	25,63	1,88	72,50
	uku.	132	139	944	1.215	10,86	11,44	77,70
sa pridevskom deklinacijom	jed.	110	208	856	1.174	9,37	17,72	72,91
	mno.	66	79	215	360	18,33	21,94	59,72
	uku.	176	287	1.071	1.534	11,47	18,71	69,82
lične i povratne	jed.	328	134	400	862	38,05	15,55	46,40
	mno.	6	-	157	163	3,68	-	96,32
	uku.	334	134	557	1.025	32,59	13,07	54,34
NOMINA UKUPNO	jed.	755	558	4.063	5.376	14,04	10,38	75,58
	mno.	291	264	803	1.358	21,43	19,44	59,13
	uku.	1.046	822	4.866	6.734	15,53	12,21	72,26
GLAGOLI UKUPNO	jed.	659	412	390	1.461	45,10	28,20	26,69
	mno.	255	122	101	448	50,22	27,23	22,55
	uku.	884	534	491	1.909	46,31	27,97	25,72
OBLICI UKUPNO	jed.	1.414	970	4.453	6.837	20,68	14,19	65,13
	mno.	516	386	904	1.806	28,57	21,37	50,06
	uku.	1.930	1.356	5.357	8.643	22,33	15,69	61,98

*Da bismo dobili objektivniju sliku u odnosu na imenice i lične zamenice, računamo u tabeli sve one nastavke nom., akuz. i vok. pridevsko-zameničke deklinacije koji se međusobno razlikuju samo po sažimanju/nesažimanju dužih oblika (npr. -aja/-a i sl.) kao neutralne.

N a p o m e n e

Na ovom mestu želim da zahvalim profesoru dr-u Gerhardu Neweklowskom, Celovec (Klagenfurt), pod čijim sam rukovodstvom napravio konkordanciju i kod koga sam obranio prvu verziju ovog rada (kao diplomski, odnosno magistarski rad), profesoru dr-u Slavku Vukomanoviću, Beograd, za korisne savete i profesoru dr-u Aleksandru Mladenoviću, Novi Sad, koji je preuzeo na sebe teret da podrobno pročita prvu verziju rada i stavi svoje dragocene primedbe.

Zahvaljujem također profesoricici Mariji Smolić, Celovec, i mr-u Milorađu Čiroviću, Beograd, za lektorisanje srpskohrvatskog teksta.

1. I. Grickat, U čemu je značaj i kakve su specifičnosti slavenosrpskog perioda u razvoju srpskohrvatskog jezika, *ZbFL IX*, Novi Sad 1966, 64.
2. A. Mladenović, Nekoliko misli o srpskoslovenskom, ruskoslovenskom i slavenosrpskom tipu književnog jezika, *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku XXVII-XXVIII*, Novi Sad 1984-1985, 504.
3. Up. J. Radonić, Atanasije Stojković (1773 - 1832), *Glas SAN CCXII*, Beograd 1953, 99. Biografske podatke o A. Stojkoviću uglavnom smo uzeli iz ovog rada; up. i rad Stojkovićevog savremenika: L. Bojić, *Pamjatnikb mužemb u slavenoserbskomb knižestvu slavnymb*, u Pešti 1815, 81-97.
4. Radonić, Atanasije Stojković ... (v. nap. 3), 101 i 106.
5. Up. Vl. A. Francev, Pisma Atanasija Stojkovića Josifu Dobrovskom, *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor X*, Beograd 1930, 176 i dalje; Radonić, Atanasije Stojković ... (v. nap. 3), 116 i dalje.
6. J. Deretić, *Istorija srpske književnosti*, Beograd 1983, 200; M. Pavić, *Radanje nove srpske književnosti*, Beograd 1983, 493. Pun naziv "Kandora" glasi: *Kandorb ili otkrovenie egyptskih tainb otb Aeanasia Stojkoviča, Vb Budimě, 1800*, str. XV + 87.
7. A. Mladenović, O nekim pitanjima i osobinama slavenosrpskog tipa književnog jezika, *ZbFL XXI/1*, Novi Sad 1978, 111. Up. i: A. Mladenović, Odnos između domaćih i ruskoslovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove Vukovske standardizacije, *ZbFL XII*, Novi Sad 1969, 50 i N. I. Tolstoj, *Literaturnyj jazyk u Serbov v konce XVIII - načale XIX veka*, u knjizi: *Nacional'noe vosroždenie i formiranje slavjanskih literaturnyh jazykov*, Moskva 1978, 312.

8. Na primer u radovima: A. Albin, Ikavizmi u delima pisaca iz Vojvodini u predvukovskoj eposi, *ZbFL XV/2*, Novi Sad 1972, 25-41. A. Albijanić, Pojava nastavka *-im* u dativu i lokativu jednine pridevsko-zameničke promene u delima nekih starijih srpskih pisaca, *ZbFL XXII/2*, Novi Sad 1979, 131-141; Mišljenja pojedinih autora u XVIII i prvoj polovini XIX veka o srpskom književnom jeziku pre Vukove standardizacije, *NSSVD X*, Beograd 1981, 131-140. A. Mladenović, Napomene o transkripciji i kritičkom izdavanju starih srpskih tekstova iz XVIII i XIX veka, *ZbFL XXII/2*, Novi Sad 1979, 95-129; Prilog poznavanju značenja naziva "Slavenosrpski jezik" kod Srba u XVIII i u prvoj polovini XIX veka, *NSSVD XII/2*, Beograd 1983, 18 i dalje; Tipovi književnog jezika kod Srba u drugoj polovini XVIII i početkom XIX veka, *Referati za VII međunarodni kongres slavista u Varšavi*, Novi Sad (Filozofski fakultet) 1973, 46.
9. Up. Dr. G. Neweklowsky i R. Maier, Jezik Atanasija Stojkovića: Komputerska konkordancija "Kandora", *NSSVD XIV/3*, Beograd 1985, 80 i dalje.
10. Mi tu navodimo, sa izuzetkom I, samo mala slova. Stojković upotrebljava, razume se, i odgovarajuća velika slova.
11. V. o tome i u t. 1.1.6.
12. O grafemi *Ń* za beleženje sonanta *j* v. u t. 1.1.3 a.
13. Up. A. Mladenović, Napomene o transkripciji ... (v. nap. 8), 125.
14. Tu nismo uzeli u obzir komparativ i superlativ tipa *Праведнѣи* 14 (nom. jedn.), 71 (nom. množ.) gde se grupa *И* upotrebljava i u jednini i u množini za beleženje fonemske grupe *-iji*, up. A. Mladenović, n. d., 126.
15. V. o tome kod A. Mladenovića, Oko predvukovskog i Vukovskog slova "J" u knjizi Miodraga Popovića, *JF XXXIX*, Beograd 1983, 216.
16. O upotrebi te ligature kod srpskih pisaca predvukovske epohe v. kod A. Mladenovića, Sava Mrkalj i njegovi prethodnici u reformi predvukovske cirilice, *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu X*, Novi Sad 1967, 170 i dalje.
17. Up. J. Kašić, *Jezik Milovana Vidakovića*, Novi Sad 1968, 23.
18. Tu nismo uzeli u obzir primere *ВѢСРЬ 62'*, *72'*, *ВѢТРЬ 70*, *71*, *73'*, *ТѢРЬ 69* koji se pišu tradicionalno. Up. A. Mladenović, O bližem poznavanju vremena vokalizavije poluglasnika u istočnom delu štokavskog narečja, *Makedonski jezik XXXII-XXXIII*, Skopje 1982, 511. O upotrebi grupe *-er-* umesto *-r-* v. t. 2.4.
19. Up. Dr. J. Jerković, *Jezik Bogoboja Atanasovića*, Novi Sad 1976, 19.
20. Up. A. Mladenović, Napomene o transkripciji ... (v. nap. 8), 120.
21. Up. A. Mladenović, n. d., 128 i dalje; Sava Mrkalj ... (v. nap. 16), 173 i dalje.
22. Up. A. Mladenović, Napomene o transkripciji ... (v. nap. 8), 109 i dalje.

23. V. i primere u t. 2.6.1 a.
24. Najpre se navode primeri sa morfološkim pravopisom a posle crtice primeri sa fonološkim. Nismo uzeli u obzir ni primere tipa ОТКРЫТИ 86, ОТСТУПИТЬ 10 i sl. gde se upotrebljava tradicionalni pravopis niti primere tipa ИСКУПИТЕЛЬ 25, ВОСПОМИНАНИЕ 37, ВОСХИТИО 8 čiji je fonološki pravopis uobičajen već davno pre slavenosrpske epohe, up. A. Leskien, *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg³ 1969, 277 i 292 (Glosar).
Primeri tipa ПОДЧИНЪНОЙ 11 u kojima bi mogle da dođu izmene na ortografskom planu i po dva, odnosno i tri kriterijuma (u konkretnom slučaju asimilacija po zvučnosti i uprošćavanja) navedeni su dva ili tri puta, to jest prema dva ili tri kriterijuma.
25. Up. A. Mladenović, Napomene o transkripciji ... (v. nap. 8), 99.
26. Up. A. Mladenović, O nekim pitanjima primanja i izmene ruskoslovenskog jezika kod Srba, *ZbFL XXV/2*, Novi Sad 1982, 62; Slavenosrpski elementi u jeziku dela "Roman bez romana" Jovana Sterije Popovića, *ZbFL XXV/1*, Novi Sad 1982, 131.
27. Up. A. Mladenović, *O narodnom jeziku Jovana Rajića*, Novi Sad 1964, 27 i dalje; Neke slavenosrpske osobine u jeziku Jovana Sterije Popovića, *NSSVD XI/1*, Beograd 1982, 48.
28. Up. A. Albin, Ikavizmi ... (v. nap. 8), 25-41.
29. Up. A. Peco, *Pregled srpskohrvatskih dijalekata*, Beograd² 1980, 51.
30. Naravno, u nizu slučajeva, npr. *savie*, *sověsti* i sl., -a-, odnosno -o- u prefiksima upostavljeno je analogijom a ne neposrednom vokalizacijom.
31. V. *no* u jeziku cetinjskog vladike Visariona s kraja XVII veka: A. Mladenović, Jezik u pismima cetinjskog vladike Visariona s kraja XVII veka, *ZbFL XX/1*, Novi Sad 1977, 22. U našoj tabeli nismo uzeli u obzir veznik *no*.
32. Up. A. Mladenović, O bližem poznavanju vremena vokalizacije poluglasnika ... (v. nap. 18), 511.
33. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 26), 68.
34. Up. A. Mladenović, O nekim pitanjima ... (v. nap. 7), 105 i dalje; Napomene o transkripciji ... (v. nap. 8), 113 i dalje.
35. Up. isto i kod Rajića (A. Mladenović, *Rajić*, v. nap. 26, 87) i Obradovića (H. Kuna, *Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića*, *Djela XXXVI*, Sarajevo 1970, 85).
36. Nismo našli primere za druge vrste reči, odnosno pozicije.
37. U poeziji dolazi do izostavljanja pojedinih vokala iz metričkih razloga.
38. Up. Dr. P. Heriti, *Književni jezik Emanuila Jankovića*, Novi Sad 1983, 106.
39. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 26), 83.
40. Up. P. Heriti, *Janković* (v. nap. 38), 90.

41. Nastavak *-i* (<*-ih*, odnosno *-y*) u lok., odnosno instr. postoji i u današnjim vojvodanskim govorima (up. A. Mladenović, *Rajić*, v. nap. 26, 97, fusnota 326; J. Kašić, *Vidaković*, v. nap. 17, 68, fusnota 394). Mi smo nastavak *-i* u lok. tretirali kao narodnu crtu (gubljenje finalnog *-h*), a isti nastavak u instr. smatramo neutralnim, pošto se javlja, mada kao *-y*, i u crkvenoslovenskom jeziku.
42. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 26), 85.
43. Kod podele nastavaka prema njihovoj pripadnosti raznim jezičkim slojevima u obzir smo uzeli samo nastavke, a ne i pret hodni formant (ruskosl. *-enij-* i nar. *-enj-*). Finalni smo elemenat ovog formanta (*-ij-*, odnosno *-j-*) naveli ispred samog nastavka da bismo ukazali na čestu upotrebu ruskoslovenskog formanta.
44. Nastavke dat. *-am* i instr. *-ami* svrstali smo u rupriku *-NAR*. O problematici u vezi sa jezičkim karakterom ovih padeža v. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 26), 96, fusnota 324.
45. Nastavak *-i* u lok. množ. očigledno pripada narodnom jeziku pošto je u široj upotrebi i u današnjim sremkim dijalektima, up. P. Ivić, *Die serbokroatischen Dialekte*, Hague 1958, 173; A. Peco, *Pregled srpskohrvatskih dijalekata* (v. nap. 29), 51.
46. U tabeli nismo uzeli u obzir slučajeve tipa *rukama* u primeru ... , КОИ НА КОЛНИ ЛЕЖЕТИ, СЪ РУКАМА КЪ НЕОУ ДВИГНУТИМА ГОВОРАШЕ. 60 gde nastavak *-ama* predstavlja čuvanje nekadašnjeg dualskog oblika.
47. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 26), 97.
48. Tu računamo i oblike zavisnih padeža osnovnog broja *jedan* i sve oblike rednih brojeva kao i participe u pridevskoj funkciji.
49. Pošto je nemoguće da istom pouzdanošću kao kod nastavaka *-aja* i *-oje* potvrdimo fonetsku vrednost grafiemskog nastavka *-iŃ*, odnosno *-iŃ* (*-i* ili *-ij*), ove primere računamo kao neutralne.
50. U dat. i lok. jedn. m. i sr. r. pridevsko-zameničke deklinacije računamo one oblike koji su zajednički i ruskoslovenskom i narodnom jeziku (*-omu/-emu* u dat. i *-om/-em* u lok.) kao neutralne, a oblike koji predstavljaju rezultat jednačenja, ili u pravcu lok. (upotreba kraćeg nastavka u dat.) ili u pravcu dat. (upotreba dužeg nastavka u lok.), smatramo narodnom crtom.
51. Up. A. Belić, *Istorija srpskohrvatskog jezika, knj. II, sv. 1: Reči sa deklinacijom*, Beograd⁵1972, 149; A. Albijanić, *Pojava nastavka -im ...* (v. nap. 8), 131 i dalje.
52. Nastavke lok. i instr. množ. *-ih*, *-imi* računamo kao neutralne pošto oni odgovaraju ne samo stanju u ruskoslovenskom jeziku već su u upotrebi i u narodnom jeziku na što ukazuje i činjenica da se nastavak *-imi* javlja nekoliko puta u lok. Nastavak *-ima* računa se u ovim padežima, naravno, kao osobina narodnog jezika (up. A. Belić, n. d., 149).
53. Duže nastavke pridevsko-zameničke deklinacije *-aja*, *-oje*, *-eje*, *-uju* računamo kao *-nar.*, kraci *-a*, *-o*, *-s*, *-u* kao *inar.* pošto se kod kraćih nastavaka ne može pouzdano reći u kojim

se slučajevima radi o sažimanju dužeg nastavka određenog oblika u duhu narodnog jezika a u kojim o neodređenom obliku koji pripada i narodnom i ruskoslovenskom jeziku.

54. V. nap. 52.
55. Pribrojali smo, osim prvog primera, sve primere sa sufiksom *-š-* ruskoslovenskojezičkom sloju, mada se kod nekih od njih *-š-* moglo javiti i pod uticajem narodnog govora a ne samo ruskoslovenskog jezika (up. A. Mladenović, *Rajić*, v. nap. 26, 113; P. Heriti, *Janković*, v. nap. 38, 221), pošto Stojković u poeziji i posveti isključivo upotrebljava oblike sa *-š-* smatrajući ih, očigledno, kao oznaku "višeg stila" kojim se inače služi u ovim delovima knjige.
56. Računali smo, naravno, i oblike komparativa koji se javljaju u okviru superlativa sa prefiksom *naj-*.
57. Oblike dat., lok. i instr. množ. ličnih zamenica *nam*, *nas*, *namí* i sl. kvalifikujemo kao neutralne, pošto su sami oblici identični u ruskoslovenskom i u narodnom jeziku. Narodna se crta može videti samo u fakultativnoj, odnosno paralelnoj upotrebi tih oblika, npr. *nam* i *namí* u dat. ili *nas* i *namí* u lok. Kao narodnu crtu računamo u ovim slučajevima samo prodor dualskog nastavka *-ma* u oblike množine, npr. *nama*.
58. Oblik u dat. u kojem se javlja grafema *ѣ* (*němu*) računamo kao narodnojezički oblik pošto nas na to upućuju sledeće činjenice:
  - a) Oblici sa grafemom *ѣ* se javljaju u gen., odnosno akuz. (nastavak *-ga*) i u lok. (duži nastavak *-emu*) u duhu narodnog jezika, dok oblici sa grafemom *e* imaju u ovim padežima isključivo ruskoslovenski karakter (*ego*, *vъ nemb*).
  - b) Oblik *němu* upotrebljava se sa predložima a i bez njih, dok oblici sa *e* imaju inicijalno *n-* samo u pozicijama iza predloga. Ovaj drugi kriterijum, upotreba - neupotreba inicijalnog *n-* u pozicijama bez predloga, služi i za klasifikovanje oblika *nju*, *njih* i *njim*.
59. Ovaj poslednji primer možemo svrstati u narodnojezički fond, pošto nas na to upućuje ne samo grafija (*Н* umesto *И*, v. u t. 1.1.6 c) već i inicijalno *n-* koje nije prouzrokovano predlogom (v. nap. 58).
60. O rastavljenom, odnosno sastavljenom pisanju oblika *se*, *eja* sa prethodnom reči v. u t. 1.2.3 a.
61. U zavisnim padežima ne navodimo primere za m. i sr. r. posebno.
62. Ovaj smo primer pribrojali grupi sa nastavkom *-ego* pošto ovaj nastavak očigledno samo iz metričkih razloga nije ostvaren.
63. Raspored jednina - množina vrši se samo prema broju imenice sa kojom kongruira zamenica. U okviru jednog padeža ovde se donose sve singularske i pluralne prisvojne zameničke forme koje se javljaju u tom padežu.
64. Kod primera sa osnovom *něn-*, odnosno *njih-* računamo i one nastavke kao **nar.* koje smo kod drugih zamenica i kod prideva kvalifikovali neutralnim, npr. *-oj* u lok. jedn. ž. r., *-ih* u gen. množ. i sl., pošto sama upotreba tih primera pred-

stavlja narodnojezičku crtu i pošto nismo našli nijedan primer sa ruskoslovenskim nastavkom.

65. V. o tome u t. 1.1.2.3.

66. Prvi je kriterijum za raspored **nar./-nar.* kod pokaznih i upitno-odnosnih zamenica nastavak, a ne osnova. Drugim rečima, ako se javlja osnova tipa *ov-* ili *ko-* sa ruskoslovenskim nastavkom, računamo ovaj oblik kao *-nar.* mada se upotreba tih osnova može smatrati narodnom crtom.

Kratke forme nastavaka nom. i akuz. jedn. sva tri roda i nom., akuz. množ. ž. i sr. r. pokaznih i odnosnih zamenica smatramo narodnim jer se radi o određenim oblicima kod kojih bi se u ruskoslovenskom jeziku upotrebljavao odgovarajući duži nastavak (*-aja, -oje* i sl.). Nastavak *-i* nom. množ. m. r. tih zamenica smo tretirali kao neutralan jer se *-i* u ovom padežu upotrebljava i u narodnom i u ruskoslovenskom jeziku (up. A. Mladenović, Napomene o transkripciji i kritičkom izdavanju starih srpskih tekstova iz XVIII i XIX veka, *ZbFL XXII/2*, Novi Sad 1979, 125 i dalje).

67. Tu se računaju i primeri u kojima ovi oblici imaju funkciju odnosne zamenice *čiji*.

68. Up. A. Leskien, *Handbuch der albulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache*, Heidelberg⁹1969, 101.

69. Tu uzmemo, potpunosti radi, u obzir i oblike *kto* i *što* koje smatramo na morfološkom planu neutralnim.

70. Up. A. Mladenović, *O narodnom jeziku Jovana Rajića*, Novi Sad 1964, 110.

71. Tu navodimo samo primere u kojima oblici sa osnovom *jedin* imaju značenje "jedan" a ne i primere tipa *Овакова естѣ едина токмо добродѣтель*. XII (100), gde oblik *jedina* ima značenje "sama u svojoj vrsti".

72. Jedanput dolazi i oblik *ova* u funkciji broja *oba*: *ВНИДУТЬ ОВА ВЪ ПЕЩЕРУ ... 42*, što je najverovatnije štamparska greška.

73. O priloškom obliku v. A. Belić, *Istorija srpskohrvatskog jezika, knj. II, sv. 1: Reči sa deklinacijom*, Beograd⁵1972, 180. Oblike primera *tysjaščb* i *milion*, koji pripadaju imeničkoj deklinaciji, računali smo kod odgovarajućih imenica.

74. Ove smo oblike, kao i oblike deklinacije osnovnog broja *jedan*, računali kod prideva.

75. Up. A. Belić, *Istorija srpskohrvatskog jezika, knj. II, sv. 2: Reči sa konjugacijom*, Beograd 1973, 5 i dalje. U tabeli navodimo posebno frekvencije primera u glavnom tekstu (1), u posveti, odnosno u predgovoru (2) i u poeziji (3).

76. Up. A. Mladenović, *Neke slavenosrpske osobine u jeziku Dimitrija Isajlovića 1816. godine, JF XXXVII*, Beograd 1981, 182.

77. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 70), 116.

78. H. Kuna, *Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića, Djela XXXVI*, Sarajevo 1970, 143.

79. Primere kao oblik *poslušā* u rečenici: *Овај поклонитсе, послуша, и спротиву его съднеть. 7*, koji se ne mogu sa sigur-

- nošću pribrojati ni aoristu ni istorijskom prezentu, računali smo kao prezentske oblike.
80. Up. A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 70), 119 i dalje.
  81. Sve oblike participa sa pridevskim nastavcima uzeli smo u obzir u tabelama za prideve.
  82. Up. Lj. Subotić, Sudbina participa u književnom jeziku kod Srba u 19. veku, *PPJ 20*, Novi Sad 1984, 45 i 46, fusnota 62.
  83. Naravno ima i primera u kojima u okviru jedne rečenice dolazi samo jedan oblik pomoćnog glagola a više radnih prideva, npr.: КАКО Э ТО МОЖНО, ДАСУ НЇКИ У ПРОСВЕЩЕНІУ И НАУКАМА ДАЛЕКО ДОШЛИ: ДРУГИИ У ТЕМНОСТИ И МРАКУ ЗАОСТАЛИ. 80.
  84. O upotrebi tog prefiksa za označavanje futura II v. i A. Mladenović, *Rajić* (v. nap. 70), 124; H. Kuna, *Obradović* (v. nap. 78), 156; P. Heriti, *Književni jezik Emanuila Jankovića*, Novi Sad 1983, 238.
  85. Za potencijal II nismo našli nijedan primer.
  86. O upotrebi pomoćnog glagola *jesam* za obrazovanje perfekta v. t. 3.5.7.1.
  87. Pone oblike sa značenjem "želeti" ubrojali smo u I glagolsku vrstu.
  88. Refleks finalnog *-l* (*-l* ili *-o*) glagolskog prideva radnog smo uzeli u obzir i u fonetici i u morfologiji, pošto je česta upotreba narodnih refleksa. Mada je to, u prvom redu, fonetska osobina, očigledno ima svoj uzrok i u jačem posrblijanju na morfološkom planu.
  89. Statistički podaci o odnosima između pojedinih ruskoslovenskih i srpskohrvatskih fonetskih i morfoloških osobina u delima srpskih pisaca predvukovskog perioda nalaze se i u sledećim radovima: A. Mladenović, Odnos između domaćih i ruskoslovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove Vukovske standardizacije, *ZbFL XII*, Novi Sad 1969, 43-51; isti, O nekim ruskoslovenskim i srpskohrvatskim jezičkim osobinama u Orfelinovu "Magazinu", *ZbFL XIII/1*, Novi Sad 1970, 103-118; S. Stijović, O međusobnom odnosu nekih ruskoslovenskih i srpskohrvatskih osobina u Orfelinovim pesmama, *PPJ 6*, Novi Sad 1970, 19-30; A. Albijanić, Srpskoslovenski i ruskoslovenski elementi u "Sobraniju" (1793) Jovana Rajića, *NSSVD VI/1*, Beograd 1977, 165-174; isti, Jezička analiza Rajićevog prevoda "Propovedi ili Slova o osuđeniji" (1764), *ZbFL XX/1*, Novi Sad 1977, 51-61; R. Remetić, O nekim fonetskim osobinama u jeziku *Leštvice* (1805) Vikentija Rakića, *PPJ 12*, Novi Sad 1976, 37-45.
  90. Podrobnije o tome v. u tabelama II i III na kraju ovog rada.
  91. Up. N. I. Tolstoj, Literaturnyj jazyk u Serbov v konce XVIII - načale XIX veka, *Nacional'noe vozroždenie i formiranie slavjanskijh literaturnyh jazykov*, Moskva 1978, 271.
  92. N. I. Tolstoj, n. d., 307.

S k r a ć e n i c e

Osim poznatih skracenica i onih koje smo objasnili u tački 0.3 upotrebljavamo:

- M** kod akuzativa imenica i prideva u tabelama kao znak da se podaci odnose na kategoriju "živo".
za časopise:
- ZbFL** Zbornik za filologiju i linguistiku, Matica srpska, Novi Sad.
- JF** Južnoslovenski filolog, Institut za srpskohrvatski jezik, Beograd.
- NSSVD** Naučni sastanak slavista u Vukove dane, Referati i saopštenja, Međunarodni slavistički centar, Beograd.
- PPJ** Prilozi proučavanju jezika, Institut za južnoslovenske jezike Filozofskog fakulteta u Novom Sadu, Novi Sad.

B i b l i o g r a f i j a

- ALBIJANIĆ, A., Jezička analiza Rajićevog prevoda "Propovedi ili Slova o osuđeniji" (1764), *ZbFL XX/1*, Novi Sad 1977, 51-61.
Srpskoslovenski i ruskoslovenski elementi u "Sobraniju" (1793) Jovana Rajića, *NSSVD VI/1*, Beograd 1977, 165-174.
Pojava nastavka *-im* u dativu i lokativu jednine pridevsko-zameničke promene u delima nekih starih srpskih pisaca, *ZbFL XXII/2*, Novi Sad 1979, 131-141.
Mišljenja pojedinih autora u XVIII i prvoj polovini XIX veka o srpskom književnom jeziku pre Vukove standardizacije, *NSSVD X*, Beograd 1981, 131-140.
- ALBIN, A., Ikavizmi u delima pisaca iz Vojvodini u predvukovskoj eposi, *ZbFL XV/2*, Novi Sad 1972, 25-41.
- BELIĆ, A., *Istorija srpskohrvatskog jezika, knj. II, sv. 1: Reči sa deklinacijom*, Beograd 1972.
Istorija srpskohrvatskog jezika, knj. II, sv. 2: Reči sa konjugacijom, Beograd 1973.
- BOJIĆ, L., Pamjatnikb muzemb u slaveno-serbskomb knizestvu slavnymb, vb žertvu priznatelnosti i blagodarenija Lazaremb Boičemb, *Perva castb*, u Pešti 1815, 81-97.
- DERETIĆ, J., *Istorija srpske književnosti*, Beograd 1983.
- FRANCEV, Vl. A., Pisma Atanasija Stojkovića Josifu Dobrovskom, *Prilozi sa književnost, jezik, istoriju i folklor X*, Beograd 1930, 176-190.

GRICKAT, I., U čemu je značaj i kave su specifičnosti slavenosrpskog perioda u razvoju srpskohrvatskog jezika, Povodom inicijative Matice srpske da se sastavi rečnik književnog jezika slavenosrpskog perioda, *ZbFL IX*, Novi Sad 1966, 61-66.

HERITI, P., *Književni jezik Emanuila Jankovića*, Novi Sad 1983.

IVIĆ, P., Die serbokroatischen Dialekte, Ihre Struktur und Entwicklung, Erster Band, Allgemeines und die štokavische Dialektgruppe, *Slavistic printings and reprintings XVIII*, The Hague 1958.

JERKOVIĆ, J.: *Jezik Bogoboja Atanackovića*, Novi Sad 1976.

KAŠIĆ, J., *Jezik Milovana Vidakovića*, Novi Sad 1968.

KUNA, H., Jezičkih karakteristika književnih djela Dositeja Obradovića, *Djela XXXVI*, Sarajevo (Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, Odeljenje istorijsko-filoloških nauka, knj. 21) 1970.

LESKIEN, A., *Handbuch der albulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache, Grammatik - Texte - Glossar*, Heidelberg⁹1969.

MLADENOVIĆ, A., *O narodnom jeziku Jovana Rajića*, Novi Sad 1964.

Sava Mrkalj i njegovi Prethodnici u reformi predvukovske ćirilice, *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu X*, Novi Sad 1967, 161-198.

Odnos između domaćih i ruskoslovenskih elemenata u književnom jeziku kod Srba pre njegove Vukovske standardizacije, *ZbFL XII*, Novi Sad 1969, 43-51.

O nekim ruskoslovenskim i srpskohrvatskim jezičkim osobinama u Orfelinovom "Magazinu", *ZbFL XIII/1*, Novi Sad 1970, 103-118.

Tipovi književnog jezika kod Srba u drugoj polovini XVIII i početkom XIX veka, *Referati sa VII Međunarodni kongres slavista u Varšavi*, Novi Sad (Filozofski fakultet) 1973, 39-53.

Jezik u pismima cetinjskog vladike Visariona s kraja XVII veka, *ZbFL XX/1*, Novi Sad 1977, 1-43.

O nekim pitanjima i osobinama slavenosrpskog tipa književnog jezika, *ZbFL XXI/1*, Novi Sad 1978, 93-112.

Napomene o transkripciji i kritičkom izdavanju starih srpskih tekstova iz XVIII i XIX veka, *ZbFL XXII/2*, Novi Sad 1979, 96-129.

Neke slavenosrpske osobine u jeziku Dimitrija Isajlovića 1816. godine, *JF XXXVII*, Beograd 1981, 179-193.

Neke slavenosrpske osobine u jeziku Jovana Sterije Popovića (na materijalu dela "Roman bez romana"), *NSSVD XI/1*, Beograd 1982, 47-52

O bližem poznavanju vremena vokalizacije poluglasnika u istočnom delu štokavskog narečja, *Makedonski jezik XXXII-XXXIII*, Skopje 1982, 509-512.

- O nekim pitanjima primanja i izmene ruskoslovenskog jezika kod Srba, *ZbFL XXV/2*, Novi Sad 1982, 47-81.
- Slavenosrpski elementi u jeziku dela "Roman bez romana" Jovana Sterije Popovića, *ZbFL XXV/1*, Novi Sad 1982, 121-140.
- Oko predvukovskog i Vukovskog slova "J" u knjizi Miodraga Popovića, *JF XXXIX*, Beograd 1983, 207-234.
- Prilog poznavanju značenja naziva "slavenosrpski jezik" kod Srba u XVIII i u prvoj polovini XIX veka, *NSEVD XII/2*, Beograd 1983, 13-20.
- Nekoliko misli o srpskoslovenskom, ruskoslovenskom i slavenosrpskom tipu književnog jezika, *Zbornik Matice srpske sa filologiju i lingvistiku XXVII-XXVIII*, Novi Sad 1984-1985, 501-505.
- NEWEKLOWSKY, G. i MAIER, R., Jezik Atanasija Stojkovića: Komputerska konkordancija "Kandora", *NSEVD XIV/3*, Beograd 1985, 79-85.
- PAVIĆ, M., *Radanje nove srpske književnosti, Istorija srpske književnosti baroka, klasicizma i predromantizma*, Beograd (Srpska književna zadruga, kolo 76, knj. 506) 1983.
- PECO, A., *Pregled srpskohrvatskih dijalekata*, Beograd²1980.
- RADONIĆ, J., Atanasije Stojković (1773-1832), *Glas SAN CCXII*, Beograd 1953, 97-152.
- REMETIĆ, R., O nekim fonetskim osobinama u jeziku *Lestvice* (1805) Vikentija Rakića, *PPJ 12*, Novi Sad 1976, 37-45.
- STIJOVIĆ, S., O međusobnom odnosu nekih ruskoslovenskih i srpskohrvatskih osobina u Orfelinovim pesmama, *PPJ 6*, Novi Sad 1970, 19-30.
- SUBOTIĆ, Lj., Sudbina participa u književnom jeziku kod Srba u 19. veku, *PPJ 20*, Novi Sad 1984, 5-81.
- TOLSTOJ, N. I., Literaturnyj jazyk u Serbov v konce XVIII - načale XIX veka, *Nacional'noe vosroždenie i formirovanie slavjanskih literaturnyh jazykov*, Moskva (Nauka) 1978, 269-328.

Zusammenfassung

Das philosophisch-belletristische Werk *Kandorb ili otkrovenie egypetskih tainb* (Budim 1800) entsteht in der fruchtbarsten Schaffensperiode des Schriftstellers und späteren Physikprofessors der Universität Charkow Atanasije Stojković (1773-1832). Stojković, der in Ruma aufwuchs und in Sopron, Szegedin, Bratislava und Göttingen Mittelschulen besuchte bzw. studierte, gehört jenen serbischen Literaten des ausgehenden 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts an, die sich der slawenoserbischen Sprache - einer Kombination von kirchenslawischen Elementen (russischer und, in weit geringerem Umfang, serbischer Redaktion), Elementen der russischen Literatursprache des 18. Jhdts. und serbisch-volkssprachlichen Elementen - bedienen. Die Autoren kombinieren diese Elemente, nach eigenem Gutdünken, je nach Charakter des Textes sehr unterschiedlich. Wie bisherige Untersuchungen zeigen (vgl. die Arbeiten von A. Albijanić, P. Herity, J. Jerković, J. Kašić, H. Kuna, A. Mladenović, N. I. Tolstoj u. a.), lassen sich doch gemeinsame Merkmale im Sprachgebrauch der Autoren feststellen. Um Struktur und Eigenheiten der slawenoserbischen Sprache noch besser herausarbeiten zu können, sind weitere Untersuchungen der sprachlichen Merkmale einzelner Autoren bzw. Werke notwendig. Aus diesem Grund haben wir uns für eine Detailstudie der Sprache des Werkes *Kandorb* entschieden.

Die Aufgabenstellung ist in erster Linie die, den Anteil der volkssprachlichen (+NAR.), nicht volkssprachlichen (-NAR.) und neutralen ($\pm$ NAR.) Elemente, das sind Elemente die sowohl der Volkssprache als auch der altkirchenslawischen Sprache (russischer oder serbischer Redaktion) angehören, an der Sprache des Werkes zu ermitteln. Bei der Untersuchung jedes einzelnen Kriteriums (z.B. Reflex der Halbvokale, Kasusendung u.ä.) werden sämtliche Beispiele auf die drei angeführten Gruppen aufgeteilt und zahlenmäßig erfaßt. Auf dieser Grundlage kann das Verhältnis zwischen volkssprachlichen und nicht volkssprachlichen Elementen auch auf anderen Ebenen (Paradigma, Wortart, Flexion insgesamt usw.) leicht festgestellt werden.

In der Untersuchung wird auch auf die sprachlichen Eigenheiten der drei, ihrer Bestimmung und ihrem Wesen nach, sehr unterschiedlichen Teile des Textes (Haupttext - Widmung und Vorwort - Lyrik) eingegangen, da eine globale Betrachtung eine Verwischung der eigentlichen Sprachstrukturen der einzelnen Textteile zur Folge hätte.

Die in den Tabellen angegebenen Doppelzahlen A/B stehen für die Zahl der jeweiligen Beispiele im Gesamtwerk (A) bzw. im Haupttext (B). Auf Grund dieser beiden Zahlen erhalten wir bereits erste Angaben über die sprachlichen Unterschiede zwischen dem Haupttext und den übrigen Teilen des Werkes. So sind, beispielsweise, bei volkssprachlichen Merkmalen die Zahlen oft identisch, was bedeutet, daß sich das Vordringen des volkssprachlichen Merkmales auf den Haupttext beschränkt. Alle anderen Zahlen (z.B. sämtliche Prozentangaben) beziehen sich, falls nicht ausdrücklich anders erklärt, auf den Haupttext.

Zur Erleichterung der statistischen Arbeit wurden bereits vor Inangriffnahme der eigentlichen sprachwissenschaftlichen

Untersuchung im Rechenzentrum der Universität Klagenfurt eine Computerkonkordanz, Wortfrequenzlisten und eine rückläufige Wortliste erstellt.

Aufgrund der erfolgten Untersuchungen kann folgende Charakterisierung der Sprache des Werkes *Kandorb* gegeben werden:

1) Als wesentlichste Merkmale der Orthographie sind die Verwendung der Zeichen *mb* für das Phonem *ɔ* und die Verwendung des Graphems *ʋ* ausschließlich für das Hilfszeitwort *je* zu nennen.

2) In der Phonetik überwiegen die Merkmale der kirchenslawischen Sprache russischer Redaktion, wobei einige davon ($\{ > ol$, Beibehaltung von anlautendem *ɕer-* (< *ɕbr-*) und die Formen *kto*, *ves* und *ɕelovɕk*) ausnahmslos auftreten. In einer Reihe weiterer Kriterien überwiegen die russisch-kirchenslawischen Merkmale: $\phi > ja$; *ʋ/b > o/e*; *šć, jt* und *šd, š, jd*, anstelle der volkssprachlichen *š* und *d*; *vʋ(s)- > v(ɔs)-*; Beibehaltung des silbenauslautenden *-l*, mit Ausnahme des *l*-Partizipes, bei dem weitaus häufiger *-o* als *-l* erscheint. Bei den zuletzt angeführten Kriterien ist das Verhältnis russisch-kirchenslawischer zu volkssprachlichen Elementen 58,70% : 41,30%.

3) Anders ist die Situation in der Flexion. Zwar überwiegen auch hier in einigen Fällen (Gen. Sgl. Mask. u. Neutr. d. Adj.: *-ago*, 100,00% - bei den Pronomen mit adjektivischer Deklination nur 88,62%; Dat. Pl. d. Subst.: *-om/-em* bzw. *-am*, 100,00%; Gen. Pl. d. Subst.: *-ov/-ev*, *-ø*, 94,83%; die Präsensformen der Verben (*s*. d. Tab. unter 3.5.1), 59,79%; die Formen der 3. Pers. der Possessivpronomen *jego*, *jeja*, *ih*, 89,02% - die volkssprachlichen Formen *něn-*, *njihov-* treten nur in 10,98% der Beispiele auf) die russisch-kirchenslawischen Elemente, aber in der Mehrzahl der Kriterien verwendet Stojković die volkssprachlichen Merkmale: Lok. Sgl. Mask. u. Neutr. d. Subst.: *-u*, 94,41% neben *-ě*, *-(ij)i*, 5,59%; Gen. Sgl. d. Fem. Subst. auf *-a*: *-e*, 65,57% neben *-i*, 34,43%; Dat., Lok. Fem. Subst. auf *-a*: *-i*, 95,71% neben *-ě*, 4,29%; Instr. Sgl. Fem. Subst. auf *-a*: *-om*, 83,33% neben *-oju/-eju*, 16,67% - die Fem. Subst. auf *-ø* haben ausschließlich die Endung *-iju*; Nom., Ak. Pl. Fem. u. Ak. Pl. Mask. d. Subst.: *-e*, 88,49% neben *-i*, 11,57%; Gen. Sgl. Fem. d. adjekt. Dekl.: *-e*, 70,45% neben *-ija*, *-jeja*, 29,55%; Instr. Sgl. Fem. d. adjekt. Dekl.: *-om*, 80,00% neben *-oju/-eju*, *-iju*, 20,00%; Nom., Ak. Pl. Fem. u. Ak. Pl. Mask. d. adjekt. Dekl.: *-e*, 87,00% neben *-ja*, *-i*, *-ih*, 13,00%.

Stojković verwendet im Haupttext 8.643 Nominal- und Verbalformen, von denen 1.930 (22,33%) volkssprachliche Endungen haben, 1.356 (15,69%) eine nicht volkssprachliche Endung aufweisen und 5.357 (61,98%) hinsichtlich ihrer Endung neutral sind (*s*. Tab. III in Punkt 4.1).

Aufgrund der untersuchten phonetischen Eigenschaften (*s*. Tab. I in Pkt. 4.1) ergibt sich folgendes Bild: 1.238 (32,51%) Beispielen mit volkssprachlichen Reflexen stehen 1.339 (33,92%) Fälle mit russisch-kirchenslawischen Reflexen und 1.325 (33,57%) neutrale Beispiele gegenüber. Das Verhältnis zwischen volkssprachlichen und nicht volkssprachlichen Elementen beträgt in der Phonetik 1 : 1,04 und in der Flexion 1,42 : 1. Diese doch sehr unterschiedlichen Verhältnisse weisen deutlich darauf hin, daß Stojković die Flexion einer weit stärkeren "Serbisierung"

unterzog als die Phonetik, um eine größere Verständlichkeit des Textes beim Leser zu erreichen.

Der Grad der Anpassung der Endungen an die Volkssprache ist allerdings in den einzelnen Wortarten sehr unterschiedlich. So beträgt das Verhältnis volkssprachlich : russisch-kirchenslawisch bei den Substantiva 1,54 : 1, bei den Verben hingegen 1 : 1,63, bei den Adjektiva 1 : 1,05, bei den Pronomina mit adjektivischer Deklination 1 : 1,63, bei den Personalpronomina, einschließlich der Reflexivpronomina, 2,49 : 1, beim *l*-Partizip 15,69 : 1 und bei den Hilfszeitwörtern 69,67 : 1 (s. Tab. II u. III in Pkt. 4.1).

4) Weitere wichtige phonetische und morphologische Charakteristika sind:

a) Das Affrikatensystem kennt nur die stimmlosen Phoneme *c*, *č* und *ć*, für die Verwendung von *d* und *dž* gibt es keine Hinweise.

b) Tendenzen zu einem Synkretismus von Dat., Lok. u. Instr. Pl. der Substantivdeklination sind nur ansatzweise vorhanden (s. Tab. am Ende d. Pkts. 3.1.5.3).

c) Der Lokativ zeichnet sich sowohl in der Substantivdeklination (z.B. hat er im Plural insgesamt 7 verschiedene Endungen, s. Tab. am Ende d. Pkts. 3.1.5.3) als auch in der Adjektivdeklination (häufige Angleichung an den Dativ, d.h. Verwendung der Endung *-omu/-emu* im Lok. Sgl. Mask. u. Neutr.) durch große Instabilität aus.

d) Die Komparation der Adjektiva bzw. Adverba hat vorwiegend russisch-kirchenslawischen Charakter (62,62%, z.B. *vjaščij*, *bolšij*; *blagorodnjaja*, *glavnjaja* u.ä. neben *stariji*, *mudriji*; *najčistije*, *najbliže* u.ä.).

5) Folgende Dialektismen konnten festgestellt werden:

Ikavismen (*nisi*, *gdi*, *želiti* u.ä.), Endung *-im* im Lok. Sgl. Mask. der Adjektiva (*u najlepšim snu*), Endung *-i* im Lok. u. Instr. Pl. Mask. u. Neutr. der Substantiva (*na oblaci*, *među duhi*; *u kolici*, *pred vrati* u.ä.), Verbalformen wie *znadem*, *dadet*, *poznadu* u.ä., die Form *šilē* (3. Pers. Sgl.) des Verbs *slati*, die Konstruktion *uz- + Präsens* zur Bildung von Futur II (*uzamemo*).

6) Stojković verwendet keine Kirchenslawismen serbischer Redaktion.

7) Das Verhältnis zwischen volkssprachlichen und russisch-kirchenslawischen Elementen beträgt im Haupttext, der einem weiteren Leserkreis zugedacht ist, 1,19 : 1, in der Widmung bzw. im Vorwort, wo Stojković offensichtlich um einen höheren Stil bemüht ist, bereits 1 : 6,05 und in der Lyrik, in der sich traditionsgemäß archaische Formen länger behaupten und in die volkssprachliche Elemente nur sehr schwer eindringen, 1 : 17,38.

Aus dem angeführten Material ist klar ersichtlich, daß sich Stojković, in Abhängigkeit vom Charakter des Textes, verschiedener Stile bedient.

István NYOMÁRKAY (Budapest)

DIE UNGARISCHEN VORBILDER DER KROATISCHEN SPRACHERNEUERUNG (BEITRÄGE ZUM WORTSCHATZ DER VERWALTUNG UND DES RECHTS)

1. Die zweite Hälfte des 19. Jahrhunderts ist das Zeitalter der bewußten Gestaltung der kroatischen Literatur-, Umgangs- und Fachsprache. Die Anfänge dieser Reformbewegung reichen allerdings in frühere Jahrzehnte zurück. Wir treffen Spracherneuerungsversuche von verhältnismäßig größerem Ausmaß bereits vor Gaj in den einzelnen regionalen Schriftsprachen, vor allem in der kroatischen Literatur des 18. Jahrhunderts in Slawonien (in den Werken von M.A. Reljković, M.P. Katančić, A. Kanižlić, M. Pustaić und K. Pavić)¹ sowie in den Wörterbüchern der kajkavischen Lexikographen (in erster Linie bei Belosteneć und Jambrešić)². In diesen Werken kann die Absicht der Autoren, bzw. der Wörterbuchverfasser beobachtet werden, einen jeden neuen Begriff in der Muttersprache mit einem entsprechenden Wort, oder wenn das nicht gelingt, wenigstens mit einem längeren Ausdruck zu erklären, zu interpretieren. Damit im Zusammenhang entfaltet sich, selbstverständlich stufenweise der Purismus, das heißt, die Tendenz, die Sprache von den fremden Elementen zu reinigen. Es ist eine allgemein bekannte Tatsache, daß die Kroaten bei der Prägung von Ersatzwörtern in erster Linie nach deutschen und tschechischen Mustern verfahren.³ Es muß aber festgestellt werden, daß auch eine dritte, nicht minder wichtige Quelle der kroatischen Neologismen in Betracht kommt, nämlich die Errungenschaften der ungarischen Spracherneuerung, die zahlreichen ungarischen Neologismen. Im Laufe der Geschichte bestand nämlich eine sehr enge Beziehung zwischen Ungarn und Kroatien. Sie bedeutet nicht nur die Staatsgemeinschaft,

sondern auch enge Verknüpfungen auf verschiedenen Gebieten der beiden Nationen (Komitatsverwaltung, Rechtsleben, Militär, Kirche usw.). Es ist also kein Wunder, daß man besonders vom Ende des 18. Jahrhunderts an in den Werken kroatischer Politiker und Literaten oft Berufungen auf das Vorbild der ungarischen Spracherneuerung finden kann. Die Untersuchung der kroatischen Quellen in dieser Richtung bezeugt, daß das ungarische Vorbild von Anfang an befruchtend wirkte.⁴ Die bisherige Fachliteratur befaßte sich mit dem Einfluß der ungarischen Sprache auf das Serbokroatische (hauptsächlich in der älteren Periode). László Hadrovic bearbeitete die Schriftsprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert⁵ sowie die ungarischen Elemente des Serbokroatischen.⁶ Beide Werke gehen jedoch nur bis zur Mitte des vorigen Jahrhunderts. Der ungarische Einfluß bricht aber zu diesem Zeitpunkt keineswegs ab, nur bekundet er sich nicht so sehr in der Übernahme von neuen Wörtern, sondern eher in der Prägung von Neologismen nach ungarischem Muster. Dieser Einfluß des Ungarischen, der in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts gerade im Zeitalter der bewußten Ausbildung der kroatischen Sprache in fast allen Zweigen des Wortschatzes nachzuweisen ist, ist noch nicht bearbeitet.

2. Ich ging an diese Arbeit, indem ich zuerst die politische Entwicklung in dieser Epoche durchstudierte. In den schon erwähnten Quellenpublikationen stieß ich auf Stellen (Äußerungen), die meine früheren Vermutungen bestätigten, daß nämlich das ungarische Vorbild nicht bloß instinktiv, unbewußt, aus der ähnlichen politischen und kulturellen Situation folgend, sondern auch ganz bewußt, als konkrete Anregung stets anwesend war.

Vor der eigentlichen linguistischen Analyse des Quellenmaterials möchte ich einige interessante und wichtige Äußerungen darlegen, um die anregende Wirkung des ungarischen Vorbilds zu dokumentieren.

2.1 In Kroatien hieß es vor allem, eine einheitliche Grundlage für die Entwicklung der Schriftsprache zu schaffen. Man wollte anfangs der einheitlichen Schriftsprache den kajkavischen Dialekt zugrunde legen (A. Nagy, T. Mikloušić und andere) und erst später wurde die Tatsache bewußt, daß "...za-

grebačko narječje ne samo s povmešanjem vnogeh tuđeh rečih, nemških, latinskeh, a ponekuliko i talijanskeh vnoĝo od jezika čistoče, osebito v noveša naša vremena pogubilo i tam načinom pogrđeno je..." (F. Strehe, *Grada* 12:208). Auch hätte der kajkavische Dialekt mit seiner verhältnismäßig kleinen Seelenzahl auf dem ganzen Sprachgebiet nicht siegen können. So wurde diese Idee aufgegeben. Das ungarische Vorbild konnte auch in dieser Hinsicht maßgebend sein, weil es in Ungarn keine so ausgeprägten regionalen Schriftsprachen gab wie bei den Kroaten: so konnten die Ungarn ihre moderne Sprache aus einer verhältnismäßig einheitlichen Grundlage aufbauen. Und die kroatischen Literaten sahen das sehr wohl.

2.2 Antun Nagy erwähnt als zu befolgendes Beispiel, daß die Ungarn "svojega jezika, koj vre z'vsema na dolne grane je bil opal, razmeli podignuti, pak po tom njem vekšu vrednost zavdali, svojem pak narodu stalnost bolšu i preštimanje priskerbeli."⁷ Er stellt weiter die Frage: "Gđa pak bude Horvatska, Slavonija i Dalmacija k tom dospela? Gđa se budu ovi orsagi z' ovem dičiti? Gđa budu navučitele svog materinskog jezika zadobili, vidili i posluhnuli?"

2.3 Der andere bedeutende Literat, Tomaš Mikloušić, scheint seit 1787, als er seine theologischen Studien in Pest begonnen hatte, die sprachlichen, wissenschaftlichen und kulturellen Bestrebungen der Ungarn mit Aufmerksamkeit verfolgt zu haben, da er feststellt, daß "vugerzki jezik med pervemi skoro Evrope jeziki, kakti s kojem vsi posli tak duhovni kak svetski i orsački zevsema prikladno opravljati se moreju, računa se", und auch er fragt: "zakaj to isto biti ne bi moglo i s Horvatskem, koji pred vnoĝemi s plodnostjum rečih dičiti se more?"⁸

2.4 Im Jahre 1832 zeigt J. Drašković ebenfalls Verständnis für die ungarischen geistigen und sprachlichen Bewegungen. Als er ausführt, jedes Volk habe das Recht in der Muttersprache zu sprechen, sie zu kultivieren und zu entwickeln, stellt auch er aner kennend fest, daß "Mađari ovu dužnost dično svršavaju" und fügt hinzu: "Dužni smo ele dobru peldu Mađarov nasledovati, i njima črez to potvrditi, kakve su ciene u našem umu dobra i pametna njihova tvorja. Za oto kaž'mo, da i mi narodnog jezika

imademo, koji svakog težanja kadar i vriedan jest i primimo našeg jezika u naših poslih, i pritrudmo se njega prilagoditi svagdašnjim obštinskim potribam, kao Mađari tekak odskora učine."⁹

2.5 Die Quellen erwähnen die Ungarn allerdings nicht nur als ein befolgenswertes Beispiel, sondern sie betonen auch die Furcht vor der Verbreitung der ungarischen Sprache und sprechen manchmal spöttisch von dem gewaltsamen Vordringen der Asiaten. Ich habe aber hier nicht die Aufgabe, die Spuren der Kämpfe um das Sprachproblem zu verfolgen, ich möchte nur noch mit einem Zitat die Behauptung unterstützen, daß das Vorbild des ungarischen geistigen und kulturellen Lebens auch in der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts anwesend war. Das kroatische Tagblatt *Pozor* befaßt sich in einem langen Artikel der Nummer vom 29. Juni 1867 mit den Ungarn. Darin ist unter anderem zu lesen: "Magjari nisu ni s daleka ni Englezi, Francezi itd. dapače nestoje kulturom ni više nego što mi Slaveni, nu opet su se ugledali u ove narode, pa su narodni ponos, narodnu sviest duboko ukorjenili u narodu... Povirite njihovu akademiju, muzej, kazalište, gospodarsko društvo, sabornicu, željeznička društva, banku - posvuda ćete vidjeti, da velikaši i konzervativci...ne samo novcem već i duševnim radom ta društva podupiru, a da nisu samo na oko, pred svietom narodni ljudi, već da im je čitav obiteljski život i uzgojvanje djece skroz i skroz narodno."

Die angeführten Äußerungen beweisen nur, daß die Kroaten trotz der politischen Gegensätze die kulturellen Bestrebungen der Ungarn zu schätzen verstanden. Nachdem ich also auf diese Weise vom geistigen Verhalten der Kroaten gegenüber der ungarischen Sprache ein klares Bild gewonnen hatte, begann ich mit der Bearbeitung der Sprachquellen.

3. Ich exzerpierte mehrere dreisprachige militärische Dienstreglements, Anordnungen und Anweisungen, zweisprachige (ungarisch-kroatische) Gesetzes- und Verordnungstexte, Satzungen für Aktiengesellschaften, sowie auch Gesetzestexte für Post- und Telegrafwesen. (Die Liste dieser Quellen ist am Ende des Artikels im Verzeichnis der Abkürzungen angegeben.) Das

auf diese Weise gewonnene Material kontrollierte ich aufgrund von Wörterbüchern. Die Wörter, die nach ungarischen Mustern entstanden, beweisen, daß außer den schon erwähnten deutschen und tschechischen Einflüssen größere Aufmerksamkeit auch den ungarischen Vorbildern gewidmet werden müßte.

Die in diesem Zeitabschnitt nach ungarischen Mustern entstandenen Wörter und Ausdrücke sind Lehnübersetzungen. Die wichtigste Fachliteratur über die Lehnübersetzungen ist zusammengefaßt in der Einführung der Monographie von Lajos Kiss.¹⁰ Für das Serbokroatische berufe ich mich auf die Monographie von Matthias Rammelmeyer.¹¹ Neulich wurde die Frage der Lehnübersetzung auch in einem Artikel von Stjepan Babić berührt.¹² Mit dem sehr interessanten, lehrreichen Ausdruck *igrokaz* befaßte sich Olga Šojat.¹³

4. Im Folgenden zeige ich kurz - eher als Auswahl - einige Wörter und Ausdrücke des Wortschatzes für Verwaltung und Recht, die aller Wahrscheinlichkeit nach unter dem Einfluß des ungarischen Vorbildes entstanden sein dürften. Im Falle der Lehnübersetzungen ist es natürlich sehr schwer das unmittelbare Muster festzustellen und es ist auch nicht immer möglich. Aufgrund eines umfangreicheren Sprachmaterials geurteilt scheint es sicher, daß wir in den meisten Fällen mit einer gemeinsamen, parallelen deutschen und ungarischen Wirkung zu rechnen haben.

4.1 In den Gesetzestexten ist der Begriff 'Amt' durch *svanije*, und 'Beamter' durch *svaničnik* vertreten. Einige Beispiele: Onda isti su dužni, da odna jave poreznom *svaniju* (Zak 118) - Ugyanazok tartoznak...az illető adóhivatalnak azonnal bejelenteni (Törv 195), izaslanik dotičnoga poreznog *svanija* (Zak 123) - az illető adóhivatal kiküldöttje (Törv 200), Javni *svaničnici* (Zak 367) - a köztisztviselők (Törv 445), porezni *svaničnik* (Zak 119) - az adóhivatalnok (Törv 197). Das Substantiv *svanije* kommt laut dem ARJ (Sv 93:159-160) zuerst bei Belosteneć vor, dann war es auch von Jambrešić in der Bedeutung 'vocatio, zvahe, Ruffung' ins Wörterbuch aufgenommen worden. In der Bedeutung 'Beruf' kommt es später im Wörterbuch von Fröhlich-Veselić¹⁴ in der Form *svanje* und im deutsch-kroatischen Wörterbuch von Šulek vor. Das Substantiv

zvaničnik ('onaj, koji vrši zvane, službenik niže vrste') ist von der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts gebräuchlich (ARj Sv 95:158). Rammelmeyer hält es für eine deutsche Lehnübersetzung (DtL 316), die durch russische Vermittlung ins Kroatische gelangte. Für den russischen Einfluß spreche die Wortendung, sowie die Tatsache, daß dieses Wort auch im Serbischen gebraucht wird und nicht die Termini *ured* und *urednik*, die gewiß aus dem Tschechischen stammen. Mihajlović (Grada) bringt *zvanije* nicht, wahrscheinlich weil er es für genuin serbisch hielt, dagegen ist es bei Avramović (Německij i serbskij slovar, Wien 1791) unter *Amt* und *Beruf* verzeichnet. Für ung. *hivatal* 'Berufung, Lebenslauf' können seit 1372/1448 Belege nachgewiesen werden. Es kommt in der Bedeutung 'Amt, Würde; Beschäftigung, Arbeitskreis' seit 1585 vor (TESz 2:114). In der Bedeutungsentwicklung des ungarischen Wortes mag deutsch *Beruf* eine Rolle gespielt haben. Für die kroatischen Wörter ist es richtiger und wahrscheinlicher, neben dem russisch-serbischen Einfluß auch eine gemeinsame deutsche und ungarische Wirkung anzunehmen. Kroatisch *zvaničnik* hat weder im Russischen noch im Deutschen eine strukturelle Entsprechung, so kann es nur auf ungarisch *hivatalnok* zurückgeführt werden.

4.2 Von den Benennungen der einzelnen Beamten und juristischen Personen haben wir die Wörter *bilježnik* 'Notar; ung. jegyző', *povjerenik* 'der Beauftragte, der Bevollmächtigte; ung. megbizott' und *opunomoćenik* 'der Bevollmächtigte; ung. meghatalmazott' hervor. Die Administration einer kleineren Gemeinde wurde von dem Notar, *obštinski bilježnik* - *községi jegyző* (Zak 381 - Törv 458 und noch in anderen Stellen) geführt. Über das Wort *bilježnik* bemerkt das ARj: "u naše vrieme" (2:31). Das Wort ist aus dem Verb *bilježiti*, das aus dem Substantiv *biljeg* 'Zeichen, Kennzeichen; ung. jegy, jel' stammt, gebildet. Aus der serbischen Literatursprache weist Mihajlović aus dem Jahre 1838 dazu Angaben nach (Posrb 1:6). In dieser Bedeutung war der internationale Latinismus *notarius* bis zur zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts gebräuchlich, und zwar in verschied-

nenen, auf ungarische Vermittlung hinweisenden Varianten: *notar(i)juš*, *notaroš*, *nataroš*.¹⁵ Die letzte Quelle von deutsch *Notar* ist das lateinische Substantiv *nota* 'Kennzeichen, Merkzeichen' (DudEt 472). Hinter allen drei Ausdrücken *Notar*, *jegyző*, *bilježnik* steckt die gleiche Anschauung, die die eigentliche Funktion, die Hauptaufgabe des betreffenden Beamten bezeichnet. Das ungarische Wort *jegyző*, wofür seit dem Ende des 18. Jahrhunderts Belege anzutreffen sind, dürfte aller Wahrscheinlichkeit nach dazu beigetragen haben, daß der kroatische Neologismus *bilježnik* allgemein wurde, und in der Amtssprache *notaroš* verdrängte. Die Angaben von L. Hadrovics zeigen, daß das Wort *notaroš* am Ende des vorigen Jahrhunderts bereits eher als Stilmittel in der Literatursprache gebräuchlich war.

In den verschiedenen amtlichen Sachen dürfte auch ein Beauftragter oder Bevollmächtigter vorgehen. Der Beauftragte ist in den kroatischen Gesetzestexten *povjerenik* 'ung. megbizott', der Bevollmächtigte *opunomoćenik* 'ung. meghatalmazott'. Die verschiedenen Rechtsangelegenheiten wurden von Ausschüssen, Kommissionen, Komitees (kr. *povjerenstvo*, ung. *bizottság*) erledigt. Das Wort *povjerenik* (Zak. o kom. 274 und noch mehrere Belege) kommt in den deutsch-kroatischen Wörterbüchern von Fröhlich-Veselić und Šulek in der Bedeutung 'Commissär' vor, bei Popović finden wir die Bedeutung 'Betrachter, Vertrauter, Commissär' (ARj Sv 48:269). Als Bedeutung des Wortes *povjerenstvo* (in allen Quellen mit vielen Belegen) ist im ARj (Sv 48:270) die folgende Erklärung angegeben: "skup ljudi, kojima je kakav posao povjeren". Bei Šulek und Popović ist die Bedeutung 'Commission, Commissariat', bei Fröhlich-Veselić 'Commission'. Im Hintergrund von beiden Wörtern haben wir ein ungarisches Muster zu vermuten. Ung. *bizottság* ist ein Neologismus (Tolnai 215). Seine Struktur und die Struktur des kroatischen Wortes sind gleich: zum Part. Perf. des Grundverbs kommt ung. *-ság*, bzw. kr. *-stvo*, Suffixe für Abstrakte und Sammelnamen. Auch in diesem Falle wurde das früher eingeführte Fremdwort *komisija* (Fröhlich-Veselić unter Commission) durch den gelungenen Neologismus verdrängt. Beim

ungarischen Wort *meghatalmazott* besteht ebenfalls Übereinstimmung, da aber die Partizipien im Kroatischen selten zu Substantiven werden, gebraucht das Kroatische zum Ausdruck dieses Begriffs ein abgeleitetes Wort. Es ist anders im Falle von ung. *meghatalmazott* - kr. *opunomoćenik* (Törv 460 - Zak 372 und noch mehrere Belege). Rammelmeyer nimmt die Verben *opunomoditi* - *opunomodivati* auf, aber für das Substantiv hat er keine Belege (DtL 240). In der Bedeutung 'Bevollmächtigter' erwähnt er nur *punomoćenik*. Damit verbunden wirft er für die frühere Zeit die Möglichkeit eines italienischen, noch früher eines lateinischen Musters auf (*plenipotenziario* ← *plenipotentiarus*), aber er beruft sich auch auf das tschechische Wort *plnomocník*. Auf diese Weise ist dieses Wort auch als eine europäische Lehnübersetzung zu betrachten. Da die Bedeutung des ung. *meghatalmazott* auch 'mit Vollmacht betraut' ist, ist es zu verstehen, daß das Kroatische diesen Begriff mit der Vorstellung der *Vollmacht* (*punomoć*) verknüpft hatte.

4.3 Bevor über die Fachausdrücke für Rechtsbegriffe gesprochen werden soll, sei die Tätigkeit des kroatischen Juristen Imbrih Domin (1775-1848) erwähnt, der zwischen 1818 und 1831 sein mehrbändiges Handbuch für das bürgerliche Recht in kajkavischer Sprache erscheinen ließ. Das war der erste Versuch, ein Fachgebiet in kroatischer Sprache eigenständig zu bearbeiten.¹⁶ Domin war gezwungen eine ganz neue kroatische Rechtsterminologie zu schaffen. Es müßte gesondert untersucht werden, wieviel er aus der alten Sprache übernommen hatte, und wieviel von seiner Terminologie später benutzt wurde. Dazu wäre aber vor allem ein lateinisch-kajkavisches Glossar von Domin's juristischen Fachausdrücken nötig. Das wird aber wahrscheinlich für lange Zeit nur ein frommer Wunsch bleiben. Und nun wollen wir zu unserem eigentlichen Thema zurückkehren.

4.3.1 In den Rechtstexten taucht der Begriff für *Tatumstand* ung. *ténykörülmény* auf. Kroatisch nennt man diesen Begriff *učinbena okolnost*. Einige Belege: *glede učinbenih okolnostih* (Zak 371) - a *ténykörülmenyekre nézve* (Törv 459), *Ako učinbenu okolnost...samo jedna stranka neposredno zna...* (Zak 374)

- Ha a ...*ténykörülményről* csupán az egyik fél bír közvetlen tudomással... (Törv 462). Das ARj erwähnt das Substantiv *uđimba* (Sv 79:151) und führt auch von Jambrešić ein Beispiel in zwei Bedeutungen an: 1. 'elaboration, zdelanje, izdelanje, učiñenje', 2. 'ugovor, dogovor'. Auch BrozIV verzeichnet es in der Bedeutung 'die That, factum' (2:616). Der kroatische Ausdruck entspricht genau dem ung. *ténykörülmény* 'Tatumstand'. Das ist ein zusammengesetztes Wort, dessen beide Glieder Neologismen sind. Das zweite Glied *körülmény* verdient besondere Aufmerksamkeit. Lateinisch *circumstantia* wurde mit deutsch *Umstand* wiedergegeben und dieses Wort blieb bis heute unangetastet. Anfangs haben auch die Ungarn und Kroaten dafür ein Kompositum geprägt: ung. *környüldílds*, kr. *okolstanje* oder *okolostanak*, ähnlich russisch *obstojaťel'stvo*. Doch die Ungarn haben später das schwerfällige Kompositum aufgegeben und ein neues Ersatzwort mit Ableitungssuffix eingeführt, nämlich *körülmény*. Und diesem neuen ungarischen Ersatzwort entspricht auch strukturell kroatisch *okolnost*.

Der andere Rechtsbegriff, dessen Name oft vorkommt, ist Zuständigkeit, Befugnis, ung. *illetőség, illetékesség*. In den kroatischen Texten finden wir *dotičnost: Dotičnost ovih sudovah...* (Zak 85) - Ezen...*törvényeszekek illetősége* (Törv 181; und noch mehrere Angaben). Die kroatischen Wörterbücher enthalten das Wort nicht. Im Ung. haben wir für *illetőség* und *illetékesség* seit 1807, bzw. 1845 Angaben. Die ursprüngliche Bedeutung vom ung. *illet* und kr. *dotičati se* ist gleicherweise 'berühren, betreffen'. Das ungarische und das kroatische Substantiv ist eine mit einem ähnlichen Bedeutungsgehalt tragenden Suffix (kr. *-ost* ~ ung. *-ség (-ség)*) geschaffene Bildung. Deutsch *Zuständigkeit* und *Befugnis* stammen aus ganz anderen Grundanschauungen und entsprechen weder dem ungarischen noch dem kroatischen Wort.

Viele Rechtsregeln befassen sich mit dem Begriff Servitut, Dienstbarkeit, ung. *szolgalom*. Das kroatische Wort *služnost* wurde im dritten Drittel des vorigen Jahrhunderts allgemein. Es ist im ARj (Sv 65:651) vorhanden; seine Bedeutung ist 'upotreba, poraba čega, Dienstbarkeit'. Einige Belege: ili

obterečenjem sa *služnostima*... (Zak 485) - vagy *szolgalmakkal* terheltetés által... (Törv 569), Potraživanje zakupnikah i onih, koji imaju pravo užitka i drugih kakovih *služnostih*... (Zak 487) - Haszonbérlok és használati évezettel vagy egyéb *szolgalmi* joggal bírók igényei... (Törv 571), obvezani su na svojoj odkupljenoj prostoriiji ovu *služnost* trpljeti (Zak 500) -kisajátított területükön e *szolgalmat* eltűrni kötelesek (Törv 584). Die letzte Quelle des ungarischen und kroatischen Ausdrucks ist wohl lateinisch *servitus*; die Bildungsweise des kroatischen Wortes weist auf ungarisches Muster hin.

4.3.2 Von der Benennung der verschiedenen Rechtsverfahren erwähne ich zwei, in deren Fall die Wirkung des ungarischen Vorbildes wahrscheinlich sein kann.

Der Begriff für Beglaubigung, ung. *hitelesítés* wird im Kroatischen mit den Verbalsubstantiven *odostovjerenje*, bzw. *ovjerovljenje* ausgedrückt. Einige Beispiele: Prie nego li se *odostovjerenje* započme (Zak 7) - Mielőtt a *hitelesítés* megkezdtnék (Törv 73), obavi se za *ovjerovljenje* posredom zakletoga tumačnika (Zak 462) - a *hitelesítés* megहितelt tolmács közbejöttével történik (Törv 545), u *ovjerovljujuđođ* zaporci (Zak 461) - a *hitelesítési* záradékban (Törv 544), o odborih *ovjeritbenih* (Spisi I:2; und andere Belege). Rammelmeyer hält das Grundverb der erwähnten Substantive *ovjeriti* für die Lehnübersetzung von deutschem *beglaubigen* (DtL 243). Es ist auch im Tschechischen vorhanden: *ověřiti*. Zum ersten Mal kommt das Wort im deutsch-kroatischen Wörterbuch von Šulek vor. Von rein sprachlichem Gesichtspunkt aus wäre die Wirkung des deutschen und tschechischen Musters am wahrscheinlichsten, aber mit Rücksicht darauf, daß das Wort gerade als juristischer Fachausdruck vorkommt, dürfte der Einfluß des ungarischen Musters auch nicht ausgeschlossen sein. Die Anschauung ist in allen vier Sprachen gemeinsam.

In den kroatischen Gesetzestexten deckt *odprivlastba* bzw. *(od)-prisvoјba* den Begriff Enteignung, ung. *kisajátítás*. Einige Beispiele: *ciena odprivlastbe* (Zak 11) - *kisajátítási ár* (Törv 77), *kođ ove razprave opravnjenost odprivlastbe*... (Zak 12) - e tárgyaláson a *kisajátítás* jogosultsága... (Törv 77),

jeda li je račun prema cieni *odprisojbe* i *odprisojenom* prostranstvu umjestno učinjen? (Zak 12) - a kiszámítás a *kisajátítási* ár és a *kisajátított* területhez képest helyesen történt-e (Törv 78), *Prisojba* prostranstva, potrebnog na predimenovane u 1-om §. pruge željeznice izposluje se po odlukah zakonah postojećih (Zak 36-37) - Az 1.§-ban nevezett vasútvonalakhoz szükséges terület *kisajátítása* a fennálló törvények határozatai szerint eszközöltetik (Törv 105). Das ARj enthält weder das Substantiv *odprivlastba*, noch das Substantiv (*od*)*prisojba*. Das Grundverb beider Substantive ist aus dem Pronomen *vojs*, bzw. *vlastit* 'eigen' gebildet. Hinsichtlich Bedeutungs- und Bildungsart ist die Wirkung des ungarischen *kisajátítás* (*ki + saját + ít + da* (*od*)*pri + vojs + ba*, *odpri + vlast + ba*) ebenso wahrscheinlich zu machen. Dem einzigen ungarischen Verbalpräfix entsprechen im Kroatischen zwei. Im ungarischen Verb kommt nämlich nur zum Ausdruck, daß etwas jemandem enteignet, weggenommen wird. Dem entspricht das kroatische *od*. Im Kroatischen steht aber auch ein die Richtung bezeichnendes Verbalpräfix *pri*, also das Substantiv drückt auch aus, daß das Ding jemandem zukommt, jemand es besitzen wird. Allerdings waren lateinisch *expropriatio* und deutsch *Enteignung* die Vorlagen der Prägung, aber als drittes Muster ist auch Ungarisch nicht auszuschließen.

4.3.3 Von den mit dem Rechtsverfahren verbundenen Wert- und Preisbezeichnungen ist ein ungarisches Muster in den Fällen von *procjenbena vrijednost* 'Schätzungswert; ung. *becsérték*', *izklična oiena* 'Ausrufepreis; ung. *kikidltási ár*', *odrezna kamata* 'Couponzins; ung. *szelvénykamata*' und *odsječnica* 'Durchschnitt; ung. *dtalány*' zu vermuten. Beispiele: ...kojih *procienbenu vrijednost*... (Zak 410) - ...melyeknek *becsértékét*... (Törv 496), *uredovne izprave*...kojimi se *procienbena vrijednost* izkazuje... (Zak 429) - a *becsértéket* igazoló hivatalos iratok... (Törv 514), *Stabla za sječü još neprikladna i korisne nasade*...mora novi vlastnik na zahtjev prijašnjega vlastnika preuzeti po *procjenbenoj vrijednosti* (Zak.o kom. 271). Das Verb *procijeniti* - *procjenjivati* ist in den Wörterbüchern in der Bedeutung 'abschätzen; aestimo' enthalten (SrRj 633, Broziv

2:244), das davon gebildete Adjektiv ist aber nicht aufgenommen. Die ungarischen Wörter *becsár* und *becsérték* 'Schätzungspreis, Schätzungswert' sind Neologismen, die nach dem lateinischen Muster *praetium aestimationis* entstanden sind (Tolnai 206). Der Ausdruck *izklična ciena* ist nicht nur in den Gesetzestexten sondern auch in den Parlamentsschriften häufig: *izklična ciena* (Zak 431) - *kikidítási ár* (Törv 516), Na prvoj dražbi nemože se imutak izpod *izklične ciene* prodati (Zak 433) - *Első árveréskor a vagyon...kikidítási áron alól el nem adathatik* (Törv 517), ...da se nepokretnost na prvom roku neće prodati izpod *izklične ciene*... (Spisi 67-70:243), nebude li ju moguće prodati izpod *izklične ciena*... (Spisi 67-70:243) und noch viele Belege. Das Adjektiv des Ausdrucks *izklična ciena* ist vom Substantiv *klik* 'Ruf; clamor' gebildet. Im heutigen Sprachgebrauch ist die Bedeutung *Ruf poklik, usvik, usklik* (Šamš 795). Das in den Quellen vorhandene Grundverb mit dem Verbalpräfix *iz-* (*is-*) weist ebenso gut auf ungarischen wie auch deutschen Einfluß hin. Das letzte gemeinsame Muster wahr wohl lateinisch *praetium exclamationis*.

Mit den Darlehen, Krediten und Steuern sind die Termini *odresna kamata* 'Couponzins' und *odsječnica* 'Durchschnitt' verbunden. Belege: *izuzimajući savin odresne kamate* (Couponzinsen) državnog zajma (Zak 116) - ...*szelevénykamatainak* kivételével ... (Törv 193), *ima se potrošarina...putem pogodbe* (pomoću *odsječnice*) plaćati (Zak 57) - *a fogyasztási adót megváltás útján (átalányban) fizetendik* (Törv 130), *Presu - djivanu čistog prohoda, koji spada pod porez služi odsečnica* (Zak 119) - *Az adó alá tartozó tiszta jövedelem megbírálására általán alapul szolgálанд* (Törv 196). Das Adjektiv *odresni* kommt in ARJ nicht vor. Für das erste Glied der ungarischen Zusammensetzung, *szelevény* 'Schnitt, Wertpapierabschnitt' bestehen Angaben seit 1857 (TESz 3:705). Das Grundverb dieses Substantivs *szeł* 'schneiden' kommt seit 1395 vor (TESz 3:704). Das erste Glied des entsprechenden deutschen Ausdrucks ist *Coupon*, das in der Bedeutung 'Abschnitt (auf Wertpapieren)' seit dem 18. Jahrhundert auftritt (DudEt 96). Es ist die

Übernahme von französisch *coupon*, abgeleitet vom Verb *couper* '(ab)schneiden'. Das ungarische und auch das kroatische Wort wurde als muttersprachliches Ersatzwort für den international gewordenen Terminus französischer Herkunft eingeführt. Mit Rücksicht darauf, daß das ungarische Wort (vermutlich) früher nachgewiesen werden kann, ist der Einfluß des ungarischen Musters wahrscheinlich.

Die Bedeutung von *odsjeđnica* (heute eher *odsjek*) ist *Abschnitt*. Das Wort wird von Fröhlich-Veselić und Šulek mit der Bedeutung 'Pauschale' verzeichnet. Im Kroatischen lebt das Wort nicht mehr, nur *paušal* und die mit den *-n*-Suffix adaptierte Form des Adjektivs *paušalan* sind gebräuchlich. *Osjekom* bedeutet eher 'en gros, en bloc', für deutsch *Durchschnitt* steht *prosjek* (mit dem Adjektiv *prosjeđan*). Ung. *átalány* 'Durchschnitt' kommt seit 1851 vor. Das kroatische Substantiv entspricht nach seiner Struktur mehr dem deutschen Muster. Ung. *átalány* erklärt den kroatischen Wortstamm nicht.

4.3.4 Die Steuern, Beiträge und Regien werden durch Gesetze und Anordnungen geregelt. Von den Ausdrücken dieser Sachgruppe ist im Falle der Wörter *prípadak*, *prínosak* 'Beitrag, Regie' und *pristojb(in)a* 'Gebühr' mit hoher Wahrscheinlichkeit ein ungarisches Muster zu vermuten. Einige Beispiele: *Zakonski članak o prípadku o soli* (Zak 42) - *Törvényczikk a sójűvedék iránt* (Törv 112), *ne uračunavajući prípadak od razterešaja zemlje* (Zak 101) - *a földtehermentesítési járulékot hozzá nem számítva* (Törv 177), *glede godišnjih prípadakah* (Zak 499) - *az évi járulékoknak* (Törv 583), *zemljorazteretni prínosak* (Zak 108) - *Földtehermentesítési járulék* (Törv 184).

Die Bedeutung des Substantivs *prípadak* 'ono, što čemu pripada u značenju toga glagola' (ARj Sv 51:80). Im deutsch-kroatischen Wörterbuch von Šulek ist die Bedeutung 'Pertinenz, Pertinenzstücke', bei Vuk³ ist nur *pripadanje* verzeichnet; 'das Fallen (zur Erde); inclination; das Zufallen (zum Erbtheil); cum quid evenit, obtingit' (SrRj 612). Die heutige Bedeutung ist: 1. 'ono što kome ili čemu pripada kao sporedan deo'. 2. 'ono što u naturi (u žitu, drvetu i sl.)' (RMS 5:86). Die Bedeutung von heute ist also eher *Dotation, Gehalt*, ung.

juttatás. Fröhlich-Veselić bringt unter 'Pertinenz' *pripadnost*.

Das Wort *prinosak* ist im Wörterbuch von Popović in der Bedeutung 'Beisteuer, Beitrag' aufgenommen (ARJ Sv 51:76). Bei Fröhlich-Veselić ist unter *Beitrag* neben anderen Ausdrücken auch *prinesak* zu lesen. Das RMS behandelt es nicht in einem besonderen Artikel, sondern verweist auf *prinos*. Von den älteren Wörterbüchern ist auch nur *prinos* bei Vuk³ (SrRj 612) und BrozIV (2:225) in der Bedeutung 'Gabe; donum' zu finden. Das Wort wird auch von Rammelmeyer in der kürzeren Form behandelt: "prinos - Beitrag". Er bemerkt, daß "in dieser Bedeutung dt. Lü. In den Bedeutungen 'Gabe, Opfer; Ertrag, usw. alt. Vgl. slov. dass., tsch. *přínos*..." (DtL 265). *Járulék* und *jövedék* sind Neologismen im Ungarischen. Das unmittelbare ungarische Muster ist in der Bildungsart zu beobachten: kr. *-ak* ung. *-ék*. Das deutsche Wort *Beitrag* ist nämlich eine postverbale Bildung mit Ø-Suffix. Es besteht allerdings die Entsprechung von kroatisch *nositi* und deutsch *tragen*, und es ist sehr wahrscheinlich, daß auch das ung. Wort nach deutschem Vorbild entstand, nur ist das Suffix in diesem Fall typisch ungarisch.

Die Bedeutung von *pristojba* und *pristojbina* ist 'Gebühr'. Beispiele: *pristojba za nadzor* (Zak 52) - felügyeleti illeték (Törv 125), *postrošbena pristojbina* (Zak 52) - fogyasztási illeték (Törv 125). Hierher gehört noch der Ausdruck *pristojni biljeg* 'Taxemarke', ung. *illeték(es) bélyeg*: Stranke...dužne su originalne primerke...*pristojnim biljegom* snabdjevene... pokazati (Zak 99) A...felek kötelesek...az...*illetékes bélyeggel* ellátott eredeti példányokat...bemutatni (Törv 175-176, und noch mehrere Belege in dieser Quelle). Das Wort *pristojba* ist laut ARJ (Sv 51:164) "načinena prema A. Gebühr od gebühren." Im deutsch-kroatischen Wörterbuch von Šulek ist seine Bedeutung 'Gebühr, Taxe', bei Fröhlich-Veselić ist *pristojbina* nur unter *Gebühr* verzeichnet, unter *Taxe* steht bei ihm *odredbina*. Rammelmeyer hält *pristojbina* und *pristojba* für deutsche Lehnübersetzungen (DtL 265). Das deutsche Verb *gebühren* (mhd. *gebürn*, ahd. *giburian* 'sich ereignen, geschehen; widerfahren, zukommen, zufallen') stammt

aus einer uralten indoeuropäischen Wurzel (DudEt 202-203). Das Substantiv *Gebühr* "...eigtl. 'was einem zukommt, oder zufällt' bes. gebräuchlich ist heute die Mehrz. *Gebühren* in der Amtssprache..." (DudEt). Ung. *illeték* ist eine Ableitung vom Verb *illik* 'es gebührt' und ebenfalls ein Produkt der Spracherneuerung des vorigen Jahrhunderts (Tolnai 210). Der kroatische Ausdruck entspricht nach Bedeutung und Bildungsart genau dem Ungarischen: Verbalstamm + Suffix: *illet + ék ~ prietoj + b(in)a*. Das kroatische Suffix *-ba*, das im vorigen Jahrhundert sehr beliebt war, entspricht häufig ungarischen Suffixen, die in der Zeit der ungarischen Spracherneuerung auch bevorzugte Suffixe waren. In unserem Fall bedeutet auch der morphologische Aufbau des Wortes einen Anhaltspunkt; es ist nämlich im Deutschen ein Substantiv mit ϕ -Suffix vorhanden. Dagegen ist es wahrscheinlich, daß ungarisch *illeték* nach dem Muster von *Gebühr* entstanden ist; darauf lassen auch andere Entsprechungen in der Wortsippe wie ung. *illő*, *illendő* ~ dt. *gebührend*, *gebührlisch* schließen.

Mit den angeführten und stellenweise etwas ausführlicher besprochenen Beispielen wollte ich nur veranschaulichen, daß der ganze Prozeß der ungarischen Spracherneuerung im vorigen Jahrhundert für die Kroaten nicht nur als ein anregendes Beispiel diente, sondern in einzelnen ganz konkreten Fällen auch das Vorbild lieferte. So ist neben Latein, Deutsch und Tschechisch auch Ungarisch als eine der potentiellen Quellen bei der Beurteilung von kroatischen Neologismen zu beachten.

5. Die kroatische Spracherneuerungsbewegung in der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts zeigt, daß auch die puristischen Bestrebungen unseres Zeitalters historisch betrachtet werden müssen. Es gibt historische und gesellschaftliche Gründe, warum die puristischen Tendenzen im westlichen (kroatischen) Teil des serbokroatischen Sprachgebiets kräftiger waren, als im östlichen. Diese Tatsache ist - unter anderem - mit dem starken puristischen Einfluß der deutschen und ungarischen Sprache zu erklären.

Wenn man in unseren Tagen in der kroatischen Presse oder in wissenschaftlichen Werken immer mehr auf "ungewohnte" Wörter

und Ausdrücke aufmerksam wird, so kann man im Hintergrund das Fortwirken von einstigen historisch-gesellschaftlichen Triebkräften vermuten. Der Purismus scheint in der letzten Zeit zu erstarren. Diese Erscheinung ist - aufgrund der Erfahrungen der Vergangenheit - gesetzmäßig. Der neue Purismus ist nur eine Begleiterscheinung oder ein besonderer Zug in den Bestrebungen, die bei den Kroaten die Erhaltung und Kräftigung ihrer nationalen Eigenart auf jedem Gebiet beabsichtigen. Nur ist diese Bewegung unwillkürlich auch Anfeindungen ausgesetzt. Das Problem besteht darin, daß der Purismus in den vierziger Jahren unseres Jahrhunderts von kroatischen Politikern stark diskreditiert wurde. Beurteilen wir aber diese Erscheinung historisch, so ist zu hoffen, daß der Ertrag positiv sein wird und keineswegs zur Auflösung der so schwer zustande gekommenen gemeinsamen Schriftsprache der Serben und Kroaten führt. Die neuen Wörter werden kaum eine Barriere zwischen der westlichen und östlichen Variante bedeuten. Es ist wohl auch sicher, daß nur Wörter und Ausdrücke erhalten bleiben, die sowohl in phonetischer und morphologischer, als auch in syntaktischer Hinsicht geeignet sind, sich ins System der Sprache einzufügen. Und solche Elemente können leicht auch von Serben akzeptiert werden, wie so mancher Neologismus des vorigen Jahrhunderts heute auch von den Serben gebraucht wird. Die ungarische Spracherneuerung hatte - in größerem Maße, als die kroatische - auch viele Fehlprodukte, die aber fast von selbst ausgemerzt wurden und in Vergessenheit gerieten. Die Mißgeburten waren eine Zeit ein beliebter Gegenstand des Spottes, aber die Ausdruckswerte einer so wichtigen geistigen Bewegung dürfen nicht nach ihnen beurteilt werden.

A n m e r k u n g e n

1. NYOMÁRKAY István: *Nyelvíjlesztési kísérletek a szlavóniai horvát irodalomban a felvilágosodás korában* (Spracherneuerungsversuche in der kroatischen Literatur in Slawonien im Zeitalter der Aufklärung). Diss. Budapest 1964. Manuskript.

2. NYOMÁRKAY István: Jambrešić szótárának magyar anyaga (Das ungarische Material des Wörterbuches von Jambrešić). In: *Emlékkönyv Kirdly Péter 70. születésnapjára* (Festschrift zum 70. Geburtstag von Péter Király). Im Druck.
3. Ljudevit JONKE: Književni jezik 19. stoljeća. In: *Književni jezik u teoriji i praksi*. Zagreb 1965, 9-174.
4. In erster Linie wird an die periodische Quellenveröffentlichung *Građa za povijest književnosti hrvatske*, 1 (1897) Zagreb, sowie an das Werk von Slavko Ježić *Ilirska antologija*, Zagreb 1934, gedacht. Ungarischerseits sind die Werke *A horvát kérdés története és irományai a rendi állam korában* (Geschichte und Dokumente der kroatischen Frage im Zeitalter des feudalen Staates) I-II, Budapest 1927, von Gyula Miskolczy und *Inatok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez* (Dokumente zur Geschichte der Frage der ungarischen Staatssprache), Budapest. 1926, von Gyula Szekfű wichtig.
5. László HADROVICS: *Schrifttum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert*. Budapest 1974.
6. László HADROVICS: *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Budapest 1985.
7. Antun NAGY: Novi i stari kalendar horvatski. *Građa* 12:126
8. Tomas MIKLOUŠIĆ: Izbor dugovanj vsakovrstneh. *Građa* 12:150
9. Janko DRAŠKOVIĆ: Disertacija iliti razgovor. *Građa* 12:302
10. KISS Lajos: *Szláv tükörresők és tükörjelentések a magyarban* (Slawische Lehnübersetzungen und Lehnbedeutungen im Ungarischen). Budapest 1975, 1-5.
11. Matthias RAMMELMEYER: *Die deutschen Lehnübersetzungen im Serbokroatischen*. Wiesbaden 1975.
12. Stjepan BABIĆ: Njemačke prevedenice u hrvatskom ili srpskom jeziku. In: *Leksikografija i leksikologija. Zbornik radova*. Novi Sad - Beograd 1984, 9-14.
13. Olga ŠOJAT: Naziv *igrokaz* u kajkavskoj književno-jezičnoj terminologiji. *Jezik* 30, br. 1, 12-18. Zagreb 1982.
14. *Rěčnik němačkoga i ilirečkoga jezika*, sastavio ga Rud. V. Veselić. Drugi iliti nemačko-ilirski dio. U Beču 1854. - Handwörterbuch der deutschen und ilirischen Sprache. Verfaßt von Rud. A. Fröhlich. Zweiter oder deutsch-ilirischer Theil. Wien 1854.
15. L. HADROVICS: Ungel 377-378 und I. NYOMÁRKAY: Strane reči u srpskohrvatskom jeziku. *Zbornik MSC 7 (1981)*, 213-218.

16. Imbrih DOMIN: Predznanya pravicz szamoszvojneh vugerzkeh. Zagreb 1818; Dogodopisz pravicz szamoszvojneh vugerzkeh. Zagreb 1918; Navuchanye vu praviczach szamoszvojneh vugerzkeh I, II. Zagreb 1821, 1830.

Abkürzungen

- ARj - *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* 1 (1880-82)-23 (1975-76). JAZU. Zagreb.
- Sv - Svezak
- BrozIV - *Rječnik hrvatskoga jezika.* Skupili i obradili F. Iveković i I. Broz. 1-2. Zagreb 1901.
- DtL - Matthias Rammelmeyer: *Die deutschen Dehnübersetzungen im Serbokroatischen.* Wiesbaden 1975.
- DudEt - *Der große Duden. Etymologie.* Bearbeitet von G. Drosdowski, P. Grebe und weiteren Mitarbeitern der Dudenredaktion. Mannheim 1963.
- Fröhlich-Veselić - s. Anmerkung 14.
- Grača - s. Anmerkung 4.
- Posrb - Velimir Mihajlović: *Posrbica od Orfelina do Vuka.* I tom (B - O), Novi Sad 1982.
- RMS - *Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika.* 1(1967) - 6(1976). 1-3. Matica srpska - Matica hrvatska; 4-6. Matica srpska.
- Spisi 67-70 *Saborski spisi sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od godine 1868-1870.* Zagreb 1905.
- Spisi I - *Spisi saborski sabora Kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od g. 1861.* Uredili i izdali bar. Dragojlo Kušlan, dr. Mirko Šuhaj. Sv I-III. Zaključci saborski. Zagreb 1862.
- SrRj (Vuk³) *Srpski rječnik istumađen njemačkim i latinskim riječima.* Skupio i na svijet izdao Vuk Stef. Karadžić. Beograd 1935.
- Šamš - *Njemačko-hrvatski ili srpski rječnik.* Sastavio dr. Gustav Šamšalović. Šesto izdanje. Zagreb 1975.
- TESz - *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I-III.* Budapest 1967-1976.
- Tolnai - Tolnai Vilmos: *A nyelvújítás. A nyelvújítás elmélete és története.* Budapest 1929.
- Törv - *As 1865/67. és 1868. évi törvények gyűjteménye.* Kiadja: a M. Kir. Belügyminisztérium. (Az "Országos Törvénytár" szerkesztésége). Budapest 1908.
- Zak - *Sbirka zakonah godine 1868.* Izdaje U.Kr. Ministarstvo Pravosuđa. U Budimu 1868.
- Zak. o kom. *Zakon o komasaciji zemljišta...i provedbena naredba...Hrvatski zakoni XXXIII.* Zagreb 1902.

Bronislav Aleksandrovič PLOTNIKOV (Minsk)

MEANING, WORD COMBINATION AND STATISTICS

Direct data on language units and their properties may be obtained by analyzing them in written texts and speech. Taking into account the ever increasing role of written texts in every-day life and keeping in mind that they are more accessible for experimental purposes than speech, we found it preferable to use them for studying the semantics of lexical units.

A *word (lexeme)* and its *meaning* are language phenomena, that is why we perceive words indirectly through their usage in speech/texts. In written texts words are realized in the form of specific, visually recognizable *word usages* (i.e. chains of letters between two blanks in a text line) and *word forms* (i.e. externally similar word usages possessing identical grammatical and semantic properties). For example, the word *stol* (table) in Russian is represented by twelve word forms (six cases in the singular and six cases in the plural) and, for a given text, a certain number of word usages. Hence, a word as language unit is manifested in a text through the whole combination of word forms and word usages from which, in turn, this word is abstracted.

Since semantic properties of a word are realized only in its usage¹, and different meanings of a word in the long run are manifested by different combinations with other words, it is but natural to analyze the words' semantic properties by observing its combinatorics.

According to Ch. Peirce², one of the founders of semantics, it is accepted practice in modern linguistics to distinguish several aspects of word semantics. The relation of the word's material envelope to an object in the real world is called the denotative aspect of the word's meaning; the relation of the word's material envelope to the notion, triggered by it in our mind, is called the significative aspect of the word's meaning; the relation of the word to the person using it is

called the pragmatic aspect of the word's meaning. Apart from these semantic aspects, F. de Saussure has delineated the linguistic aspect of meaning (value), which comprises the whole complex of the word's relations to other words in the language³. In analyzing word combinations we try to describe the linguistic aspect of meaning, because similarity and differences of semantic properties are more clearly manifested in similarity and differences of word combinations. Yet it should be noted that words are combined with respect to all the above mentioned aspects of their meaning, the primary importance being attached to the word's correlation with objects and realities, i.e. the denotative aspect of semantics. In practice one does not meet a word combination like *деревянное железо* (wooden iron) or *кирпич улыбается* (the brick is smiling). This is because such word combinations do not correspond to the real world; on the other hand, word combinations like *солнце светит* (the sun is shining), *голубое небо* (blue sky) and so on are frequently met in texts and sound quite normal to us, since the lexemes of each such combination denote definite realities.

It should be noted that in normal discourse (texts) often and easily only those words are combined which have meaning elements or specific semantic signs in common. For example, the words *солнце* (the sun) and *светит* (shines) do have such a common semantic sign, so it is but natural that they will combine one with another. Furthermore, words normally possess many specific semantic signs which are revealed in combinations of these words with others. If one considers word combinations as a function of the semantic mechanism of language, i.e. as a specific realization of the semantic properties of the words being combined, it may be easily concluded that a polysemantic word (a word having a great number of semantic signs) should combine with a greater variety of lexemes than a word possessing fewer semantic signs, or a term.

To justify this statement, the following statistical linguistic experiment has been carried out. From many texts representing different styles of the Russian language were

extracted, by thorough selection, word combinations with the words земля (earth), солнце (sun), небо (sky), звезда (star), луна (moon), сердце (heart), рука (hand), нога (leg), глаз (eye). For each lexeme, one thousand two-word combinations have been selected from scientific texts, poetry and literary prose, respectively, that is 27 thousand word combinations in all, comprising three thousand for each above-mentioned word. Since in scientific texts words are used as terms and in literary texts they are polysemantic, then, according to our hypothesis, the scope of word combinations in scientific texts should be considerably smaller than in literary texts. After extracting all the relevant word combinations from the texts under study and counting the different partner words for each thousand word usages, we received the following results (See Table 1).

Table 1

Results received Lexemes	Number of different partner words per each thousand of word combinations with given lexemes in our texts		
	scientific texts	literary prose	poetry
звезда (star)	229	506	608
луна (moon)	297	494	594
небо (sky)	277	534	627
земля (earth)	275	610	700
солнце (sun)	268	478	605
глаз (eye)	286	540	599
рука (hand)	229	564	610
сердце (heart)	195	576	653
нога (leg)	193	585	643

The data reveal a clear-cut tendency: a sharp increase in collocational diversity in fiction (prose and poetry) as compared to scientific texts. Hence, our assumption appears to have been borne out by the results of the experiment: polysemantic lexemes have a greater scope of combinations with

different words than lexemes used as terms, i.e. monosemantic words.

It should be underlined that the semantic signs of a lexeme, expressed in its combinations, may be *specific* as well as *general*. We find specific signs in each new combination with another word; general signs are found in whole groups of semantically similar words which combine with the given lexeme. For example, the specific semantic sign of colour, pertaining to the object denoted by the word дерево (tree), may be expressed separately by adjectives combining with the word дерево (tree), such as: зеленое (green), белое (white), желтое (yellow), красное (red) and so on. The general semantic sign of the word дерево, the sign of colour, is expressed by all adjectives denoting colour which combine with it. Another general semantic sign of the word дерево may be referred to by adjectives of size like большое (big), маленькое (small), огромное (huge), высокое (tall), and so on.

By studying a great number of texts comprising millions of word usages, one may find dozens of such general semantic signs which are expressed in semantically similar words combining with the lexemes under study. It should be stressed that different words, on the one hand, may not have equal sets of semantic signs (that depends upon the grammatical and semantic properties of the words); on the other hand, the *size* (volume, weight) of semantic signs (defined by the frequency of word usages in relevant combinations) may also not correspond. So, words having similar meanings (synonyms) apparently differ from one another not by the presence/absence of certain semantic signs in their semantic structure, but by the sizes of these signs. Besides, the meaning of each word comprises not a mere set of signs, but the signs specifically ordered in a word structure⁴. This order of semantic signs is manifested in the way the word combinations with the given lexeme are realized in specific syntactic constructions.

For example, the semantic sign 'feeling' peculiar to the meaning of the word человек (man) may be manifested in verbs like любить (love), ненавидеть (hate), обожать (worship), презирать (despise) and so on, which are all capable of combining with the noun человек: but this sign may differently

characterize the meaning of человек, depending on the syntactic construction in question. If the verbs of feeling are used in syntactic constructions of the type "given noun in the Nominative case + verb" (compare: человек любит (the man loves), человек ненавидит (the man hates, and so on), then the semantic sign manifested by these verbs is active. On the other hand, the sign is considered passive when the verbs of feeling are used in syntactic constructions of the type "verb + given noun in the Accusative case" (compare: ненавидеть человека (to hate the man), любить человека (to love the man, and so on). In general, semantic signs, when realized in word combinations of different syntactical structure, are considered different despite the fact, that they may be expressed by the same lexemes.

Hence, lexical meanings are defined by generalized semantic signs which are peculiar to whole groups of words combining with the given lexemes. The statistical analysis of word usage in each group makes it possible "to weigh" the semantic signs' quota in the given lexeme structure. The semantic structure of the lexeme (i.e. the order of its semantic signs) is manifested by the distribution of lexical groups expressing generalized semantic signs, and by the syntactic constructions peculiar to the given lexeme.

According to this method, proposed by A.Е. Suprun, we have carried out a statistical linguistic experiment with the following eight words: мысль (thought), идея (idea), понятие (notion), мнение (opinion), ум (intellect), разум (intelligence), сознание (mind), мышление (thinking), which, to our mind, are quite related in meaning. Our task has been to define the degree of similarity in the semantic structure of these words by analyzing empirical data on their collocational properties. All word combinations with the given lexemes were extracted by thorough selection from Russian texts containing more than two million word usages. There were found: 3210 combinations with the word мысль (thought), 2087 - with the word идея (idea), 1245 - with the word понятие (notion), 881 - with the word ум (intellect), 836 - with the word сознание (mind), 628 -

with the word мнения (opinion), 484 - with the word разум (intelligence), 416 - with the word мышление (thinking). First of all, the word usages combining with the lexemes under study were arranged into syntactic constructions of the following types: мысль писателя (the thought of the writer), суть мысли (the essence of the thought), высказать мысль (to express the thought), etc. - all in all 10 syntactic constructions peculiar to these lexemes were established. In the following stage, within these syntactic categories word usages were arranged into lexical groups, each representing a separate semantic sign of the given eight lexemes. We devised the so-called "semantic questionnaire", the "questions" relating to the names of the semantic signs peculiar to the meaning of our eight words, and the "answers" being quantitative dimensions of each sign (the dimensions are given by the frequency of word usages having this or that semantic sign).

The group of lexemes under consideration, with the given syntactic constructions, is characterized by 72 semantic signs each of them being represented by a lexical group with a certain number of word usages (from 2 to 1218). The frequency of word usages taken from our texts expresses quantitatively the dimensions of the corresponding semantic signs.

However, since word frequencies differ with texts, the dimensions of semantic signs should be expressed not only by the definite frequencies of word usages which fall into the specific lexical groups but also by the proportion of frequencies in per cent in relation to the general frequency of all word usages with each given lexeme.

Table 2 shows the 20 most significant (by size) semantic signs characterizing the meaning of the words under study; the word usages of each group constitute not less than 2 per cent of all word usages extracted from our texts; each of the remaining 52 signs, not shown in Table 2, constitute a proportion of word usages equal to 1 per cent or even less.

By comparing the data of Table 2, we get information about similarity or difference in the sizes of corresponding semantic signs of the lexemes under study.

Table 2

Syntactic Construc- tion	Lexemes Lexical group	МЫСЛЬ	ИДЕЯ	МНЕНИЕ	ПОНЯТИЕ	УМ	РАЗУМ	СОЗНАНИЕ	МЫШЛЕНИЕ
		1	Pronominal adjectives (that, my etc.)	468 15	241 12	115 18	162 13	112 13	39 9
	Intellect (clever, sensible etc.)	102 3	83 4	2 0	47 4	22 2	7 1	12 1	31 8
	Totality (group, collective etc.)	123 4	53 3	60 10	18 1	9 1	9 2	42 5	3 1
	Distinctiveness (ob- vious, visible etc.)	83 3	89 4	9 2	54 4	12 1	12 2	9 1	9 2
	Qualitative (good, bad etc.)	298 9	155 8	40 6	85 7	74 8	22 5	33 4	23 6
	Size (big, small etc.)	79 3	71 3	16 3	33 3	69 8	15 3	26 3	5 1
2	Names (man, writer, boy etc.)	112 4	36 2	38 6	15 1	57 8	28 6	68 8	13 3
	Proper names (Peter, Pushkin etc.)	177 6	130 6	97 16	11 1	40 5	6 1	27 3	11 3
	Intelligence (concep- tion, theory etc.)	28 1	86 4	3 0	52 4	3 0	1 0	10 1	10 2
3	Quality (fidelity, narrowness etc.)	69 2	18 1	5 1	20 2	38 4	16 3	11 1	21 5
	Process (development, movement etc.)	139 4	96 5	18 3	48 4	20 2	27 6	29 3	9 2
	Intelligence	79 3	46 2	3 0	32 3	7 1	31 7	9 1	37 9
4	Motion (to go, to run etc.)	122 4	53 3	9 2	20 2	24 3	13 2	10 1	12 3
	Existence (to be, to live etc.)	131 4	95 5	19 3	53 4	23 3	26 6	29 3	24 6
	Intelligence (to think, to decide etc.)	57 2	51 2	11 2	31 3	28 3	17 4	22 3	10 2
5	Intelligence (to ex- press etc.)	179 6	90 4	31 5	28 2	12 1	9 2	14 2	7 2
	Displacement (to pull, to carry etc.)	95 3	47 2	12 2	56 5	19 2	10 2	23 3	5 1
6	Intelligence (to seek etc.)	33 1	40 2	15 2	16 1	15 2	9 2	21 3	10 2

Table 2 continued

6	Motion	27	29	6	19	27	1	44	6
		1	1	1	2	3	0	5	1
	Displacement	34	24	7	34	8	8	32	4
		1	1	1	3	1	2	4	1

Note. In the left column, the numbers from 1-6 stand for the following types of syntactic construction: 1. adjective + given noun (good idea), 2. given noun + other noun dependent on it (thought of the writer), 3. other noun + given noun in the Genitive case (narrowness of the thought), 4. given noun in the Nominative case + Verb (the idea lives), 5. verb + given noun in the Accusative case (to express the thought), 6. verb with preposition + given noun in an oblique case (to seek for the idea). In these syntactic constructions we met the most significant (in terms of frequency) groups of word usages in combination with the given nouns. Opposite each group of word usages there are two rows of numbers: the upper row shows the frequency of word usages of the given group, the lower row shows the volume of these numbers in proportion to the sum of word usages with the given noun expressed as a percentage.

To measure the degree of similarity in the meanings of words by semantic signs, we use the statistical formula of the correlation ratio⁵:

$$r = \frac{\sum(x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2 \sum(y_i - \bar{y})^2}}$$

where, r-correlation ratio (relation measure), x_i and y_i - the definite sizes of the semantic signs in pairs of compared words, $\bar{x}$ and $\bar{y}$ - the average sizes of semantic signs. With the help of the correlation ratio the relation measure is expressed within the limits of -1 to +1. The closest measure of direct relation of two objects is +1. Hence, a result nearer to +1 testifies closer direct relation of the two objects compared.

By calculating the relation ratio between combinatory properties of each pair of words in our group, we got the results shown in Table 3.

Table 3

	МЫСЛЬ	ИДЕЯ	МНЕНИЕ	ПОНЯТИЕ	УМ	РАЗУМ	СОЗНАНИЕ	МЫШЛЕНИЕ
МЫСЛЬ (thought)		0,93	0,85	0,84	0,84	0,71	0,64	0,61
идея (idea)			0,80	0,86	0,77	0,65	0,61	0,62
мнение (opinion)				0,62	0,72	0,51	0,65	0,36
понятие (notion)					0,72	0,61	0,60	0,57
ум (intellect)						0,74	0,72	0,57
разум (intelligence)							0,60	0,74
сознание (mind)								0,43
мышление (thinking)								

The highest relation incidence (by combination of all semantic properties realized by our eight words in texts) was found for the lexemes *мысль* (thought) and *идея* (idea) - 0,93, *идея* (idea) and *понятие* (notion) - 0,86; the weakest relation incidence was determined for the words *мнение* (opinion) and *мышление* (thinking) - 0,36, *сознание* (mind) and *мышление* (thinking) - 0,43.

These results may be used for interpreting such semantic phenomena as synonymy: words with high relation incidence (correlation ratio of the order 0,7 or higher) may be considered as strong synonyms, while words with low relation incidence may be considered as weak synonyms. In our analysis words are classified not on the principle "synonym / not synonym", but rather by the degree of synonymical relations determined between these words, i.e. on the basis of experimental analysis of their combinations⁶.

С Н О С К И

1. А.А. ПОТЕВНЯ, *Из записок по русской грамматике. Т. 1-2.* М., 1958, с. 42. Л. ВИТГЕНШТЕЙН, *Логико-философский трактат.* М., 1958, с. 39.
2. *The Philosophy of Peirce. Selected Writings.* New York, 1940, p. 101.
3. Ф. де СОССЮР, *Труды по языкознанию.* М., 1977, с. 142.
4. F. HUNDSNURSCHER, *Neuere Methoden der Semantik.* Tübingen, 1971, S. 19. Ю.Д. АПРЕСЯН, *Лексическая семантика.* М., 1974, с. 9.
5. Л.С. КАМИНСКИЙ, *Измерение связи (корреляция).* Л., 1962.
6. The present article is based on a former book of the author where the interested reader can find further results concerning lexical meaning: В.А. ПЛОТНИКОВ, *Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений.* Минск, 1979.
Other works in the field are the following:
А.Е. СУПРУН, В.А. ПЛОТНИКОВ, *Манифестация значения и его исследование.* - В кн.: *Проблемы семантики.* М., 1974, с. 255-262.
В.А. ПЛОТНИКОВ, *Об использовании лексикографических данных при построении тезауруса.* - *Научно-техническая информация, сер. 2,* №9, 1975, с. 22-23.
В.А. ПЛОТНИКОВ, *Лексическая сочетаемость и значение слова в тексте.* - В кн.: *Восприятие языкового значения.* Калининград, 1980, с. 64-71.
В.А. ПЛОТНИКОВ, *О типологии связей между формой и значением слов.* - *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics,* 42, 1984, p. 27-36.
В.А. ПЛОТНИКОВ, *Сочетаемость и семантика.* - В кн.: *Методы изучения лексики.* Минск, 1985, с. 74-81.

T E X T E

Petra HESSE (Basel)

NEUE CVETAEVA-HANDSCHRIFTEN DER BASLER UNIVERSITÄTSBIBLIOTHEK

Im Jahre 1986 konnte die Universitätsbibliothek Basel ihren Bestand an Cvetaeva-Handschriften um drei Erstausgaben ihrer Werke mit handschriftlichen Widmungen und weiteren Eintragungen der Autorin ergänzen. Es handelt sich um

- Марина Цветаева, *Версты. Стихи, вып. 1*, Москва: Государственное издательство 1922;
- М.Ц., *Млодец. Сказка*, Прага: Пламя 1924;
- М.Ц., *Ремесло. Книга стихов*, Москва/ Берлин: Геликон 1923.

1. Dem Titelblatt von *Versty I* ist folgende handschriftliche Widmung Cvetaevas vorangestellt:

Нет иного права на вен/ ? /
книгу, душу, кроме нашей необход/имости/
в ней, то-есть - нашей любви к не/й. /
Поэтому эта книга - Ваша.

—
М.Б. - МЦ.

Прага, Пасха 1924г.

—
Столь торжественная надпись обя/сняется/
единственностью этого экземпляра
в Праге.

Der Rand des Blattes ist beschnitten, vier Zeilen brechen mitten im Wort ab. Fraglich ist allerdings nur die Ergänzung des ersten defekten Wortes zu einem Begriff, der sich mit "Buch" und "Seele" zu einer - vermutlich dreigliedrigen - Aufzählung fügt. Möglich wäre ausser einem Substantiv aber auch ein auf "knigu" bezogenes Adjektiv.

Der Aufzählung " ? (,) Buch, Seele" liegt offenbar eine Steigerung vom Aesthetischen zum Emotionalen sowie vom Materiellen zum Immateriellen zugrunde. Eine Konjektur wird jedoch dadurch erschwert, dass auch der letzte erhaltene Buchstabe des Wortes nicht mit völliger Sicherheit als n zu lesen ist. Ergänzt werden könnten bis zu sieben Buchstaben, wie sich aus dem letzten defekten Wort schlies-

sen lässt.¹

Hinter M.B. als Adressat/In der Widmung ist eine Freundin Cvetaevas zu vermuten, die auch in ihren tagebuchartigen Heften der Prager Jahre erwähnt wird, so anlässlich der Geburt ihres Sohnes Georgij am 1. Februar 1925:

У Георгия было семь нянь ...

... Муня Б. была как тень - напоминала, при ребенке, татарскую невольницу - "положнячку", - может быть даже ту, разинскую - черные бусы глаз создавали чадру ...²

Zwar wird Muna Bulgakova in einer einleitenden Aufzählung der "sieben Ammen" mit vollem Namen genannt, doch ist ihre Charakterisierung als schattenhaft und die Verschlüsselung ihres Namens auch in den wenigen sonstigen Äusserungen Cvetaevas über ihre Freundin zu beobachten.

Eine Erklärung für diese Zurückhaltung findet sich andeutungsweise in einem Brief, den Cvetaeva am 3. Januar 1928 aus Paris an Anna Tesková schrieb:

... Будет, кстати, герой моей Поэмы конца - с женой, наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф, вместе покупаем подарки: я - своим, она - ему. Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он /.../ на дне Влтавы - а может быть - и Леты. Кстати, в Праге, определенно, что-то летейское, в ветвях, в мостах, в вечерах. Прага для меня не точка на карте.³

Widersprüchliche Charakteristiken des "Helden", der ausser *Poëma konoa* auch *Poëma gory* inspirierte, geben u.a. Mark Slonim⁴ und Ariadna ěfron.⁵ Cvetaevas eigene Zurückhaltung in ihren Äusserungen über ihn⁶ - und nach seiner Heirat auch über seine Frau - erklärt sich aus der Vorgeschichte des Verhältnisses, das durch Gerüchte über die Vaterschaft des neugeborenen Georgij noch kompliziert wurde.⁷

In ihrer Widmung gebraucht Cvetaeva den Begriff "Notwendigkeit" und erläutert ihn als "Liebe", die sich ebenso auf ein Kunstwerk wie auf die Seele eines Menschen beziehen könne. Aus der Qualität des Unfreiwilligen, Schicksalhaften folgt für sie jedoch andererseits auch das "Recht" des Menschen auf den Gegenstand seiner Liebe. Cvetaeva hat hier *in nuce* den Gedanken einer ästhetischen wie auch emotional-ethischen Eigengesetzlichkeit des Menschen formuliert, die nicht mit Willkür zu verwechseln ist.

Ihre dichterische Arbeitsweise, die M.Slonim im Gegensatz zu einem

verbreiteten Vorurteil als konsequente Verwirklichung einer eigenen Gesetzmässigkeit schildert, zeigt die Bedeutung dieses Anspruchs auch für den Bereich der Aesthetik:

Те, кто упрекал Цветаеву в поэтическом буйстве и словесном неистовстве, вероятно, не подозревали, как много она работала над своими стихами, как тщательно выбирала - и по много раз переделывала - и целые строфы, и отдельные выражения. Она не раз повторяла, что любит "вгрызаться в слово, вылущить его ядро, доискиваться до корня", и она придавала огромное значение ремеслу, недаром "ремеслом" назвала один из своих сборников. 8

So lässt sich Cvetaevas Widmung an Muna Bulgakova auch als Selbstcharakteristik verstehen, deren über den unmittelbaren Anlass hinausgehende Bedeutung ("toržestvennost'") sie selber in ihrem Nachsatz anerkennt und nachträglich motiviert.

2. Auf der Rückseite des Titelblattes von *Molodec* befindet sich eine umfangreichere handschriftliche Eintragung der Autorin aus dem folgenden Jahre:

Листья ли с древа руются,
Розовые да чайные?
Нет, с покоренной русости
Ризы ее, шелка ее ...

Ветви ли в воду клонятся,
К водорослям да к ржавчинам?
Нет, - без души, без помысла
Руки ее упавшие.

Смоли ли в траву пролиты, -
В те ли во ланы кукушечьи?
Нет, - по щекам на коврики
Слезы ее, - ведь скушно же! /sic/

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти -
Зори ее: глаза его!

—
(Отрывок, не вошедший в "Молодца")
—

Дорогой Марии Сергеевне Булгаковой
Марина Цветаева

Вшеноры, близ Праги,
18го июня 1925г.

Die Anrede des "barin" in der letzten Strophe ordnet dieses Bruchstück dem II. Teil des Poems zu, analog zu "Barin, barin, / Vsluch ne myslj! / ... / Barin, barin, / Vkos' ne chvastaj!" (II, 3, 126).⁹

Thematisch fügen sich die vier Strophen in den Zusammenhang des 2. Abschnitts ("Mramorá") ein: Neben einzelnen motivischen Ueber-einstimmungen¹⁰ sind es v. a. die Annäherung der Heldin an einen Baum bzw. Strauch sowie ihr Zustand der "skuka" und des Vergessens, die diese Zuordnung nahelegen.

Bereits im I. Teil war Marusja in ihrer Erwartung des todbringenden Geliebten mit einem gefälltten Baum verglichen worden: "Ležit devica / ... / Rovno derevce / V cveten'e srublennoe." (I, 5, 108-9)

Die metaphorische wie auch lautliche Annäherung von "devica" und "derevce" setzt sich im II. Teil fort: "Chitry devicyny prjatki! / Gjadit: derevce da v kadke." (II, 2, 121). Wo der junge Herr gegen die Bindung der Heldin an ein dämonisches Jenseits kämpft, kämpft er gegen einen Baum bzw. den Strauch, auf dem sie tagsüber als Blüte sitzt:

Месяц - во мрак,
Куст-невелик
Сучьями - как
Кручьями в лик!

Месяц - во мрак,
Куст, распалясь,
Шипьями - как
Клычьями в глаз!

Держит (из ям -
Очи!) - вот-вот
Ввысь по ветвям
Цветом уйдет!

(II, 2, 121-22)

Die Unterordnung der Heldin unter den Herrn, ihre Abkehr von der dämonischen ersten Liebe kommt in ihren Worten zum Ausdruck: "Derevco sožgi ..." (II, 2, 123). Soweit das Baum-Thema im endgültigen Text von *Milodec*.

Der umgekehrte Fall einer anthropomorphen Darstellung von Bäumen

liegt u.a. in Cvetaevas Zyklus *Derev'ja* (1923) vor.¹¹ Die Gedichte dieses Zyklus, der Anna Tesková gewidmet ist, wie auch der bereits zitierte Brief an dieselbe Adressatin weisen für Cvetaevas Prager Zeit einen engen Zusammenhang von Bäumen mit einem Zustand des Vergessens, der Selbstvergessenheit, des "Lethehaften" auf.¹²

Dieser Zusammenhang gilt auch für das Bruchstück, das Cvetaeva handschriftlich dem gedruckten Text ihres Poems hinzufügte. Die drei parallelen Fragen setzen die Möglichkeit voraus, das Gesehene als Baum zu deuten und damit die bereits im I. Teil einsetzende Metaphorik zu entwickeln.

Die drei parallelen Verneinungen unterstreichen die Ueberwindung von Marusjas Verzauberung, ihre erzwungene Rückkehr in den Bereich des rein Menschlichen ("pokorennaja rusost"). Diese Rückkehr ist mit dem - zeitweiligen - Verlust der "Seele" ("duša") und der Intentionalität ("pomysl") verbunden und äussert sich in den unwillkürlichen Tränen innerer Leere ("skuka").¹³

Der auffallend parallele Bau¹⁴ der ersten drei Strophen bewirkt jedoch, dass sich die Paradigmen /Baum/ und /Mensch/ die Waage halten. Zwar werden die Elemente des ersteren immer wieder verneint und durch Elemente des letzteren ersetzt, doch unterstreicht gerade die Wiederholung dieses Verfahrens die Doppeldeutigkeit der Wahrnehmung und damit den Fortbestand beider Paradigmen nebeneinander.

In der vierten Strophe, die - mit Ausnahme der ersten Hälfte des vierten Verses - den Parallelismus nicht wieder aufnimmt, wird das Nebeneinander beider Paradigmen als "verschüttetes Gedächtnis" ("provalennaja pamjat") gleichsam auf einen Nenner gebracht: Die Erinnerung oder Bindung an den jenseitigen Geliebten und mit ihr die geistig-seelische Dimension ist, wie die Baum-Metaphorik, nicht aufgehoben, sondern nur vorübergehend ausser Kraft gesetzt. Als märchenhafter Lichtschein bleibt sie wahrnehmbar und spiegelt die "Augen" des Geliebten wieder.

Entsprechend hält Marusja im endgültigen Text während ihrer Ehe mit dem "barin" den Blick stets gesenkt: "Glaza tupit" (II,3,124). Vor ihrer Rückkehr zu dem Geliebten heisst es dagegen: " - Gljadi, bespamjatna! / ... / Ma-rusja! / Gljanula." (II,5,150).

Das diesseitige menschliche Leben ist hier also mit dem Verlust des "Gedächtnisses" korreliert, während das Jenseits, in dem die Liebe

der Heldin angesiedelt ist, auch den Raum des "Gedächtnisses", der eigentlichen geistig-seelischen Verwirklichung des Menschen darstellt. So gilt dem Herrn, der Marusja mit Gewalt im irdischen Leben festhält und an der Rückkehr zu ihrem Baum hindert, im Bruchstück der Tadel: "Barin, ne tem ty zanjatyj".

Dies stellt nur scheinbar einen Widerspruch zu der Verbindung von Aesten und Lethe in dem rückblickenden Brief an Tesková dar. Bäume symbolisieren, besonders in der Prager Zeit¹⁵, für Cvetaeva Entfückung, die Selbstvergessenheit eines erhöhten geistig-seelischen Lebens, Vergessen quasi mit positivem Vorzeichen: höheres Wissen. Dies mögen hier zwei Strophen aus dem vierten Gedicht ihres Zyklus *Derev'ja* verdeutlichen:

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Нес! - Элизиум мой!

...

Древа вещая весть!
Лес, ведающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн -
Совершенная жизнь.

(III, 31)¹⁶

Diese dualistische Sicht des menschlichen Lebens, der menschlichen Seele¹⁷ liegt auch dem endgültigen Text des *Mólodec* zugrunde, dem sich das Bruchstück ohne Schwierigkeiten zuordnen lässt. In der Gegenüberstellung seiner beiden Paradigmen nimmt das Bruchstück geradezu den weiteren Fortgang des Poems vorweg und ist vielleicht aus eben diesem Grunde nicht in den endgültigen Text aufgenommen worden.

Der Bezug der vier Strophen zur Adressatin der Widmung dürfte wiederum in der Liebesthematik, nun in Verbindung mit dem Vergessen, zu sehen sein. Auch in den überlieferten Stichworten zu einem Plan für *Poëma konca* erscheint das Lethe-Thema in seinen beiden Aspekten: "... čerez Letu. Letejskaja Vltava. Do serediny ... (Živaja, vernuvšajasja v carstvo tenej, ili ten' v carstva tel?)".¹⁸

3. Aus einer Distanz von 15 Jahren, knapp drei Jahre vor dem Ende ihrer Pariser Emigration, kommentierte Cvetaeva ihren Band *Remeslo*.¹⁹

3.1 Das Buch, das auf dem Titelblatt mit "Nicolas Gronsky" gestempelt ist, trägt die einfache handschriftliche Widmung:

Анатолию Штейгеру

МЦ

St.Pierre-de-Rumilly - Женева

3го сентября 1936г.

Auf der (leeren) Seite 6, vor dem Zyklus *Učbenik*, findet sich eine Wiederholung dieser Zueignung mit ausführlicher Erzählung der Vorgeschichte des Buches:

У этой книги - своя история. Предназначалась она Даниилу Жуковскому, старшему сыну поэта Аделаиды Герцник, одному из мальчиков из "Писем Оттуда" (которого я шестнадцать лет знала двухлетним, потом - не встречала) - взывавшего об этой книге, в письмах - годы. Один такой вопль до меня дошел: Переслать с оказией ее должен был Н.П.Гронский - и очевидно не смог, но и отдать не смог, так как книга эта оказалась, после его гибели, у него на полке, рядом с его Ремеслом.

Теперь она Ваша, и верю, что подержанность ее - в мечте одного - и в любящих руках другого (одного - далекого, другого - погибшего) искупит ее некоторую - внешнюю - немощь.

Анатолию Штейгеру

с любовью и болью

МЦ

St.Pierre-de-Rumilly - Женева

3го сентября 1936г.

Cvetaevas Beziehung zu A.Štejger, die sich nach einer flüchtigen persönlichen Bekanntschaft erst in ihrem Briefwechsel entwickelte, ist in der Veröffentlichung dieser Korrespondenz²⁰ sowie in den bestehenden Biographien²¹ dokumentiert. Cvetaeva selbst schildert den Verlauf dieser Liebe in einem ausführlichen Brief an A.Tesková vom 16.September 1936, in dem einige Formulierungen der Widmung wieder anklingen:

Письмо /Штейгера/ было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее я у него попросила - немецкую книгу - не смог - и вот, *годы спустя* - об этом письмо - и это письмо - вопль. Я сразу ответила - отозвалась *всей собой*.

...

Вот на что я истратила и даже растратила *le plus clair de mon été*.

... большое счастье?

И, задумчиво отвечаю: - Да. Мне поверилось, что я кому-то
- как хлеб - нужна. А оказалось - не хлеб нужен, а пепельница
с окурками ...²²

Wiederum liegt dieser Formulierung das Verständnis von "Liebe" als
"Brauchen" bzw. "Gebraucht-Werden" zugrunde. Ein "Schrei" ist Aus-
druck der Dringlichkeit, der Unabweisbarkeit, die Cvetaeva 1924
zugleich als "Recht" des Menschen auf den Gegenstand seiner Liebe
bezeichnet hatte.

Ein "Schrei" war - laut Widmung - bereits früher nach dem Buch
ergangen, das die Autorin nun dem schwer tuberkulosekranken, vor
einer Operation stehenden Štejger in die Schweiz schickt. Einmal
bereits hatte der Tod die Uebermittlung des Buches verhindert:
Der junge Dichter und Alpinist Nikolaj P. Gronsik war 1934 bei
einem Unfall ums Leben gekommen; posthum erschienen 1936 seine
Stichi i poëmy, doch hatte er den Band noch zu Lebzeiten zusammen-
gestellt.²³

Cvetaevas Freundschaft mit der Dichterin Adelaida Kazimirovna Gercyk
geht auf die Vermittlung Maksimilian Vološins im Jahre 1911 zurück.
Geschildert wird Adelaida Gercyk, ihr durch Taubheit erschwelter
Umgang mit den Schwestern Marina und Asja sowie ihr Verhältnis zu
ihrem kleinen Sohn und seine literarische Darstellung in den Erin-
nerungen von Cvetaevas Schwester Anastasija.²⁴

Cvetaevas Zusammenstellung dieser Vorgeschichte mit ihren Einzel-
heiten für Štejger impliziert den Glauben an einen tieferen Sinn
menschlicher Schicksale. Dies bestätigt M. Slonims allgemeine Charak-
teristik: "MI ne byla sueverna, no pridavala osobyj smysl znakam,
sovpadenijam, točno oni otkryvali zamysel sud'by."²⁵ Cvetaevas
Verhältnis zu Štejger erhält so wiederum die Qualität des Unaus-
weichlichen: "neobchodimost'" - "ljubov'" - "pravo".

3.2 Unter dem Titel des Zyklus *Učënik* auf Seite 7 des Bandes ist von
Hand hinzugefügt:

Кн.С.М.В.

Am Rand neben dem abschliessenden 7. Gedicht des Zyklus auf Seite 14
hat Cvetaeva angemerkt:

Я тогда не проставила посвящения - чтобы его не смущать.

Люблю его - до сих пор.

Da das folgende Gedicht auch im Druck mit "Kn.S.M.Volkonskomu" überschrieben ist, liegt die Auflösung der im Druck nicht erscheinenden Initialen als "Knjazju Sergeju M.Volkonskomu" auf der Hand. Cvetaevas schwärmerische Verehrung für den über 60jährigen Volkonskij ist bekannt.²⁶ Sie selber erinnert sich 1924 in einem Brief an A.Bachrach dieser Freundschaft und ihres Einflusses auf die eigene Dichtung:

Подружилась с ним в Москве 1921г. и тогда переписывала ему начисто - из чистейшего восторга и благодарности - его рукописи - трех его больших книг и вот таким почерком, и ни строки своей не писала - не было времени - и вдруг провралась Учеником: Ремеслом.²⁷

Volkonskij's *Byt i bytie*, das 1924 in Berlin erschien, ist Cvetaeva gewidmet.²⁸ Ihre eigenen Beweggründe, den Zyklus *Učënik* nicht ausdrücklich Volkonskij zuzueignen, sind in den bestehenden Ausgaben nicht vermerkt.²⁹

3.3 Das erste Gedicht des Zyklus *Marina* (S.20) hat Cvetaeva mit folgender Erläuterung versehen:

Басманов был убит защищая Самозванца грудью. Очевидно тот же самый:

"Отверженный Богом Басманов" -
поэмы А.К.Толстого

МЦ. 1936г.

Cvetaeva nimmt hier Bezug auf die VIII.Strophe von A.K.Tolstojs Ballade "Vasilij Šibanov"³⁰, in der einige berühmt-berüchtigte *opričniki* aufgezählt werden:

Звонит всей опрични кремешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюга,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.

Der *opričnina* gehörten zwei Mitglieder der Familie Basmanov an: Aleksej Danilovič, der sich bereits 1552 bei der Eroberung von Kazan' unter dem Fürsten Andrej Kurbskij ausgezeichnet hatte, sowie sein Sohn Fedor.³¹ Die Flucht Kurbskij's und sein erstes Schreiben an Ivan IV., von denen Tolstojs Ballade in Anlehnung an Karamzin erzählt, fallen erst in das Jahr 1564. Als der "verworfenene" Basmanov Tolstojs, der sich durch jugendliche Schönheit auszeichnet, ist daher Fedor Alekseevič anzunehmen.

Der 1.Falsche Dmitrij hingegen wurde von Petr Fedorovič Basmanov verteidigt, der nach Boris Godunovs plötzlichem Tod auf die Seite des Usurpators übergelaufen war und 1606 mit ihm umkam.³²

Cvetaeva selbst ist sich der Identität der beiden Basmanovs nicht ganz sicher, wie ihre Einschränkung "očevidno" zeigt. Ueber ihren Gedankengang lassen sich nur Mutmassungen anstellen:

Das Thema des Dienens und der Selbstaufopferung bestimmt bereits das 1.Gedicht des Zyklus *Učenič* in *Remeslo*:

От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

...

При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ - а щит!

(II,95)

Dieses Thema setzt sich in dem Zyklus *Marina* fort: "Bol'še materi byt', - Marinoj!" (II,101). Dem Anspruch, den der Name hier in sich trägt, wird im nächsten Gedicht des Zyklus selbst das historische Vorbild Cvetaevas für ihre Selbstdeutung, Marina Mniszec, nicht gerecht: "Trem Samozvancam žena, / ... / Ty - Lžedmitriju smogšaja byt' Lžemarinoj!" (II,102-3). Noch über zehn Jahre später malt sie sich aus, wie sie nach ihren eigenen Vorstellungen die Geschichte Marinas zu Ende schreiben würde: "... to napisala by sebja, to est' ne avantjuristku, ne čestoljubicu i ne ljubovnicu: sebja - ljubjaščuju i sebja - mat'. A skoree vsego: sebja - poėta."³³

Wiederum treten hier Liebe und Kunst als Bereiche hervor, die sich der Willkür ebenso wie dem fremden Urteil entziehen: Bereiche der Eigengesetzlichkeit des Menschen. Wenn Petr Fedorovič Basmanov - Cvetaevas Eintragung zufolge - der eigenen Entscheidung treu blieb, seinen Herrn deckte und sich dabei sogar in Gegensatz zu seinem Gott begab, so muss Cvetaeva dies als höchste Selbstverwirklichung gewertet haben. Noch 15 Jahre später kam sie auf diese Vorstellung zurück und verdeutlichte gerade durch die fälschlich angenommene Identität zweier Basmanovs die Wertvorstellungen ihrer eigenen *Marina*.

3.4 Dem Gedicht "Pamjati T.F.Skrjabinoj - stichi, napisannye ej ešče pri žizni" (S.25-26) folgt auf Seite 26 die Anmerkung:

Т.Ф.Скрябина - год спустя по написанию - действительно
умерла от бессонницы - больше месяца не спала, ничем не

усыпляемая - пока наконец совсем не заснула.

За ее гробом шли: Борис Пастернак и я.

МЦ

Савойя, июнь 1936г.

Bei Tat'jana Fedorovna Skrjabina-de Schloezer handelt es sich um die zweite Frau des Komponisten, die ihren Mann um sieben Jahre überlebte. Sie hatte ihn 1902 als seine Kompositionsschülerin kennengelernt und 1905 im Ausland geheiratet. Skrjabins kirchlich geschlossene Ehe mit seiner ersten Frau Vera Ivanovna bestand dagegen nach orthodoxem Recht weiter; Tat'jana Fedorovnas Stellung sowie die ihrer Kinder wurde erst unmittelbar vor dem Tode ihres Mannes vom Zaren legalisiert.

An der kompositorischen Arbeit ihres Mannes nahm sie Zeit seines Lebens tiefen Anteil. So verfasste sie zu seiner 3.Sonate op.23 ein verbales Programm, das für das Verständnis des Werkes als eines psychologischen Handlungs-dramas bedeutsam ist und vom Komponisten autorisiert wurde.³⁴ Ein ähnliches Programm schuf sie für die 3.Sinfonie op.43; dieses Handlungsgerüst sollte als Programmnotiz sogar einen Bestandteil der Pariser Uraufführung des Werkes vom 29.5.1905 bilden.³⁵ Schliesslich war sie allein in die Arbeit ihres Mannes an den *Promethäischen Phantasien* eingeweiht, deren Veröffentlichung sie 1919 gestattete.³⁶ Ein Skrjabin-Biograph bezeichnet T.F.Skrjabinas Engagement für das Werk des Komponisten als radikalen Verzicht auf ein "eigenes Leben".³⁷

So ehrten Cvetaeva und Pasternak in der Witwe Skrjabins auch dessen Schaffen. Pasternaks jugendliche Verehrung des Komponisten, unter dessen Einfluss er sich vorübergehend sogar zur selben Laufbahn entschloss, fand ihren Niederschlag in seiner autobiographischen wie auch in seiner Kunstprosa³⁸ und in der Lyrik. Zitiert seien hier nur die Skrjabin gewidmeten Zeilen aus *Devjat'sot pjatyj god* (1925-26):

Как-то раз,
Когда шум за стеной,
Как прибой, неослабен,
Омут комнат недвижен
И улица газом жива, -
Раздается звонок,
Голоса приближаются:
Скрябин.
О, куда мне бежать
От шагов моего божества!³⁹

Pasternaks Auseinandersetzung mit Skrjabin auf dem Gebiet der Literatur wie auch der Musik ist bereits mehrfach untersucht worden.⁴⁰ Cvetaeva, die bereits in frühester Kindheit eine pianistische Ausbildung erhielt⁴¹, erwähnt ihre Freundschaft mit T.F.Skrjabina und deren Begräbnis in ihrem Brief an Pasternak vom 29.6.1922 aus Berlin:

11-го (по-старому) апреля 1922г.- Похороны Т.Ф.Скрябиной. Я была с ней в дружбе два года подряд, - ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая: вся на деле и /в/ беседе, мужская, вне нежности земных примет.

...

Иду с Коганом, потом еще с каким-то, и вдруг - рука на рукав как лапа: Вы. - Я об этом тогда писала Эренбургу. / .../
Теперь самое главное: стоим у могилы. Руки на рукаве уже нет. Чувствую - как всегда в первую секундочку после расставания - плечом, что Вы рядом, отступив на шаг.

...

И, когда оглядываюсь, Вас уже нет: исчезновение.⁴²

Die weiterreichende Bedeutung, die das Begräbnis im Rahmen von Cvetaevas Freundschaft mit Pasternak erhielt, geht bereits aus seinem Brief an sie vom 14.6.1922 hervor:

Как могло случиться, что, плетясь вместе с Вами следом за гробом Татьяны Феодоровной, я не знал, с кем рядом иду?

Как могло случиться, что, слушав и слышав Вас неоднократно, я оплошал и разминулся с Вашей верстовой Суинберниадой / .../⁴³

Die verfehlt bzw. nicht genutzte Begegnung der beiden Dichter, deren Freundschaft und Liebe sich erst nach Cvetaevas Emigration in ihrem umfangreichen Briefwechsel niederschlug, erscheint hier als schicksalhaft.⁴⁴ Ähnlich schicksalhaft musste Cvetaeva im nachhinein die Erfüllung des Zurufs "Pril'stis'!/ Prigub'!" der personifizierten Schlaflosigkeit an die Adressatin ihres Gedichts erscheinen - noch im Jahre 1936 unterstrich sie in ihrer Anmerkung das Wort "dejstvitel'no".

3.5 Unter "Otryvok iz stichov k Achmatovoj" (S.64) ist angemerkt:

- дни расстрела Гумилева -

Nikolaj Gumilev wurde am 24.8.1921 erschossen.⁴⁵

In Cvetaevas Apostrophe an seine - geschiedene - Frau Achmatova klingt wiederum das Marina-Mniszech-Thema an: "val gordyni pol'skoj". Es geht jedoch sogleich in das Thema der Unterordnung und der Solidarisität über.

Cvetaeva bestätigt hier den Zusammenhang ihres "Otryvok" mit den Gerüchten über Gumilevs Hinrichtung und einen möglichen Selbstmord Achmatovas.⁴⁶

3.6 Einen Bezug zu ihrer Gegenwart des Jahres 1936 stellt Cvetaeva mit einer Anmerkung zu dem Gedicht "Bez samovlastija" (S.84) her: Die zweite Strophe ist am linken Rand markiert⁴⁷, unter dem Gedicht findet sich die Assoziation:

- напоминает Альпы - Альпы этого - 1936го - лета
МЦ

Den Sommer 1936 verbrachte Cvetaeva mit ihrem Sohn Georgij in Moret-sur-Loing und im Chateau d'Arcine, einem Erholungsheim für Russen in St.Pierre-de-Rumilly in Obersavoyen nahe der Schweizer Grenze.⁴⁸

3.7 Unter dem folgenden Gedicht, "Tak plyli: golova i lira" (S.85), ist in Klammern angemerkt:

(Голова и лира Орфея причалили к острову Лесбосу, откуда
родом - Сафо)

Die Sage, nach der Haupt und Leier des ersten der Sänger auf dem Meer nach Lesbos trieben und es zur sangreichsten unter den griechischen Inseln machten, ist in der Antike v.a. bei Ovid, Met. XI, 50 - 55 überliefert.

Die Leier ist in dem Gedicht das treibende Element: "No lira uverjala: mimo! / A guby ej vosled: uvy!" (II,137). Der potentielle Bedeutungsumfang des Orpheus-Mythos für Cvetaeva geht jedoch erst aus dem Vergleich mit einem weiteren Gedicht, "Évridika - Orfeju" (III,56) in *Posle Rossiï* (1923) hervor, in dem Euridike von ihrer Warte des Vergessens aus die Zuordnung von Schein und Wirklichkeit zu Tod und Leben umkehrt.

3.8 Auf Seite 91, über dem Gedicht "Tak govorju, ibo darovan vzgljad" hat Cvetaeva den Titel

А н г е л ы (?)

der in ihrem 1940 zum Druck vorbereiteten Sammelband⁴⁹ erscheint, mit einem Fragezeichen versehen, bereits als möglichen Titel eingesetzt. Sie hat sich also schon Mitte der Dreissiger Jahre mit einzelnen Ueberlegungen zu diesem Band getragen.

3.9 Ihren "Posmertnyj marš" (S.111), der thematisch mit den drei folgenden Gedichten verbunden ist, hat sie überschrieben:

Мои любимые - из всей книги

Der Epigraph des Gedichts "Dobrovol'čestvo - éto dobraja volja k smerti ... (Popytka tolkovanija)" sowie die Zeile "Dobrovol'čestvo! Končen bal!" umreißen das historische Thema der vier Gedichte. Das zweite von ihnen leitet dann über zu Gedächtnis und Vergessen:

Жизнь! - Без голоса вступает в дом,
В полной памяти даёт обеты,
В нежном голосе полумужском -
Безголосицы благая Лета ...

(II,154)

4. Die zu verschiedenen Zeiten vorgenommenen Widmungen und Eintragungen in den drei behandelten Bänden zeigen eine bemerkenswerte Konstanz der Themenkomplexe Gedächtnis / Vergessen und Eigengesetzlichkeit des individuellen Menschen in den Bereichen von Liebe und Kunst.

Diese Themen werden nicht nur in Cvetaevas künstlerischem Werk unter verschiedenen Aspekten und in Bezug auf verschiedene Vorlagentexte immer wieder neu gedeutet, sie erweisen sich auch für ihre Biographie als wesentlich. Das Biographische seinerseits erhält, nach ihren eigenen Worten, erst aus der Kunst heraus seine Bedeutung:

... я не люблю жизни, как таковой - для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес только в искусстве. Если бы меня взяли за океан, в рай и запретили писать, я бы от- казалась от океана ирая. Мне вещь сама по себе не нужна.⁵⁰

А н м е р к у н г е н

1. Da sich auch in den Gedichten des Bandes vielfach Pretiosen-Bezeichnungen für den Bereich des emotionalen Erlebens, oft in Verbindung mit der Kunst, finden, könnte das erste Glied der Aufzählung "venisa", "Granat" gelautet haben. Zwar herrschen in den Gedichten Gold, Silber und Perlen als Metaphern vor, doch könnte die Prager Emigration Cvetaeva mit dem böhmischen Granat näher vertraut gemacht haben, als sie es im Entstehungsjahr der Gedichte, 1916, noch war.
2. Ariadna Ėfron, "Stranicy bylogo", 188, in: *Zvezda* 6, 1975, 148-89
3. M.C., *Pis'ma k A. Teekovoj*, Praga 1969, 58-59. Vgl. auch Marija Razumovskaja, *Marina Cvetaeva. Mif i dejstvitel'nost'*, London 1983, 248: "Sovsem blizko žil geroj 'Poëmy konca' s ženoi - Munoi Bulgakovoi - podrugoi Mariny po Čechoslovakii."
4. Mark Slonim, "O Marine Cvetaevoi. Iz vospominanij", 167, in: *Novyj žurnal* 100, 1970, 155-79
5. A. Ėfron, *op.cit.* 179-80
6. M. Slonim, *op.cit.* 167: "... ona o nem govorit' ne ljubila ..."

7. s. Véronique Lossky, "Marina Cvétaeva. Souvenirs de contemporains" 227-28, in: *Marina Cvetaeva. Studien und Materialien*, Wien 1981 (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 3), 213-59
8. M.Slonim, *op.cit.* 158
9. Römische Ziffern nach Zitaten bezeichnen hier und im weiteren den Teil des Poems, in arabischen Ziffern folgen der Abschnitt und die Seitenzahl in Marina Cvetaeva, *Stichotvorenija i počmy v pjati tomach*, t.IV, New York 1983
10. Hier wären einzelne Begriffe wie Seide, Rost, Tränen etc. zu nennen.
11. M.C., *Stichotvorenija i počmy*, t.III, NY.1983, 29-35. Cvetaevas Liebe zu Bäumen und Wäldern, ihre häufigen Waldspaziergänge schildern übereinstimmend all ihre Biographen.
12. Vgl. auch die detaillierte Analyse des 7.Gedichts aus *Derev'ja*, "Ta, što bez viděnjija spala -" in dem Aufsatz: O.G.Revzina, "Struktura počtičeskogo teksta kak dominirujuščij faktor v raskrytiji ego semantiki", in: *M.C. Studien und Materialien*, 49-65. Zur thematischen Nähe auch des Zyklus *Sivilla* (1922), dessen 1.Gedicht beginnt: "Sivilla: vyžžena, sivilla: stvol." vgl. die Anmerkung A.Éfrons: "Po pervonačal'nomu planu cikl 'Sivilla', osuščestvivišijsja v trech stichotvorenijach, dolžen byl sostojat' iz devjati; predpolagavšeessja soderžanie pjatogo i šestogo: 'Sivilla, ne pomnjaščaja (sebja)' i 'Sivilla, ne pomnjaščaja (drugich)' estestvenno perelilas' - iz mifologičeskoj Grecii v skazočnuju Rossiju - vo vtoruju čast' počmy 'Molodec', prevrativšis' v začarovannoe bespamjatstvo Marusi ..." (zit. nach: M.C., *Stichotvorenija i počmy*, t.III,440).
13. Vgl. hier Marusjas "upavšie ruki" im Gegensatz zur Bildlichkeit der Bewegung, des Aufschwungs und einer erhöhten Befindlichkeit in *Derev'ja*.
14. Die Bedeutung von Parallelismen als Stilmittel für Cvetaeva ist bereits mehrfach untersucht worden: Simon Karlinsky, *Marina Cvetaeva. Her Life and Art*, Berkeley and Los Angeles 1966, 165ff; Antonina Filonov Gove, "Parallelism In the Poetry of Marina Cvetaeva", in: *Slavic Poetics. Essays In Honor of Kiril Taranovsky*, ed. by Roman Jakobson, C.H.van Schooneveld, Dean S.Worth, The Hague/ Paris 1973, 171-92
15. Vgl. rückblickend noch *Stichi k Čechii 4* (1938): "Češskij lesok - / Samyj lesnoj."
16. Hier und im folgenden beziehen sich römische und arabische Ziffern nach Zitaten auf Band- und Seitenzahl in M.C., *Stichotvorenija i počmy*.
17. Jerzy Faryno, "'Bessonnica' Mariny Cvetaevoj. (Opyt analiza cikla)", 147 weist für den untersuchten Zyklus ein ähnlich dualistisches Menschenbild nach: "... v osnove cikla pokotstsja dvojstvennaja koncepcija čeloveka i ego svjazi s mirom: čeloveku prisušči dve ipostasi i dva roda svjazi. Plot i poverchnostnyj kontakt s okruženiem; 'duša' i vnutrennie organy svjazi s mirom, no tože na ego glubinnom urovne. Perechod na uroven' glubiny trebuet otkaza i oščuždenija ot urovnja vnešnego, plotskogo (i obyčennogo). Takomu oščuždeniju v dannom cikle prisvaivaetsja kategorija 'sna' ili 'usyplenija'." In: *Zbornik za slavistiku 16*, 1978, 117-48

18. M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.IV, 372
19. Von einer ähnlichen Kommentierung des Bandes *Versty I* im Jahre 1941 berichtet V.Švejcer in einer Einleitung zu diesem Band in M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.I, NY.1980,300.
20. Kirill Vil'čkovskij, "Perepiska Mariny Cvetaevoj s Anatolijem Štejgerom", in: *Opyty V*, 1955, 45-67, VII, 1956, 8-18, VIII, 1957, 21-26. Die Briefe vom September 1936 sind mit Ausnahme des letzten in *Novyj mir* 4, 1969 publizierten nicht bekannt. Nach M.Razumoskaja, *op.cit.* 303 brach Štejger am 11.September den Briefwechsel ab. Cvetaevas Widmung in *Remeslo* vom 3.September stellt also das letzte bisher bekannte Zeugnis der noch bestehenden Beziehung dar.
21. S.Karlinsky, *op.cit.* 90ff; M.Razumovskaja, *op.cit.* 301ff. u.a.
22. M.C., *Pis'ma k A.Taskovoj*, 143-44
23. Wolfgang Kasack, *Lexikon der russischen Literatur ab 1917. Ergänzungsband* (= Arbeiten und Texte zur Slavistik 38), 181-82
24. Anastasija Cvetaeva, *Vospominanija*, M.1974, 391ff.
25. M.Slonim, *op.cit.* 174
26. vgl. S.Karlinsky, *op.cit.* 49 und passim; M.Razumovskaja, *op.cit.* 161ff.
27. zitiert *ibid.* 161
28. Ein Auszug aus dem Vorwort, in dem "sovetskij byt" und "naše bytie" in direkter Anrede an "Milaja Marina" unterschieden werden, zitiert *ibid.* 161-62
29. M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.II, NY.1982,365-66 weist Volkonskij al Adressaten des Zyklus aus und zitiert Cvetaevas Resümee der Freundschaft, gerichtet an A.Bachrach: "Ja sama tak ljubila 60-letnego kn.Volkonskogo, ne vynosivšego ženščin. Vsej bezotvetnost'ju, vsej bezzavetnost'ju ljubila i, nakonec, dobyla ego - v večnoe vladenie! Odolela uporstvom ljubvi. (ženščin ljubit' ne naučilsja, naučilsja ljubit' ljubov')." M.C., *Izbrannye proizvedenija*. Vstup.stat'ja Vl.Orlova, sost., podg.teksta i prim. A.Ėfron i A.Saakjanc, M.-L.1965 (=Bibliothek poëta, B.s.) 744 nennt Volkonskij als Adressaten.
30. A.K.Tolstoj, *Sobranie sočinenij v četyrech tomach*, M.1963, t.I, 227-31
31. *Sovetskaja istoričeskaja enciklopedija*, M.1961-76, t.II, 156
32. *ibid.*
33. zitiert nach M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.II, 368
34. zitiert und interpretiert bei S.Schibli, *Alexander Skrjabin und seine Musik. Grenzüberschreitungen eines promethischen Geistes*, München - Zürich 1983, 174
35. *ibid.* 215-16
36. Alexander N.Skrjabin, *Promethische Phantasien*. Uebers. und eingel. von Oskar von Riesenmann, München - Gräfelfing 1968 (= Reprgraphischer Nachdruck der 1.Auflage Stuttgart 1924), 19
37. S.Schibli, *op.cit.* 361
38. Boris Pasternak, *Proza 1915 - 1958. Povesti, rasskazy, avtobiografičeskie proizvedenija*. Pod red. G.P.Struve i B.A.Filippova, vstup.stat'ja V.Vejdle, Ann Arbor 1961, darin: *Avtobiografičeskij očerk* 1-52, Kap. "Skrjabin" 6-13; *Ochranaja gramota* 203-93, Abschnitt I, 2-4, 204-12
39. ders., *Stichotvorenija i poëmy*. Vstup.stat'ja A.D.Sinjavskogo, sost., podg.teksta i prim. L.A.Ozerova, M.-L.1965 (=Bibliothek poëta, B.s.) 251

40. F.Bowers, *The New Scriabin. Enigma and Answers*, New York 1973, 51-52; C.Barnes, "Pasternak As Composer and Scriabin-Disciple", in: *Tempo* 121, June 1977, 13ff; C.Palmer, "A Note on Scriabin and Pasternak", in: *Musical Times* 1972, 28ff.
41. S.Karlinisky, *op.cit.* 23; M.Razumovskaja, *op.cit.* 20ff.
42. M.C., *Neizdannye pis'ma k L.Ėllisu, V.Rozanovu, A.Achmatovoj, O.Ėrnovoj, B.Sostinskomu, L.Pasternaku, B.Pasternaku, V.Durinoj, i dr. s četyr'mja pri-loženijami*. Pod obščej red. G.Struve i N.Struve, Paris 1972, 268-69. Zum Thema Schlaflosigkeit vgl. auch den Brief an A.Bachrach, zitiert in M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.II, 368-69
43. zitiert nach A.Ėfron, *op.cit.* 162; dort 161-70 eine ausführliche Darstellung der Freundschaft Cvetaeva - Pasternak.
44. Vgl. auch A.Ėfrons Deutung des weiteren Verhaltens ihrer Mutter *ibid.*162: "V ee ot-ezde iz Berlina nakanune pribytija tuda Pasternaka bylo nečto schožee s begstvom nimfy ot Apollona, nečto mifologičeskoe i ne ot mira sego - pri vsej nesommennoj razumnosti rešenija ..."
45. W.Kasack, *Lexikon der russischen Literatur ab 1917*, Stuttgart 1976 (=Kröners Taschenausgabe Bd.451), 140
46. vgl. auch M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.II, 372
47. Cvetaevas Eintragungen sind durchgehend mit Tinte geschrieben. Gelegentliche Anstreichungen mit Bleistift können nicht eindeutig der Hand der Autorin zugeschrieben werden und bleiben deshalb hier unberücksichtigt. Die Anstreichung auf S.84 gehört zu Cvetaevas Eintragungen in Tinte.
48. Vgl. M.Razumovskaja, *op.cit.* 301
49. s. M.C., *Stichotvorenija i poëmy*, t.II, 375
50. M.Slonim, *op.cit.* 169

11. rodicaus
Fals. Pogonocherus
Hesperus

11. 18. 1924. 1924. 1924. 1924.
1924. 1924. 1924. 1924.
1924. 1924. 1924. 1924.

1924. 1924. 1924. 1924.

1924. 1924. 1924. 1924.
1924. 1924. 1924. 1924.
1924. 1924. 1924. 1924.

Am. Mus. Nat. Hist.

107

St. Pierre de Namiky - Yendo

9no 20.10.1956

PENECHO

See notes on reverse to 1925 copy.
No. 2000000000 "Eyes" C. M. E. H.
2000000000 "Eyes" C. M. E. H.

0 мурт! Ис етисурт.
Ирениста!
Монд!

Ира, етисурт етисурт
Срениста, ира етисурт етисурт
Ирениста... Ира, етисурт етисурт
Ира - етисурт! - монд!

Ира етисурт етисурт. - Ис мурт
Ирениста етисурт.
- Ира, етисурт монд! - Ис мурт
Ирениста етисурт.

Ира етисурт, етисурт
Ира етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт етисурт.
Ира етисурт.
Ира - етисурт - етисурт!
Ирениста!

А етисурт етисурт (мурт)
Ира, етисурт, етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт - етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт етисурт етисурт.
Монд.

И. В. Суртиса - етисурт етисурт, етисурт етисурт - етисурт
Ирениста етисурт етисурт етисурт етисурт - етисурт
Ира етисурт етисурт, етисурт етисурт етисурт - етисурт
Ира етисурт етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт: Етисурт етисурт етисурт етисурт.

Ира

Суртиса, етисурт 1936

РАДУБА

Суртиса

1

Ирениста етисурт
Ира етисурт етисурт.
Ира етисурт.
Ира - етисурт.

Ирениста етисурт.
Ирениста етисурт.
Ирениста етисурт.
Ирениста етисурт.

Ирениста етисурт.
Ирениста етисурт.
Ира етисурт.

Ира, етисурт, етисурт.
Ира етисурт.
Ира етисурт.
Ира етисурт етисурт - етисурт.

Ира етисурт
Ирениста етисурт етисурт - етисурт
Ира етисурт етисурт.
Ира етисурт етисурт - етисурт.

Ира етисурт
Ирениста етисурт етисурт - етисурт
Ира етисурт етисурт.

Ира етисурт етисурт!
Ира.

Ира

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТИХОВЪ КЪ АХМАТОВОЙ

... Не валь моей гордыни пылкой —
Какъ валь оги! — Огъ восторгивый гору
Моя стала — валь добродетели
Езъ тобѣ стесанна паду шаторъ.

Следи маленькая либеда
Видя добродетельной табуга,
Моя беднотахъ шибора
Огъ Ермаковича струга.
30-е августа.

— Все редакція моя Пушкина —

МАШЕВСКОМУ

Прекрасна пролетка и труба,
Красивый въ стѣхъ и дыня,
Архангель-милостотука —
Вурале, въ вѣнкахъ Владимиръ!

Оги речитка и оги-ше мотк,
Оги прачота и оги-ше прасо,
Вардакуга, шариваха въ ладонь:
— Дораша, маленька сила!

Илища мювадича чудеса —
Вурале, гордыня чумская,
Что каинца — сивановъ
Ибраги, на красотахъ ашаванъ.

Вурале, буханский гурка!
Шибора, шариваха — и оги
Ошибкой гребота — красота
Архангелъ маленька.

8-е сентября.

Есть самозабвение,
Ох, великое протекание,
Линий и мимолетных
Воздуха под-зражения.

Взрослый сразу,
— Молчалив — вл. сразу —
Какая же худшая
Будет судьба.

Субъективный,
Субъективный . . .
Но субъективный, —
Какая (как) худшая?

Ох-ли ждешь? — Ну! — ну!
Какая худшая . . .
Какая худшая
Вд. сразу: сразу же . . .
7-го ноября.

— Кайюкманн Редд — Веласко Велас

— 1936 — ильма

ВТК
86

Такая жизнь: голова и хвост,
Видна, вл. отступившая даль.
И хвост убрался: хвост!
А губы исторжили: жаль!

Кроме-серебряный, серебро —
Крошечный слезы двойной зия,
Врасс обидчивого Губа —
Врасс: жбланный мой, остра жаль!

Порой, вл. тоска кружащая,
Ходя заморская голова.
Но хвост убрался: жаль!
А губы ой разбегла: Ум!

Кроме-серебряный исторжила
Смуглая жаль: жбланный —
Но хвост-ли исторжила жаль?
Но хвост-ли — серебра?

Такая, жбланный исторжила
Рубин — вл. жбланный жаль.
Такая, вл. острого тону, губы остра
Жаль: жбланный — жбланный . . .

Губы остра жбланный!
Видна остра — жбланный!
Простоты жбланный
Видна-жбланный жбланный жбланный! —

13-го ноября.

(Полета и жбланный Губа жбланный и остра
жбланный, остра жбланный — (Сафо))

Но величье мое адское
Ни хулы, ни похвалы . . .
Нерушимое родство:
Одностыбельщина.

Знай, из гудки моей тоски
Какой завет — на раскате.
Знай, на красной на Руси
Все-так самодержавие!

Пусть весь свет будет криво —
Достань у насондрей!
Чтобы сь другими выжили на убого —
Там, сь тобою на отбывай.

— Ну-ка, до чего слух!
Не обмань, братишка!
Там, где есть и кинька сь мечь:
Одностыбельщина,
30-го ноября,

Ангелы (?)

Там, где гонимы, ибо дарован: выжить
Мир в игры хороним:
Нить, мушкетеры сь гонимы до пят,
А высь на окладные!

Там — дощину: жба обильный гоним
Надвинуть до божественья.
И если радуют гоним роты —
То высь на оть гоним.

Заговорок котик! Отда!
Виде — и восторг алерный!
И если выжили убого: да —
Нить, для гоним высь.

Мир — краснотой надернать бить!
Нить, кинька на кинька!
Вь дощину выжили выжили выжили
Отда, больше высь на кинька!

О, сь выжили выжили гоним —
Цыганя выжили!
И сь выжили: выжили,
Да, — ибо рать Господи.

Мир выжили выжили выжили —
Вь выжили выжили выжили выжили!
Кинька выжили выжили до той выжили,
Навыжили выжили выжили!!

Путешествия выжили! Сиреть!
— Выжили выжили! —
Там, где выжили, ибо выжили выжили
Мир в игры хороним.

1-го декабря.

Васильев-Уткин

ПОСМЕРТНЫЙ МАРШЪ

Профессионально — все доброе идет из смерти...
(Полная тишина)

И марш маршец уи,
Друбейт въ маршец,
О марш маршец уи,
О марш маршец...

Умирает доброй обман,
Во ртѣ, ступаяй соннаго,
— Душно, тяжело — Марш, маршец, маршец
Но маршец уи въ марш маршец!

И маршец маршец уи,
Друбейт въ маршец,
О марш маршец уи,
О марш маршец...

Но он-ли это въ маршец,
Роскошная утраты забывают!
Во маршец, маршец, маршец
Но он-ли это марш маршец!

И маршец маршец уи,
Друбейт въ маршец,
О марш маршец уи,
О марш маршец...

Вечном ли море — забываются брызги,
Добь донесутся брызги забывая,
Чуждым мори-мори-мори...
Донесутся брызги брызги!

Ветеран — маршец, — маршец маршец,
Добь донесутся брызги забывая,
Чуждым мори-мори-мори!
По брызги брызги! — Брызги брызги!

Жизнь забываются брызги,
Добь донесутся брызги забывая,
Чуждым мори-мори-мори!
По брызги брызги! — Брызги брызги!
16-го маршец.